

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
ІНСТЫТУТ МОВАЗНАЎСТВА ІМЯ ЯКУБА КОЛАСА

ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫЯ АСПЕКТЫ СЛОВАЎТВАРЭННЯ

Даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму
словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў

Мінск / Беларусь 9 – 14 кастрычніка 2006 г.

Мінск
ВТАА «Права і эканоміка»
2006

ББК 81.2
УДК 808.26-5
Ф94

Рэцэнзенты:
доктар філалагічных навук М.Р. Прыгодзіч
кандыдат філалагічных навук І.У. Кандрацэня

Рэкамендавана да друку
Вучоным саветам Інстытута мовазнаўства
імя Якуба Коласа НАН Беларусі

Навуковы рэдактар А.А. Лукашанец

Ф94 Функцыянальныя аспекты словаўтварэння. Даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск / Беларусь 9 – 14 кастрычніка 2006 г. / Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2006. – 361 с. – 250 экз. ISBN 985-442-354-9.

У зборнік уключаны даклады, прачытаныя на IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў, якая адбылася ў Мінску 9 – 14 кастрычніка 2006 года ў Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі.

Даклады прысвечаны актуальным пытанням сучаснага славянскага словаўтварэння, асабліва сям функцыянавання адзінак словаўтварэння і іх узаемадзеяння з адзінкамі іншых узроўняў моўнай сістэмы. Разглядаюцца таксама некаторыя аспекты гістарычнага словаўтварэння ў славянскіх мовах, праблемы супастаўляльнага даследавання словаўтварэння славянскіх моў.

ББК 81.2
УДК 808.26-5

© Калектыў аўтараў, 2006
© Афармленне. ВТАА “Права і эканоміка”, 2006

ISBN 985-442-354-9

ЗМЕСТ

Ад рэдактара	6
Улуханов И.С. Состояние и перспективы изучения функционального словообразования	7
Аврамова Ц. О прагматико-стилистической функции производного слова	22
Аризанковска Л. Тенденции во современниот македонски јазик во поглед на употребата на одделни суфикси за образување <i>nomina agentis</i>	38
Балтова Ю. Функционална характеристика на словообразователните форманти	46
Беленчикова Р. Глагольные неологизмы в современном русском языке и двуязычная лексикография (на примере глаголов с приставкой за-)	56
Виноградова В.Н. Словообразовательная синонимия и антонимия в поэтическом тексте	67
Волынец Т.Н. О востребованности производных лексем в современном газетном тексте	75
Кавалёнак С.В. Акцыянальная валентнасць лакатыўных прэфіксаў і межы іх рэалізацыі	85
Карпіловська Є.А. Функциональный потенциал конкурентных моделей словотворения: параметры стабільности похідних	92
Кірдуна А.А. Функцыі вытворных адзінак тэмпаральнай лексікі	102
Клименко Н.Ф. Місце словотвору в функцыянальна-катэгорыйнай граматыці мовы	109
Конюшкевич М.И. Функциональный потенциал полнозначных слов для образования предлогов	115

Коряковцева Е.И. О словообразовательной компрессии (на материале русского и польского языков)	122
Кронгауз М. А. Приставочная парадигма и семантика глагола	132
Кубрякова Е.С. О новых задачах в изучении функций словообразования	141
Лукашанец А.А. Міжмоўнае ўзаемадзеянне і функцыянаванне адзінак словаўтварэння	148
Лукашанец Е.Г. Отраженная мотивация и словообразовательное значение в социолектах	156
Манучарян Р.С. Словообразовательные макротипы: аспекты и проблемы изучения	170
Нещименко Г.П. Образование обозначений лиц женского пола на перекрестке закономерностей функционирования языковой системы, формирования нормы и кодификации	173
Никитевич А.В. Словосочетания в деривационной функции и текст	185
Николаева О.М. Словообразовательный аспект изучения полногласнокорневых и неполногласнокорневых лексем близкородственных языков	193
Петрухина Е.В. Модификационное словообразование и грамматикализация	200
Радева В. Функция сложных формантов при деноминальных глаголах	213
Ровдо И.С. О моделях сопоставительного исследования словообразовательных систем двух языков	225
Тошович Б. Деривационные различия между сербским, хорватским и бошняцким языками (прелиминариум)	234
Трофимович Т.Г. Композитные наименования и типология старорусской предметной номинации	247
Харитончик З.А. Роль словообразования в организации	

лексической системы языка	257
Щербин В.К. Современная славянская дериватография: проблемы, направления и словарные типы	264
Ялынцава І.У. Множнасьць матывацыі фемінінатываў	275
Ђорић Б. Моциона творба данас (звања, занимања и титуле женског рода)	280
Bozděchová I. Víceslovné odborné názvy v češtině (se zaměřením lékařskou terminologii)	288
Kleszczowa K. Derywaty w rywalizacji z grupami imiennymi	302
Maldjiewa V. Metafora w słowotwórstwie	311
Rudnik-Karwatowa Z. Między analityzmem a syntetyzmem w słowotwórstwie współczesnych języków słowiańskich (struktury typu pol. <i>biopaliwo</i> , <i>ekoprodukt</i> , <i>eurodeputowany</i> , ros. <i>биогель</i> , <i>рок-еженедельник</i> , <i>экспресс-опрос</i>)	320
Sierociuk J. Pokoleniowość – jeden z czynników różnicujący słowotwórstwo języka mieszkańców wsi	329
Stramljič Breznik I. Struktura in uporabnost poskusnega elektronskega besednodružinskega slovarja slovenskega jezika za iztočnice B	337
Štebih B. Tvorba motivirana germanizmima u hrvatskome standardu i kajkavskome književnom jeziku	349

Ад рэдактара

9 – 14 кастрычніка 2006 года ў Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі (Беларусь, Мінск) адбылася чарговая IX Міжнародная канферэнцыя Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў “Функцыянальныя аспекты словаўтварэння”. Гэты зборнік змяшчае даклады, прачытаныя падчас канферэнцыі. У дакладах асвятляецца шырокае кола праблем сучаснага славянскага словаўтварэння, у прыватнасці, значная ўвага ўдзелена разнастайным аспектам функцыянальнага падыходу да вывучэння адзінак словаўтварэння і дэрывацыйных працэсаў наогул, даследаванню сучасных тэндэнцый у развіцці словаўтваральных сістэм славянскіх моў, агульнатэарэтычным праблемам дэрываталогіі і намінацыі.

У канферэнцыі прынялі ўдзел дэрываталагі з 12 краін (Аўстрыі, Балгарыі, Беларусі, Германіі, Македоніі, Польшчы, Расіі, Сербіі, Славеніі, Украіны, Харватыі, Чэхіі), што сведчыць пра актуальнасць абмяркоўваемых на канферэнцыі праблем, а таксама высокі навуковы ўзровень канферэнцыі.

Акрамя членаў Камісіі па славянскаму словаўтварэнню ў рабоце канферэнцыі таксама прынялі ўдзел беларускія спецыялісты па словаўтварэнню (Валынец Т.М., Канюшкевіч М.І., Кавалёнак С.В., Кірдуна А.А., Лукашанец А.Г., Нікалаева В.М., Роўда І.С., Трафімовіч Т.Р., Шчэрбін В.К., Ялынцава І.У.), што дазволіла больш шырока азнаёміць замежных калег з узроўнем і дыяпазнам даследаванняў у галіне беларускага словаўтварэння.

Рабочымі мовамі канферэнцыі былі ўсе славянскія мовы, таму даклады публікуюцца на той мове, на якой яны былі прачытаны.

Члены камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў выказваюць удзячнасць кіраўніцтву Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі за арганізацыю і фінансавую падтрымку канферэнцыі, а таксама за фінансаванне гэтага зборніка дакладаў.

Аляксандр Лукашанец

Улуханов И.С. (Москва)

Старшыня

*Камісії па славянскаму словаўтварэнню
пры Міжнародным камітэце славістаў*

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ¹

1. Говоря о понятиях и признаках, характеризующих какое-либо направление языкознания (новое или уже имеющееся), следует, как нам кажется, иметь в виду, что многие или все эти понятия и признаки используются и в других направлениях, а в характеризуемом направлении им уделяется большее место, чем в других и - что особенно важно - эти понятия и признаки эксплицируются и систематизируются, в связи с чем именно под определенным углом зрения в рамках характеризуемого направления рассматривается языковой материал.

Сказанное относится и к функциональной лингвистике вообще и к функциональному словообразованию в частности. Функции языковых единиц и их функционирование изучались и изучаются в других направлениях языкознания, в том числе и в «классическом», наиболее разработанном так называемом «системно-структурном» направлении, результаты которого используются другими направлениями языкознания. Это закономерно относится к функциональному словообразованию. Это вызвано не в последнюю очередь тем, что, как справедливо отмечалось еще 10 лет назад в одной из монографий по функциональному словообразованию, «до сих пор целостное описание всей системы словообразования в функциональном аспекте, подобно системно-структурному, представленному в академических грамматиках, не предпринято» [РЕЗАНОВА 1996, 30].

Ниже мы попытаемся кратко изложить некоторые проблемы функционального словообразования, не претендуя ни на полноту, ни на детальность изложения. При этом мы придерживаемся традиционного (свойственного, в частности, Пражскому лингвистическому кружку) понимания функции как цели, назначения: «...к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая определенной цели» [ТЕЗ. 1956, 427].

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 06-04-00288а, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

В настоящее время можно говорить в большей мере о перспективах, нежели о результатах разработки словообразования с функциональной точки зрения, хотя многие единицы словообразовательной системы с этой точки зрения изучались [ср. ЗЕНКОВ 1969; КУБРЯКОВА 1977; КАТЛИНСКАЯ 1987; РИЗАПОВА 1996; МУРЗИН 1988; ЗЕМСКАЯ 1992; УЛУХАНОВ 2001 и др.]. В большей степени, как известно, разработана функциональная грамматика.

Проблематике функционального словообразования соответствует, с нашей точки зрения, проблематика функциональной грамматики, которая включает в себя два вида описаний: «а) описание закономерностей и правил функционирования грамматических единиц, участвующих (во взаимодействии с единицами разных уровней языковой системы) в передаче со/держания высказывания; б) описание функций языковых средств не только в направлении от средства к функциям, но и от функций к средствам» (БОНДАРКО 1983, 3).

2. Первый из названных видов описания предполагает изложение закономерностей и тенденций функционирования мотивированных слов в тексте. Проблема «Словообразование и текст», активно изучающаяся в последние годы, предполагает рассмотрение по крайней мере четырех вопросов функционирования мотивированных слов (пп. 2.1. - 2.4.).

2.1. Продолжает оставаться актуальным вопрос о степени связанности контекста с семантикой слова (в частности мотивированного). Не пытаясь, естественно, рассматривать основные проблемы, связанные с этим «вечным» вопросом, обратим внимание на неизученные, насколько нам известно, особенности взаимодействия семантики некоторых мотивированных слов с лексическим составом контекстов их употребления. Это касается прежде всего слов с оценочным значением. И.Д. Арутюнова отметила, что оценка - «наиболее яркий представитель прагматического значения, ее характеризует максимум контекстной зависимости» [АРУТЮНОВА 1988, 5].

Оценочное значение свойственно, в частности, многим префиксально-постфиксальным глаголам. Так, позитивное («удовлетворенность») или негативное («утомление», «мучение», «заботы») оценочные значения части этих глаголов с формантами *на-* + *-ся* или *:за-* + *-ся* зависит от лексического состава окружающего контекста.

Степень обусловленности позитивного или негативного значения этих глаголов отражает степень прагматической естественности связи между исходным действием и субъективно /достаточным результатом его осуществления. Эта прагматическая связь отражается в мышлении в виде ассоциаций, а в языке в семантической связи между словами (отражаемой в ассоциативных словарях).

Степень этой ассоциативной связанности может быть различна. Значением мотивирующего глагола *нежиться*, например, не может

предсказываться результат в виде негативного состояния - независимо от любого контекстного окружения глагола *нанежиться* (разг.), который может означать только 'вдоволь понежиться'.

Значение мотивирующего *играть* с большей вероятностью предсказывает положительный результат 'удовлетворенность', чем отрицательный 'усталость' - в силу большей естественности ассоциации 'игра' 'удовольствие, удовлетворенность', чем 'игра' 'утомление'. Очевидно, именно поэтому *наиграться* во всех словарях толкуется 'поиграть вдоволь' [УШАКОВ 1935-1940; СлРЯ 1981-1984; ОЖЕГОВ, ШВЕДОВА 1992 и др.] без указания на возникновение негативного состояния (прежде всего усталости). Видимо, данном случае можно говорить о «сильном» значении глагола ('вдоволь поиграть'), всегда выражаемом в сильной позиции, т.е. позиции, независимой от контекста, в которой нет лексических или - в звучащей речи - интонационных средств, выражающих оценку результата. *Я сегодня наигрался* означает только удовлетворение от игры, полученное в достаточной степени (то же - Ну, как, *наигрался!* Он еще не *наигрался*). Значение 'утомиться' может появиться только при наличии лексических средств с негативным значением (*Я сегодня наигрался до изнеможения — так, что еле жив, еле ноги передвигаю* и т.п.). Это контекстно-зависимое значение можно считать «слабым».

Значение глагола *работать*, в отличие от глагола *играть*, по-видимому, в равной степени предсказывает как удовлетворенность, так и усталость от интенсивной и/или длительной работы. Поэтому контекст типа *Я сегодня наработался* сильным не является: он двусмыслен, так как может выражать и удовлетворение, и усталость, и то, и другое вместе ('устал, но очень доволен результатом').

2.2. Изучение функционирования словообразовательно мотивированных слов показывает отражение в тексте тех парадигматических отношений, которые имеют место между словами словообразовательного гнезда. Эти отношения могут быть как мотивационными, так и немотивационными.

Для некоторых словообразовательных типов употребление в контексте совместно с мотивирующим является обязательным или преобладающим. Это их системное свойство, входящее в число характеристик, подлежащих указанию в грамматических описаниях. К числу таких типов относятся только типы с модификационными значениями. Это прежде всего наречия с суффиксом *-ым [им]*, употребляющиеся «только препозитивно рядом с формами мотивирующих прилагательных (преимущественно краткими) или с наречиями на -о, мотивированными теми же прилагательными: *белым-бело, черным-черно, давным-давно, полным-полно*» [РУС. ГР. 1980, I, 400].

Сочетания играют усилительную и стилистическую роль указывают на высокую степень признака, выраженного прилагательными или наречиями, и создают разговорную стилистическую окраску.

Экспрессивно-стилистическую роль играют отзвучия, повторяющие слово с изменением начального звука или группы звуков: *покус* в сочетании *фокус-покус*, *мигли* в сочетании *фигли-мигли*. Для 'экспрессивных «отзвучий», как и для слов типа *белым*, контактная позиция с мотивирующим (в данном случае можно говорить об экспрессивной мотивации) обязательна; в отличие от *белым* и т.п., *покус* и т.п. находятся в постпозиции.

Многочисленны словообразовательные типы, включающие слова, для которых употребление в одном контексте с мотивирующими достаточно типично, но не обязательно.

Слова одних из этих типов употребляются в контакте с мотивирующим (в постпозиции или препозиции), слова других типов могут быть разделены различным (иногда достаточно большим) количеством слов. «Контактные» слова, подобно рассмотренным выше (*белым-бело*, *фокус-покус*}, в сочетании с мотивирующим играют усилительную и экспрессивную роль. К их числу относятся наречия с суффиксом *-мя* (*кишмя-кишеть*) и префиксальные слова с *пере-* и *пре-* (*добрый предобрый*, *латанный-перелатанный*).

Существуют словообразовательные типы глаголов, значением которых предполагается предварительное осуществление действия, названного мотивирующим глаголом. К ним относится ряд префиксально-постфиксальных типов с общим значением «в результате осуществления действия, названного мотивирующим глаголом, прийти или довести себя до каких-либо последствий или какого-либо состояния»; характер последствий или состояния выражается префиксом. Особенно часто в контекстах с предшествующим мотивирующим выступают глаголы с формантом *до-* + *-ся*, означающие доведение себя до неприятных последствий: Они продолжали *перемигиваться* и *хихикать*, не обращая внимания на мой вопрос, *игнорируя* мое недоумение, на что-то намекали, просили Зою чего-то там купить. Они до того *дохихикались*, *доперемигивались* и *доигнорировались*, что в конце концов проболтались: завтра Зоя едет в магазин для новобрачных (А. Рыбаков).

Транспозиционные и особенно модификационные типы чаще используются совместно с мотивирующим, чем мутационные. Это объясняется тем, что слова модификационных и транспозиционных типов находятся на меньшем «семантическом расстоянии» по отношению к мотивирующим, чем слова мутационных типов; кроме того, идиоматичность модификационных и транспозиционных образований неизмеримо ниже, чем мутационных; все это облегчает образование или воспроизведение в контексте модификационных и транспозиционных

мотивированных слов после мотивирующего (реже перед ним) по сравнению с мутационными словами.

2.3. В контексте могут найти отражения различные степени словообразовательной мотивации. Специального изучения заслуживают различные способы контекстного сближения слов (например, *месть, возмездие, возмещение*), синхронные мотивационные отношения связи между которыми не очевидны: «Погорин этого не понимает. Дуэль для его единственный способ *возмездия*. Вслушайтесь-ка в слово «*месть*». *Месть, возмездие, возмещение*. В русском языке заключена великая мудрость. Вероятно в любом (А. Крон).

Возможно оживление ослабленной связи общеупотребительного слова с устаревшим или стилистически мотивированным производящим (ср. *внимание . внимать*, трад.-поэт.): Помню особую усиленную *внимательность* к нему Белого, *внимание* к каждому слову, *внимание* каждому слову (М. Цветаева); И слово давнее «*внимать*» / Казалось мне - высокопарным, / Пока не стала понимать — Бывает слушатель бездарным, / Пока не стала различать -- Что значит слушать со *вниманьем*, / И слово умное «*внимать*» / Вдруг озарилось *вниманьем* (Т. Невская).

Неполная мотивированность слов типа *возмездие, возмещение, внимание*, сближенных в текстах с исконно однокоренными словами, очевидна: с одной стороны, все сближенные в приведенных контекстах слова в словаре Л.П. Тихонова [ТИХОНОВ 1985] отнесены к разным гнездам, с другой стороны, сам факт их сближения в текстах говорит о наличии в синхронной системе разного типа мотивационных связей, пусть отдаленных, между многими словами с диахронически родственными корнями.

2.4. Одним из основных вопросов функционального словообразования является стилистическое использование слов, имеющих в своем составе какие-либо общие словообразовательные морфемы. Этот вопрос входит одновременно и в рамки словообразовательной стилистики [ср. ВИНОГРАДОВА 1992] и здесь рассмотрен быть не может.

3. Второй из названных А.В. Бондарко видов функционального описания - это так называемое ономаσιологическое описание, в основу которого могут быть положены значения, выраженные средствами языка. Этот принцип дает возможность объединить и сопоставить те языковые средства разных уровней, которые выполняют тождественные или сходные функции. Такое объединение осуществлено, как известно, в созданных под руководством Л.В. Бондарко описаниях функционально-семантических полей. Вместе с тем имеет право на существование и функциональное описание единиц одного уровня. Исходным параметром такого описания могут быть значения, выражаемые только единицами этого уровня. Так, исходным параметром функционального описания словообразования

могут быть словообразовательные значения, выраженные словообразовательными формантами. В существующих описаниях исходным делением мотивированных слов является деление на части речи, а с функциональной точки зрения (исходя из значения) описываются определенные подсистемы внутри части речи. Так, в [КР. РУС. ГР. 1989] классификация по словообразовательным значениям вводится на четвертом этапе - после деления по частям речи, затем по способам словообразования и далее -- по частеречной мотивации. Таким образом, исходя из значения, описываются такие подсистемы, как суффиксальные существительные, мотивированные глаголами; префиксальные глаголы, мотивированные глаголами; суффиксально-постфиксальные глаголы, мотивированные глаголами; суффиксально-постфиксальные глаголы, мотивированные существительными и т.п. В [РУС. ГР. 1980] на этом (четвертом) этапе классификации осуществлялось деление по конкретным словообразовательным формантам, а затем указывалось значение, выражаемое данным формантом в группе слов, характеризующихся всеми названными выше параметрами (например, суффиксальные существительные, мотивированные глаголами, имеющие формант *-тель* и означающие действующую субстанцию). Как известно, такие группы называются словообразовательными типами.

В данной статье мы остановимся лишь на некоторых проблемах, связанных с использованием значения форманта (словообразовательного значения) в качестве первого (исходного) параметра описаний.

1 Принцип «от значений к средствам их выражения» предполагает деление словообразовательных значений на две количественно неравные группы: 1) меньшая группа словообразовательные значения, представленные в нескольких частях речи; 2) многочисленная группа словообразовательных значений, представленных в одной части речи. Ниже дается краткое описание значений первой группы, не описанных с точки зрения их частеречной распространенности.

подавляющее большинство этих значений выражено префиксами. Приводимые ниже данные о префиксальных значениях основаны на написанном нами разделе «Префиксы» «Словаря словообразовательных морфем русского языка» (в печати).

В данном словаре описано 249 значений 97 префиксов. Из 249 значений 109 значений представлены в нескольких частях речи у одного и того же префикса, 140 значений - в одной части речи.

Совершенно не изученный вопрос о факторах, определяющих возможность/невозможность использования префикса в одном и том же значении в словах разных частей речи, заслуживает специального рассмотрения. В предварительном порядке обратим внимание лишь на некоторые тенденции распределения приставочных значений по частям речи. Речь идет о тенденциях, поскольку строгой зависимости между

частеречной распространенностью префиксов и характером их значений, по-видимому, не имеется.

Наиболее распространенные из пространственных значений представлены в нескольких частях речи, чаще всего -- в трех: в глаголе, существительном и прилагательном, ср. *надстроить, подзаголовок, надводный; подлезть, подворотничок, подлизистый; подойти, подтропики, подгородный; прилететь, пригород, приполярный; раюросать, развилка, разлапистый*; реже — в глаголе, **существительном** и наречии: *окопать, ошейник, обок; отлететь, отмель, отовсюду*; в глаголе, прилагательном и наречии: *изгнать, изустный, издали*. При этом, если в глаголе эти значения, как правило, продуктивны, то в именах они могут быть представлены единичными словами (из приведенных выше примеров такими словами являются *разлапистый, отмель, изустный*).

Имеются и такие приставочные значения, средства выражения которых (префиксы) распределены относительно частей речи. Это распределение может быть дополнительным: в одних частях речи эти значения выражаются одним префиксом, в других -- другим. Например, значение «направленность/нахождение за пределы(-ами) чего-л.» в глаголе выражено префиксом *вы-* (*вылететь*), а в именах префиксом *вне-* (*внешкольный, внеплодник, спец.*). Значение «направленность/нахождение в пределы(ах) чего-л.» в глаголе и наречии выражается префиксом *в-/во-* (*влететь, вовне*), а в именах -- префиксом *внутри-* (*внутриквартирный, внутриплодник, спец.*).

Суффиксы, как известно, тесно связаны с грамматическим статусом слова (в силу своей позиции в конце основы); почти все суффиксы закреплены не только за частью речи, но и за определенным словоизменительным типом. Имеется, однако, шесть суффиксов, ведущих себя как префиксы: они выражают одно и то же (уменьшительно-ласкательное) значение в словах разных частей речи: в существительных и наречиях суффикс *-к-* (*комнатка, сторонкой*); в прилагательных и наречиях суффиксы *-оват-* (*беловатый, рановато*), *-охоньк-/ошеньк-* (*новехонький, новешенький; ранехонько, ранешенько*), в частицах и междометиях - *-ушки* (*нетушки, фигушки*) и *-иньки* (*аиньки, баиньки*); в существительных, прилагательных, наречиях (а окказионально и в глаголах) *-онько/-оньк-* (орфографически также *-еньк-*) (*маменька, беленький, чистенько, окказ. Азуконькать*) и др., см. [ФЕЦЛОВА 1984]; подробнее см. [УЛУХАНОВ 1996, 105-106]).

Имеется еще одна разновидность морфем, выступающая в одном и том же значении -- соединительном (см. [РУС. ГР. 1980, 139] -- в словах разных частей речи. Это интерфиксы. Обобщая данные [РУС. ГР. 1980], можно констатировать, что в современном русском языке имеется 7 интерфиксов разной продуктивности, распределенных по частям речи следующим образом: в существительном, прилагательном, глаголе и

наречии *-о-* (*лесостепь, светло-серый, теплофицировать, самоходом*), *-и-* (*сахариметр, публицистически-художественный, русифицировать, втридорога*); *-у-* (*полукруг, двуплановый, полузакрыть, полулежа*); в существительном, прилагательном и наречии нулевой (*Новгород, хлоруксусный, вполпрямая*}; в существительном и прилагательном *-а-* (*себялюбец* если в этом слове не усматривать сращение и суффиксацию, *сорокатысячный*}, *-ёх* (*трёхлеток, трёхэтажный*), *-ух* (*двухлетие, двухэтаженый*).

Рассмотренными префиксами, суффиксами и интерфиксами исчерпывается круг аффиксов, способных выступать в одном и том же значении в разных частях речи. С семантической точки зрения префиксы и суффиксы типа *-он 'к-* однородны - они имеют модификационное значение. В значениях мотивированных слов с каждым из данных аффиксов содержится семантический компонент (модифицирующий признак), добавленный к значению мотивированного слова. Этот признак (в отличие от мутационных компонентов значений, см. ниже) не является специфичным для определенной части речи: он может относиться по крайней мере к двум из них. Например, высокой степенью чего-л. может характеризоваться /действие, субстанция, признак.

Соединительное значение также не ограничено одной частью речи, поскольку соединение компонентов сложного слова имеется, как известно, в существительном, прилагательном, наречии, глаголе.

Одно и то же транспозиционное значение, естественно, не может выступать в разных частях речи, поскольку оно само в известном смысле является частеречным: «сущность словообразовательной транспозиции состоит в наделении мотивированного слова грамматическим значением части речи, отличным от грамматического значения части речи, присущего мотивирующему слову» [РУС. ГР. 1980, 267].

Суффикс *-ениj(e)*, например, предназначен для того, чтобы перевести глагол в существительное с сохранением остальных компонентов значения (попятно, что эта функция исключает возможность использования этого суффикса в какой-либо иной части речи).

Мутационные суффиксы используются, как известно, для образования слов, означающих субстанцию, признак, действие, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом (*сахар сахарница, столяр столярничать, мясо-мясной*). Функционирование одного и того же мутационного суффикса (а мутационные словообразовательные значения выражаются только суффиксами) в словах разных частей речи невозможно, поскольку эти суффиксы в русском языке во всех частях речи служат для выражения отношения категориального значения одной части речи (субстанция, признак, действие) или какой-либо его разновидности (например, «лицо» или «неодушевленный предмет» как разновидности субстанции) к тому, что названо мотивирующим словом. Эти значения,

представляющие собой ономаσιологический базис, определяющий категориальную принадлежность слова (ср. [DOKULIL 1962, 29) по своей природе могут существовать только в одной части речи: значение типа «лицо», «вместилище» и т.д. возможны только в существительном и не могут быть (в отличие от значений типа «высокая степень», представляющих собой ономаσιологический признак) выражены словообразовательными средствами другой части речи.

Большее половины значений префиксов и подавляющее большинство значений суффиксов представлены в одной части речи. Наличие многих из них только у данной части речи можно объяснить семантически. Естественно, например, что подавляющее большинство префиксов со значением «совершенство, результативность» имеется только у глагола, а такие префиксы, как *еще-* («помощник, заместитель»), *обер-* («главенство, старшинство»), *под-* (в значении «более низкая ступень классификации»), *:жс-* («бывший ранее кем-чем-л.») - только у существительного.

Таковы некоторые факты и проблемы, связанные с описанием словообразования «от значения к форме». Можно надеяться, что продолжение исследования в этом направлении будет способствовать выявлению неизученных закономерностей системы словообразования и представит функциональной грамматике данные для сопоставления их с данными других уровней языка.

4.1. Основная цель данного раздела - обосновать необходимость широкого использования методов лингвистической статистики в функциональном описании языка. Казалось бы, эта необходимость очевидна статистические лингвистические данные отражают прежде всего частотность *функционирования* в тексте различных единиц. Между тем в исследованиях по функциональной лингвистике практически не использовались статистические методы, а исследования по лингвистической статистике, будучи имплицитно во многом функциональными, эксплицитно себя к таковым не относили. Ниже будут кратко изложены результаты использования данных о частотности функционирования в текстах словообразовательно мотивированных слов, конкретно префиксальных глаголов современного русского литературного языка.

Использование статистических данных о функционировании слов различных словообразовательных типов является одним из приемов исследования словообразования с лексикологической точки зрения. Такое исследование предполагает необходимость детального описания лексического состава словообразовательных типов. Путем исследования частотности употребления слов, входящих в этот состав, выявляется прежде всего лексический центр и периферия словообразовательного типа. Это важная характеристика последнего, поскольку она указывает на его

представителей, служащих наиболее типичным образцом для новообразований (в случае продуктивности типа).

4.2. В современном русском языке пятерки наиболее частотных глаголов¹ с каждым из 18 префиксов² выглядят следующим образом:

в-: *войти/входить* 289/656, *вести/вводить* 69/43, *внести/вносить* 49/53, *влезть/влезать* 13/10, *влететь/влетать* 10/4;

вз-: *вспомнить/вспоминать* 189/120, *вздумать* 31, *взорвать/взрывать* 26/12, *вздрагнуть/вздрагивать* 22/17, *взойти/всходить* 22/3;

вы-: *выйти/выходить* 551/506, *вызвать/вызывать* 162/161, *выпить/выпивать* 128/15, *вырасти/вырастать* 113/1, *выпустить/выпускать* 72/82;

до-: *дойти/доходить* 102/50, *допустить/допускать* 66/32, *довести/доводить* 54/18, *догнать/догонять* 43/13, *дожить/доживать* 30/3;

за-: *зайти/заходить* 102/58, *засмеяться* 97, *заговорить/заговаривать* 94/4, *захотеть* 91, *закончить/заканчивать* 88/18;

из-: *испугаться* 49, *изучить/изучать* 47/95, *испортить* 41, *изготовить/изготавливать* 36/7, *испугать* 15;

на-: *написать* 303, *назвать/называть* 135/355, *научиться* 83, *научить* 58, *налить/наливать* 45/34;

о-: *опубликовать/опубликовывать* 43/18, *окончить/оканчивать* 38/2, *описать/описывать* 34/27, *осмотреть/осматривать* 20/32, *оглядеть/оглядывать* 20/25;

об-: *обрадоваться* 40, *обсудить/обсуждать* 36/31, *обойти/обходить* 30/24, *оборвать/обрывать* 25/6, *обождать* 22;

от-: *отдать/отдавать* 178/83, *отойти/отходить* 95/60, *отпустить/отпускать* 52/28, *отрезать* 34, *отнести/относить* 33/7;

пере-: *передать/передавать* 179/73, *перейти/переходить* 121/83, *перевести/переводить* 52/33, *перебить/перебивать* 51/33, *перенести/переносить* 37/27;

по-: *пойти* 1027, *посмотреть* 387, *подумать* 341, *поставить* 297, *поехать* 240;

под-: *подойти/подходить* 280/268, *подождать/поджидать* 156/4, *подписать/подписывать* 63/19, *подвести/подводить* 58/33, *подготовить/подготавливать* 48/1;

¹ Глаголы располагаются в соответствии с частотностью (по ЧС 1977) префиксального глагола совершенного вида; при наличии в ЧС, 1977 вторичного имперфективного коррелята его частотность дается после частотности мотивирующего глагола (за косой чертой). Данные из ЧС 1977 даются в соответствии с исправлениями, сделанными в [ЖУРАВЛЕВ 1998].

² Не приведены префиксы, у которых частотность глаголов не превышает 10 (ср., напр., *недо-*: *недодать* 1, *недооценивать* 5, частотность остальных глаголов с *недо-* 1).

при-: *прийти (придти)/приходить* 724/263, *приехать/приезжать* 326/64, *привести/приводить* 211/84, *принести/приносить* 200/66, *признать/признавать* 85/49;

про-: *пройти/проходить* 382/280, *провести/проводить* 125/207, *прочитать/прочитывать* 83/1, *проговорить/проговаривать* 69/1, *протянуть/протягивать* 68/60;

раз-: *разрешить/разрешать* 125/33, *разбить/разбивать* 67/18, *разработать/разрабатывать* 49/33, *разобрать/разбирать* 45/38, *разбудить* 40;

с-: *сделать* 732, *связать/связывать* 169/34, *смочь* 149, *составить/составлять* 104/140, *собрать/собирать* 86/98;

у-: *уйти/уходить* 626/684, *увидеть* 529, *узнать/узнавать* 343/40, *бить/убивать* 15 6/5 8 *услышать* 129.

Приведем также суммарный список глаголов, являющихся мотивирующими для пяти наиболее частотных глаголов с каждым из префиксов.

С 13 префиксами: *идти (в-, вз-, вы-, до-, за-, об-, от-, пере-, по-, под-, при-, про-, у-)*.

С 6 префиксами: *вести (в-, до-, пере-, под-, при-, про-)*.

С 4 префиксами: *нести (в-, от-, пере-, при-)*.

С 3 префиксами: *бить (пере-, раз-, у-), писать (на-, о-, под-)*.

С 2 префиксами: *брать (раз-, с-), говорить (за-, про-), готовить (из-, под-), дать (от-, пере-), думать (вз-, по-), ехать (по-, при-), ждать (обо- подо-), звать (вы-, на-), знать (при-, у-), кончить (за-, о-), рвать (взо-, обо-), смотреть (о-, по-), ставить (по-, со-), учить (из-, на-)*.

С 1 префиксом: *будить (раз-), видеть (у-), вязать (с-), глядеть (о-), спать (до-), делать (с-), дрогнуть (вз-), жить (до-), лететь (в-), лить (на-), пить (вы-), помнить (ее-), портить (ис-), публиковать (о-), лезть (в-), пугать (ис-), пугаться (ис-), работать (раз-), радоваться (об-), расти (вы-), резать (от-), решить (раз-), слышать (у-), смеяться (за-), судить (об-), тянуть (про-), учиться (на-), хотеть (за-), читать (про-)*.

4.3. Приведенные списки (как и вообще данные по частотности префиксальных глаголов) могут быть проанализированы с разных точек зрения.

Как видим, второй список возглавляют три глагола движения; эти глаголы (*идти, вести* и *нести*) чаще других глаголов (соответственно 13, 6 и 4 раза) входят в первые по частотности пятерки глаголов с различными префиксами. Еще три глагола движения - *ехать, лезть* и *лететь* входят в згу пятерку: *ехать* у префиксов *по-* и *при-*, *лезть* и *лететь* у префикса *в-*. Это свидетельствует о том, что пространственные значения (а префиксы указанных глаголов выражают направление в пространстве) являются наиболее часто выражаемыми в тексте префиксальными значениями глаголов. При этом глаголы, мотивированные глаголом *идти*,

являются наиболее частыми у половины (9 из приведенных 18 префиксов: *войти* 289, *выйти* 551, *дойти* 102, *зайти* 102, *пойти* 1027, *подойти* 280, *прийти* 724, *пройти* 382, *уйти* 626). Кроме того, глаголы, мотивированные глаголом *идти*, входят в первую по частотности пятерку у глаголов с префиксами *вз-* (четвертый/пятый по частотности) 22, *от-* (второй) 95 и *пере-* (второй) 121. Наибольшая частотность префиксальных глаголов, мотивированных глаголом *идти*, объясняется прежде всего тем, что *идти* наиболее частотный (1818) из всех глаголов, способных присоединять префикс в пространственном значении, присущем почти всем префиксам. С когнитивной точки зрения можно констатировать, что в языке чаще выражается наиболее естественный (осуществляемый без каких-либо приспособлений; ср. *ехать*], без специальных усилий (ср. *бежать*), в наиболее естественной среде (ср. *плыть, лететь*] способ перемещения и его пространственные модификации.

Более частотными, чем *идти*, являются лишь глаголы *быть* (10927), *мочь* (3373), *сказать* (2909), *говорить* (2573) и *знать* (2192), не способные присоединять пространственные префиксы и потому имеющие менее развитую систему префиксальных образований (а некоторые глаголы с *-быти* пережили опрощение: *добыть, забыть*].

Лишь у 4 префиксов из рассмотренных 18 глаголы, мотивированные глаголом *идти*, не входят в пятерку наиболее частотных глаголов. Это префиксы *из-*, *о-*, *раз-* и *с-*. Объяснения этого явления различны для разных префиксов.

Для префикса *из-* можно дать только диахроническое объяснение. Глагол с *из-*, мотивированный глаголом *идти*, был наиболее частотным глаголом с данным префиксом в языке Древней Руси. В дальнейшем этот старославянизм, как и другие префиксальные старославянские глаголы движения в пространственном значении, были либо заменены русскими коррелятами и вышли из употребления (*изнести - вынести, прейти - перейти* и т.п.), либо утратили пространственное значение (*избежать - выбежать, извести - вывести* и т.п.).

Глагол *изйти* (> совр. *изойти*) претерпел (хотя и не до конца) оба изменения: он стал малоупотребительным (его частотность – 1), стилистически маркированным (разговорным) и употребляется только в значении «ослабеть, изнемогать от потери чего-н.» (*изойти слезами, кровью*)', пространственное значение выражается только русизмом *выйти*.

Отсутствие глагола **ойти* объясняется наличием глагола с синонимичным префиксом *об-*, *обо-*.

Аптонимичные в пространственных значениях «направленности в разные – одну точки(у)» префиксы *раз-* и *с-* сочетаются с глаголом *идти* (как и с другими глаголами движения) только в составе префиксально-

суффиксальных формантов *раз-* + *-ся* и *с-* + *-ся*; глаголы *разойтись* и *сойтись* в первые пятерки с *раз-* и *с-* не входят, но близки к ней: их частотность соответственно 27 и 25. Префикс *с-* в отличие от *раз-*, представлен в сочетании с глаголом *идти*: *сойти* «идя вниз, спуститься откуда-л., куда-л.» более частотен (66), чем *сойтись*.

Помимо пространственных значений, высокую частотность употребления префиксальных глаголов стимулирует чистовидовое и общерезультативное (т.е. не осложненное какими-либо другими компонентами) значения префиксов. В приведенном выше списке таких глаголов довольно много: *разбить, написать, научить(ся), обучить, изготовить, подготовить, подумать, посмотреть, прочитать, разбудить, увидеть, сделать, налить, выпить, испортить, опубликовать, испугать(ся), вырасти, обрадовать(ся), услышать*. К ним, как известно, близки глаголы с так называемыми плеонастическими приставками [НЕМЕЦ 1962, 267], т.е. глаголы, имеющие близкие семантические компоненты в значениях префикса и мотивирующего глагола: *отдать, передать, связать, отрезать, разбить*.

Влияние пространственного и чистовидового/общерезультативного значений на частотность отражается, в частности, и в том, что наиболее частотные префиксальные глаголы имеют одно из этих значений: ср. префиксальные глаголы с частотностью 200 и выше: *пойти* 1027, *сделать* 732, *прийти* 724, *уйти* 626, *выйти* 551, *увидеть* 529, *посмотреть* 387, *пройти* 382, *узнать* 349, *подумать* 341, *приехать* 326, *написать* 303, *поставить* 297, *войти* 289, *подойти* 280, *поехать* 240, *привести* 211, *принести* 200.

4.4. Суммировав данные о частотности употребления пяти наиболее частотных глаголов каждого из префиксов, мы получаем примерные данные о степени употребительности (а опосредствованно — и о степени продуктивности) каждого префикса. Классификация приведенных выше префиксов с этой точки зрения выглядит следующим образом: *по-* 2292, *у-* 1783, *при-* 1546, *с-* 1240, *вы-* 1026, *про-* 727, *на-* 624, *под-* 605, *за-* 472, *пере-* 440, *в-* 430, *от-* 392, *раз-* 326, *до-* 295, *вз-* 290, *из-* 188, *о-* 155, *об-* 153.

Частотность употребления префиксов коррелирует, естественно, с наличием префикса в частотных глаголах указанных выше значений: так, среди приведенных высокочастотных (с частотой 200 и выше) глаголов преобладают глаголы с первыми тремя из названных префиксов *по-* (5 глаголов, *у-* (3 глагола) и *при-* (4 глагола).

4.5. Нами изложены, естественно, далеко не все возможные приемы статистического исследования префиксальной подсистемы русского глагола. Мы приводили данные о подсистеме в целом. Между тем необходимы и статистические исследования каждого словообразовательного типа; они позволили бы, как уже говорилось, выявить его центр и периферию.

Результаты статистического исследования функционирования различных словообразовательных единиц могут быть сопоставлены с аналогичными статистическими данными как других (прежде всего славянских) языков, так и с данными языка Древней Руси (сопоставление статистических данных о префиксальных глаголах старославянского и древнерусского языков с современными см. [УЛУХАНОВ 2003]).

5. Выше были рассмотрены три важных, с нашей точки зрения, проблемы функционального словообразования: функционирование мотивированных слов в тексте, описания от значения (функции) к форме, частотность употребления мотивированных слов. Дальнейшее (в том числе типологическое и диахроническое) изучение этих проблем будет способствовать выявлению новых фактов и закономерностей словообразовательной системы.

Литература:

АРУТЮНОВА 1988: Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – Москва.

БОНДАРКО 1983: Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Ленинград.

ВИНОГРАДОВА 1992: Виноградова В.Н. Стилистика русского словообразования. – Frankfurt am Main. Beiträge zur Slavistik, XVII, 1992.

ЖУРАВЛЕВ 1998: Журавлев А.Ф. Desipimur specie recri, или как нельзя делать словари (Опыт в жанре несвоевременной рецензии). // Филология. Международный сборник научных трудов (К 70-летию Александра Борисовича Пенковского). – Владимир.

ЗЕМСКАЯ 1992: Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Москва.

ЗЕНКОВ 1969: Зенков Г.С. Вопросы теории словообразования. – Фрунзе.

КАТЛИНСКАЯ 1987: Катлинская Л.П. Функциональное словообразование (активные процессы словопроизводства в современном русском языке). – Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва.

КР. РУС. ГР. 1989: Краткая русская грамматика. – Москва.

КУБРЯКОВА 1977: Кубрякова К.С. Теория номинации и словообразование. // Языковая номинация: Виды наименований. – Москва.

МУРЗИН 1988: Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация, номинация, словообразование. // Синтаксическая структура в номинативном и деривационном аспектах. – Омск.

НЕМЕЦ 1962: Немец И. Генезис славянской видовой системы. // Вопросы глагольного вида. – Москва.

ОЖЕГОВ, ШВЕДОВА 1992: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва.

РЕЗАНОВА 1996: Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя. – Томск.

РУС. ГР. 1980: Русская грамматика. Т. I. – Москва.

Сл РЯ 1981-1984: Словарь русского языка Т. 1-1У. – Москва.

ТЕЗ.: Тезисы пражского лингвистического кружка. // В.А. Звегинцев. Хрестоматия по языкознанию XIX XX вв. – Москва.

ТИХОНОВ 1985: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I II. – Москва.

УЛУХАНОВ 1996: Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – Москва.

УЛУХАНОВ 2001: Улуханов И.С. О некоторых возможностях описания словообразования с функциональной точки зрения // Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. – Санкт-Петербург.

УЛУХАНОВ 2003: Улуханов И.С. О новых возможностях изучения истории славянских языков (по материалам «Словаря древнерусского языка» XI XIV вв.) // Славянское языкознание. К XIII Международному съезду славистов. – Москва.

УШАКОВ 1935-1940: Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1 – 4. – Москва.

ФЕЦЛОВА 1984: Фецлова М. Уменьшительное словообразование в русской разговорной речи в сопоставлении с чешской. Канд. дис. – Москва.

ЧС 1977: Частотный словарь русского языка. – Москва

ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 1975: Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования. // Актуальные проблемы русского словообразования. I. – Ташкент.

ДОКУЛИЛ 1962: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. – Praha.

О ПРАГМАТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

“Вторая половина XX века – пишет Н.К. Онипенко – отмечена интересом лингвистики к говорящей личности, к его речевой деятельности, к тексту как продукту речевой деятельности говорящего. (...) В рамках общей теории о знаках – семиотики – лингвистика открывает для себя сначала семантику, а потом прагматику, которая окажется третьим аспектом лингвистического знака, третьей зоной его описания. Но если семантический аспект потребовал увеличения объекта до слова и до высказывания, то прагматический аспект увеличил объект исследования до текста (в другой терминологии – дискурса), поскольку именно в тексте исследователь видит конкретного говорящего” [ОНИПЕНКО, 348]. “Таким образом, к концу XX века направленность лингвистических исследований стала определяться двумя факторами: (а) увеличением объекта исследования до текста и (б) признанием, что антропоцентризм языковой системы требует антропоцентризма лингвистики” [цит. соч., 349].

В современной лингвистике прагматическая функция определяется как одна из основных языковых функций [см. напр. FILIPEC, ŠERMAK 1985; БОНДАРКО 1987; ŠERMAK 2001; ЯЗЫКОВАЯ 1; 2]. Несмотря на это, среди исследователей нет единодушия по вопросу как о ее характере и объеме, так и о ее отношении к другим языковым функциям.

Прагматика считается “пограничной” дисциплиной между семиотикой и лингвистикой: в качестве области семиотики она занимается исследованием языкового знака по отношению к его пользователю [см. напр. АРУТЮНОВА, ПАДУЧЕВА 1987, 3; ŠERMAK 2001, 28; 92]; с точки зрения языковой семантики она характеризуется как область отношений языковых средств к пользователям языка и к языковым функциям [ŠERMAK 2001, 92]¹. По мнению Фр. Чермака “прагматика в широком смысле исследует узус, соотв. способы и границы употребления языка. Правилам семантики, следовательно, в прагматике скорее противостоят **принципы** употребления, а грамматическому формальному описанию в прагматике противостоит функциональное объяснение; в отличие от

¹ “Термин “прагматика” (...) – указывают Арутюнова и Падучева – был введен в научный обиход одним из основателей семиотики – общей теории знаков – Ч. Моррисом. Следуя идеям Ч. Пирса, Моррис разделил семиотику на семантику – учение об отношении знаков к объектам действительности, синтактику – учение об отношениях между знаками, и прагматику – учение об отношении знаков к их интерпретаторам, то есть к тем, кто пользуется знаковыми системами. Прагматика, таким образом, изучает поведение знаков в реальных процессах коммуникации” [АРУТЮНОВА, ПАДУЧЕВА 1985, 3].

дискретных категорий грамматики, вся прагматическая область имеет подчеркнуто континуальный, размытый (*splývavý*), неопределенный характер” (выделено автором, Ц.А.) [цит. соч.]¹.

Прагматическая функция языкового знака определяется как “комплекс элементов означающей функции (*označovací funkce*), основывающейся на отношении пользователей языка к языку, эвентуально к о(бо)значенной действительности” [FILIPEC, ČERMÁK 1985, 238], “как особый аспект семантических функций, заключающийся в передаче отношения содержания языковых единиц и высказывания в целом к участникам речевого акта и его условиям” [БОНДАРКО 1987, 9]. Она “характеризует коммуниканты как субъекты высказывания” [FILIPEC, ČERMÁK 1985, 30].

Прагматическая функция приписывается исследователями всем языковым единицам (за исключением фонем). В словообразовании, однако, она все еще не изучена хорошо.

Как было указано, среди авторов нет единодушия по вопросу об объеме прагматической функции и ее отношении к другим языковым функциям – имеются в виду экспрессивная, эмотивная, эвалюативная (оценочная), стилистическая, семантическая, коммуникативная. Так, по мнению Филиппа и Чермака [FILIPEC, ČERMÁK 1985, 238] прагматическая функция включает оценочную, экспрессивную, эмоциональную, эстетическую и прескриптивную. Другие исследователи [ВЕНДИНА 1994, 83] относят экспрессивную функцию (аффикса) к семантической функции; экспрессивная функция, в свою очередь, включает квантитативно-оценочную и стилистическую функции. Третьи авторы рассматривают экспрессивную (или эмотивную) функцию в рамках коммуникативных функций (сформулированы Якобсоном) [ČERMÁK 2001: 19; 75; 195]. Е.А. Земская определяет экспрессивную функцию словообразования как независимую от стилистической [см. подробнее ЗЕМСКАЯ 1992, 8–12].

Различия между исследователями объясняются тем фактом, что неясно очерчены границы и параметры понятий “прагматика” и “семантика” с одной стороны, и понятий “прагматика” и “стилистика”, с другой. Большинство исследователей рассматривает прагматическую функцию (именуемую также экспрессивной, эмотивной и пр. – см. выше) в рамках семантической функции [БОНДАРКО 1987, 9; ВЕНДИНА 1994]. По мнению других исследователей (напр. А. Нагурко), обособление прагматической функции формантов требует отделения семантики от прагматики. В область семантики, по мнению Нагурко, входят те элементы информации, которые являются облигаторными, постоянными (независимыми от контекста и ситуации) и объективными. Информация,

¹ Здесь и далее в исследовании перевод автора – Ц.А.

передаваемая прагматически, является факультативной, изменчивой и субъективной. В сфере языковой прагматики не доминирует коммуникативная функция, поскольку на первый план выступают другие интенции автора: желание удивить или развеселить собеседника, необходимость автоэкспрессии, шутки и языковой игры [NAGÓRKO 2001, 208]. Под прагматической функцией словообразования или, точнее, словообразовательного форманта, А. Нагурко понимает функцию, определяемую другими авторами как экспрессивную или квалификативную. В понятие экспрессивность Нагурко включает выражение эмоции („приятно/неприятно“), оценки („хорошо/плохо“), всего того, что является субъективным, относится к миру автора информации и после этого косвенно относится и к объективной действительности. В прагматическую область словообразования включают большую часть аугментативных и деминутивных названий, универбатов, каламбуров, часть феминативных существительных и др. [см. подробнее NAGÓRKO 2001, 208–212].

Иначе понимает прагматику А. Вежбицка. Как указывает Е.В. Падучева [ПАДУЧЕВА 1996, 5–7], в концепции Вежбицкой разграничение между прагматикой и семантикой, завещанное нам логикой, исчезает; автономность прагматики по отношению к семантике оказывается мнимой, в то время, как языковые значения всегда прагматичны. Все значения, включительно и грамматические, являются ингерентно субъективными, антропоцентрическими и этноцентрическими. Все же А. Вежбицка допускает известную автономность прагматики. Автор считает, что границы прагматики определяются характером значения: к области прагматики относятся те языковые элементы, при которых субъективно-экспрессивные компоненты *доминируют* над денотативными.

Оказывается, что мнения Нагурко и Вежбицкой не являются взаимоисключающими – обособляя в принципе прагматику от семантики, Нагурко признает, что обе области тесно переплетаются, а Вежбицкая, противопоставляясь разделению прагматики и семантики, допускает *известную* автономность прагматики. Интересно, что в своем более позднем исследовании Нагурко [NAGÓRKO 2003, 189] признает, что наиболее трудным представляется разграничить прагматику от семантики в области лексики. Еще труднее, по нашему мнению, провести такое разграничение в области производной лексики, поскольку там “картина” осложняется и вопросом о том, какой элемент (какие элементы) являются носителями (выразителями) прагматической характеристики: словообразовательный формант или словообразовательная основа (или формант и основа вместе) (см. ниже).

Здесь уместным представляется процитировать Филиппа и Чермака, которые напоминают, что в широком смысле весь язык прагматичен,

поскольку является творением одних людей для других людей [FILIPES, ŠERMAK 1985, 69].

С другой стороны, как уже было указано, неясно очерчены и параметры понятий “прагматика” и “стилистика”, соотв., отношение между обеими областями: в то время, как одни исследователи (напр. Нагурко, Кожина) считают, что стилистика подчинена прагматике, включается в ее рамки, другие считают их равнопоставленными [см. подробнее ОННHEISER 2003, 198; NAGÓRKO 2003, 194]. Вот почему некоторые авторы предпочитают использовать определение “прагматико-стилистические”, сравн. прагматико-стилистические тенденции, прагматико-стилистическая дифференциация словообразовательных средств и др. (см. напр. главу “Прагматико-стилистические тенденции” в [КОМПАРАСJA 2003]).

Ввиду вышеуказанных причин в настоящем исследовании также используется определение *прагматико-стилистическая функция*. Понятие прагматико-стилистическая функция является более общим и охватывает функции, обозначаемые лингвистами как экспрессивная, оценочная, эмотивная и др., т.е. функции, выражающие отношение носителя языка к тому, что называется, и стилистическая функция (принадлежность языковых средств к определенному функциональному стилю). (На трудности при попытке разграничения прагматической от стилистической функции обращает внимание И. Онхайзер [ОННHEISER 2003, 198–216]. С другой стороны, следует принимать во внимание и неоднозначное отнесение тех или иных словообразовательных средств к определенным стилям, а также и неоднозначное определение функциональных стилей или идиом даже в рамках одного языка – по этому вопросу см. [ОННHEISER 2003, АВРАМОВА 2004 и цит. там литература]).

В словообразовательных исследованиях весьма часто *прагматико-стилистическая функция* (ПСФ) не разграничивается от *прагматико-стилистического значения* (ПСЗ). Оба понятия часто смешиваются или употребляются недифференцированно даже и в исследованиях, которые теоретически определяют функцию и значение различным образом. Так, например, в [ГРАМАТУКА 1998, 373–374] вырисовываются отдельные функции и значения словообразовательных формантов (СФ), но при конкретном анализе экспрессивная функция (которую мы принимаем за часть прагматико-стилистической) смешивается с экспрессивным значением¹.

В сущности смешивание обоих понятий – ПСФ и ПСЗ – в большой степени объясняется неразграничением понятий *функция* и *значение* на

¹ Ср.: “Natomiast inwariantem dla derywatów z formantem *-uch* jest **znaczenie ekspresywne**, występujące niezależnie od typu podstawy słowotwórczej: *leniuch, pleciuch, paluch*. Podobnie *-uchna* ma **funkcję wyłącznie ekspresywną** (*buziuchna, flaszuchna*)” (выделено автором, Ц.А.) [ГРАМАТУКА 1998, 373].

языковом уровне. Показательна в этом отношении дефиниция функции в [БЕР 1999-2000]: “функция – 5. Язык. Значение определенной языковой формы, ее роль в языковой системе, определена ее соотношением с другими формами”. Если вернуться к [ГРАМАТЫКА 1998], станет ясно, что несмотря на то, что теоретически отдельные функции и значения формантов разграничиваются, практически значения формантов представлены в разделе определения функций формантов (стр. 372–375).

В сущности в словообразовательных исследованиях, в которых идет речь о функциях, само понятие функция не дефинируется (за исключением [ВЕНДИНА 1994]). Так, например, К. Вашакова [WASZAKOWA 1996: 35–36] перечисляет функции словообразовательного форманта (СФ), не указывая на то, что она понимает под функцией форманта. Таким же образом: [ГРАМАТЫКА 1998].

Несмотря на теоретическое различие двух аспектов словообразования: процессуального и функционально-структурного в [МЃ 1986, 194], при конкретном исследовании словообразующих явлений казалось бы больше внимания уделяется “структурному”, нежели “функциональному” аспекту; ни производные слова, ни словообразовательные средства не исследуются с точки зрения их функционирования в речи, в тексте. Более того – термин *функция* отсутствует из предметных индексов фундаментальных теоретических исследований, как напр. [DOKULIL 1962; 1996; МЃ 1986]. Показательно, что в [МЃ 1986] о функции говорится только в одном месте – в разделе о глагольных приставках (3.1.2. Funkce slovesných předpon), но в рамках этого раздела в сущности формулируются отдельные значения приставок, ср.: 3.1.2.1. Významy místní (...) 3.1.2.2. Významy časové (...) [цит. соч., 388].

В предметном указателе [РУССКАЯ ГРАММАТИКА, ИНТЕРНЕТ] также отсутствует термин функции. В [ЭНЦИКЛОПЕДИИ 2000] нет статьи, озаглавленной “функция”, соотв. “языковая функция”, “функции языка”.

В известных нам исследованиях по славянскому словообразованию (при этом мы не утверждаем, что знакомы со всеми трудами), нами обнаружена всего одна дефиниция понятий функция и значение (словообразовательных аффиксов) Т.И. Вендиной: “...под функцией аффикса следует понимать его целевое назначение, т.е. то, с какой целью и для чего он используется и что он может передать в отличие от других единиц номинации, тогда как под значением аффикса – компонент значения производного слова, передаваемый с помощью этого аффикса (см., например, работы Н.М. Шанского, Н.Г. Милославского, Е.С. Кубряковой, Р.С. Манучаряна, И.С. Улуханова и др.). Таким образом, функция и значение языковой единицы – это разные стороны ее существования” [ВЕНДИНА 1994, 81]. “В этом понимании функции и

значения аффикса семантическая функция, строго говоря, не противопоставляется значению, а охватывает его, или точнее пересекается с ним. В этом смысле мы полностью разделяем точку зрения Р.А. Будагова (41)¹, который убедительно показал (хотя и на другом материале), что функция стремится опереться на значение, а значение стремится наполнить содержанием функцию” [цит. соч, 83].

Если вернуться к цитированной дефиниции прагматической функции [FILIPES, ŠERMÁK 1985, 238]², то можно убедиться в том, что она близка к дефиниции прагматического значения [FILIPES, ŠERMÁK 1985, 242]³. В чешском языкознании экспрессивность понимается как элемент прагматического значения или как прагматический компонент значения [FILIPES, ŠERMÁK 1985, 237; EŠČ 2002, 131; см. также ŠERMÁK 2001, 199–200]. В русских исследованиях [ЯЗЫКОВАЯ 1, 44] экспрессивно-образное значение (наряду с эмоциональным и оценочным) рассматривается как часть стилистического значения.

Исследование стилистических функций словообразовательных основ и формантов Ю. Фурдик [FURDÍK 2004, 122] (объединенных автором под общим названием словообразовательные средства – см. стр. 122, 156) в сущности сводится к определению того, какие компоненты бинарной словообразовательной структуры являются носителями стилистического признака, “выражают экспрессивность или принадлежность к определенному стилевому пласту лексики”. Остается неясным вопрос, относится ли этот стилистический признак к значению (а отсюда и – к какому значению производного слова (далее ПС): лексикальному или словообразовательному) или к функции. Впрочем, вопрос о принадлежности т.н. стилистической маркированности (стилистической окраски) лексикальных единиц и их компонентов к значению или функции практически не ставится в большей части лексикологических и словообразовательных исследований. В [ЯЗЫКОВОЙ 1, 43–55] *стилистическая маркированность рассматривается как часть стилистического значения слова.*

Мы полностью разделяем мнение Фурдика по поводу того, что ввиду несамостоятельности компонентов производного слова их стилистический признак не может проявиться сам по себе, а лишь при его связи с другим компонентом (форманта с основой, основы с формантом или с другой основой) [FURDÍK 2004, 122–123]. Фурдик отмечает, что даже когда

¹ Цитируется Будагов, Р.А. Сходства и несходства между родственными языками (романский лингвистический ареал). М., 1985.

² “f. p r a g m a t i c k á: komplex složek funkce označovací zakládající se na vztahu uživatele jazyka k jazyku, popř. k označené skutečnosti a zahrnující funkci hodnotící, expresivní, emocionální, estetickou a preskriptivní”.

³ “pragmatický význam: význam jazykové (lexikální) jednotky s nepojmovými, postojovými, citově hodnotícími, expresivními rysy; viz i funkce pragmatická, expresivita”.

только один из компонентов ПС является носителем стилистического признака, все ПС становится стилистически маркированной, и обрисовывает следующие возможности: а) немаркированная основа + маркированный формант; б) маркированная основа + немаркированный формант; в) немаркированная основа + маркированная основа. Фурдик считает, что в случаях, “когда оба компонента являются носителями стилистического признака, в мотивированном слове признаки кумулируются, подчеркиваются взаимно, эвентуально модифицируются”. Так, автор доходит до проблемы, касающейся комбинации словообразовательных средств: “Подобно известному явлению контекстной экспрессивности, которое возникает при связывании слов с различной областью контекстного употребления, (Ondrus – Horecký – Furdík, 1980, s. 37)¹, и в словообразовательно мотивированном слове может возникнуть внутреннее напряжение при связывании системно взаимно несовместимых словообразовательных компонентов, напр. домашней основы и занятого форманта (...), адективной основы и десубстантивного форманта (...), основы относительного прилагательного и адвербиального форманта (...), семантически несовместимых основ в сложных словах” и др. [см. подробнее FURDÍK 2004, 123].

Приведенные Фурдиком примеры на практике поддерживают деление функций некоторых авторами на *системные* и *контекстные* [ŠERMÁK 2001, 195]. Экспрессивность, как часть прагматического компонента значения также делится на контекстно независимую и контекстно зависимую [см. напр. ESČ 2002, 132].

Следовательно, как прагматико-стилистическая функция, так и прагматико-стилистическое значение могут быть как системными, присущими лексической единице и ее компонентам независимо от контекста, так и зависимыми от контекста, проявляющимися только в конкретном употреблении, в высказывании (речи, тексте, дискурсе).

Частое смешение понятий ПСФ и ПСЗ практически порождает вопрос: существует ли разница между обоими понятиями и в чем она заключается или речь идет об одних и тех же явлениях, обозначаемых различными терминами? Этот вопрос, по существу, представляет собой часть более общего вопроса об отношении между функцией и значением языкового знака вообще. Искушаемся привести здесь мнение, выраженное Т.И. Вендиной о том, что “... в современном языкознании только сначала разрабатываются общая типология функциональных подходов к изучению языка, и ни в области семантики, ни в грамматике, ни в синтаксисе нет однозначного решения (об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что самое понятие “функция” трактуется в широком диапазоне, и по-разному решаются такие вопросы как функция и ее носитель, функция и

¹ Цитируется по ONDRUS, P. – HORECKÝ, J. – FURDÍK, J. 1988: Súčasný slovenský spisovný jazyk. Morfológia. – Bratislava.

семантика языковой единицы, объем функций и др.). В области словообразования наблюдается такая же картина. Некоторая неопределенность, размытость понятия “функция”, смешение его с понятием “значение” аффикса или наоборот подмена им понятия “значение”, когда аффиксу отказывается в значении, приводит к нечеткому пониманию природы и функций словообразовательных средств, на что неоднократно указывалось в литературе (см., например, работы Р.Г. Зятковской, И.Г. Милославского, С.С. Хидекель, И.А. Ширшова и др.)” [ВЕНДИНА 1994: 81].

К этому мы добавим и отсутствие единства среди исследователей в отношении числа и типа функций. Так, напр. В.З. Демьянков перечисляет в общем 73 функции, с которыми мы встречаемся в лингвистической литературе до настоящего времени [см. подробнее ДЕМЬЯНКОВ 2003].

Все это, по нашему мнению, вызывает необходимость при исследовании любой функции словообразования или в словообразовании, прежде всего дефинировать само понятие функция на языковом, вкл. и на словообразовательном уровне, и выяснить отношение этого понятия к понятию значения (конкретнее: к лексическому и словообразовательному значению), а также определить какой компонент/какие компоненты (словообразовательная основа/основы, формант и/или ПС в целом) являются носителями/выразителями какой-либо функции. Ввиду ограничений объема доклада здесь эти более общие вопросы лишь маркируются; им будет уделено внимание в другом исследовании.

В отдельных исследованиях функции приписываются различным объектам / носителям: словообразованию в целом [напр. ЗЕМСКАЯ 1992; РАДЕВА 1993], производным словам [КУБРЯКОВА 1981], СФ [WASZAKOWA 1996; GRAMATYKA 1998; ВЕНДИНА 1994; NAGÓRKO 2001]. Единственно Ю. Фурдик [FURDÍK 2004, 122–125] относит функции (автор имеет в виду стилистические функции) к различным элементам словообразовательной системы: к словообразовательным *средствам* (slovotvorné prostriedky), к которым автор относит словообразовательные основы и форманты – см. стр. 122; 157), словообразовательные *способы* (slovotvorné spôsoby a postupy) и словообразовательные *формации* (slovotvorné útvary): словообразовательное гнездо, словообразовательный тип, типы ономаσιологических категорий (мутационный, модификационный и транспозиционный).

В виду ограниченного объема доклада здесь мы остановимся вкратце лишь на функциях СФ (подробнее по этому вопросу см. АВРАМОВА 2006).

Словообразовательным формантам (авторы имеют в виду преимущественно словообразовательные аффиксы) обыкновенно приписываются две основные функции: структурная и семантическая [см. ВЕНДИНА 1994, 81 и цит. там литература; БОНДАРКО 1987, 32]. В

польском словообразовании определяются три основные функции СФ: структурная, синтаксическая (транспозиционная) и семантическая: модификационная и мутационная, причем указывается на возможность форманта совмещать несколько (обычно две) функций: транспозиционную и модификационную, мутационную и модификационную [WASZAKOWA 1996, 35–36¹; GRAMATYKA 1998]². Авторы, опирающиеся на теорию предикатно-аргументных структур (ПАС) при исследовании словообразовательных единиц, определяют функцию СФ, как и словообразовательных основ, как занятие позиции предиката или аргумента данной ПАС [БАЛТОВА 1997; БАЛТОВА И КОЛ. 2004].

Различия при определении функций СФ обусловлены в большой степени различным дефинированием функции на языковом уровне. “Языковое пространство – пишет Н.К. Онипенко – организуется тремя измерениями: двумя внешними – отношением к внеязыковой действительности и отношением к человеческой деятельности – и внутренним – отношением языковых единиц друг к другу в рамках структурного целого. В трехмерном пространстве языка различаются двумерные и трехмерные языковые единицы: двумерными являются фонемы, которые обладают формой и функцией (смыслоразличительной) по отношению к единицам значимым, и морфемы, для которых функция равна значению; трехмерными – образованными в результате взаимодействия формы, значения и функции – слово и предложение” [ОНИПЕНКО, 339].

Термин *функция* употребляется в лингвистике с различным содержанием [по этому вопросу см. напр. БСЭ 1978; БОНДАРКО 1987; ОНИПЕНКО; FILIPEC, ŠERMAK 1985; БЭС 1998; ŠERMAK 2001; EŠČ 2002; ДЕМЬЯНКОВ 2003].

Наиболее часто функция понимается как “задача”, “цель”, “предназначение”, “роль”, “позиция”³ языковой единицы. Так например, в Пражской школе функция определяется как “задача”, которую выполняют языковые средства с учетом необходимости человеческого выражения” [EŠČ 2002: 144]. “В БСЭ функция в языкознании определяется (...) как “способность языковой формы к выполнению того или иного назначения (...). Каждая языковая единица существует исключительно потому, что она,

¹ В сущности при классификации функций формантов Вашакова опирается на Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Pod red. R. Grzegorzczukowej, R. Laskowskiego, H. Wróbla. – Warszawa, 1984.

² Здесь указывается и т. н. абстрагирующая функция (funkcja uabstrakcyjująca).

³ С последними двумя определениями встречаемся в дефиниции, предложенной в [EWD 1971]: “function – 4. Gram. a) the grammatical role which a linguistic form plays, or the position which it occupies in a particular construction. b) the grammatical roles or the positions of a linguistic form or form class collectively”.

в отличие от другой языковой единицы, служит известной цели, т.е. выполняет определенную Ф.” (БСЭ, т. 28, 1978: 140 – цит. по [БОНДАРКО 1987, 17]; автор статьи в словаре – Е.С. Кубрякова). Как способность языковых единиц выражать субъективную модальность определяет экспрессивную функцию Телия (цит. по [ДЕМЬЯНКОВ 2003]). Вендина (ВЕНДИНА 1994, 81) характеризует функцию словообразовательного аффикса как “целевое назначение, т.е. то, с какой целью и для чего он используется и что он может передать в отличие от других единиц номинации”.

Фр. Чермак [ČERMÁK 2001, 75] разделяет функции на интерные и экстерные (внутренние и внешние): “interní funkcí se rozumí u jazykového znaku mít nějaký význam (je tedy obdobná funkci nominativní), externí funkcí pak, analogicky ke komunikativní funkci, se myslí jeho úloha v určité struktuře”. (Нельзя не заметить близость между пониманием т.н. внутренней функции Чермака и пониманием функции Бондарко – см. ниже).

Сопоставляя оба теоретические направления¹ в руссистику в конце XX в., которые используют “в качестве терминологического самообозначения прилагательное “функциональный”: “(1) теория функциональной грамматики (ТФГ), разрабатываемая группой ученых под руководством А.В.Бондарко, (2) функционально-коммуникативная грамматика (КГ), основанная на концепции Г.А. Золотовой”, Онипенко [ОНИПЕНКО, 354] приходит к выводу, что: “В ТФГ и в КГ функциональность понимается как *предназначенность* языковой единицы, но в ТФГ это *предназначенность выразить определенное значение*, а в КГ – *предназначенность выразить свое значение* в определенных коммуникативных условиях (в рамках предложения или текста)” (подчеркнуто и выделено курсивом автором статьи, Ц.А.) [цит. соч., 357]. “Основными объектами внимания в КГ становятся трехмерные синтаксические единицы – синтаксемы и предложения, которые понимаются как результат соединения формы (морфологической), значения (лексико-семантического) и функции (коммуникативно-синтаксической). В отличие от КГ, ТФГ представляет все языковые единицы в уровневой системе как единицы двухмерные, функциональное измерение при этом принадлежит не самой единице, а исследователю, который обнаруживает “функцию-потенцию” или “функцию-реализацию)²” [цит. соч., 358].

¹ Третье направление – “прикладная теория функционально-коммуникативного синтаксиса (ФКС) М.В. Всеволодовой” ввиду его приложенного, педагогического характера, исключается из сопоставления.

² “В понятии функции как назначения той или иной единицы языка – пишет Бондарко – следует различать два аспекта – потенциалный и результативный. Функция в потенциальном аспекте (Фп) – это присущая той или иной единице в

Если принять деление языковых единиц на двухмерные и трехмерные [ОНИПЕНКО, 339], то следовало бы приписывать определенные функции только ПС, а словообразовательные аффиксы (как тип морфем) считать двухмерными, т.е. обладающими формой и значением (соотв. нерасчлененная функция/значение). Другими словами, принимая, что аффиксы как морфемы выражают определенное значение, нам следовало бы считать их лишенными функции. Как было показано, этого, однако, в словообразовательных исследованиях не делается. Как раз наоборот: аффикс рассматривается одновременно как двусторонняя единица (обладающая формой и значением) и как носитель определенной функции, сравн. напр.: “Если исходить из того, что аффикс является двусторонней единицей, обладающей формой и значением, то необходимо признать и его функциональную значимость, ибо, по известному определению А. Мартине, структура всегда подчинена функции” [ВЕНДИНА 1994, 81].

Следовательно, во избежание противоречия, заключающегося в том, чтобы принимать аффиксы за двухмерные единицы и вместе с тем искать их функцию (их функции), чем практически причислять их к трехмерным единицам, необходимо выбрать одно из следующих решений: либо аффиксы и теоретически должны быть причислены к трехмерным/трехсторонним единицам, или считать их лишенными функции (поскольку, как это доказано, они обладают определенным лексическим и грамматическим значением). В противном случае использование термина “функция” в отношении к аффиксам было бы возможным только, если функция рассматривается не как присущая языковым единицам, а как нечто (предназначение, задача, цель), что приписывается языковым единицам исследователем, т.е. функция понимается не как иманентная черта языкового знака, а как нечто внешнее, приписываемое языковому знаку исследователем (или, в более общем плане, носителем языка) – сравн. с цитированным выше мнением Онипенко [ОНИПЕНКО, 358] о понимании функции в ТФГ.

Позволяем себе предложить следующую гипотезу. По нашему мнению, понятия *форма*, *значение* и *функция* следует рассматривать в одной плоскости и с этой точки зрения рассматривать функцию языковой

языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию. Функция в результативном аспекте (Фр) – результат функционирования данной единицы во взаимодействии с ее средой, т. е. *назначение как достигнутая в речи цель*. (...) Отношения Фп и Фр многостранны. С одной стороны, это отношения возможности и действительности в рамках общего целевого истолкования функции, а с другой – отношения каузации и ее результата (...). *Функции в их результативном аспекте относятся прежде всего к речи. Вместе с тем они неразрывно связаны с языковой системой: каждая конкретная Фр в данном высказывании представляет собой вариант, восходящий к определенному комплексу Фп и к определенному типу функционирования языковых единиц*” (выделено курсивом автором статьи, Ц.А.) [БОНДАРКО 1987, 17–20].

единицы как ее иманентную черту. Если под значением понимается “содержание языкового знака” [ЕСЇ 2002], а под функцией – предназначение языковой единицы в потенциальном и результативном аспекте (по Бондарко), то может быть есть основания принять, что реализованная функция совпадает со значением. (Это, конечно не касается чисто структурных функций). Потенциальная функция проистекает из системных возможностей языковой единицы, т.е. предполагается системой. В этом смысле определяем потенциальные функции как системные. Реализованная функция может совпасть или не совпасть с потенциальной. Во втором случае она называется контекстной функцией¹.

Проиллюстрируем представленную гипотезу несколькими примерами модификационных субстантивных дериватов. Выбор модификационных дериватов неслучаен: как показывает ряд исследований, из всех трех ономастических структурных типов модификационный наиболее тесно связан с прагматико-стилистической функцией; модификационные образования, в отличие от мутационных, служат в основном для выражения субъективного отношения пользователя языка к названному денотату [по этому вопросу см. NAGÓRKO 2001; 2003; FURDÍK 2004, 124]. Отправной точкой нам послужат представленные Ю. Фурдиком [FURDÍK 2004] возможности системной и контекстной прагматико-стилистической (у Фурдика: стилистической) маркированности словообразовательных средств, которые мы указали выше.

Конкретнее, мы рассмотрим ПСФ некоторых деминутивных формантов. В научной литературе многократно обращалось внимание на факт, что деминутивные форманты, помимо деминутивного, т.е. чисто количественного значения или функции, могут выражать и квалификативное значение или функцию [см. АВРАМОВА 2003, 72–73 и цит. там литературу], а по мнению некоторых авторов и вообще не выражают количественного значения/функции. (Сказанное касается не только деминутивных, но и аугментативных и др. формантов – по этому вопросу см. напр. [РЕКЕ 2004]). Во втором случае ПС, образованные с их помощью, определяются как квазидеминутивные [NAGÓRKO 2003: 195–196].

Приведем лишь несколько примеров. Префиксоид **мини-/mini-** в болгарском и чешском языках может выражать чисто деминутивную функцию (напр. болг. *миникомпютър*, *минипрахосмукачка*, *минисериал*; чеш. *minifarma*, *minikasino*, *minianketa*, *minikonkurz*) и прагматико-стилистическую (т.е. квалификативно-оценочную, экспрессивную, эмотивную): **мини-/mini-** придает исходному существительному качественный (оценочный) признак ‘меньший по значению’, часто

¹ Тезис о потенциальной и реализованной функции имеет точки соприкосновения с пониманием т. н. узуального и оказионального стилистического смысла стилистически маркированных лексем [см. подробнее ЯЗЫКОВАЯ 1, 44].

сопровождается экспрессивностью, напр.: *минискандал* 'мелкий, незначительный скандал', *минифракция* 'фракция с небольшим числом участников и с незначительным влиянием'; чешск.¹ *miniproblém* expr. 'malý, nepatrný problém', *ministrana* 'malá politická strana (počtem členů, příznivců, svým významem pro společenské dění)', *minivýstava* 'malá (rozměry, významem) výstava' и др. [АВРАМОВА 2003, 72–73].

Такие функции выполняет и суффикс **-че** в болгарском языке. По мнению В. Радевой [РАДЕВА 1991, 160] "Деминутивы с суффиксом **-че** обыкновенно означают предметы, характеризующиеся своими малыми размерами: *клонче, моливче, столче*. Уменьшительные существительные, образованные от названий лиц, имеют конотативное значение, которое включает выражение пренебрежительного отношения и иронии: *агрономче, даскалче, докторче, приятелче, професорче*".

Мы считаем, что в данном случае речь идет о двух системных (т.е. потенциальных) функциях форманта **-че**, которые могут реализоваться или не реализоваться в тексте. Существительные, называющие лица, могут выражать отношение (пренебрежение, иронию или наоборот – ласкательность, умиленность и др.), но это не обязательно. Будет ли прагматическая функция реализована (т.е. будет ли налицо прагматическое значение), зависит от контекста, от конкретного употребления производных слов. Так напр. существительное *приятелче* может и не выражать прагматического значения – когда называются молодые люди, сравн. напр. следующую ситуацию: Петер – ребенок, у которого есть друг Иван: *Петърчо си има приятелче – Иванчо*. В конкретной ситуации деминутивный суффикс прибавляется и к личным именам, чтобы показать, что речь идет о названии детей. (В таких случаях возможно его употребление и в целях выражения отношения, напр. ласкательного, одобрительного, умиленного и др., т.е. с прагматической функцией, но это не обязательно).

Когда, однако, деминутивный формант прибавляется к названиям лиц согласно профессии, которой они занимаются (*nomina profesionalia*), выражается прагматическая информация, т.е. прагматическая функция реализуется. Рассмотрим ситуацию: Иван Петров врач / агроном / учитель, который молод. Его сосед, намного старше него говорит своей жене: "Вчера видях Петров, докторчето/агрономчето/даскалчето (= учителчето)". В таком случае употребление (квази) деминутивных форм выражает следующую прагматическую информацию: "я называю лицо, которое намного моложе меня". К ней можно добавить и прагматический смысл [по ЯЗЫКОВОЙ 1, 44]² 'положительное отношение к названному лицу'. Наоборот – отрицательное отношение, оценку обнаруживаем в следующем

¹ Цитируются значения, представленные в NSČ, 1998.

² "... под "смыслом" понимается то содержание виртуального знака, которое оно получает в контексте".

контексте: “Ама и Петров е един доктор – нищо не може да лекува. Знам ги аз тия докторчета – сума ти народ умориха...”. (“Ну и Петров то ж емне еще доктор – ничего не может вылечить. Знаю я таких докторишек – тъму народа уморили...”).

Прагматическая функция деминутивного форманта **-че** – выражать положительное отношение, оценку, эмоцию, проистекает из его системных характеристик – связываться с основами существительных имен и придавать в их значении признак ‘маленький размерами, возрастом и пр.’, что со своей стороны связывает его с названиями маленьких существ (*лъвче, зайче*), конотирующих признаки ‘умилительность’, ‘ласкательность’ и др. Противоположные признаки (‘пренебрежительность’, ‘ироническое отношение’, ‘отрицательная оценка’ и пр.) со своей стороны проистекают из признака ‘малый по значению’. Следовательно, от того *к чему именно относится признак ‘маленький’* – ко внешним, физическим параметрам (размерам, росту, возрасту и др.) или ко внутренним, качественным параметрам (свойствам) названного объекта, зависит какой из двух противоположных качественных признаков будет реализован, т.е. какая из двух потенциальных прагматических функций будет выражена в определенном контексте.

Все это показывает, что исследование прагматико-стилистических функций формантов или ПС вне текста является некорректным и часто доводит до ошибок и заблуждений [по этому вопросу см. также ВЕНДИНА 1994, 92].

В заключение подчеркнем, что рассуждения, представленные в настоящем докладе, имеют целью скорее заострить внимание научной общности на поставленных проблемах, нежели предлагают готовые решения. Надеемся, что изложенные рассуждения внесут лепту в более углубленное исследование функциональных аспектов словообразования славянских языков, частью которого является и проблема ПСФ.

Литература:

АВРАМОВА 2003: Аврамова Ц. Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на ХХ век. Изд. Херон Прес. – София.

АВРАМОВА 2004: Аврамова Ц. Новите думи през призмата на словообразователната норма и система. // Стандарт и субстандарт – диахронни и синхронни аспекти. – Шумен. – С. 241 – 252.

АВРАМОВА 2006: Аврамова Ц. По въпроса за “двустранността” на словообразователните афикси. // Българска реч (в печати).

АРУТЮНОВА, ПАДУЧЕВА 1987: Арутюнова Н.В., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики. // Новое в зарубежной

лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Общая редакция Е. В. Падучевой. – Москва. – С. 3 – 42.

БАЛТОВА 1997: Балтова Ю. Професор Иван Леков и проблемите на съвременното словообразуване. // Общност и многообразие на славянските езици. Сборник в чест на проф. Иван Леков. – София. – С. 49 – 54.

БАЛТОВА И КОЛ. 2004: Балтова Ю., Кароляк Ст., Малджиева В. Проект на VII том на БПСГ: Модел за конфронтативно словообразователно описание на българския и полския език. // Българско-полски граматични студии. Том VII. Справочник по академичната Българско-полска съпоставителна граматика. – София. – С. 183 – 193.

БЕР 1999-2000: Български енциклопедичен речник. Изд. Ив. Габеров. – В. Търново.

БОНДАРКО 1987: Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики. // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Отв. ред. А. В. Бондарко. – Ленинград: «Наука». – С. 5 – 39. // <http://iling.nw.ru/grammatikon/bondarko.1987.pdf>.

БСЭ 1978: Большая советская энциклопедия. Т 28. – Москва.

БЭС 1998: Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-ое (репринтное) издание “Лингвистического энциклопедического словаря” 1990 года. – Москва.

ВЕНДИНА 1994: Вендина Т.И. Семантическая функция суффикса и сопоставительное изучения славянского словообразования. // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. – Москва. – С. 80 – 93.

ДЕМЬЯНКОВ 2003: Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века. // <http://www.infolex.ru>

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ 2000: Энциклопедия на съвременния български език. Съст. Р. Русинов, Ст. Георгиев. – В. Търново.

ЗЕМСКАЯ 1992: Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – Москва.

КУБРЯКОВА 1981: Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – Москва.

ОНИПЕНКО: Онипенко Н.К. Функция и функциональность в современной русистике. // <http://www.slavic.or.kr/Journals/files/volume7/Onipenko02.pdf>.

ПАДУЧЕВА 1996: Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой. // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. – Москва. – С. 5 – 32.

РАДЕВА 1993: Радева, В. Словообразователна и семантична структура на деноминалните глаголи в съвременния български книжовен език. – София.

РЕКЕ 2004: Аугментатива – языковое значение и текстуальные функции. // *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka*. Bratislava 27.9. – 1.10.2004. (Доклад конференции, в печати).

РУССКАЯ ГРАММАТИКА, ИНТЕРНЕТ: Русская грамматика. АН СССР, Институт русского языка. // <http://artefact.lib.ru/languages/russian>

ЯЗЫКОВАЯ 1: Языковая номинация. Общие вопросы. – Москва, 1977.

ЯЗЫКОВАЯ 2: Языковая номинация. Виды наименования. – Москва, 1977.

ČERMÁK 2001: Čermák F. Jazyk a jazykověda. Nakl. Karolinum. – Praha.

DOKULIL 1962: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. – Praha.

DOKULIL 1996: Dokulil M. Tvoření slov. // *Čeština – řeč a jazyk*. (M. Čechová a kol. autorů). – Praha. С. 76 – 132.

EWD 1971: *Encyclopedic World Dictionary*. Ed. P. Hanks. The Hamlyn Publishing Group Limited. – London – New York – Sydney – Toronto.

ESČ 2002: *Encyklopedický slovník češtiny*. Ed.: P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. – Praha.

FILIPEC, ČERMÁK 1985: Filipec J., Čermák F. Česká lexikologie. // *Studie a práce lingvistické* 20. – Praha.

FURDÍK 2004: Furdík J. Slovenská slovtvorba. (Teória, opis, cvičenia). M. Ološtiak, ed. Náuka. – Prešov.

GRAMATYKA 1998: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia* (Red. Grzegorzczkova R., Laskowski R., Wróbl H.). Wydanie drugie, zmienione. – Warszawa.

KOMPARACJA 2003: *Komparacja współczesnych języków słowiańskich, 1. Słowotwórstwo / Nominacja*. Red. I. Ohnheiser. – Opole.

MČ 1986: *Mluvnice češtiny. 1. Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov*. Věd. red. J. Petr. – Praha.

NAGÓRKO 2001: Nagórko A. *Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem)*. – Warszawa.

NAGÓRKO 2003: Nagórko A. *Tendencje w sferze pragmatyczno-stylistycznej*. // *Komparacja współczesnych języków słowiańskich, 1. Słowotwórstwo / Nominacja*, red. I. Ohnheiser. – Opole. – С. 189 – 197.

NSČ, 1998: *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. 1*. O. Martincová a kol. – Praha.

OHNHEISER 2003: Ohnheiser I. *Прагматико-стилистическая дифференциация словообразовательных средств. Восточнославянские языки*. // *Komparacja współczesnych języków słowiańskich, 1. Słowotwórstwo / Nominacja*. Red. I. Ohnheiser. – Opole. С. 198 – 216.

WASZAKOWA 1996: Waszakowa K. *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki z formantami paradygmatycznymi*. – Warszawa.

ТЕНДЕНЦИИ ВО СОВРЕМЕНИОТ МАКЕДОНСКИ ЈАЗИК ВО ПОГЛЕД НА УПОТРЕБАТА НА ОДДЕЛНИ СУФИКСИ ЗА ОБРАЗУВАЊЕ NOMINA AGENTIS

0. Семантичкото поле на *nomina agentis*, т.е. вршители на дејства „...ги опфаќа главно називите на лица што го вршат дејството именувано со основата на дериватот (кога се дериватите мотивирани од глаголи: *носи*>*носач*; *лови*>*ловец*) или се карактеризираат со определена дејност во врска со предметот (десигнатот) именуван со мотивирачкиот збор (кога се мотивирани од именки: *чевел*>*чевлар*; *наука*>*научник*; *флејта*>*флејтист*)“ [КОНЕСКИ 1995, 48].

Семантичката парафраза гласи:

Toj(moa) што Verb(3Sg praesentis) (+object).

Или со други зборови „Агентивните именки мотивациски најчесто се врзуваат со глаголите, а во однос на значењето најчесто именуваат лице што се карактеризира со активен однос кон дејството во мотивирачката основа, т.е. лице како субјект-вршител или носител на дејство: *сидар* 'X(тој) сида', *пејач* 'X(тој) пее'. Кај некои деривати се јавува секундарно значење на предмет, инструмент со кој се врши дејството, или пак е резултат на дејството посочено во мотивирачката основа: *прекривач* 'со X се прекрива'.“ [ВЕЛЕВА 2004, 80-81], односно 'она со што се прекрива'. „Кај некои именки поради карактерот на семантичката мотивираност можна е појава на семантичка блискост на типовите деривати што резултира со преосмислување на зборообразувачкиот формант и со појава на хомонимија и полисемија (*сечач* 'лице што сече'/ 'предмет, орудие со кое се сече'). Можноста за разбивање на хомонимијата се забележува во композициските деривати од типот *дрвосечач*, каде што со проширувањето на мотивирачката основа попрецизно се дефинира значењето на дериватот“ [ВЕЛЕВА 2004, 81]. Ист е случајот и кај именката *копач* (може да означува 'лице што копа', но и 'предмет со кој се копа'; како и *бројач* 'лице кое брои, но и апарат/инструмент со кој се брои', при што доаѓа до доближување до семантичкото поле на *nomina instrumenti*; или пак *винар*, дериват со кој се означува 'лице кое произведува вино', но и 'лице, љубител на вино', при што доаѓа до доближување до семантичкото поле на *nomina attributiva*, односно т.н. називи на носители на дадена особина.

0.1. Во поглед на семантиката, со дериватите кои означуваат називи на вршители на дејство, „...вршењето на дејството (дејноста) се претставува како постојано занимање, професија на лицето именувано со дериватот (*ковач*, *возач*), како склоност, умеење (*пушач*, *лизгач*, *стрелец*) или како актуелно, во дадена ситуација вршење на дејство (*претседавач*, *шетач*, *слушател*), [КОНЕСКИ 1995, 48].

0.2. Токму кај овој тип именки суфиксацијата се покажува како најпродуктивен зборообразувачки модел.

Суфикси за образување вршители на дејство (nomina agentis) во современиот македонски јазик:

-ач (*продавач, гледач*); **-ар** (*поштар, сидар*)); **-ник** (*ученик, научник*); **-ец** (*ловец, полицаец*); **-тел** (*водител, посетител*); **-џија/-чија** (*фурнаџија, занаетчија*) и одделни суфикси во зборови од интернационалната лексика, како на пример: **-ант** (*лаборант, емигрант*); **-ент** (*асистент, рецензент*); **-ер** (*репортер, фудбалер*); **-атор** (*организатор, илустратор*); **-итор** (*композитор, инвеститор*); **-аш** (*иако непродуктивен, но присутен во лексеми како: армоникаш, робијаш, кочијаш*), [КОНЕСКИ 1995, 48, 51].

1. Сакајќи да ја претставам современата состојба во македонскиот јазик во однос на употребата на суфиксите за образување nomina agentis во случајов ќе се задржам на употребата на суфиксот **-тел** како еден од најстарите словенски, односно прасловенски суфикси, единствен кој се врзува исклучиво за глаголи, присутен во сите словенски современи јазици, и чијашто продуктивност се менувала низ времето, а за тоа секако, придонеле низа фактори (факторот традиција, врзувањето за даден стил, потребата од семантичка диференцијација, терминологизација, избегнување на повеќезначноста и се помалата потреба од izdelувањето на т.н. повисок, книжевен стил наспрема т.н. понизок, народен стил), кои на некој начин се надоврзуваат еден на друг, проследени притоа од факторот време.

За да еден суфикс со текот на времето ја изгуби својата продуктивност, јазикот мора да ја искористи својата компетентност и да ја надополни евентуалната празнина преку зголемувањето на продуктивноста на изофункционалните суфикси. Едноставноста при процесот на деривација, потребата од семантичка диференцијација и честотата на употреба ја зголемуваат неговата продуктивност за сметка на останатите суфикси. Таков е случајот со употребата на суфиксот **-ач**, чија продуктивност се зголемува во последно време, иако со овој суфикс не се деривираат само именки кои означуваат вршители на дејство, туку и називи на орудија за вршење на дејства, односно 'предмети кои учествуваат во спроведувањето на процесот на вршење на дејството' (на пр.: *грејач, менувач*), онака како што во случајот на вршителите на самото дејство, за тоа се одговорни самите 'лица кои го изведуваат процесот на дејството' на пр.: *возач, свирач, преведувач*).

1.1. Дел од дериватите на **-тел** во современиот македонски јазик претставуваат стари, наследени деривати од прасловенскиот, односно старословенскиот јазик, како на пример: *учител, пријател* [сп. НИКОЛИЌ 1966/67, 41 – 49]. Во македонскиот јазик „повеќето вакви именки се заемки во литературниот јазик: *читател, слушател, писател*“ [КОНЕСКИ 1982, 274], односно се преземени од другите словенски стандардни јазици или активирани под влијание на овие јазици од сопствената писмена традиција [сп. УГРИНОВА-СКАЛОВСКА 1968, 65 – 70].

1.1.1. Една моја анализа на книгата на Крсте Петков Мисирков, позната под името „За македонските работи“, излезена од печат 1903 година и книга со која се поставуваат темелите на современиот македонски стандарден јазик пред неговата официјална кодификација, во поглед на употребата на суфиксот -тел од крајот на XIX и почетокот на XX век, ме наведе на следниот заклучок: употребата на дериватите со суфиксот -тел, како и на оние со суфиксот -ник, чија продуктивност е голема, пред се поради можноста за деривација и од глаголски и од именски основи, зборува за негување на старата писмена традиција од една страна, но и за влијанието на дијалектите кои тој ги предлага за литературен стандарден јазик, централните дијалекти, преку зголемената фреквентност на употребата на суфиксот -ач, а се помалата на суфиксот -ец од друга страна, што фактички ја отсликува и денешната состојба на современиот македонски јазик, сто години подоцна, [АРИЗАНКОВСКА 2005, 293 – 299]. Сепак факторот на традицијата, како што забележува Блаже КОНЕСКИ [1975, 114] „во нашата средина и потсвесно бара рамнотежа меѓу подновувањата и она што е во вековното словенско писмено наследство и што неминовно води кон извесно нивелирање и на современата фаза на словенските литературни јазици“. На тоа би додале: во тоа своја улога одиграле и современите словенски јазици, особено рускиот, кои при процесот на стандардизацијата на македонскиот јазик се нашле некаде на неговиот фон. И токму во тој умерен отклон од традицијата и обидот за негова модернизација, јазикот на Мисирков е поблизок до сосотојбата во современиот македонски стандарден јазик, што го прави посебен во однос на останатите словенски јазици на Балканот.

1.1.2. Меѓутоа, во современиот македонски јазик се среќаваат и понови образувања, факт кој говори за прагматичката мотивираност на суфиксот -тел, особено кога станува збор за новоформираните деривати кои се среќаваат главно со специјализирана функција, мислејќи тука пред се на дадените термини, чијашто оправданост се базира главно на одбегнувањето на потенцијалната блискозначност. На пр. дериватите: *сторител*, *подносител*, *извршител*, *молител*, *жалител*, *наемател*, *овластител*, *бранител*, *проценител*, *обвинител*, *проневерител*, *гонител*, *прекришител*, *тужител*, *имател*, *држател*, *оверител* се типични за правната наука, односно за административниот стил, кој инаку трпи најмалку промени во употребата на еден јазик како жив; потоа *делител*, *множител*, *броител*, *именител*, *содржател*, својствени за математичката наука и кибернетиката итн.

1.1.2.1 Сепак, во одредени случаи контекстуалната зависност ја прецизира семантиката на дадената лексема. На пример дериватите *делител* и *бранител*, и покрај тенденцијата за нивна терминологизација, се среќаваат со следните значења:

Пр.: а) Заеднички *делител* на броевите ... (‘математички термин’)

Делителот ги подели картите. (‘лице кое дели карти’)

Делители на помошта се ОН. (‘лице/организација која дели помош’)

б) ... на масата седат членовите на Судскиот совет, а малку понапред се местата на обвинителот и бранителот. [Арсовски. Драмаи 1967,9].

(’лице кое професионално ја врши функцијата на заштитник, адвокат’

Јас сум бранител на религијата.

Бранители на слободата.

(’лице кое во даден момент се јавува како заштитник на нешто’.

1.1.2.2 Стилската употреба на дериватите на -тел е исто така еден од факторите кои го прават актуелен овој суфикс. Сите деривати на –тел во современиот македонски јазик не се стилски еднакво вредни. Дел од нив се карактеристични само за пишаниот јазик, односно се со книжна употреба, што на некој начин го нагласува факторот традиција и повозвишениот интелектуален, односно литературен стил (на пр.: *предводител, просветител, основател, продолжител, преносител, создател, ревнител*; последните два примера имаат покрај себе и квалификатор архаични лексеми, в. РМЈ, што значи дека нивната употреба се сведува на ограничен контекст и даден стил, додека во современиот јазик, тие се веќе заменети со соодветни еквивалентни лексеми, на при. *творец* наместо *создател* и сл.).

1.2. Сепак, секаде каде што се создале поволни услови, суфиксот -тел е заменет со -ач, што го прави овој суфикс извонредно продуктивен во денешниот современ македонски стандарден јазик. Постојењето на два паралелни модела резултира со замената на суфиксот -тел со -ач, односно доаѓа до поголема фреквентност на употреба на дериватите на -ач, особено под влијание на разговорниот јазик, а наследено како тенденција од народниот јазик (*издател:издавач; воспитател:воспитувач; поробител:поробувач; снабдител:снабдувач; составител:составувач; гледател:гледач* (и *гледачи*, но сепак *гледателка*, бидејќи гледачка се среќава со значење ’гатачка’), онаму каде што не се јавува потреба од паралелно постоење на двата модела, особено со цел семантичко диференцирање. Еден од примерите е токму примерот *гледателка:гледачка* кај формата за феминитивно образување.

Такви примери се среќаваат и кај: *читател:читач*, при што *читател* е ’лицето кое чита’, а *читач*, покрај неговата употреба како ’лице’, се среќава и со значење ’апарат за читање’, на пр. читач на микрофилмови. Слична е ситуацијата и кај *снимател* ’лице кое се занимава со снимање’: *снимач* ’апарат, направа за снимање’. Со дериватот *носител* пак, се означува ’лице-изразител, претставник на нешто’, на пр. носител на идеи; носител на орден; на проект; додека со дериватот *носач* се означува 1. ’лице кое професионално се занимава со носење’ (багаж или сл.), 2. ’брод (носач на авиони), 3. во архитектурата (столб носач, потпорен столб), сп. РМЈ.

И кај примерот на употребата на дериватите *водител:водач* се јавува семантичка разлика, во современиот јазик се присутни и двата. Со *водител* се означува ’лице кое води некоја емисија’, поретко со значење водач, додека дериватот *водач* означува ’лице – предводник, лидер’. Интересно е кај овој дериват дека образувањето на феминитив е невозможно во современиот

македонски јазик преку суфиксно образување од истиот корен, значи јазичната пракса го отфрла образувањето: водачка, исто како и во случајот *возач* – возачка или *мајстор*-мајсторка, но дозволува образување на феминитив кај дериватот *лидер-лидерка*; и секако кај примерот *водител* – *водителка*, со веќе наведеното значење.

Инаку, како доказ за продуктивноста на суфиксот **-ач** во современиот македонски јазик е и јазикот на печатот, каде што образувањата на **-ач** се се побројни, од типот: *олеснувач*, *избирач*, *итрајкувач*, *оспорувач*, *изнудувач*, *произведувач*, *изнајмувач* и др.

1.2.1 Како непродуктивни се јавуваат сложените образувања на **-тел**, од типот: *книгоиздател*, заменето со *книгоиздавач*; *работодател* заменето најпрво со *работодавец*, а сега актуелно со суфиксот **-ач**: *работодавач* и сл.; но сепак: *робовладетел*, *сметководител*, *тутунопроизводител*, *млекопроизводител*, *радиослушател*, *радиоводител* и др., каде што едниот од составните делови на сложенката, мислејќи на оној со суфиксот **-тел** е се уште во актуелна употреба и како самостојно употребен.

Паралелна употреба на двата деривата се среќава и во примерите *помирител:помирувач*, *посвоител:посвојувач*; *примател:примач*; *преносител:пренесувач*, но во овој случај се работи не за потреба од семантичко диференцирање, туку едноставно можност за двојна употреба, при што доаѓа до израз и субјективниот став на самиот корисник, односно авторот на пораката.

1.3. Како изофункционални суфикси на суфиксот **-тел** се јавуваат и суфиксите **-ник** и **-ец**. И двата суфикса се од словенско потекло, како и суфиксот **-ач**.

1.3.1 Суфиксот **-ник**, за разлика од суфиксот **-ец** е попродуктивен. Како мотивирачка основа се среќава глаголска (*иследник*, *ученик*, *скитник*), именска основа (*наставник*, *научник*, *благајник*, *правник*) или станува збор за двострана мотивација (*советник* 'тој што советува' или 'тој што дава совет'; *извозник*, *увозник*, *превозник* итн.)

Наспрема суфиксот **-тел**, во примерите: *претставител:претставник*; *предател:предавник*; *предводител:предводник*, како пофреквентен се јавува суфиксот **-ник**. Меѓутоа, паралелно се употребуваат двата деривата во случаите на семантичка диференцијација: *учител:ученик*; *тужител:туженик*; *воспитател:воспитаник* и сл., за кои Стјепан Бабиќ смета дека главната разлика е во активниот/пасивниот однос на агенсот [в. ВАВИЌ 1986, 280], на пр.: *тужител* 'тој што тужи', а *туженик* 'тој што е тужен (од некого)'. Паралелна е употребата и на дериватите *управител* и *управник*, но овие два деривата се јавуваат со исто значење 'тој што управува'.

Суфиксот **-ник** во современиот македонски јазик се покажува како продуктивен единствено за добивање именки кои означуваат 'предмет', односно списанија или книги, именувани според предметот на нивниот интерес: *весник*, *речник*, *азбучник*, *разговорник*.

1.3.2 Во поглед на употребата на суфиксот **-ец** во современиот македонски јазик, доволно е да истакнеме дека тој е најмалку продуктивен или како што забележува Кирил КОНЕСКИ [1995,50], со него се изведуваат ограничен број деривати мотивирани од глагол (*борец, ловец, стрелец, творец*) или од именка (*текстилец, сообраќаец, полицаец*). Наспрема суфиксот **-тел** се јавува во примерите: *светител:светец; создател:творец*. Всушност неговата продуктивност во современиот македонски стандарден јазик ја презема суфиксот **-ач**, за разлика од останатите јужнословенски јазици, каде што овој суфикс е особено продуктивен [сп. ВАЈЕС 1950; ВАВИЌ 1986; ДИМИТРОВА 1962; СТЕВАНОВИЌ 1964]. Суфиксот **-ец** е нешто попродуктивен кај сложените образувања, од типот: *војсководец, миротворец, коњокрадец; наемодавец, работодавец*. Во контекст на гореспоменатата продуктивност на суфиксот **-ач** е и замената на наемодавец со *наемодавач*, односно работодавец со *работодавач*, врзани инаку за административниот стил.

1.4. Неколку збора и за останатите суфикси за образување *nomina agentis* во поглед на нивната фреквентност и продуктивност во современиот македонски јазик.

1.4.1 Суфиксот **-ар** е исто така продуктивен во современиот јазик, се врзува главно за именска основа (со мали исклучоци, на пр.; *сидар* 'тој што сида', *пекар* 'тој што пече'), при што дериватот е на некој начин во релација со мотивирачката основа (*овчар* 'тој што чува овци'; *рибар* 'тој што лови риби'; *слаткар* 'тој што изработува слатки'; *чевлар* 'тој што поправа чевли'). Овој суфикс е особено фреквентен во образувања во стандардниот јазик кои се однесуваат на „називи на лица специјалисти во разни научни области, технички гранки и други дејности (*ветеринар, психијатар, естетичар...ботаничар, математичар, физичар, механичар, техничар, електричар*)“, [КОНЕСКИ 1995, 49], а и како изофункционален на суфиксот од унгарско потекло **-аш** (*кошаркар:кошаркаш, одбојкар:одбојкаш*), кој е крајно непродуктивен во современиот македонски јазик.

1.4.2 Суфикс, кој привлекува внимание во современиот македонски јазик, е суфиксот **-џија/-чија** од турско потекло, кој се врзува за именска основа. За него би рекле дека е непродуктивен во современиот јазик, бидејќи образувањата, како *алџија, бозџија, кондураџија, занаетчија* и др. се врзуваат пред се за разговорниот јазик, навлезени преку народниот, отсликувајќи го притоа битот на македонскиот јазик, како дел од една народна култура, одраз на долгогодишното турско присуство на Балканот. Токму затоа неговата употреба се врзува за именувањето дадени професии, односно изведувачи на дадени занаети: *казанџија, јорганџија, кујунџија, бозџија, самарџија, саатчија, кебапчија*.

Сепак, неговата продуктивност се проширила и на образувања од понов тип, и тоа: *водоводџија, ловџија, трамвајџија; филмаџија, театарџија; вреваџија, силеџија* итн. Ваквите деривати се врзуваат главно за разговорниот јазик и се стилски емотивно обоени. Примерите *филмаџија, театарџија;*

тремација, вревација, силеџија, трошација (дури и со феминитивна варијанта: *трошацика*), воедно се доближуваат и до атрибутивните називи, отсликувајќи дадена карактеристика на лицето именувано со дадениот дериват, било како позитивна било како негативна (*филмација* 'лице кое сака филмови/гледа премногу филмови'; *вревација* 'лице кое премногу вреви/крева врева'). Токму ова говори за проширената продуктивност на овој суфикс која произлегува од функционалноста на овој модел и која се гледа пред се во употребата на мотивирачка основа од туѓо потекло со суфикс од несловенско потекло, но одомаќен во македонскиот јазик (*компјутерџија, револверџија, рокерџија, моторџија, баскетџија*). Нивната употреба е се позабележителна во последно време и во јазикот на печатот.

2. Заклучок: Суфиксацијата се покажува како еден од најфункционалните модели за образување именки кои означуваат вршители на дејство. Во тој поглед, во современиот македонски јазик се забележува тенденција за употреба на суфиксите за образување *potina agentis* пред се од словенско потекло, особено оние врзани за народниот јазик и дијалектите диференцирачки во однос на другите словенски, поточно јужнословенски јазици, но со цел одржување на еден баланс во однос на старата словенска традиција, за што сведочи употребата пред се на суфиксот –тел, чија продуктивност се зголемува особено во сферата на специјализираната терминологија, што е впрочем и разбирливо поради неговата книжна употреба. Суфиксите **-ач**, **-ар**, **-ник** се јавуваат како најфреквентни, а нивната фреквентност е поттикната и од разговорниот стил, во којшто „зборообразувањето се покажува како најпродуктивен и најслободен процес“, [ВЕЛЕВА 2004, 314]. Но, се среќава и присуство на голем број суфикси од туѓо, несловенско потекло, кои најчесто биле примени во јазикот заедно со лексемата од туѓо потекло, мислејќи тука особено на интернационалната лексика, најчесто од латински или грчки корен, која претставува еден неминовен период во развојот и обогатувањето на речничкиот фонд на еден современ стандарден јазик.

Што се однесува до уметничкиот стил, тенденцијата за употребата на одделни суфикси за образување вршители на дејство е во насока на употребата на сите наведени суфикси, особено поради желбата за постигнување на што побогат и пожив стилски израз, па тешко е да се зборува за непродуктивни, односно помалку или повеќе продуктивни суфикси.

Она што е важно е доброто познавање на јазичните можности на еден јазик, кое ни овозможува во рамките на постоечките можности на дадениот јазик, т. е. неговата компетентност и искористувањето на неговиот потенцијал, да го обогатиме неговиот речнички фонд, притоа секако, не заборавајќи на неговата традиција.

Литература:

АРИЗАНКОВСКА 2001: Аризанковска Л. Функционално оптоварување на наследените словенски суфикси за *nomina agentis* во македонскиот и во словенечкиот јазик (со посебен осврт на суфиксот *-tel'b врз фонот на изофункционалните суфикси), Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“. – Скопје.

АРИЗАНКОВСКА 2005: Аризанковска Л. Суфиксот *прасл. *-tel'b* – мак. -тел и неговите изофункционални суфикси во книгата „За македонските работи“ од К. П. Мисирков, МАНУ. – Скопје.

ВАБИЌ 1986: Babić S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku: Nacrt za gramatiku JAZU, Globus. – Zagreb.

ВАЈЕС 1950: Babić A. Besedotvorje slovenskega jezika, I: Izpeljava samostalnikov, SAZU. – Ljubljana.

ВЕЛЕВА 2004: Велева С. Тенденции во зборообразувањето во македонскиот јазик (докторска дисертација), Филолошки факултет. – Скопје.

ДИМИТРОВА 1962: Димитрова М. *Nomina agentis* во книжовниот българи јазик, Известия на Института за българи јазик, IX. – Софија.

ДУЧЕВСКА, МИНОВА-ЃУРКОВА 1992/93: Дучевска А., Минова-Ѓуркова Л., Суфиксот –џија/-чија во македонскиот јазик денес, Годишен зборник на Филолошкиот факултет, кн.18/19. – Скопје.

JURIŠIĆ 1963: Jurišić V. O produktivnim formantima u tvorbi *nomina agentis*, Ivšičev zbornik. – Zagreb.

КОНЕСКИ 1982: Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик, Култура. – Скопје.

КОНЕСКИ 1975: Конески Б. Од историјата на јазикот на словенската писменост во Македонија, Македонска книга. – Скопје.

КОНЕСКИ 1995: Конески К. Зборообразувањето во современиот македонски јазик. – Скопје.

МАРКОВ 1980: Марков Б. Именки со наставката –ар во современиот македонски јазик, Годишен зборник на Филолошкиот факултет, кн. 6. – Скопје.

НИКОЛИЋ 1966/67: Николић С. *Nomina agentis* у старословенском језику, Јужнословенски филолог, XXVII, 1-2. – Београд.

СТЕВАНОВИЋ 1964: Стевановић М. Продуктивност неких наставака којима се граде *nomina agentis*, Наш јазик, XIV, 1. – Београд.

ТОМŠIĆ 1950: Tomšič F. *Nomina agentis* v knjižni slovenščini (Opombe ob Slovenskem pravopisu 1950), Slavistična revija, III. – Ljubljana.

ТОПОРИŠIĆ 2000: Toporišič J. Slovenska slovnica, Obzorja. – Maribor.

УГРИНОВА-СКАЛОВСКА 1968: Угринова-Скаловска Р. Улогата на црковнословенизмите во оформувањето на современиот писмен јазик, Реферати на македонските слависти за VI Меѓународен славистички конгрес во Прага. – Скопје.

ФУНКЦИОНАЛНА ХАРАКТЕРИСТИКА НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛНИТЕ ФОРМАНТИ

1.0. Въпросът за функционалната характеристика на словообразователните форманти не е нов за славянското словообразуване и за това свидетелства богатата лингвистична литература. Функционалната тридялба на производните думи на транспозиционни, мутационни и модификационни, водеща началото си от класическата вече теория на Милош Докулил [ДОКУЛИЛ 1962], продължава да е доминираща – с отделни “модификации” – и в съвременните словообразователни изследвания. Въпреки това, функцията на словообразователните форманти, както през изминалите десетилетия, така и днес, остава актуален теоретичен проблем за словообразуването. За функция на словообразователните форманти в славянското езикознание се говори независимо дали се изследва формално морфемната структура на производните думи [вж. напр. БОСАК 1985] или пък се определя същността на деривацията с оглед на словообразователното им значение [срв. изследванията на ЗЕМСКАЯ 1973; КУБРЯКОВА 1981; УЛУХАНОВ 1977 и др.]. В последно време функцията на словообразователните форманти се определя в зависимост от съотношението им с основните елементи от предикатно-аргументната структура (ПАС) на ядреното изречение. По този начин въпросът за функцията на словообразователните форманти се свързва както с формата, така и със значението на производните думи като единици за номинация или като съставни елементи на сложни изреченски структури в комуникационния процес. Този въпрос стои в изследванията независимо и от избрания подход – от форма към значение или от значение към форма – и завършва обикновено с функционална класификация на формантите.

2.0. При проследяване развитието на теоретичното словообразуване през последните 50 години се наблюдава своеобразна “еволюция” и в разбирането за същността на словообразователните форманти и особено за характеристиката на техните функции. Заслужава да се отбележи, че “еволюцията” е пряко свързана с развитието и постиженията на световната теоретична лингвистика през изтеклите пет десетилетия. Като потвърждение на тази констатация е достатъчно да бъдат посочени трудът на М. Хоновска “Ewolucja metod polskiego slowotwórstwa synchronicznego” за периода от 1967 до 1977 г. [вж. ХОНОВСКА 1979, 11 – 23] и най-новият труд на Е.С. Кубрякова “Язык и знание” [вж. КУБРЯКОВА 2004, 390–459]. На въпроса за функцията на словообразователните форманти са посветени още редица по-обобщаващи или по-конкретни изследвания [вж. напр. ПУЗИНИНА, ГЖЕГОРЧИКОВА 1979; ЛАСКОВСКИ 1966;

НАГУРКО 2001; 2004; ЛУКАШАНЕЦ 2001 и др.]. Този въпрос е предмет на внимание и на авторите на съпоставителното изследване на словообразуването в български и полски език в Българско-полската съпоставителна граматика [вж. БАЛТОВА, КАРОЛЯК, МАЛДЖИЕВА 2004, 183 – 193]. “Еволюцията” в схващането за функцията на словообразователните форманти досега се включва в границите, които обхващат дефинирането на тези елементи като средства за “ословяване” на производните лексеми, като елементи, които формално отличават “пораждащата” част от “породената” формация, през определянето им като “морфемно-оператори”, които служат за генериране на нови думи [вж. БОСАК 1985, 66] до разглеждането им като “носители” на словообразователното дначение [вж. УЛУХАНОВ 1977, 11] или на определена част от него [вж. КУБРЯКОВА 1981, 135]. С развитието на теорията за предикатно-аргументните структури функцията на словообразователните форманти се определя вече и от гледна точка на съотношението им с елементите от структурата на ядреното изречение [вж. КАРОЛАК 2001, 235 – 250].

3.0. Представлявайки моновербална лексикална единица, чиято основна задача е да назовава, производната дума със своята уникална специфика – сложна фармална и семантична структура – в ономаσιологичен план се анализира преди всичко с оглед на словообразователното ѝ значение и ролята на отделните му съставки в процеса на неговото структуриране. От тази гледна точка се определя и функцията на словообразователните форманти, към което се добавя категориалната принадлежност на дериватите към определена част на речта. При ономаσιологичния подход производните думи се описват самостоятелно с оглед на собствената им вътрешна структура, без контекст. При синтактико-комуникативния подход се обръща внимание преди всичко на значещата страна от семантиката на дериватите, която пряко се свързва с процесите на комуникацията и от която се определя поведението на дериватите в изреченските структури. От тази гледна точка се характеризират и функциите на словообразователните форманти.

4.0. Ако се приеме, че под функция в езикознанието ще се разбира “rola, jaką pełni dany element w języku” [вж. ЕНЦИКЛОПЕДИЯ 1991, 90], то в словообразуването функцията е ролята на отделните съставки в структурата на производната дума с оглед на словообразователното ѝ значение и ролята на деривата като глобална лексикална единица в структурата на изречението. Тези роли във всички съществуващи досега класификации на словообразователните форманти се определят в зависимост от аспекта на анализ: морфемен, лексикално-семантичен или синтактико-комуникативен.

4.1. Проблемът за функцията на словообразователните форманти е неделима част от проблема за предназначението на словообразуването

изобщо и особено днес, когато то се характеризира с изключително нарастваща активност при допълването и обогатяването на лексикалните системи на славянските езици. Като твърде актуален въпрос изпъква изясняването на диапазона на отделните словообразователни функции, на разширяването на обема на формалните формантни средства и на тяхната функционална натовареност.

4.2. Поставянето на въпроса за функцията на словообразователните форманти изисква ясно да бъдат разграничени два факта: функция на производната дума като глобален изразител на определно съдържание, в което се включва словообразователното значение и всички конотации, неексплицирани в структурата на повърхността, и функцията на словообразователните форманти като изразители на определена част от съдържанието на производната дума, на нейното словообразователно значение. Тези две функции се проявяват на различни езикови равнища: на изреченско, където производната дума участва като самостоятелна лексикална единица с глобално съдържание и на собствено словообразователно, където формантът има своя роля в структурата на деривата. Тази разлика обикновено не се отбелязва в досегашните функционални характеристики на производните думи или на словообразователните форманти.

5.0. Във връзка с възникващите въпроси от досегашните функционални класификации на словообразователните форманти и на производните думи тук ще бъде обърнато внимание на три от тях с оглед и на избраните различни подходи.

5.1. Според Ян Босак словообразователните форманти трябва да се разглеждат като оператори за образуване на нови думи. От тази гледна точка в неговата класификация са обособени четири типа словообразователни форманти: *к л а с и ф и к а т о р и*, които отнасят производната дума в повърхностната ѝ структура към субстантивите (съществителните), адективите (прилагателните) или глаголите; *м о д и ф и к а т о р и*, които модифицират значението на производните думи в рамките на същата морфологична категория; *т р а н с л а т о р и*, пренасящи дериватите от един модел в друг (срв. авторовия пример *dub* → *dub-ov(y)*) и *к о м п л е т и з а т о р и*, представляващи морфемни елементи за комплектуване, изравняване, допълване на морфемната дтруктура на производните думи.

Проследяването на класификацията на морфемните оператори, предложена от Ян Босак, показва, че: класификаторите и транслаторите са с идентична структурна функция – категоризират производните думи, съотнасяйки ги с определен морфологичен клас, част на речта (срв. примерите като *нов* → *новост*, *купувам* → *купувач*, *вода* → *воден*, *зелен* → *зеленя*, *дъб* → *дъбов* и др.); модификаторите са словообразователни оператори без категоризираща функция, но са семантично натоварени

(такива са всички словообразователни форманти, с които се образуват *nomina deminutiva*, *nomina augmentativa*, *nomina feminativa*, префиксалните глаголни морфемии и др.); комплетизаторите са елементи от повърхностната структура на дериватите със структурно-формална функция и нулева семантична натовареност.

Заслужава внимание последният (IV-ти) тип от словообразователните форманти. Определени от автора като комплетизатори, тези форманти са доказателство за относително автономното развитие на формалното равнище на езика и за отсъствието на абсолютно взаимно съответствие между форма и значение, между повърхностната и семантичната структура на производните думи.

Приведените от автора примери към всеки от четирите типа словообразователни форманти дават основание да се приеме, че морфемите оператори имат две основни функции на повърхностното равнище: *п р е к а т е г о р и з и р а щ а*, когато се преминава от една част на речта в друга (с тази функция се характеризират морфемите категоризатори и транслатори, според класификацията на Босак) и *н е к а т е г о р и з и р а щ а*, в която може да се определят допълнително *м о д и ф и ц и р а щ а* функция (характерна за морфемите модификатори) и *ф о р м а л н о - с т р у к т у р и р а щ а* (характерна за морфемите комплетизатори). Както се вижда, определянето на двете последни функции се основава на друг критерий – ‘± семантична натовареност’. Това свидетелства, че дори и при морфемния подход, използван от Ян Босак, не е приложен единен критерий за функционална характеристика на словообразователните форманти.

5.2. От гледна точка на структурното езикознание словообразователните форманти са изразители на отношението между произвеждащата и производната единица. За представителите на това направление основната функция на формантите е “създаването на нови думи (→ лексеми) въз основа на тези, които вече съществуват в езика” [ЕНЦИКЛОПЕДИЯ 1991, 90 – 91]. В енциклопедичните статии за функция на езиковите единици и функция на словообразователните форманти, с автор Р. Ласковски, се посочва, че словообразователният формант е изразител на категориалното значение на лексемата заедно с всичките му граматични характеристики; той определя принадлежността на деривата към конкретна част на речта с типичната за нея флексийна парадигма. Тази роля на словообразователните форманти структуралистите определят като “структурна (граматична) функция на формантите” [вж. ЕНЦИКЛОПЕДИЯ 1991, 91]. Приведените дефиниции за функцията и значението на словообразователните форманти се отнасят към повърхностното равнище на структурата на производната дума. Прави впечатление обаче, че не се разграничават от тези позиции отделните типове форманти, което означава, че структурно-граматичната функция

има универсален характер: и суфиксите, и префиксите (приименни и приглаголни), дори и интерфиксите следва да са носители на такава функция (?!).

Въз основа на друг критерий – отношението между произвеждаща и производна дума – в структурното словообразуване се различават с и н т а к т и ч н а и с е м а н т и ч н а функция на словообразователните форманти. При първата формантът сигнализира и съдейства за преминаването от една в друга част на речта, в друг функционален клас (срв. пол. *szybki* → *szybk-ość*, *gość* → *gość-ić*, *klam-ać* → *klam-liw(y)* или бълг. *нов* → *нов-ост*, *грив(a)* → *грив-ест*, *бутил-к(a)* → *бутил-ира(м)* и под.). При втората функция между деривата и произвеждащата единица има семантично различие (срв. пол. *komin* → *komin+iarz*, *tancerz* → *tancer-k(a)*, *kupić* → *prze-kupić*, *ciekać* → *do-ciekać się* или бълг. *обуц(a)* → *обуц-ар*, *риб(a)* → *риб-ар*, *уч(a)* → *учи-тел*, *пиша* → *до-пиша*, *пързаям* → *пързаям се* и др.). Приема се също, че словообразователните форманти могат да имат само едната или и двете функции. Като форманти само с една функция Р. Ласковски определя в полски език суфиксите *-ość*, *-ski* (синтактична) и *-aw(y)*, *-isk(o)*, *-nąć* (семантична), а като форманти с двете функции разглежда напр. суфиксите, с които се образуват *nomina agentis deverbativa*. Изложеното схващане създава възможност за разграничаване на монофункционални и полифункционални форманти, а оттам за определяне в някои класификации на форманти от смесен функционален тип [вж. напр. ГЖЕГОРЧИКОВА, ПУЗИНИНА 1979]. Въз основа на критерия 'отношение между произвеждаща и производна дума' Р. Ласковски разглежда три функции на словообразователните форманти: т р а н с п о з и ц и о н н а (с преминаване от една част на речта в друга без семантични промени), п р е д м е т н а (семантична функция при мутацията, където се създава ново понятие) и к а ч е с т в е н а (семантична функция при модификацията, когато не се променя типологичният статус на основата, а само се модифицира и обогатява нейното съдържание). Въпреки определените три функции Ласковски всъщност остава на първоначалната си позиция за синтактична (транспозиционна) и семантична (мутационна и модификационна) функция на словообразователните форманти [вж. ЛАСКОВСКИ 1966]. Опитите на структурното словообразуване да промени класическата тридялба – транспозиция, мутация и модификация – на практика остават неуспешни, тъй като те само я "модифицират": изменя се само прегрупирането на отделните типове производни думи като се разширява разбирането за транспозиция (синтактична деривация), а мутационните и модификационните деривати се обединяват според схващането за семантична деривация (за синтактична и лексикална деривация вж. също [ГИНЗБУРГ 1979]).

В западноевропейското езикознание по традиция и днес се приемат две функции на словообразователните форманти: т р а н с л а ц и о н н а, с каквато се характеризират формантите в транспозиционните деривати, разбирани широко (включват се традиционните транспозиции и мутационните деривати) и м о д и ф и к а ц и о н н а, при която понятиятната категория се модифицира частично, но се запазва морфологичното тъждество между основата и деривата. Към втората функция са отнесени деминутивните, аугментативните, феминативните и колективните деривати (по този въпрос вж. [НАГУРКО 2004]).

От изложеното по-горе за структурното словообразуване могат да се направят следните изводи: функциите на словообразователните форманти са различни в повърхностната и в семантичната структура на производните думи и се определят въз основа на различни критерии; словообразователните форманти се характеризират със структурно-граматична, семантична и синтактична функция, но от привежданите примери не се разбира винаги ли тези функции са точно разграничавани и защо е възможно, на каква основа се приема, че може да се говори за монофункционалност и полифункционалност на словообразователните форманти.

5.3. Тридялба при функциите на дериватите, а оттам и на словообразователните форманти се прави и в предложената от Ал. Нагурко класификация [вж. НАГУРКО 2001, 199 – 212]. Авторката определя т е к с т о о б р а з у в а щ а, с е м а н т и ч н а и п р а г м а т и ч н а функция на производните думи. Към първата функция са отнесени транспозициите (според Докулиловото разбиране), както и “nominalizacje agentywne polegające na tworzeniu nazw wykonawców czynności od czasowników nazywających te czynności” [НАГУРКО 2001, 211], т. е. nomina agentis deverbativa (срв. *hodowca, kolekcjoner, nauczyciel, tancer, pisarz* и др.). При тези деривати според авторката се променя само категориалната характеристика, без да се променя значението на произвеждащата основа. За деривати със семантична функция се смятат всички производни единици, отнасяни в словообразуването към мутационните и модификационните типове. Нагурко признава обаче, че “wprowadzającej przez formant zmianie semantycznej może towarzyszyć zmiana funkcji syntaktycznej, gdy derywat zostaje przeniesiony do innej klasy gramatycznej” [НАГУРКО 2001, 204]. Затова към дериватите със семантична функция авторката включва всички nomina agentis (като *klamca* и *rybak*), nomina instrumenti, nomina attributiva, nomina loci, nomina feminativa, nomina deminutiva и т. н. [вж. НАГУРКО 2001, 205]. В предложената от Ал. Нагурко класификация специално внимание се обръща на прагматичната функция на формантите, което се основава на мнението на авторката за отделяне на прагматиката от семантиката: семантиката съдържа постоянни, повтарящи се елементи, докато “informacja pragmatyczna jest

natomiast fakultatywna, zmienna i subiektywna” [НАГУРКО 2001, 208]. В сферата на прагматиката според Нагурко не доминира комуникативната функция, защото на преден план “wysuwają się inne intencje nadawcy: chęć zaskoczenia lub rozbawienia rozmówcy, potrzeba autoekspresji, żartu a gry językowej” [НАГУРКО 2001, 208]. Авторката смята, че словообразуването притежава собствени средства, т. е. форманти, носители на прагматична функция, които обаче все още не са описани системно. Проблемът за прагматичната функция на дериватите предстои да бъде изследван в бъдеще специално и подробно. Неговото обективно решаване може да стане въз основа на точно избрани критерии, при уточняване на дефиницията за прагматична функция на дериватите и равнището, на което тя се проявява, при избистряне на границата между прагматично и семантично съдържания, както и с отговор на въпроса съществуват ли в славянските езици словообразователни форманти с чисто прагматична функция.

Интересен момент в класификацията на Нагурко представят дериватите с текстообразуваща функция, чието образуване се свързва с операции на равнището на текста, без да е задължителна промяна в синтактичната им функция. Това обяснява защо към този тип деривати са отнесени онези производни думи, които се покриват с Докулиловата транспозиция, и тези, които Е.А. Земская нарича компресивни [вж. НАГУРКО 2001, 201 – 204]. Пред лингвистите изпъква въпросът за теоретично преразглеждане на традиционно разбираната синтактична деривация и свързването на този въпрос с развитието на теорията на семантичния синтаксис и нейното използване в словообразуването. Отношението между словообразуване и синтаксис продължава да бъде актуално за съвременната словообразователна теория. Както посочва например Е.С. Кубрякова, “дискурсът налага своите изисквания: маркира синтактико-семантичните роли на съставящите, цялата аргументно-фиктивна страна на комуникативния акт и изпълняваните от него илокутивни функции” [КУБРЯКОВА 2004, 330]. Производната дума като елемент от текста притежава способността да съхранява и предава информация, въз основа на смисловата си структура, определяна от словообразователното значение и типовете конотации, които го съпътстват (по този въпрос вж. напр. [БАЛТОВА 2001, 13 – 16]). В изречението и в текста производната дума участва като глобална лексикална единица и нейната функция се определя от цялостното ѝ значение, в което словообразователният формант е само един от структурните му елементи. Затова дискуссионен е въпросът дали формантът има също текстообразуваща функция.

5.4. Описанието на словообразуването в български и полски език в рамките на Българско-полската съпоставителна граматика се прави въз основа на теорията за предикатно-аргументните структури от семантичния

синтаксис, което позволява функцията на съставните елементи на производната дума да бъде определяна в зависимост от съотношението им със структурните елементи на ядреното изречение [вж. БАЛТОВА, КАРОЛЯК, МАЛДЖИЕВА 2004]. Първа задача в това изследване е да се разграничава формалната от семантичната и синтактичната деривация, след което да бъдат съпоставяни резултатите от тях. Използването на модела на ядреното изречение се основава на постулата, че между езиковите единици изречение и производна дума съществува структурен изоморфизъм, че значението на производната дума представлява определен тип предикатно-аргументна структура (ПАС) и всяко от изходните понятия има своя определена позиция в нея: на предикат или аргумент. Моделът на ядреното изречение предлага възможност да се установи максимално точно отношението между семантичната структура на производната дума и нейните повърхностно-формални езикови изразители, от което следва, че основните функции на словообразователните форманти на семантично равнище могат да се определят като функции, изразяващи предикатно или аргументно съдържание. Моделът предлага обективни критерии за уточняване не само на семантичните функции на формантите, но също и на синтактичното преобразуване, на структурно-категориалната принадлежност, както и на формално-структурното моделиране. Словообразователният формант може да се определя като елемент от повърхностната структура, който осъществява “моста” между явното (форманта) и неявното (понятийното съдържание). Създаването на производната дума е операция, при която настъпва стягане (свиване) на ПАС на ядреното изречение, което на формално езиково равнище се представя като еднословен сложен израз със статус на лексема. Словообразователният формант може да изразява ядрен аргумент (срв. напр. формантите при дериватите *nomina instrumenti*, *nomina agentis* и т. н.), на аргумент от добавена ПАС (напр. на деривати от словообразователната категория *nomina loci* като *пепелник*, *бонбонiera* и др.), на добавен предикат (като глаголните и именните префикси, като суфиксите при дериватите *nomina deminutiva*, *nomina augmentativa*, *nomina feminativa* и под. или при прилагателни като *влюбчив*, *гривест*, *брадат* и под.). Разграничаването на семантичната от синтактичната деривация позволява префикси като *за-* в *застрелям* да се определят като префикси със семантична функция, а морфемите като *-en* в полското *milcz-en-ie* да се отнасят към формантите със синтактична функция, които сигнализират само за синтактична деривация (по-подробно за възможностите на изречения модел за съпоставително изследване на словообразуването в два славянски езика вж. [БАЛТОВА, КАРОЛЯК, МАЛДЖИЕВА 2004]).

6.0. Направеният преглед на три от съществуващите функционални класификации на словообразователните форманти, както и изложението на най-основните положения в прилагането на теорията на ПАС за

установяване функциите на отделните типове форманти имат за цел в заключението на доклада да обосноват необходимостта от уточняване и поставяне на няколко въпроса като задачи пред бъдещи изследвания:

6.1. Разграничаване на понятието 'функция на производната дума' от понятието 'функция на словообразователните форманти'.

6.2. Уточняване и конкретизиране на понятието 'прекатегоризация' в словообразуването.

6.3. Уточняване и еднозначно дефиниране на термина 'категориална функция' за формално-структурното и семантичното равнище на производните думи.

6.4. Преразглеждане съдържанието на термина 'синтактична деривация' и актуализирането му в съответствие със съвременната световна теоретична лингвистика.

6.5. Определяне функциите на словообразователните форманти поотделно за различните езикови равнища и класифициране на формантите с оглед на това разграничаване.

Литература:

БАЛТОВА 2001: Балтова Ю. Словообразуване и текст. // Списание на БАН, 2. – С. 13 – 16.

БАЛТОВА, КАРОЛЯК, МАЛДЖИЕВА 2004: Балтова Ю., Кароляк Ст., Малджиева В. Проект на VII том на БПСГ: Модел за конфронтативно словообразователно описание на българския и полския език. // Българско-полски граматични студии. Том VII. Справочник по академичната Българско-полска съпоставителна граматика. – София. – С. 183 – 193.

БОСАК 1985: Bosák J., Buzássyová K. Východiská morfémovej analýzy. // Jazykovedné štúdie, XIX. – Bratislava.

ГЖЕГОРЧИКОВА, ПУЗИНИНА 1979: Grzegorzczkowska R., Puzynina J. Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime. – Warszawa.

ГИНЗБУРГ 1979: Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. – Москва.

ДОКУЛИЛ 1962: Dokulil, M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. – Praha.

ЕНЦИКЛОПЕДИЯ 1991: Encyklopedia języka polskiego. – Wrocław.

ЗЕМСКАЯ 1973: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – Москва.

КАРОЛЯК 2001: Karolak St. Od semantyki do gramatyki. – Warszawa. – С. 233 – 295.

КУБРЯКОВА 1981: Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – Москва.

КУБРЯКОВА 2004: Кубрякова Е.С. Язык и знание. – Москва.

ЛАСКОВСКИ 1966: Laskowski R. Derywacja rzeczowników w dialektach laskich. I. – Wrocław.

ЛУКАШАНЕЦ 2001: Лукашанец А.А. Словаўтварэнне і граматыка. – Мінск.

НАГУРКО 2001: Nagórko A. Zarys gramatiki polskiej (ze słowotwórstwem). – Warszawa.

НАГУРКО 2004: Nagórko A. Ujęcie funkcji słowotwórstwa w pracach językoznawczych XX wieku. // Проблемы тэорыі і гісторыі славянскага словаўтварэння. – Мінск.

УЛУХАНОВ 1977: Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – Москва.

ХОНОВСКА 1979: Honowska M., Ewolucja metod polskiego słowotwórstwa synchronicznego. – Wrocław.

**ГЛАГОЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
ЯЗЫКЕ И ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ (на примере
глаголов с приставкой за-)**

1. Изучение новых слов и значений (неология) в советском и российском языкознании получило толчок не в последнюю очередь в связи с практическим спросом создания словарей. Так, в словаре Ушакова впервые была введена помета «новое» для неологизмов советского времени. С шестидесятых годов XX века развивается неография как специальная дисциплина лексикографии.

Глагольным неологизмам до сих пор было уделено значительно меньше внимания, чем именным частям речи. Это объясняется и объективными, и субъективными факторами. Так, напр., из трёх тысяч новообразований, зафиксированных в бюллетене «Новое в русской лексике» за 1981 год – больше чем 57 % существительных, 31 % прилагательных, а только 7,4% глаголов [см. ЗЕМСКАЯ 1992, 43]. Именные части речи по сравнению с глаголами отличаются большей номинативной нагруженностью. Кроме того, те имена существительные, которые называют новые реалии и концепты, можно легче идентифицировать как неологизмы определенного периода.

Тем не менее, новые глаголы в современном русском языке вызывают интерес с учетом различных проблем словообразования, как, напр.:

- гибридное словообразование глаголов и его отграничение от заимствованных глаголов (*апгрейдить* «выполнить обновление/апгрейд», *задрафтовать* - от английского *draft* - в спортивном жаргоне «выбирать /игрока/»),

- активность глаголов в процессах семантической деривации,
- словообразовательная активность глаголов в реализации типовых словообразовательных парадигм,
- образование глагольных устойчивых сочетаний,
- «внутреннее заимствование» глаголов из жаргона и просторечия.

В данной работе будут рассматриваться глаголы, впервые зафиксированные и/или вошедшие в словари неологизмов в последние два десятилетия XX века¹, и некоторые вопросы их представления в издаваемом нами двуязычном словаре «Русско-немецкий словарь» [РНС]. При этом ограничимся новообразованиями аффиксальных способов с префиксом *за-*.

¹ Основой для подбора материала служил [РНС-НСЗ].

2. Глагольные новообразования – как все неологизмы – ставят лексикографа перед задачей относительно отбора словника для определенного словаря в соответствии с его типом, задачами и адресатом.¹ Критериями для включения неологизма в словник общего двуязычного словаря как РНС являются, в частности, его номинативная и прагматическая релевантность, степень его узуализации, его словообразовательная активность и частотность. Главная задача двуязычного словаря – подбор эквивалента на выходном языке. Эта проблема стоит особенно остро относительно неологизмов, которые включаются в словарь данной языковой пары впервые.

Для многих глагольных неологизмов, как вообще для части заголовочных слов, отсутствует однословный эквивалент или устойчивое словосочетание. В таких случаях даются толкования и переводные перифразы, которые для однотипных глаголов должны быть как можно больше похожими, стереотипными.

Оба вопроса, включение неологизма в словарь и установление эквивалентных отношений в выходном языке, связаны с вопросом о *функциях* данного новообразования в языке и в речи - вопросы, которые стоят в центре данной конференции.

При характеристике функций данных новообразований я исхожу из известной семантической классификации аффиксального словообразования, предложенной М. Докулилем [DOKULIL 1962], по которой лексическая деривация делится на мутационные и модификационные словообразовательные типы. Далее, в основе следующей классификации нашего материала лежат словообразовательные категории (СК), отличающиеся одним и тем же словообразовательным значением в рамках одного словообразовательного способа, ср. [ЗЕМСКАЯ 1992, 25].

3. Рассмотрим сначала **мутационные** СК и представление соответствующих неологизмов в словарях.

В материале были обнаружены префиксальный и смешанные аффиксальные способы с формантом *за-*, участвующие в реализации следующих словообразовательных значений:

(1) Префиксальный способ:

- «поместить, переместить с помощью действия, названного мотивирующим словом (далее – МС)» [ср. РГ 1980, 360, § 861 1)], напр.:

¹ О принятой нами дефиниции термина «неологизм», идентификации неологизмов и критериях их отбора для словарей разных типов см. [BELENTSCHIKOW 2000, 2002, 2006]

... мы не смогли бы купить помещение для редакции, автотранспорт. Ведь все это, как и многое другое, у нас в стране «зафондировано». [АиФ 17/89]

(2) Префиксально-суффиксальный способ:

Мотивирующее существительное

- «превратить в то, что названо МС» [ср. РГ 1980, 375, § 888 2]): разг. *закрестьянить* [Н-89], *занаучить* [НСЗ-80]

- «наделить (покрыть, заполнить) тем, что названо МС» [ср. РГ 1980, 375, § 888 1]): разг. *замарафетить* [Н-88], *зашлаковать* (несов. *зашлаковывать*) [Н-88]; ср. с переносным значением: А Солоник был *залегендированным* агентом. [ТВ, пример И.С. Улуханова]

- «превратиться в то, что названо МС»: разг. *забичевать* [Н-87]

- «приобрести признаки того, что названо МС»: разг., безл. *заосенеть* [НСЗ-80]

Мотивирующее прилагательное

- «приобрести признак, названный МС» [ср. РГ 1980, 379, § 904 2]): *Замоднело* это словечко уже и в СССР [НМ 6/00, 129], ср. разг. *закрутить* [Н-88], разг. *заскучнеть* [Н-88].

- «наделить (иногда чрезмерно) тем признаком, который назван МС»: Наш интерес, Союза правых сил, в том, чтобы *запараллелить* экономические западные реформы с внутренней демократизацией [ЛГ 23.-29.01.02];

(3) Префиксально-постфиксальный способ:

- «в течение длительного [...] времени совершая действие, названное мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в это действие, увлечься, утомиться» [РГ 1980, 386; § 941]: *закуриться* [Н-88]

(4) Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ:

- «наделиться (покрыться, заполниться) тем, что названо МС»: разг. *закровиться* [Н-88], *захмариться* [НСЗ-80], разг. *затариться* [ТССРЯ 2001]

- «наделить себя тем признаком, который назван МС»: [...] сегодня, чтобы попасть на русский MTV, эстрадным артистам приходится сильно «*замолаживаться*», и идти на «все тяжкие»... [АиФ-М 41/99]

Как показывают примеры, мутационные типы глагольного словообразования проявляют определенную активность.

Большинство неологизмов этих типов не называют «новых действий или процессов» и – во многих случаях – даже не новые концепты, а замещают возможные описательные конструкции (*наступила осень – заосенело*) или варьируют уже существующие номинации (*замарафетить – ср. замазать; затариться – ср. затовариться*). Их образование может быть обусловлено стремлением к выразительности, стилистической и экспрессивной функциями словообразования.

Лексическое значение мотивированных слов, принадлежащих к мутационным словообразовательным типам, часто отличается индивидуальным «семантическим приращением» по сравнению со значением мотивирующего слова. Тем не менее, при необходимости перифразирования его значения, когда отсутствует однословный эквивалент, авторы РНС стремятся отразить в его немецком толковании словообразовательную мотивацию, ср. выше уже указанные примеры: *залегендировать кого-н.* „jmdm. eine Legende (eine erfundene Biographie) zuschreiben“; *засмузлить кого-н./что-н.* „jmdn./etw. bräunen, dunkel werden lassen“ (смуглый „braun, dunkel“); *забичевать* „zum Säufer und Faulenzer werden“.

4. В рамках **модификации** префикс *за-* прежде всего выражает начинательный способ глагольного действия. Значение словосочетания «начать + V» заменяется однословным наименованием; функцию словообразования (вслед за Е.А. Земской) можно назвать компрессивной [ЗЕМСКАЯ 1992, 9]. Отнесение подобных производных к неологизмам не может вызывать сомнения, если и мотивирующее слово зафиксировано не раньше, чем в рассматриваемый временной период, ср. разговорные неологизмы *заностальгировать*, *задиссидентствовать*. Словари новых слов и значений, однако, включают также и глаголы как *законтачить* (ср. *контачить* [НСЗ-70]), *запрезирать*, *запепелиться*, *зафункционировать*, разговорные глаголы *завозражать*, *завспоминать*, *заголодать*, мотивирующие слова которых зафиксированы уже в Сводном словаре [РОГОЖНИКОВА 1991] и соответственно в важнейших словарях русского языка, вышедших до середины 1980 г. Доказать неологический характер подобных глаголов удалось бы лишь при применении новейших наиболее представительных баз данных, как, напр., www.integrumworld.com.

Целесообразно квалифицировать подобные глаголы как «потенциальные слова» (ср. [ЗЕМСКАЯ 1973, 218]), которые образуются по высокопродуктивным словообразовательным типам и отличаются семантической регулярностью. Последний признак позволяет трактовать их в двуязычном словаре стандартному образцу: Глаголы этой группы, для которых в немецком языке отсутствует однословный эквивалент (напр., с префиксом *los-*) или устойчивое словосочетание, должны быть соотнесены с однородными эквивалентами в качестве перифразы („beginnen zu ...“). В РНС, помимо этого, в микроструктуре из словарной статьи указывается способ глагольного действия (*ingress.* для „ingressive Aktionsart“).

5. Высокопродуктивным является словообразовательный тип с префиксом *за-* и словообразовательным значением «довести кого-что-л. до нежелательного состояния (негодности, утомления, истощенности) посредством действия, названного мотивирующим глаголом» [РГ 1980,

360], напр.: *заадминистрировать*, *заболтать** (несов. *забалтывать**), *забюрократизировать*, *забюрократить*, *заговорить** (несов. *заговаривать**), разг. *заматерить*, *замитинговать**, разг. *заслушать**, разг. *засматривать**, *заспециализировать*, *застандартизировать**, *затерроризировать*, *зацентрализовать*, разг. *зарегламентировать*, *зарегулировать**, проф. *заредактировать*, проф. *зарепетировать*, *заформализовать* (несов. *заформализовывать*), *зацитировать*, *заэкономизировать*.

Глаголы этого типа, как правило, не имеют одноязычных эквивалентов в немецком языке. Это одна из причин отсутствия таких глаголов (даже давно узуализированных) в большинстве русско-немецких словарей. При их перифразировании в названных двуязычных словарях часто употребляется наречие *uebermaessig* («чересчур»), в РНС часто прибавляется *mit unangenehmen Folgen* («с неприятными последствиями»). Более точный перевод зависит от контекста.

Отнесение этого типа к модификации может оспариваться. На периферии к мутации находятся, по крайней мере, глаголы с нерегулярным семантическим приращением, напр., разг. *зааттестовать* «при аттестации сделать заключение о несоответствии работника занимаемой должности, дать ему отрицательную характеристику» [НСЗ-80].

Среди неологизмов этого типа обнаруживается особая лексико-семантическая группа, которая отражает новое явление публичного дискурса в постсоветской России. Это глаголы со словообразовательным значением «мешать публичному выступлению тем действием, которое названо мотивирующим словом»: *захлопать*/захлопывать* (разг.), синоним *заплодировать* (разг.); *затопать*/затопывать*, синоним: *затоптать*; *зашикивать*.

Многие из этих глаголов имеют словообразовательные омонимы (в частности, глаголы начинательного способа действия); в вышеназванных примерах они (по традиции словарей «Новые слова и значения») отмечены знаком *. В словарях неологизмов наличие других, узуализированных значений какого-л. формата не учитывается; однако, в общих словарях это, конечно, необходимо. Лексикограф должен решить вопрос о внесении словообразовательных омонимов в макроструктуру словаря. Исходя из общепринятого понятия лексической омонимии, формально совпадающие префиксальные образования со значениями начинательности и нежелательности действия нельзя считать омонимами: Они являются лексико-семантическими вариантами одного глагола, так как их лексические значения имеют «общие элементы смысла (семы)» (ср. [БЭС 1998, 345]). В РНС подобные случаи формально трактуются как заголовочные слова-омонимы, чтобы облегчить немецкому пользователю дифференциацию этих значений префиксов, напр.

¹**затопать** <-аю, -аешь, pf> (*ipf* затопывать) **а)** кого-н./что-н. durch Stampfen mit den Füßen übertönen; **б)** кого-н. durch Stampfen mit den Füßen am Reden hindern, nicht reden lassen.

²**затопать** <-аю, -аешь, pf> **1.** <*ingress.*> anfangen zu stampfen (*mit den Füßen*); затопать ногами aufstampfen, mit den Füßen stampfen/trampeln. **2.** (*salopp*) lostraben.

¹**захлопать** <-аю, -аешь, pf, *ingress.*> **1.** anfangen zu schlagen, anfangen zu klatschen, anfangen zu klappen, anfangen zu knallen; захлопать глазами (*ugs.*) zu blinzeln anfangen; захлопать дверьми anfangen mit den Türen zu schlagen; захлопать крыльями anfangen mit den Flügeln zu schlagen. **2.** (в ладоши) anfangen in die Hände zu klatschen, anfangen zu klatschen, anfangen zu applaudieren.

²**захлопать** [...] (*ipf* захопывать) (*selten*) кого-н. *jmdn. durch lautes Klatschen am Reden hindern, eine Rede durch lautes Klatschen unterbrechen.*

Это решение кажется целесообразным и в связи с тем, что каждый словообразовательный омоним в свою очередь может быть исходным для ряда других, производных значений, как это обнаруживается в давно узуализированных глаголах. Поэтому и одноязычные словари русского языка (БАС, МАС, БТС) по своей макроструктуре придерживаются данного широкого понимания омонимии. Так, в МАС для омонима *заговорить*² с первым, «начинательным» значением зафиксированы ещё значения «2. овладеть речью или каким-л. языком» и «3. перен. пробудиться, дать почувствовать себя»; омоним *заговорить*¹ в МАС соотнесен со значениями «1. утомить многословным разговором, не дать возможности собеседнику сказать что-л.» и «2. оказать действие на кого-, что-л. заговором²; заколдовать», ср. в РНС эквиваленты для названных и еще других значений этих омонимов и в обоих словарях другие словообразовательные омонимы данного типа. В отличие от своих *verba ingressiva*, соответствующие словообразовательные омонимы образуют вторичные партнеры несовершенного вида и, как правило, отличаются переходностью, ср. (*закапывать*) кого-н./что-н. и *закапать* (*начать капать*), а также *заиграть*, *заинтриговать*, *закидать*, *закапать*, *закатать*, *закачать*, *заклевать*, *заковать*, *заколдовать*, *заколотить*, *заколоть*, *закопать*, *закоптить*, *закорить*, *закормить*, *закосить* (*траву*), *закрапать*, *закривить*, *закритиковать*, *закроить*, *закружить* и мн. др.

6. Двойкий теоретический подход позволяют и такие глагольные новообразования с префиксом *за-*, которые соотносимы с беспрефиксными двувидовыми глаголами, напр., *замотивировать*, *занормировать*, *зааккумулировать*, *забандажировать*, *задекларировать*, *заидеологизировать*, *залимитировать*, *заполитизировать*.

Согласно Академической «Русской грамматике» глаголы как *зарегистрировать*, *застенографировать* и т. д. отличаются

словообразовательным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» [РГ 1980 361, § 861 10)]; эта концепция предполагает наличие в них «результативного способа глагольного действия». Александр Исаченко относил большинство префиксальных глаголов совершенного вида к т. н. «результативному способу глагольного действия» и его подвидам [ISAČENKO 1982, 394]; правда, глаголы с префиксом *за-* им не рассматривались. Как видовые пары он признавал только глаголы совершенного вида (далее - СВ) и глаголы несовершенного вида (далее - НСВ), образованные от них суффиксальным способом вторичной имперфективизации.

В одноязычных словарях неологизмов русского языка единицы как вышеназванные представлены как новые слова, без указания на уже узуализированного видового партнера или двувидовой глагол с тем же лексическим значением. Та же тенденция наблюдается и в одноязычных словарях современного русского языка: В МАС двувидовые глаголы и образованные от них с приставкой *за-* глаголы СВ представлены как отдельные лексемы и, соответственно, заголовочные слова с отдельной словарной статьёй, напр., *авансировать* сов. и несов., перех. «дать (давать), предоставить (предоставлять) аванс кому-л.» и *заавансировать* сов., перех. «оплатить вперед часть стоимости какого-л. товара, работы и т. д.».

Однако, субституционный тест и семантический анализ обоих слов (словоформ)¹ – беспрефиксного и образованного от него с префиксом *за-* - позволяют сделать вывод, что их лексические значения совпадают, и отнести образования с префиксом *за-* как **видовые партнеры совершенного вида** к двувидовым глаголам (иногда и к глаголу НСВ, ср. ниже *залитовать*).

Поэтому в РНС-НСЗ при помощи *Vgl.* („vergleiche“ - «сравни») указывается на двувидовой глагол с тем же лексическим значением, который был узуализирован еще раньше, напр.:

заполитизировать (-рую, -руешь, *pf*; *за-* + политизировать; что-н. *A*) *einer Sache politischen Charakter verleihen*: etw. politisieren. *Vgl. (pf/ipf)* политизировать.

При помощи *S.a.* („siehe auch“ - «смотри также») указывается на новообразования НСВ или двувидовые, зафиксированные в том же словаре, напр.:

залитовать (-тую, -туешь, *pf*; *за-* + {*s.*} литовать; что-н. *A*) (*Berufsjarg.*) *durch den „Glavlit“ („Hauptabteilung zum Schutz von*

¹ Вопрос самого статуса видовых пар – являются ли их члены грамматическими формами одного слова или разными словами - нельзя обсудить в рамках данной работы.¹ По мнению Е.В. Падучевой, «во всех задачах практической аспектологии вопроса о том, являются ли парные СВ и НСВ формами слова или разными словами, можно вообще не затрагивать [...]» [ПАДУЧЕВА 1998, 37].

Staatsgeheimnissen in der Presse“, sowjet. Zensurbehörde) *genehmigen, zum Druck freigeben, zensieren. S.a. (ipf)* литовать.

заидеологизировать (-рую, -руешь, *pf*; за- + {s.} идеологизировать; кого-н./что-н. A) *ideologisieren. S.a. (pf/ipf)* идеологизировать.

При составлении РНС подобные глагольные новообразования также соотносятся с соответствующими двувидовыми глаголами, напр.,

авансировать <..., *pf u. ipf*> (*pf auch* заавансировать) **a)** кого-н. *jmdm. bevorschussen, (jmdm.) einen Vorschuß zahlen, eine Vorauszahlung leisten; b)* что-н. *bevorschussen, vorschießen (für etw.), anzahlen.*

заавансировать <..., *pf*> (*ipf/pf* авансировать) [...].

Ср. также пары как *адресовать* сов. и несом. – *заадресовать* сов. – *заадресовывать* несом., *аккумулировать* сов. и несом. – *зааккумулировать* сов., *активировать* сов. и несом. – *заактивировать* сов., *ангажировать* сов. и несом. – *заангажировать* сов., *арендовать* сов. и несом. – *заарендовать* сов., *арестовать* сов. и несом. – *заарестовать* сов. и *заарестовывать* несом., *армировать* сов. и несом. – *заармировать* сов., *архивировать* сов. и несом. – *заархивировать* сов., *асфальтировать* сов. и несом. – *заасфальтировать* сов., *атаковать* сов. и несом. – *заатаковать* сов., *бетонировать* сов. и несом. – *забетонировать* сов., *блокировать* сов. и несом. – *заблокировать* сов., *бронировать* (омонимы) сов. и несом. – *забронировать* (омонимы) сов. и др.]

В РНС для каждого глагола – совершенного или несовершенного вида – дается отдельное заголовочное слово. К словарной ссылке от одного члена видовой пары к другому авторы прибегают только в тех случаях, когда все остальные параметры словарной статьи совпадают и видовые партнеры имеют одни и те же эквиваленты в немецком языке. В таких условиях от глагола несовершенного вида делается ссылка к заголовочному слову совершенного вида.

При этом определенные частные видовые значения иллюстрируются типичными словосочетаниями и даются подходящие, по возможности регулярные немецкие эквиваленты, как, напр., *сдать экзамен* „eine Pruefung bestehen“, *сдавать экзамен* „eine Pruefung ablegen“.

Когда данный глагол употребляется в устойчивых словосочетаниях или коллокациях именно в несовершенном виде, то, конечно, для НСВ или его лексико-семантического варианта приводится полная словарная статья.

Однако, интересующие здесь СВ с префиксом *за-* как раз отличаются тем, что их немецкие словарные эквиваленты не отличаются от эквивалентов НСВ или бесприставочных двувидовых глаголов. Это подтверждает решение, принятое нами в целях практической лексикографии – рассматривать подобные случаи не как лексемы, отличающиеся способом глагольного действия, а как видовые партнеры. Как было показано, это решение отражается в микроструктуре словарных

статей и в системе ссылок и указаний, т. е. в лексикографической макроструктуре.

В зависимости от теоретической точки зрения на подобные случаи словарь должен при помощи ссылок, указаний и (как можно больше похожих, стереотипных) толкований отражать системность данного явления, т. е. указывать видовую пару или же способ глагольного действия.

7. Как все неологизмы, так и глагольные новообразования влекут за собой изменения в парадигматических отношениях на лексическом, а иногда и на грамматическом уровне. И одноязычный, и двуязычный общие словари должны учитывать такие изменения и стремиться к их отражению. Таким образом, на основе словарей неологизмов должен не только пополняться список заголовочных слов общих словарей: включение новообразований должно сопровождаться пересмотром словарных статей уже имеющихся в словаре заголовочных слов. Изменения в парадигматических отношениях между лексемами должны отражаться в макроструктуре и микроструктуре словаря.

Специфика двуязычного словаря относительно новообразований связана, прежде всего, с подбором эквивалентов в выходном языке. Когда для неологизма отсутствует однословный эквивалент или устойчивое словосочетание, в словаре дается переводная перифраза. Для однотипных глаголов эти парафразы должны быть как можно больше похожими, стереотипными. При этом целесообразным оказывается учет словообразовательной мотивации.

Литература:

БЭС 1998: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. – Москва.

ЗЕМСКАЯ 1973: Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. – Москва.

ЗЕМСКАЯ 1992: Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – Москва.

ПАДУЧЕВА 1998: Падучева Е.В. Опыт семантизации понятий и терминов русской аспектологии. // *Russian Linguistics*. – 22. – С. 35 – 58.

РОГОЖНИКОВА 1991: Рогожникова Р.П. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. Под ред. Р.П. Рогожниковой. – Москва.

РГ 1980: Русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. – Москва.

BELENTSCHIKOW 2000: Belentschikow R. О принципах составления переводного словаря неологизмов (к вопросу соотношения

словообразования и лексикографии). // Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand (Словообразование в его отношениях к другим сферам языка). Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee, Innsbruck, 28.9.-1.10.1999. – Innsbruck. – С. 271 – 278.

BELENTSCHIKOW 2002: Belentschikow R. Probleme der Stichwortauswahl und des Wortartikelaufbaus in einem russisch-deutschen Neologismenwoerterbuch. // Barbara Kunzmann-Mueller; Monika Zielinski (Hrsg.): Sprachwandel und Lexikographie: Beispiele aus slavischen Sprachen, dem Ungarischen und dem Albanischen. (= Berliner Slawistische Arbeiten; Bd. 18). – Berlin. – С. 68 – 82.

BELENTSCHIKOW 2006: Belentschikow R. Neologismen in Woerterbuechern verschiedenen Typs. // E. Worbs (Hrsg.): Neue Zeiten – Neue Wege – Neue Woerterbuecher. Gernersheim, 8.-9.12.2005 (= Schriften des Fachbereichs Angewandte Sprach- und Kulturwissenschaft der Johannes-Gutenberg-Universität Mainz). Frankfurt a. M. et al. (в печати).

DOKULIL 1962: Dokulil M. Teorie odvozování slov (=Tvoření slov v češtině, I). – Praha.

ISAČENKO ⁴1982: Isačenko A.V. Die russische Sprache der Gegenwart: Formenlehre. – München.

LEHMANN 1999: Lehmann V. Aspekt. // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Hrsg. v. H. Jachnow (= Slavistische Studienbuecher, Neue Folge, Bd. 8). – Wiesbaden. – С. 214 – 241.

Цитированные словари и другие источники:

АиФ = Аргументы и факты.

БАС = Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. М.-Л. 1950.65.

БТС = Большой Толковый словарь русского языка. С.-Петербург 1998.

ЛГ = Литературная газета.

МАС = Словарь русского языка в 4 томах. Москва ¹1981-84.

Н-87 = Новое в русской лексике. Словарные материалы-87. Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.Ф. Денисенко. С.-Петербург 1996.

Н-88 = Новое в русской лексике. Словарные материалы-88. Под ред. Е.А. Левашова. С.-Петербург 1996.

Н-89 = Новое в русской лексике. Словарные материалы-89. Под ред. Н.В. Соловьева. С.-Петербург 2001.

НМ = Новый мир.

НСЗ-80 = Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. Под ред. Е. А. Левашова. С.-Петербург 1997.

PHC = Russisch-Deutsches Woerterbuch. Harrassowitz: Wiesbaden. 1: A-V, 2003. 2: G-E, 2003. 3: Ž-J, 2004. 4: K, 2005. CD-ROM Version 3.2 update.

РНС-НСЗ = Русско-немецкий словарь новых слов и значений русского языка (1985-2002) Под общей редакцией Р. Беленчиковой. Авторы: И. Улуханов, Х. Хебекер, В. Беленчиков, Р. Беленчикова. Изд-во «Азбуковник» (в печати).

ТССРЯ 2001 = Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века. Языковые изменения. Ред. Г.Н. Складаревская. М.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ И АНТОНИМИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

С точки зрения поэтики словообразовательно выраженная синонимия и антонимия имеет целый ряд преимуществ над выражением сходства и противоположности разнокорневыми словами.

Семантические отношения однокоренных синонимов и антонимов в целом не отличаются от соотношений разнокоренных слов. Такие слова могут быть и тождественны по значению и передавать разные семантические оттенки. Кроме того, идентичность мотивирующего или форманта при сопоставлении в тексте словообразовательных вариантов способствует выявлению тонких оттенков смысла, тесно связанных с фонетической и структурной общностью синонимов и антонимов. Именно однокоренные слова имеют формальное выражение семантической общности – тождество мотивирующего или аффикса, что позволяет им экспрессивно осуществлять ту поэтическую функцию, которую Р. Якобсон определил как наложение сходства на смежность: “Поэзия, налагая сходство на смежность, возводит эквивалентность в принцип построения сочетаний. Симметрическая повторность и контраст грамматических значений становятся здесь художественным приемом” (ЯКОБСОН 1983, 467). Кроме того, поэты одновременно часто используют и прием “остранения” – обновления словообразовательной структуры слова, ибо, как и в других случаях, “даже малейшие изменения в готовых композиционных системах этих элементов – производят некоторый эстетический результат, нечто поэтическое, хотя и не поэтическое” (ЛАРИН 1974, 95). Укажем наиболее характерные функции словообразовательной синонимии и антонимии в поэтических текстах. В пределах слова синонимичные и антонимичные основы объединяются в составе авторских сложных эпитетов.

Сложные прилагательные могут объединять близкие, синонимичные признаки, усиливающие друг друга. Например, у И. Анненского: И всю ночь кто-то *жалостно-чуткий* На скамье там дремал; Нас тешит демонской игры За тучей разом потемнелой *Раскатно-гулкие* шары; Где грезы *несбыточно-дальней* Сквозь думы златятся следы?

У М. Волошина: И тянутся длинны, *Протяжно-невучи* Во мраке волокна... Ребенок – непризнанный гений Среди *буднично-серых* людей.

Для поэзии конца XIX – начала XX в. становятся характерными парадоксальные, оксюморонные сочетания основ в сложных прилагательных: Последний снег был *темно-бел*; Только утро любви не забудь! Да ожившей земли в оживших листьях *Ярко-черную* грудь!; От *уверенно-зыбкой* постройки (И.Анненский). Оксюморонные сочетания

также часты в поэтической речи И. Северянина: И мысль *привычно-необычная* Овладевала часто мной; Кто ядовит и *нежно-груб*... Характерны они для М. Цветаевой:

Его *прекрасно-бесполезны!*
Под крыльями распахнутых бровей
Две бездны.

Близкие, синонимичные, как и антонимичные оттенки, часто выражаются метафорически: запад *оранжево-медный* (Г. Иванов); И ночи *пламно-ледяные* (И. Северянин).

Среди фигур речи в поэтических текстах на первое место выдвигается повтор разных видов, среди которых можно отметить повтор синонимичных словообразовательных вариантов.

Если в обычной речи вне ситуации языковой игры адресант, как правило, использует один словообразовательный вариант, то в поэтическом словоупотреблении часто используются однокоренные узуальные слова и окказионализмы, они могут соседствовать и в тексте: О реки, плывшие по *юности*, / Вы облюбованы, как *юнь* (И. Северянин)

Неоднократный повтор прилагательного с разными суффиксами обычно экспрессивизирует значение прилагательного, которое колеблется от относительного значения к качественным, метафорическим приращениям смысла. В то же время такой повтор – важное средство рифмовки и стихотворного размера:

Опьяненный вином *золотистым*,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути *каменистом*,
О товарище *бедном* своем.
(А. Блок)

Ср. чередование вариантов *шёлковый* и *шелковистый* у А. Белого:

<...> А из камина
Стреляет *шёлковый* огонь
Струею жалящей *рубина* <...>

А два крыла в углу *тенистом*
Из углей *красный*, *ярый* зверь
Развеял в свете *шелковистом*.
(А. Белый)

У А. Белого чередуются также варианты *снеговой* и *снежный*:

Год минул встрече *роковой*,
Как мы, любовь лелея, млели,
Внимая вьюге *снеговой*
Как в рыхлом пепле угли рдели.
А в окна *снежная* волна
Атласом вьется над деревней <...>

У Брюсова в названии стихотворения находим редкое *вечеровый*:
“*Вечеровая* песня”; в тексте использован узуальный вариант: *Вечерний* час!

Синонимизируются простые прилагательные и однокорневые отглагольные прилагательные, занимающие в словообразовательной цепочке, в основе которой лежит прилагательное, так сказать, третьей ступени; ср.: *дикий* – *одичать* – *одичалый*:

Ты – как отзвук забытого гимна
В моей черной и *дикой* судьбе.
О, Кармен, как печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.
Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, *дикие* сны,
И твоя *одичалая* прелесть –
Как гитара, как бубен весны!
(А. Блок)

В данном случае все сочетания: и *дикая* судьба, и *дикие* сны, и *одичалая* прелесть – метафоричны.

Вариативные обозначения одного признака могут включать редкие или окказиональные обозначения, ср. *чарый* – *очарованный*:

Как под утренним сумраком *чарым*
Лик, прозрачный от страсти, красив!.. <...>
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить *очарованный* сон.
(А. Блок)

Антонимичность, контраст также часто выражается прилагательными с одной основой:

Те, что с тылу, *бескрыло* померкнут, –
Окрыленно вспыхнешь ты один.
(Б. Пастернак)

Лексический повтор – повтор мотивирующего и мотивированного представлен в таких фигурах речи, основанных на использовании антонимов, как хиазм, оксюморон, антитеза.

Хиазм – повтор параллельных конструкций с контрастной перестановкой членов, как бы зеркально отраженным – антонимичным – значением. Иногда такое взаимоотношение и взаимопроникновение может быть выражено только с помощью окказионализмов: *Море* было так *небесно*, *Небо* – *моревое* (И. Северянин). Хиазм часто связан с оксюморонами и антитезой. Например, подытоживая стихотворение “Мисс Лель”, тот же автор восклицает: *Честная бесчестница! Белая арабочка! Брызгай грязью чистою* в славный ореол!.. И. Северянин нередко использовал несколько оксюморонов в близком соседстве: *Исполнен весь пустейшей пустоты: Пузырь из мыла и ученый неуч!* “Этимологическая фигура” часто служит у него для выражения оксюморона: *Поверить трудно: вдруг – все ложно?! Трепещет странной мукой стих... И невозможное – возможно* В стране *возможностей* больших! Не разрешив *безумствовать* уму; *О, вера* вешняя, ты *разуверена*. (И. Северянин).

Использование синонимов также может сопровождаться “поэтической этимологией” и повторением слов одной части речи, образованных от одного корня – паронимией, которая в широком смысле слова включает сходно звучащие слова: *Он жалобен*, *он жалостлив* и *жалок* (Он же).

Паронимия используется для столкновения оттенков смысла: *Она чувствительна* и *чувственна*, но страсть Ей подчиняется, а не она – порыву. В сложных словах синонимичные основы-паронимы призваны усилить смысл: *И жестоко-жестки* флибустьеры (Он же).

На паронимической аттракции бывает основана и “этимологическая фигура”, которая предстает как заведомо двузначная:

Девушки босиком –
Это *стихи* мои,
Стаи *стихийные*.

(В. Каменский)

Стихийный здесь одновременно воспринимается как мотивированное и *стихами*, и *стихийей*.

Повтор одноструктурных близкочуждых слов с одинаковыми аффиксами является одним из наиболее выразительных приемов, способствующих экспрессивизации текста. Часто он играет роль и композиционного приема, связывающего строфы. Например, в стихотворении Вячеслава Иванова “Вызывание Вакха”:

*Чаровал я, волхвовал я,
Бога Вакха зазывал я,
На речные быстрины,
В чернолесье, в густосмолье,
В изобилье, в пустодолье.*

Один и тот же формант, использующийся при синонимичных мотивирующих может свидетельствовать о фольклорной стилизации, как это представлено в указанном произведении Вячеслава Иванова. Сравни также в стихотворении “Солнцев перстень”:

*Рыба тут по-человечьи
Об обиде, об увечье
Востомится, възгрустит <...>
И всю правду возвестит.*

В сложных словах может быть синонимична одна из основ:

*Что велишь тебе содею,
Кознодею, чародею
(Там же)*

В других случаях экспрессивность использования словообразовательных синонимов подчеркивается восклицательными конструкциями, как в стихотворении “В осенокошенном июле” И. Северянина:

*Июль блестяще осенокошен
Ах, он уходит! Держи! Держи!
О небо, небо! Твой путь воздушен!
О поле, поле! Ты грезы верфь!
Я онебесен! Я онездешен!
И бог мне равен, и равен червь.*

Общий формант, естественно, сближает слова, которые вне контекста, вряд ли могли бы рассматриваться как синонимы. В поэтическом тексте они часто предстают как связанные семантически, обуславливающие друг друга:

*Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?
(А. Блок)*

*Беспредельный, безнадежный,
В мире мрак, и мрак в груди;
Неисследный, неизбежный –
Позади и впереди...*

(Вяч. Иванов)

Так, в *бездушье* лицемерном,
Так, в *безверье* многоверном
Возрастает меж гробов
Поколение рабов.

(Он же)

В поэзии нередки случаи, когда в сочетании определения и определяемого представлены одноструктурные образования:

Лишь черный хрящ в росе алмазной
Да цепи скал, да зыби блеск...
*Ревучий сбег, гремящий плеск,
Прибоя плеск однообразный*
(Вяч. Иванов)

Здесь экспрессия использования одноструктурных синонимов сопрягается и с синтаксическим повтором и с паронимической аттракцией.

Одинаковые форманты могут сочетаться с антонимичными основами, образуя параллельные конструкции:

Какому богу служишь ты?
Родни ль тебе в моем пареньи
Передрассветное волненье,
Передзакатные мечты?
(А Блок)

Более сложными представляются случаи, когда антонимичные и синонимичные значения переплетаются друг с другом, образуя оксюмороны:

Затерявшись где-то
Робко верим мы
В *непрозрачность света*
И *прозрачность тьмы*.

В краткой статье невозможно перечислить возможные случаи взаимодействия словообразовательных синонимов и антонимов с текстом.

Возможности разноструктурных выражений многочисленны: в *черной* зале, где *белел* Эрот бескрылый (И. Анненский); Небо *бело* страшной *белизною*, А земля – *как уголь и гранит* (А. Ахматова). Твоя душа уже *в цепях*, моя – *вольна* (А.Блок) и др.

В поэтических текстах синонимичность и антонимичность бывает представлена целым рядом одно- и разноструктурных образований, в сочетании с лексическим окружением образующих своего рода поля. Например, антонимичность одноструктурных существительных может проявляться с помощью определений к ним:

В *раздельной четкости* лучей
И в *чадной слитности* видений
Всегда над нами – власть вещей
С её триадой измерений
(И. Анненский)

Здесь *слитности* противостоит *раздельная четкость*.

Примером сложного взаимодействия синонимов друг с другом и текстом, может служить стихотворение И. Анненского, где в качестве разноструктурных синонимов выступают синтаксические дериваты, образованные от разных частей речи, например, *позлащенье – позолота* в стихотворении “Май”. По сравнению с отадъективными образованиями имена действия имеют значение времени – в данном случае значение мимолетности, преходящего, быстро исчезающего (“лишь миг живущие миры”):

Так нежно небо зацвело
А майский день уж тихо тает,
И только тусклое стекло
Пожаром запада блистает.

К нему прильнув из полутьмы,
В минутном млеет *позлащеньи*
Тот мир, которым были мы...
Иль будем, в вечном превращеньи?

И разлучить не можешь глаз
Ты с пыльно-зыбкой *позолотой*,
Но в гамму вечера влилась
Она тоскующею нотой.

Интересно, что контекстными синонимами здесь выступают собственно сочетания: в *минутном позлащеньи*, с *пыльно-зыбкой*

позолотой, где сочетанию с именем качества, как и с именем действия приписывается значение времени (кратковременности), и значение качества.

Итак, для поэтических текстов характерны некоторые особые приемы использования словообразовательных синонимов и антонимов: соединение в пределах одного сложного прилагательного; использование в близком контексте двух или более словообразовательных вариантов, характеризующихся общностью основы или аффикса или их синонимичным выражением. С точки зрения словообразовательной структуры синонимы и антонимы могут быть одноструктурными, разноструктурными одной части речи или разноструктурными и разных частей речи, сложно взаимодействующими с лексическим окружением и образным строем текста. Словообразовательные синонимы и антонимы являются неотъемлемой частью таких фигур речи как паронимическая аттракция, хиазм, антитеза, оксюморон, параллелизм.

Литература:

ВИНОГРАДОВА 1992: Виноградова В. Н. Глава IV. Стилистическое словообразование в тексте // – *Stilistik der russischen Wortbildung*. Peter Lang Beiträge zur Slavistik, XVII. – Frankfurt am Main.

ЖИРМУНСКИЙ 1978: Жирмунский В.М. Теория стиха. – Ленинград.

ИВАННИКОВА 1972: Иванникова Е.А. К вопросу о взаимоотношениях понятия варианта с понятием синонима // Синонимы русского языка и их особенности. – Ленинград.

ЛАРИН 1974: Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи // Эстетика слова и язык писателя. – Ленинград.

УЛУХАНОВ 2005: Улуханов И.С. Мотивация в лексической системе языка и в тексте // Мотивация в словообразовательной системе русского языка. – Москва.

ЯКОБСОН 1983: Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. – Москва.

О ВОСТРЕБОВАННОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ ЛЕКСЕМ В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Производное слово как вторичный языковой знак при порождении текста используется в качестве строевого и креативного элемента языковой системы.

Внимание исследователей обычно привлекают нестандартные деривационные модели, позволяющие реализовать в газетном тексте и внешнюю (передача фактической информации), и внутреннюю (обеспечение оценки и актуализации смыслов) программу высказывания [ЛАЗАРЕВА 1994, 15]. Однако, на наш взгляд, не менее интересны и показательны стандартные модели деривации, поскольку выбор узуальных производных единиц при создании газетного текста не является случайным процессом. Он целенаправлен и подчинен целям и задачам сферы общения, характеру передаваемой информации и коммуникативным установкам автора.

Собранный и проанализированный нами языковой материал [МАТЕРИАЛ 2006] позволяет утверждать следующее.

1. Узуальные производные лексемы весьма активно участвуют в построении и синтаксической организации газетного текста. В проработанных нами газетных статьях нам встретилось от 82 (информационные сообщения) до 584 (аналитический обзор) производных лексем. Одна страница газетного текста (без фотографий) в среднем содержит 330 – 360 производных слов.

Обращает на себя внимание тот факт, что журналисты не очень охотно включают производные слова в заголовки. При их построении явное предпочтение отдаётся непроизводным лексемам – кратким и ёмким по содержанию источникам информации. В 354 заголовках, отмеченных нами, на долю производных слов приходится только 27% (380 лексем из 1401). Интересен и состав производных единиц, включаемых авторами в заголовки. В основном это имена существительные со значением 'опредмеченного действия', образованные от глаголов с помощью нулевого суффикса или суффиксов *-ниј/-ениј-, -к-, -б-* (*сговор, захват, переворот, вступление, разрешение, тренировка, распродажа, служба*)... или с суффиксами *-ник-, -тель-, -чик-/ицик-, -ер-* со значением 'лица, производителя действия' (*дачник, грибник, курильщик, коллекционер, преступник, руководитель*), аббревиатуры (*НПЗ, Газпром, ВТО, ФАС, ФСБ, НАТО, госдума, турфирмы, спецоперация*...) имена прилагательные с суффиксами *-н-, -ск-, -ов-* (*мировой, белорусский, уральский, олимпийский, призовой, школьный, контрольный*...). Недостаточная востребованность производных лексем в заголовках в полной мере

компенсируется в постзаголовочных резюме, в оформлении которых активно используются практически все типы производных слов, что объясняется, видимо, их способностью, с одной стороны, передавать максимум информации в свернутом виде, а с другой – актуализировать необходимые автору смыслы.

2. Узуальные производные лексемы, встречающиеся в современном газетном тексте, в структурно-семантическом отношении достаточно однородны. К самым востребованным единицам относятся лексемы с модификационными словообразовательными значениями, (в собранном нами материале на их долю приходится 32 %). В основном это префиксальные, суффиксальные и постфиксальные **глаголы**: среди производных слов с модификационным словообразовательным значением их около 83%.

Авторы постоянно обращаются к глагольным лексемам, обозначающим многократность совершения действия и образующимся с помощью суффиксов **-а-/-ва-/-ива-(-ыва-), -и-** – *создавать, направлять, улучшать, принимать, прокладывать, скрывать, устраивать, сравнивать, выбрасывать, наказывать, повышать, оправдывать, происходить, доносить, проводить*, т.е. «словообразовательный портрет» современного газетного текста создаётся в основном формами глаголов несовершенного вида, в большинстве случаев именно они являются ведущим строевым материалом газетных статей.

Высокая частотность употребления отмечена и у глаголов, образованных с помощью постфикса **-ся** и характеризующих отношение субъекта и объекта к действию. В газетных текстах постфиксальные глаголы используются как эффективное средство для выражения разнообразных модификаций человеческой деятельности, которая может:

- быть направленной на объект без указания на субъект действия (*«Газпром» используется в качестве орудия давления..; Стоимость платного образования на дневной форме обучения .. в новом учебном году существенно увеличилась...; Новая политика стала реализовываться на практике...; Аргументы приводятся в момент конфликта...; Детали операции пока тщательно скрываются...*);

- замыкаться на субъекте или его интересах (*приучиться, воспользоваться, адаптироваться, защититься, расслабиться, превращаться, успокоиться, собираться, удержаться, определиться*);

- двигаться по замкнутому кругу от субъекта к объекту и от объекта к субъекту (*сплестись, общаться, встречаться, договариваться, меняться, торговаться, объединяться, знакомиться*);

- освобождать действие от субъекта (*казаться, хотеться, удался, вериться, видеться, прийти*).

Префиксальные глаголы в газетном тексте встречаются реже, они единичны в информационных сообщениях, немного больше их в

аналитических обзорах, очерках, интервью, но они разнообразны по своей структуре и с их помощью обозначаются:

различные характеристики результата действия – *вырасти, поверить, сформулировать, уговорить, использовать, изучить, опубликовать, приготовить, построить*, ('доведение действия до конечного результата');

время протекания действия -- *предупредить, представить* ('заранее, наперед совершить действие'); *отговорить, отгреметь, затухнуть* ('окончание, прекращение действия');

направление действия в пространстве -- *пройти* ('движение действия мимо предмета'); *прийти, приехать, привести* ('прибыть в какое-либо место'); *выехать, выйти, выдавить* ('направить наружу посредством действия'); *подставить, подчеркнуть* ('направить действие вниз, подо что-нибудь');

отношение к другому действию – *переписать, реконструировать* ('вторичность, повторность действия'); *разжаловать, разорвать* ('отмена действия');

степень интенсивности действия -- *попытаться, попробовать, почитать, приподнять, придержать* ('небольшая, находящаяся ниже представлений о норме, интенсивность действия'); *исчерпать, набрать, насытить*, ('большая интенсивность действия'); *перестараться, переусердствовать* ('чрезмерная интенсивность действия').

Производные имена существительные и имена прилагательные с модификационными значениями используются журналистами в тех случаях, когда требуется выразить значение 'женскости', 'невзрослости', 'уменьшительности', 'собирабельности', 'отрицания какого-либо качества', 'высшей степени какого-либо качества'. Суффиксальные или префиксальные образования типа *старушка, булочка, тряпочка, стаканчик, поляночка, кассирша, шоколадка, божок, иконка, неподвижный, спортсменка, подхалимка, журналистка, принцесса, певица, актриса, супервлиятельный, сверхпопулярный, страшненький, несоблюдение* встречаются реже, чем производные глагольные лексемы с модификационными словообразовательными значениями (среди производных лексем с модификационным словообразовательным значением на их долю приходится 13,3%). Сфера употребления производных имен, модифицирующих базовые наименования – тексты интервью, заголовки, комментарии к политическим репортажам или аналитическим обзорам.

Слова с **транспозиционным** словообразовательным значением встречаются в основном в информационных статьях, политических репортажах, аналитических обзорах. По частотности употребления они совсем немного уступают словам с модификационным словообразовательным значением: в собранном нами материале слов-транспозитов около 30%. Особенно часто журналисты используют **имена**

существительные, обозначающие процессуальный признак и образующиеся с помощью суффиксов **-ний/-ений-, -о-, -к-, -ств/-тельство-, -б-, -ций/-аций/-яций-, -знь-, -овь-** -- *давление, предписание, свержение, обследование, поставки, передача, переговоры, отмена, выбор, угроза, подготовка, поездка, поддержка, легализация, популяризация, сотрудничество, строительство, регистрация, борьба, служба, жалоба, реализация, жизнь, любовь.*

Второе место по частотности употребления среди слов с транспозиционным словообразовательным значением занимают наречия, обозначающие признак действия в сочетании с общечастеречным значением имени прилагательного и образующиеся с помощью следующих словообразовательных формантов: **-о/-е-, -и-, по-...-ему/-ому-, по-...-и, по-...-у, в-...-ые, на-...-ую** (*нелегально, официально, выгодно, окончательно, странно, приблизительно, искренне, практически, фантастически, по-европейски, по-американски, потихоньку, впервые, напрямую*).

Имена существительные, обозначающие непроцессуальный признак и образующиеся с помощью суффиксов **-ость/-есть-, -ств-** (*надёжность, возможность, зависимость, деятельность, стабильность, ответственность, оригинальность, большинство, детство*) встречаются реже. Редко, но регулярно в информационных статьях используются немногочисленные имена прилагательные, обозначающие наречный признак в сочетании с общечастеречным значением имени прилагательного или имени числительного и образующиеся при помощи суффиксов **-н-, -енн-, -инн-, -о-** : *ближний, внутренний, внешний, нынешний, сегодняшний, пятый, десятый.*

Включение в газетный текст слов с транспозиционным словообразовательным значением позволяет реализовать **конструктивную** функцию (терминология Е.А. Земской) производных лексем, их участие в процессе свертывания и развертывания текста. Иногда при реализации данной функции авторы прибегают к дистрибутивному словообразовательному повтору – варьированию синтаксической позиции компонентов в рамках контекста (этот приём широко используется в художественных текстах, в нашем материале он отмечается в основном в текстах интервью или публицистических очерках).

Белорусские дипломаты в Италии заявляют, что мы занимаем “бескомпромиссную позицию”: ребёнок должен быть возвращён в Беларусь. *Что ж хорошего в этой бескомпромиссности?* (Свободные новости-плюс. – 27 сентября – 4 октября 2006). – Свертывание пропозиции идет от прилагательного к существительному со значением опредмеченного признака.

*- Не надо бояться **работы**. Просто надо больше **работать**, -- так отвечает Николай Васильевич Патрончик на постоянные вопросы об*

успехах своего предприятия (Комсомольская правда в Беларуси. – 11 августа 2006). – Развертывание пропозиции от существительного со значением опредмеченного действия к мотивирующему глаголу.

Синтаксические дериваты встречаются во всех типах газетного текста, что позволяет говорить о конструктивном (синтаксическом) характере языка газеты, его пропозициональной организации, стремлении к структурной и семантической прозрачности текста в обозначении признака во всех его проявлениях.

Производные лексемы с **мутационным** словообразовательным значением в газетном тексте по степени востребованности занимают те же позиции, что и производные лексемы с транспозиционным словообразовательным значением (в собранном нами материале их тоже около 30%).

Среди производных слов с **мутационным** словообразовательным значением в количественном отношении выделяются имена прилагательные, образованные от существительных с помощью суффиксов *-н-, -льн-/альн-/ональн-, -тельн-, -ов-, -ск-, -енн-/онн-*. К ним обращаются для передачи следующих смыслов:

‘общее отношение к предмету’ (*школьный, стандартный, праздничный, массовый, комплексный, общественный, профессиональный, государственный, конституционный, российский, президентский, политический, исторический, экономический, кадровый, гербовая*);

‘качественная характеристика предмета’ (*перспективный, мощный, романтический, интересный, настойчивый, расчётливый, решительный, талантливый, боевой, ласковый*).

Затем следуют имена существительные – наименования лиц. В газетных текстах используются практически все существующие в языковой системе наименования лиц: производители действия (*заместитель, обозреватель, оппозиционер, руководитель, владелец, зритель, представитель, организатор, избиратель, переводчик*), носители предметного признака (*помощник, дворник, политик, аналитик, европеец, журналист*) Из других производных имен существительных и прилагательных с мутационными значениями нами отмечены суффиксальные и префиксально-суффиксальные лексемы, которые используются журналистами в тех случаях, когда нужно

а) обозначить: предмет, являющийся объектом или результатом действия – *ошибка, отказ, иллюстрация, победа, публикация, награда, услуга*; документ, характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом – *решение, сообщение, приказ, указ, устав, договор, распоряжение*; предмет, служащий для выполнения действия, прибор, инструмент – *звонок, занавес, насос, провод*.

б) охарактеризовать: отношения между предметами или лицами – *международный, совместный*; предмет или лицо с точки зрения его отношения к действию – *горячий, заботливый, устойчивый, избирательный, увлекательный, прошлый*; предмет или лицо в

зависимости от его положения в пространстве и времени – *зарубежный, предвыборный, изначальный, внутривосточный*; ситуацию или систему взглядов – *безвыходный, бесперспективный, прозападный*.

Подобные производные имена встречаются в газетных текстах не так уж часто, как это кажется на первый взгляд, хотя многие из них являются необходимым звеном в процессе передачи информации (см. например, *международный, избирательный, предвыборный, совместный, приказ, указ, решение, договор*).

Относительно редко используются в газетных текстах и производные глаголы с мутационным словообразовательным значением. Среди них выделяются отыменные префиксально-суффиксальные образования (*обсудить, обвинить, ослабить, обесценить, выяснить*) и изредка встречаются отыменные суффиксальные производные лексемы (*формировать, мифологизировать, философствовать*).

Вопреки ожиданиям, немногочисленны в газетных текстах и производные с **соединительным** значением (в нашем материале их около 8%). В чистом виде соединительное значение представлено в аббревиатурах и словах, образованных способом чистого сложения – *ЛДПР, СМИ, спецрейс, БелТА, стройплощадка, белорусско-российский, общественно-политический, социально-экономический, пожароопасный, Белнефтехим, нефтепродукты, госнаграда, Ростехнадзор, самоопределяться*. В сложносуффиксальных образованиях соединительное значение комбинируется либо с мутационным, либо с транспозиционным словообразовательным значением (*законодатель, общеевропейский, десятилетие, правоохранный, газопровод, краткосрочный*). Нередко в газетный текст аббревиатуры вводятся как дублирующие знаки, позволяющие сжимать текстовое пространство, – *После ряда чисток в белорусской профсоюзной среде четырнадцать делегатов **Международной организации труда (МОТ)** представили жалобу на несоблюдение белорусскими властями ряда конвенций...* (Белгазета. – 16 октября 2006); *Нацбанку пока удаётся ... стерилизовать этот приток эмиссионных рублей и не допустить быстрого прироста **рублёвой денежной массы (РДМ)** и **рублёвой денежной базы (РДБ)*** (Свободные новости-плюс. – 27 сентября – 4 октября 2006).

3. В стилистической модели белорусского газетного текста преобладают нейтральные производные лексемы; его эмоциональность и экспрессивность создается не за счет реализации потенциальных возможностей языка или частого использования слов с оценочными аффиксами, а за счет умелой концентрации функций производных лексем, сочетания их номинативных, коммуникативных и креативных возможностей.

Так, выбор производных единиц со структурно-семантическим варьированием морфем обычно нацелен на обеспечение связности и

смысловой интеграции текста, т.е. на реализацию коммуникативной функции лексем.

*Знаменитая сталинская формула «**отвечаешь** головой» сегодня, к счастью, не действует. Но другой формы **ответственности** высших чиновников пока нет. Почему бы не **отвечать** карьерой. Накоплениями, а кому-то и свободой? Но из-за **безответственности** начальства население считает, что в стране, кроме президента, никто не работает (АиФ. – 3-августа – 5 сентября 2006)*

Благодаря однокоренным словам (*отвечать, ответственность, безответственность*), объединённым в данном контексте, актуализируется необходимый автору смысл: бездействие местных властей объясняется отсутствием достойных руководителей, способных не только исполнять чужие решения, но и принимать свои собственные.

При включении в текст одноструктурных в словообразовательном отношении единиц проявляется и **эмоционально-экспрессивная** функция производных лексем. Слова с одинаковым морфным строением создают эмоциональное напряжение в тексте, отражают его либо положительную, либо отрицательную модальность. На столкновении слов *политика – политик – политический* выстраивается целый абзац в статье В. Карбалевича «Памяти Булахова», в котором автор говорит о ярком, талантливом человеке, чьи способности и возможности не были реализованы в полной мере из-за объективно сложившихся условий.

*– Трагедия Булахова – это трагедия яркого **политика**... Это трагедия целого поколения людей, успевших стать публичными **политиками**, для которых чиновничья должность – это саван. Общественная невостребованность – это тяжёлая жизненная драма. Ибо там, где нет **политики**, не может быть и **политиков**. Одновременно это и трагедия общества, лишившегося своей **политической** элиты (Свободные новости-плюс. – 13 – 20 сентября 2006).*

Одноструктурные слова *стабильность, предсказуемость, безопасность* становятся организующим центром оценки в статье В. Костикова при ответе на вопрос: «А не лучше ли для Запада, если Путин останется в Кремле?» -- *Западных политиков и инвесторов понять можно: для них самое важное – **стабильность** и **предсказуемость** России. Энергетическая **безопасность** их волнует больше, чем соблюдение конституции или градус демократии (АиФ. – 30 августа – 5 сентября 2006).*

Концентрация производных лексем со структурно-семантическим варьированием морфем особенно значима для языка газеты, поскольку слова с модификационным значением типа *костюмчик, платице...* и стилистически окрашенные производные лексем, для которых эмоционально-экспрессивная и стилистическая функции являются

основными, встречаются в газетном тексте нечасто. Образования типа *работяга, бытовуха, мигалки, горючка (горячее топливо), сопляк...* составляют меньше 1% от общего количества собранных и проанализированных нами единиц, к ним прибегают для согласования способа общения и конкретной ситуации либо в интервью, либо в авторских статьях, идущих под рубрикой «Личное мнение».

Особый интерес представляют случаи, когда производные слова с одним и тем же корнем становятся организующим центром всего газетного текста, участвуют в развитии темы и усиливают её восприятие. «Деньги – вопрос интимный» – так называется аналитическая статья Е. Новожиловой, напечатанная в газете “Свободные новости – плюс” от 13 – 20 октября 2006 г. В статье есть подзаголовок *Россия умеряет белорусский аппетит на нефть*, в построении которого участвует непроизводное слово *нефть*, оно становится ключевым при анализе кризисного состояния топливной проблемы в российско-белорусских отношениях. Данная лексема выступает как связующее звено между микротемами непосредственно и опосредованно – через свои производные (*нефтепереработка, нефтяной, Белнефтехим, нефтяники, нефтедобыча, нефтепродукты, нефтеперерабатывающий*).

Иногда производные слова концентрируются в резюме статьи и сразу нацеливают на проблему, обсуждаемую далее в тексте. – *Белорусские власти любыми путями стремятся как можно быстрее сократить зависимость от российского газа и не допустить контроля «Газпрома» над газотранспортной системой. Но в то же время «Белтрансгаз» не спешит с привлечением иностранных инвесторов к участию в проекте Мозырского пикового газохранилища (ПХГ), объясняя это «значимостью развития отношений со своим главным российским партнёром – ОАО «Газпром»* («Свободные новости-плюс. – 27 сентября – 4 октября 2006).

Эстетическая функция производных единиц в газетном тексте реализуется при противопоставлении производных слов друг другу в рамках одного контекста и создании каламбуров. Антонимическое столкновение производных лексем встречается довольно часто в политических репортажах, текстах интервью, аналитических обзорах, заголовках.

*Задача первых двух лет театрального образования – **раскрепостить** скованных, зажатых детей, научить их органично вести себя на сцене. Но сейчас некоторых молодых актёров уже нужно **закрепостить**. Настолько их «художественное» поведение выходит за рамки приличия* (АиФ. – 30 августа – 5 сентября 2006).

- У «Газпрома» есть **краткосрочная и долгосрочная стратегии** развития, -- говорит руководитель научно-исследовательского центра Мизеса Ярослав Романчук (Свободные новости-плюс. – 27 сентября – 4 октября 2006)

Иногда для создания смысловой антитезы журналисты сознательно используют в рамках одного контекста слова, располагающиеся в одной словообразовательной цепочке на разных ступенях производности -- ...*за это Дмитрий Петрович вынужден был не только **служить**, но и **прислуживать**, а иногда благодарить и кланяться* (Свободные новости-плюс. – 27 сентября – 4 октября 2006).

Каламбуры встречаются реже. Нами отмечено только 2 каламбурно построенных заголовка из 354.

Дефективная «Дружба» (Белгазета. – 16 октября 2006) – в заголовке статьи, где речь идет о проблемах российско-белорусских энергетических переговоров, сталкиваются 2 типа употребления слова *дружба*: имя собственное – наименование газопровода и имя нарицательное со значением ‘отношения между кем-либо, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов’.

Капитальная реформа (АиФ. – 20 – 26 сентября 2006) – заголовок статьи, в которой речь идет о проблемах капремонта и будущей реформе системы его финансирования, построен как семантический каламбур. В его основе – столкновение двух значений слова *капитальный*, фразеологически связанного и свободного: 1) *капитальный* (ремонт) – ‘полный ремонт, касающийся основных частей здания’ и 2) *капитальный* – ‘основательный, фундаментальный’.

Эстетическая функция реализуется и при употреблении существительных с определенным типом словообразовательного значения. Так, активное использование отглагольных и отыменных существительных с транспозиционным словообразовательным значением является одним из средств раскрытия идеологических доминант. Недаром подобные производные единицы в большом количестве встречаются в аналитических обзорах, политических репортажах, намного меньше их в новостях культуры и текстах интервью – *Произошедшие в мире глобальные изменения, распад Советского Союза, окончание эры двухполюсного мира конфронтации, установление партнёрских отношений с Россией с США и другими странами Запада, процесс глобализации мировой экономики могли кое у кого создать иллюзию, что **активность иностранных спецслужб в проведении подрывной деятельности по отношению к нашему государству должна снизиться*** (АиФ. – 4 – 10 октября 2006).

Эмоционально-экспрессивная и эстетическая функции производных слов в газетном тексте обычно сочетаются с их **стилистической функцией**. Так, употребление мотивационно связанных слов в пределах одной статьи или заголовка – *На второй президентский срок Бориса Николаевича олигархи **вытягивали** из рейтинговой ямы в 2%. **Вытянули**, конечно, но ... что получила страна?* (АиФ. – 30 августа – 5 сентября 2006) – позволяет достигнуть яркого стилистического эффекта – актуализация

внутренней формы приводит как к сопоставлению, так и противопоставлению смыслов.

Итак, анализ функционирования производных единиц в газетных текстах показывает, что:

отбор и концентрация узуальных производных лексем в газетном тексте осуществляется в зависимости от характера сообщаемой информации и жанра создаваемого текста;

авторы активно используют реально существующие в языковой системе элементы, однако в структурном и семантическом отношении они достаточно однородны: в создании словообразовательного «портрета» газет Беларуси в основном участвуют глаголы с модификационными словообразовательными значениями, отглагольные имена существительные (как с транспозиционным, так и мутационным словообразовательным значением) и относительные имена прилагательные с суффиксами **-н-**, **-ск-**.

«окказиональный бум», отмечаемый в последние десятилетия XX века, прошел; язык белорусских газет стал строже, но при этом он потерял свою яркость и легкость, в значительной степени стал стандартным, унифицированным и бесцветным.

в стилистической модели белорусского газетного текста преобладают нейтральные производные лексем; его эмоциональность и экспрессивность создается не за счет реализации потенциальных возможностей языка или частого использования слов с оценочными аффиксами, а за счет умелой концентрации функций производных лексем, сочетания их номинативных, коммуникативных и экспрессивных возможностей.

Литература:

ЛАЗАРЕВА 1994: Лазарева Э.А. Газета как текст. – АДД. – Екатеринбург.

МАТЕРИАЛ 2006: Материал для исследования выбирался из периодических изданий Беларуси – «АиФ», «Свободные новости-плюс», «Комсомольская правда в Беларуси», «Белгазета», вышедших в августе – октябре 2006 г.

АКЦЫЯНАЛЬНАЯ ВАЛЕНТНАСЦЬ ЛАКАТЫЎНЫХ ПРЭФІКСАЎ І МЕЖЫ ІХ РЭАЛІЗАЦЫІ

У даследаваннях апошніх гадоў пры вывучэнні прэфікснага дзеяслоўнага словаўтварэння выкарыстоўваецца семантычны падыход. Гэта дазваляе прадставіць прэфікснае дзеяслоўнае словаўтварэнне як своеасаблівую моўную мадэль, якая выяўляе ўзаемадзеянне паміж прэфіксам і матывавальным дзеясловам. Вызначаны падыход садзейнічае апісанню сістэмы ўзаемасувязі семантыкі дзеяслова са словаўтваральнымі патэнцыямі.

Прапанаваны даклад прысвечаны аналізу суадноснасці акцыянальнага і прасторавага значэнняў дзеяслоўных прэфіксаў і граматычных межаў іх рэалізацыі.

З прычыны таго, што гэта пытанне ў беларускай лінгвістыцы наогул не разглядалася, яно набывае асаблівую актуальнасць.

У рускім мовазнаўстве існуе некалькі поглядаў на адносіны паміж прасторавымі і акцыянальнымі значэннямі. Згодна з першым поглядам, лакатыўныя прэфіксы не ўключаюцца ў СДД, а лічацца дэрывацыйнымі [МОИСЕЕВ; ЗЕМСКАЯ]. Згодна з другім, лакатыўныя прэфіксальныя ўтварэнні фарміруюць толькі выніковы СДД [МАСЛОВ; ШЕЛЯКИН]. Узнікненне трэцяга погляду звязана з імем П.А.Собалевой. На яе думку, “аспектуальныя абмежавальнікі дзеяння могуць быць не толькі часавымі, але і прасторавымі” [СОБОЛЕВА 1983, 47], таму прасторавыя характарыстыкі працякання дзеяння ўмоўна адносяцца да асобных СДД.

Мы лічым, што ў семантычнай структуры ўсіх дзеяслоўных прэфіксаў лексічнае значэнне суадносіцца з пэўным акцыянальным значэннем. Гэта дае падставы гаварыць пра акцыянальную валентнасць лакатыўных прэфіксаў.

Ілюстрацыйным матэрыялам паслужылі *бінарныя дзеясловы руху і перамяшчэння* [САЙКІЕВА 1970, 5; ПЕРАХОД 1988, 41 – 46], якія характарызуюцца шырокімі словаўтваральнымі магчымасцямі і спецыфічнай мнагазначнасцю, звязанай са схільнасцю да перадачы прасторавых прыкмет дзеяння.

У семантычнай структуры дзеяслова значэнне СДД з’яўляецца даволі рухомай велічынёй: з аднаго боку, семантычнае вар’іраванне дзеяслоўнай лексемы цягне за сабой змену гэтага значэння; з другога, кожнае значэнне мнагазначнага слова суадносіцца з пэўным акцыянальным значэннем. Такім чынам, асаблівасцю значэнняў СДД з’яўляецца іх суадноснасць з пэўным лексічным значэннем, узаемадзеянне якіх рэалізуецца пры пэўных граматычных умовах. “Граматыка рэгулюе

рух і арганізацыйнае аб'яднанне значэнняў і адценняў у складзе дзеяслоўнага слова” [ВИНОГРАДОВ 2001, 528].

Так, у нашым даследаванні выкарыстоўваецца граматыка-словаўтваральная мадэль, прапанаваная А.А.Лукашанцам. У адпаведнасці з гэтай мадэллю пры аналізе фактычнага матэрыяла паслядоўна ўлічваюцца наступныя аспекты [ЛУКАШАНЕЦ 2001, 61]:

- семантычны (улічваецца суадноснасць лексічнага і акцыянальнага значэнняў, якія складаюць семантычную структуру дзеяслоўнай лексемы);

- граматычны (улічваюцца граматычныя суадносіны матывавальнага і матываванага слоў, у межах якіх рэалізуюцца выяўленыя суадносіны значэнняў);

- фармальна-словаўтваральны (пералічваюцца словаўтваральныя фарманты, якія рэалізуюць свае суадносіны значэнняў у межах пэўных граматыка-словаўтваральных мадэлей);

- колькасны (улічваецца колькасць матываваных адзінак пэўнай семантыкі, утвораных з дапамогай тых ці іншых словаўтваральных фармантаў).

Вызначаны падыход садзейнічае дыферэнцыяцыі ўтварэнняў з адным і тым жа словаўтваральным афіксам, які ўдзельнічае ў фарміраванні розных СДД.

У беларускай і рускай мовах у бінарных дзеясловах руху і перамяшчэння значэнні СДД, апісваемыя адной семантычнай характарыстыкай, актуалізуюць шаснаццаць дзеяслоўных прэфіксаў: бел. *аб-* (*аба-*, *а-*)/ рус. *об-* (*обо-*, *о*), бел. *ад-* (*ада-*)/ рус. *от-* (*ото-*), бел. *вы-*/ рус. *вы-*, бел. *да-*/ рус. *до-*, бел. *з-* (*с-*, *са-*)/ рус. *с-* (*со-*), бел. *за-*/ рус. *за-*, бел. *на-*/ рус. *на-*, бел. *над-* (*нада-*)/ рус. *над-* (*надо-*), бел. *пад-* (*пада-*)/ рус. *под-* (*подо-*), бел. *пера-*/ рус. *пере-*, бел. *пра-*/ рус. *про-*, бел. *пры-*/ рус. *при-*, бел. *раз-* (*раза-*, *рас-*)/ рус. *раз-* (*разо-*, *рас-*), бел. *у-* (*ува-*)/ рус. *в-* (*во-*), бел. *уз-* (*уза-*, *ус-*)/ рус. *вз-* (*взо-*, *вс-*), бел. *ваз-*/ рус. *воз-* (*возо-*); у рускай мове - дадаткова яшчэ адзін прэфікс *у-*.

Папярэдні аналіз дазваляе канстатаваць існаванне спалучальнасці прасторавых значэнняў са значэннямі *падоўжана-абмежавальнай* і *памянішальна-абмежавальнай* разнавіднасцей *абмежавальнага* падтыпу *тэмпаральных* СДД, *змякчальнага* падтыпу *колькасных* СДД, *дыстрыбутыўнага*, *камплетыўнага* і *тэрмінатыўнага* падтыпаў *спецыяльна-выніковых* СДД.

Памянішальна-абмежавальная разнавіднасць *абмежавальнага* падтыпу аб'ядноўвае дзеясловы, у семантычнай структуры якіх прысутнічаюць акцыянальнае значэнне “**абмежаваць дзеянне нязначным часавым адрэзкам**” і лексічнае значэнне “**выканаць дзеянне мімаходам**”.

Дадзеныя суадносныя значэнні актуалізуе прэфікс бел. *за-/* рус. *за-* у межах мадэлей **I.V.нп.нзв.** → **V.нп.нзв.** (дзе ў якасці матывавальнага слова выступае невытворны, някратны дзеяслоў, маркіраваны паводле пераходнасці): бел. *лез-ці* → **за-лезці**, *ex-a-ць* → **за-ехаць** (8); рус. *брес-ти* → **за-бresti**, *плы-ть* → **за-плыть** (8) - і **I.V.п.** → **V.п.** (дзе ў якасці матывавальнага слова выступае невытворны, някратны дзеяслоў, маркіраваны паводле пераходнасці): бел. *нес-ці* → **за-несці**, *кац-і-ць* → **за-каціць** (4); рус. *вес-ти* → **за-вести**, *вез-ти* → **за-везти** (4). Для дадзеных мадэлей характэрна супадзенне граматычных характарыстык матывавальнага і матываванага слоў.

Семантычную структуру дзеясловаў *падоўжана-абмежавальнай* разнавіднасці *абмежавальнага* падтыпу *тэмпаральных* СДД фарміруе акцыянальнае значэнне “закончыць дзеянне, якое працягвалася пэўны час”. Яно суадносіцца з двума лексічнымі значэннямі:

1. Выдаленне на пэўны час (накіраванасць дзеяння знутры прадмета, з-за прадмета або акаляючага асяроддзя).

У беларускай і рускай мовах дадзеныя значэнні актуалізуе прэфікс бел. *вы-/* рус. *вы-* у межах мадэлей **I.V.п.** → **V.п.**: бел. *нес-ці* → **вы-несці**, *цяг-ну-ць* → **вы-цягнуць**, *гн-а-ць* → **вы-гнаць** (6); рус. *тац-и-ть* → **вы-тащить**, *вез-ти* → **вы-везти**, *гн-а-ть* → **вы-гнать** (6) – і **I.V.нп.нзв.** → **V.нп.нзв.**: бел. *іс-ці* → **вы-йсці**, *бег-чы* → **вы-бегчы**, *брыс-ці* → **вы-брысці** (9); рус. *ex-a-ть* → **вы-ехать**, *брес-ти* → **вы-бresti**, *полз-ти* → **вы-ползти** (8).

2. Пераадолець нейкую адлегласць за пэўны час (рух у прасторы міма чаго-небудзь, скрозь ці праз што-небудзь).

Прэфікс бел. *пра-/* рус. *про-* рэалізуе вызначаныя значэнні ў межах мадэлей **I.V.п.** → **V.п.**: бел. *нес-ці* → **пра-несці**, *цяг-ну-ць* → **пра-цягнуць** (2); рус. *нес-ти* → **про-нести** (1) - і **I.V.нп.нзв.** → **V.нп.нзв.**: бел. *бег-чы* → **пра-бегчы**, *ляц-е-ць* → **пра-ляцець**, *плы-ць* → **пра-плыць** (7); рус. *беж-а-ть* → **про-бежать** (1).

Змякчальны падтып *колькасных* СДД аб’ядноўвае дзеясловы, у семантычнай структуры якіх акцыянальнае значэнне “аслабленае праяўленне дзеяння з адценнем колькаснай непаўнаты” суадносіцца з лексічным значэннем “накіраваць дадатковае, непрацяглае дзеянне на прадмет”.

Дзеясловы з названымі значэннямі ўтвараюцца з дапамогай фарманта бел. *пад-* (*пада-*)/ рус. *под-* (*подо-*) ад невытворных, някратных дзеясловаў, маркіраваных паводле пераходнасці (мадэль **I.V.нп.нзв.** → **V.нп.нзв.**) ці пераходнасці (мадэль **I.V.п.** → **V.п.**).

Мадэль **I.V.нп.нзв.** → **V.нп.нзв.**: бел. *іс-ці* → **пад-ысці**, *ex-a-ць* → **пад’-ехаць**, *плы-ць* → **пад-плыць** (8); рус. *полз-ти* → **под-ползти**, *ex-a-ть* → **подъ-ехать**, *лез-ть* → **под-лезть** (8).

Мадэль **I.V.п.** → **V.п.**: бел. *нес-ці* → **над-несці**, *гн-а-ць* → **пада-гнаць**, *кац-і-ць* → **над-каціць** (6); рус. *гн-а-ть* → **подо-гнать**, *вес-ти* → **под-вести**, *кат-и-ть* → **под-катить** (6).

Дыстрыбутыўны падтып спецыяльна-выніковых СДД фарміруе дзеясловы з суадносным акцыянальным значэннем “накіраваць дзеянне на рад аб’ектаў” і лексічным значэннем “раз’яднанне аб’ектаў дзеяння і распаўсюджванне ў розных кірунках”.

У супастаўляемых мовах дадзеныя значэнні характэрны для матываваных дзеясловаў з прэфіксам бел. *раз-* (*раза-*, *рас-*)/ рус. *раз-* (*разо-*), якія ўтвараюцца ў межах мадэлі **I.V.п.** → **V.п.**: бел. *цяг-ну-ць* → **рас-цягнуць**, *гн-а-ць* → **раза-гнаць**, *вес-ці* → **раз-весці** (6); рус. *гн-а-ть* → **разо-гнать**, *тац-и-ть* → **рас-тащить**, *нес-ти* → **раз-нести** (6).

Семантычную структуру дзеясловаў *тэрмінатыўнага* падтыпу *спецыяльна-выніковых* СДД складае акцыянальнае значэнне “**выніковае завяршэнне дзеяння, якое працягвалася пэўны час**”, якое суадносіцца з лексічнымі значэннямі:

1. Наяўнасць суб’екта-асобы, прадмета ў пэўным месцы (працэс можа быць накіраваны ўнутр, уніз, наверх, вакол, на прадмет ці за яго)”.

У беларускай і рускай мовах восем прэфіксаў бел. *аб-* (*аба-*, *а-*)/ рус. *об-* (*обо-*, *о-*), якія абазначаюць рух вакол прадмета; бел. *ад-* (*ада-*)/ рус. *от-* (*ото-*), які абазначае рух ад прадмета; бел. *з-* (*с-*, *са-*)/ рус. *с-* (*со-*), якія абазначаюць працэс, накіраваны ўніз; бел. *за-* /рус. *за-*, які абазначае працэс, накіраваны за прадмет; бел. *на-* /рус. *на-*, які абазначае працэс, накіраваны на паверхню прадмета; бел. *пры-* /рус. *при-*, які абазначае прыбыццё ў пэўнае месца; бел. *у-* (*ува-*) / рус. *в-* (*во-*), які абазначае працэс, накіраваны ўнутр прадмета; бел. *уз-* (*уза-*, *ус-*), *ваз-* / рус. *вз-* (*взо*, *вс-*, *вос-*), *воз-* (*возо-*), якія абазначаюць падняцце ўверх. Яны актуалізуюць вызначаныя значэнні ў межах граматычных мадэлей **I.V.нп.нзв.** → **V. нп.нзв.** і **I.V.п.** → **V.п.**.

Мадэль **I.V.нп.нзв.** → **V. нп.нзв.**: бел. *аб-* (*аба-*, *а-*): *бег-чы* → **аба-бегчы** (13); *з-* (*с-*, *са-*): *бег-чы* → **з-бегчы**, *іс-ці* → **с-ысці** (9); *за-*: *ляц-е-ць* → **за-ляцець** (9); *над-*: *іс-ці* → **над-ысці**, *ех-а-ць* → **над’-ехаць** (2); *пры-*: бел. *бег-чы* → **пры-бегчы** (9); *у-* (*ува-*): *іс-ці* → **ува-йсці** (7); *уз-* (*уза-*, *ус-*): *іс-ці* → **уз-ысці** (9);

рус. *в-* (*во-*): *беж-а-ть* → **в-бежать** (7); *вз-* (*взо-*, *воз-*, *вс-*, *вос-*): *лет-е-ть* → **вз-лететь** (8); *за-*: *ид-ти* → **за-йти** (8); *об-* (*обо-*, *о-*): *плы-ть* → **о-плыть** (8); *при-*: *лет-е-ть* → **при-лететь** (8); *с-* (*со-*): *полз-ти* → **с-ползти** (8).

Мадэль **I.V.п.** → **V.п.**: бел. *аб-* (*аба-*, *а-*): *цяг-ну-ць* → **аб-цягнуць** (4); *з-* (*с-*, *са-*): *нес-ці* → **с-несці** (6); *за-*: *вес-ці* → **за-весці** (6); *пры-*: *гн-а-ць* → **пры-гнаць** (6); *уз-* (*уза-*, *ус-*): *гн-а-ць* → **уза-гнаць**, *цяг-ну-ць* → **ус-цягнуць** (6);

рус. *в-*(*во-*): *кат-и-ть* → *в-катить* (6); *вз-* (*взо-*, *воз-*, *вс-*, *вос-*): *вез-ти* → *воз-вести* (9); *за-*: *нес-ти* → *за-нести* (6); *об-* (*обо-*, *о-*): *кат-и-ть* → *об-катить* (6); *при-*: *вез-ти* → *при-везти* (6); *с-* (*со-*): *гн-а-ть* → *со-гнать* (6).

У рускай мове з дапамогай прэфікса *в-* у межах мадэлі **III.V.п.** → **V.п.**, дзе ў якасці матывавальнага слова выступае вытворны, някратны, пераходны дзеяслоў, утвараецца адзін дзеяслоў з вызначанай семантыкай: *кат-ну-ть* → *в-катнуть*.

2. Адаленне ад прадмета, асобы на пэўную адлегласць.

У супастаўляемых мовах дзеяслоўныя лексемы з прэфіксам бел. *ад-* (*ада-*)/ рус. *от-* (*ото-*) утвараюцца ў межах граматычнага дыяпазона **I.V.п.** → **V.п.**: бел. *вез-ці* → *ад-везці*, *гн-а-ць* → *ада-гнаць* (6); рус. *вез-ти* → *от-везти*, *гн-а-ть* → *ото-гнать* (6).

Камплетыўны падтып *спецыяльна-выніковых* СДД аб'ядноўвае дзеясловы, у семантычнай структуры якіх акцыянальнае значэнне “**давесці дзеянне да неканчатковай мяжы ці канчатковай фазы**” суадносіцца з наступнымі лексічнымі значэннямі:

1. Дасягнуць прасторавай ці часовай мяжы.

Названае значэнне рэалізуюць прэфіксы бел. *да-*/ рус. *до-*, бел. *пера-*/ рус. *пере-* у межах граматычных мадэлей: **I.V.п.** → **V.п.** і **I.V.нп.нзв.** → **V.нп.нзв.**.

Мадэль **I.V.п.** → **V.п.**: бел. *вез-ці* → *да-везці*, *цяг-ну-ць* → *да-цягнуць*, *кац-і-ць* → *да-каціць* (5); рус. *вез-ти* → *до-вести*, *вез-ти* → *до-везти*, *гн-а-ть* → *до-гнать* (6); бел. *кац-і-ць* → *пера-каціць*, *нес-ці* → *пера-несці* (6); рус. *плав-и-ть* → *пере-плавить*, *нес-ти* → *пере-нести*, *тащ-и-ть* → *пере-тащить* (7).

Мадэль **I.V.нп.нзв.** → **V.нп.нзв.**: бел. *брыс-ці* → *да-брысці*, *ляц-е-ць* → *да-ляцець*, *плы-ць* → *да-плыць* (9); рус. *ид-ти* → *до-йти*, *брес-ти* → *до-брести*, *ех-а-ть* → *до-ехать* (8); бел. *іс-ці* → *пера-йсці*, *бег-чы* → *пера-бегчы* (9); рус. *полз-ти* → *пере-ползти*, *лез-ть* → *пере-лезть* (8).

2. Поўнае выдаленне з пэўнага месца.

У супастаўляемых мовах на названае значэнне ўказваюць прэфіксы бел. *з-* (*с-*, *са-*)/ рус. *с-* (*со-*), рус. *у-*, якія далучаюцца да невытворных, някратных дзеясловаў, маркіраваных паводле пераходнасці/непераходнасці. Так, у межах мадэлі **I.V.п.** → **V.п.** у беларускай мове з дапамогай фарманта *з-* (*с-*, *са-*) утвараецца шэсць дэрыватаў, а ў рускай з дапамогай фарманта *с-* (*са-*) - чатыры: бел. *нес-ці* → *з-несці*, *цяг-ну-ць* → *с-цягнуць*, *гн-а-ць* → *са-гнаць*; *гн-а-ть* → *со-гнать*, *вез-ти* → *с-вести*. У рускай мове ў вызначаных граматычных межах рэалізуецца 6 дэрыватаў з прэфіксам *у-*: *кат-и-ть* → *у-катить*, *тащ-и-ть* → *у-тащить*, *гн-а-ть* → *у-гнать*.

Дзеяслоўныя лексемы, утвораныя ў межах мадэлі **I.V.нп.нзв.** → **V.нп.нзв.**, размяркоўваюцца наступным чынам:

бел. з- (с-, са-): *бег-чы* → *з-бегчы*, *лез-ці* → *з-лезці*, *плы-ць* → *с-плыць* (9);

рус. с- (со-): *ех-а-ть* → *сь-ехать*, *брес-ти* → *с-брести*, *лез-ть* → *с-лезть* (7);

рус. у-: *беж-а-ть* → *у-бежать*, *брес-ти* → *у-брести*, *ид-ти* → *у-йти* (8).

Вядома, што дзеянне, якое адбываецца ў прасторы, мае не толькі прасторавыя, але і часавыя межы, і колькасныя характарыстыкі. Таму лексічнае значэнне лакатыўных прэфіксаў спалучаецца са спецыяльна-выніковымі, колькаснымі і тэмпаральнымі СДД. Граматычныя межы рэалізацыі вызначаных лакатыўных прэфіксаў складаюць дзве мадэлі з суадноснай граматычнай маркіроўкай матывавальнага і матываванага слоў: **I.V.п.** → **V.п.** і **I.V.нп.нзв.** → **V.нп.нзв.**. Магчымасці словаўтваральных прэфіксаў актуалізаваць значэнні пэўных СДД і граматычны дыяпазон іх рэалізацыі паказаны ў *Табліцы..*

Літаратура:

ВИНОГРАДОВ 2001: Виноградов В.В. Русский язык. – Москва.

ЛУКАШАНЕЦ 2001: Лукашанец А.А. Словаўтварэнне і граматыка. – Мінск.

ПЕРАХОД 1088: Пераход В.Б. Дзеясловы руху і перамяшчэння ў беларускім і рускім мовазнаўстве/ Беларуская лінгвістыка.– Вып. 34. – Мінск – С. 41 – 46.

САЙКИЕВА 1970: Сайкиева С.М. Глаголы движения-перемещения в современном русском языке: Автореф. Дис. ... канд. Филол. наук. – Алма-Ата.

СОБОЛЕВА 1983: Соболева П.А. Опыт упорядочения способов глагольного действия // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. – Мінск.

Табліца 1

СДД			Граматычныя мадэлі	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
Словаўтваральныя фарманты																					
Тэмпаральныя СДД	абмежавальны падтып	памяншальна-абмежавальная разнавіднасць	I.V.п. → V.п. I.V.нп.нзв. → V.нп.нзв.						+												
		падоўжана-абмежавальная разнавіднасць	I.V.п. → V.п. I.V.нп.нзв. → V.нп.нзв.			+								+							
Колькасныя СДД	змякчальны падтып		I.V.п. → V.п. I.V.нп.нзв. → V.нп.нзв.										+								
Спецыяльна-выніковыя СДД	дыстрыбутыўны		I.V.п. → V.п.													+					
	камплетыўны		I.V.п. → V.п. I.V.нп.нзв. → V.нп.нзв.				+	+						+							+
	тэрмінатыўны		I.V.п. → V.п.		+	+			+	+						+		*	*	+	
			III.V.п. → V.п.																*	*	
			I.V.нп.нзв. → V.нп.нзв.		+				+	+	+	*				+		+	+		

*-- зафіксаваны толькі ў беларускай мове

** -- зафіксаваны толькі ў рускай мове

1. бел. аб- (аба-, а-)/ рус. об- (обо-, о)

2. бел. ад- (ада-)/ рус. от- (ото-)

3. бел. вы-/ рус. вы-

4. бел. да-/ рус. до-

5. бел. з- (с-, са-)/ рус. с- (со-)

6. бел. за-/ рус. за-

7. бел. на-/ рус. на-

8. бел. над- (нада-)/ рус. над- (надо-)

9. бел. пад- (пада-)/ рус. под- (подо-)

10. бел. пера-/ рус. пере-

11. бел. пра-/ рус. про-

12. бел. пры-/ рус. при-

13. бел. раз- (раза-, рас-)/ рус. раз- (разо-, рас-)

14. бел. у- (ува-)/ рус. в- (во-)

15. бел. уз- (уза-, ус-)/ рус. вз- (взо-, вс-), бел. ваз-/ рус. воз- (возо-)

16. рус. у-

ФУНКЦІОНАЛЬНИЙ ПОТЕНЦІАЛ КОНКУРЕНТНИХ МОДЕЛЕЙ СЛОВОТВОРЕННЯ: параметри стабільності похідних

У періоди інтенсивних суспільно-політичних змін, а саме така ситуація в нинішній Україні, неминуче особливої гостроти набувають проблеми нормування та кодифікації лексики літературної мови. Розв'язати їх неможливо без з'ясування тенденцій стабілізації лексики. Ю.А.Тулдава, моделюючи зростання лексики естонської літературної мови за матеріалами показових нормативних словників, дійшов висновку, що за умови відсутності в лексиконі системної організації його склад мав би подвоюватися кожні півстоліття, а самий приплив лексики набув би лавиноподібного характеру. Крім внутрішньосистемних чинників, на поповнення лексики і на мовну динаміку в цілому істотно впливають, особливо в часи прискореної соціодинаміки, чинники зовнішні: потреби суспільства в номінації нових понять, зміни в його мовних смаках, а також прескриптивна діяльність мовознавців, спрямована на узгодження запитів суспільства з тенденціями розвитку мови та її норм. Спостереження Ю.А.Тулдави над півторастолітньою еволюцією естонського літературного лексику переконують у тому, що про стабілізацію його складу сигналізувало обов'язкове уповільнення припливу нових одиниць, зумовлене дією внутрішньомовних стримувальних механізмів і передусім необхідністю кодифікувати накопичену нову лексику згідно з чинними мовними нормами і усталеними системними відношеннями слів зі спільними формальними, змістовими чи функціональними властивостями [ТУЛДАВА 1987, 152-153].

Праця над «Словником нової української лексики», розпочата цього року у відділі структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України, переконливо доводить необхідність врахування системних відношень нових номінацій для з'ясування перспектив їхньої стабілізації в українському лексиконі. Матеріали, вже накопичені в сучасних українській неології та неографії [СЛОВНИЧОК 1986, РУДЬ 2001, ВІНЯР/ ШПАЧУК 2002, МАЗУРИК 2002, СТАВИЦЬКА 2003, КОЛОЇЗ 2003, ОЛІФІРЕНКО 2003, НЕЛЮБА 2004, ВОКАЛЬЧУК 2004], низка показових за обсягом реєстрів нормативних словників різних типів [РУСИС 1999, СІС 2000, СЖ 2003, ВЗОС 2003, ВТССУМ 2004, УОС 2005], що побачили світ за останні 5-6 років, українська газетно-журнальна публіцистика, функціональний стиль мови, що дає панорамне і водночас певне усереднене уявлення про сучасний український активний словник, уможливають моделювання властивостей нової лексики у неологічному словнику тлумачного типу (за відомою класифікацією Н.З.Котелової). Пояснювальну частину цього

словника, до того ж, передбачено доповнити конкордансом [докладніше про концепцію цього словника та план її реалізації див.: КАРПІЛОВСЬКА 2004]. Отже, є теоретичні й практичні передумови для укладення неологічного словника, що подає «лексику нову, не зафіксовану академічними тлумачними словниками, але вже усталену в узусі» [ПОПОВА, РАЦИБУРСКАЯ, ГУГУНАВА 2005, 118] як складник системи мови (її лексикону) і продуктів реалізації системи – текстів різних жанрів, будови та тематики.

Для окреслення параметрів стабільності неолексем послугуватимемося далі терміном *функціональний потенціал лексеми*. Визначаємо його як сумарний показник обсягу й характеру її 1) парадигматичних, епідигматичних (дериваційних) і 2) синтагматичних відношень у системі мови й у тексті, її номінаційної та комунікативної активності. Щодо останньої, то для одержання вірогідної статистичної моделі функціонування нової лексики в текстах ще потрібні час і зусилля мовознавців. Без показових і надійних корпусів текстів виконати таке масштабне завдання нереально. Для української мови ми, на жаль, ще не маємо таких корпусів, хоча певні кроки в цьому напрямку зроблено. Крім того, добре відома статистична залежність між віком і частотою слова, а отже, має пройти час для накопичення показників вживаності нового слова, з'ясування його не лише абсолютної (накопичувальної), а й середньої та відносної частоти вживання. Наприклад, за допомогою відомої методики побудови адекватної математичної моделі еволюції словника, розробленої М.В.Араповим та М.М.Херц, встановлено, що частота вживання слова зростає з його віком, а отже, найдавніші слова в мові є найчастотнішими і навпаки [АРАПОВ, ХЕРЦ 1974; ТУЛДАВА 1987, 158-165]. Це переконливо засвідчують і частотні словники української мови, укладені за текстами різних функціональних стилів [ЧС 1981; ДАРЧУК, ГРЯЗНУХІНА 1996]. Отже, нова лексика за своїми статистичними характеристиками значно поступається давній у загальномовному словнику і потребує для надійного прогнозування її життєздатності підкріплення кількісного аналізу якісним, особливої уваги до її системотвірних параметрів.

Для української мови, як і для інших слов'янських мов, визначення параметрів стабілізації нової похідної лексики становить завдання першорядної ваги. Адже, як відомо, основну масу нових одиниць лексикону складають похідні і, ширше, мотивовані одиниці. На особливу увагу у зв'язку з цим заслуговують ті угруповання похідних, які демонструють конкурування моделей словотворення. Накопичення в лексиконі нових дериватів зі спільною моделлю номінації, але різними техніками її оформлення, різними зразками словотворення є одним із потужних сигналів стабілізації таких неолексем. Мета нашого аналізу – з'ясувати передумови формування опозицій конкурентних словотвірних

номінацій у сучасному українському лексиконі, встановити характер реалізованих у них семантичних відношень між похідними, функціональні характеристики окремих формантів й основ в їхньому складі, а також обсяг системних відношень, властивих таким похідним, інакше кажучи, їхню системну підтримку. Варіантні номінації відображають до того ж спектр і засоби аспектуалізації певних концептів у сучасній українській мові, а отже, їхня поява доводить вагу розроблюваного поняття-об'єкта словотвірної номінації в мовній свідомості сучасних українців. З огляду на це наявність словотвірних синонімів становить доказ активності певної дериваційної бази, її належність до «ключових» або принаймні «запитаних» слів нашого сьогодення. Таким чином, конкурентні спільнокореневі похідні сигналізують про певні зони «напруження» в лексиконі, в яких можлива переорганізація, рух похідних, зміна їхніх властивостей. Такі мобільні зони лексикону можна вважати певними точками біфуркації [ПРИГОЖИН, СТЕНГЕРС 1986], в яких і відбуваються активні й показові для нього в певних часових проміжках кількісні та якісні зміни.

Спостереження над конкурентними похідними дають підстави виділити два типи подібних варіантних опозицій: повні та часткові словотвірні синоніми. Перші демонструють тотожність семантичних структур, другі – більшою чи меншою мірою розходяться у своїх часткових словотвірних (розрядних) значеннях та конотаціях. Саме перший тип опозицій є найбільш вразливим для нормування, оскільки мова, як відомо, намагається позбуватися дублетних, надлишкових номінацій. Співіснування нині в українському лексиконі спільнокореневих, але різноструктурних похідних спричинене не лише активним творенням означень нових понять, а й критичним переглядом його складу. Угрупування словотвірних синонімів, таким чином, засвідчують нові процеси в україномовній категоризації світу та у використанні словотвірних технік для її оформлення. Параметри оцінки стабільності похідних неолексем, їхній функціональний потенціал, передусім внутрішньосистемний, розглянемо далі на прикладі різних типів конкурентних словотвірних опозицій.

1. Новинар-новиннєвик-ньюсмейкер : новинник. До складу конкурентних лексичних угруповань можуть входити різноформантні спільнокореневі похідні та подільні запозичення з тотожною внутрішньою формою. Прикладом такого угруповання є українські деривати *новинар*, *новиннєвик*, *новинник* та неозапозичення-англіцизм *ньюсмейкер*. Наявність/відсутність того чи іншого слова в нормативних загальномовних або й у спеціалізованих неологічних словниках уже є сигналом про ступінь його стабілізації в системі мови й активності в мовній практиці. Всі подані вище лексеми мають ту саму внутрішню форму: особа, яка має відношення до новин. Однак така спільна форма по-різному втілена в лексичній та

словотвірній семантиці цих слів. За нашими даними, слово *ньосмейкер* з поясненням «людина, про яку говорять, ім'я якої друкують на перших шпальтах преси (письменник, політичний діяч, артист)» вперше в українському лексиконі зафіксувала Т.П.Мартиняк у своєму «Російсько-українському словнику іншомовних слів» [РУСИС 1999, 201]. В іншому написанні – *ньос-мейкери* – його наступного року зареєстрував «Словник іншомовних слів» С.М.Морозова та Л.М.Шкарапути, подавши й виразнішу дефініцію цієї номінації: «діячі у галузі науки, підприємництва, економіки тощо, які чинять суттєвий вплив на хід суспільно-політичних подій» [СІС 2000, 395]. Новотвори *новинар* і *новиннєвик* ще не зафіксовані загальнономовними українськими словниками, хоча й вживаються у мові українських мас-медіа. Вони означають нову спеціалізацію праці журналістів, а саме: той її різновид, зміст якого складають добір, підготовка та поширення новин – оперативної інформації про останні відмітні події в житті своєї країни та світу в цілому. Ці лексеми можна вважати також прихованим запозиченням – калькою англійського журналістського професіоналізму *newsman (news-man)* зі значеннями «кореспондент, оглядач, репортер», але і «газетяр, продавець газет». Очевидно, саме розмитість внутрішньої форми цього англійського слова (людина, взагалі пов'язана з новинами) не сприяла його запозиченню слов'янськими мовами, пор., крім поданих українських дериватів, також рос. *новостник* або болг. *новинар*). Слова **ньосмен*, принаймні, в обстежених нами українських джерелах, не трапилося. Цілком імовірно, що на заваді його запозичуванню став і раніше введений до українського лексикону англіцизм *ньосмейкер*. Його, здавалось би, на відміну від **ньосмен* уточнена внутрішня форма, в якій окреслено характер зв'язку особи з новинами («той, хто створює (виробляє) новини») натомість реалізована в іншому лексичному й категорійному ономасіологічному значенні: це не особа (журналіст), яка готує новини для масової аудиторії, а особа-об'єкт таких новин. Лексема *ньосмейкер* має вже досить поважну системну підтримку: вона цілком органічно вписалася до ряду подільних англіцизмів з кінцевою основою *-мейкер*, які за останні роки з'явилися в українській мовній практиці і деякі з яких разом з похідними від них уже зафіксовані в українських загальнономовних, і неологічних словниках-довідниках. Наприклад, *іміджмейкер* (РУСИС 1999, 116), а також *іміджмейкерський* (МАЗУРИК 2002, 47), *іміджмейкерство* (ВІНЯР/ШПАЧУК 2002, 71), *іміджмейкінг*, що містить ті ж корені англійського етимона (СЖ 2003, 347); *кліпмейкер* (РУСИС 1999, 142) з похідними від нього *кліпмейкерство* (ВІНЯР/ШПАЧУК 2002, 81; МАЗУРИК 2002, 56); *кліпмейкерський* (СЖ 2003, 394). Цей ряд можна доповнити запозиченнями *клонмейкер*, *плеймейкер*, *маркетмейкер*, *хітмейкер*. Крім того, в українському лексиконі ще в 1932 р. «Словник чужомовних слів» І.Бойкова, О.Ізюмова, Г.Калишевського та

М.Трохименка засвідчив англіцизм *букмекер* з іншим написанням спільного для основ –*мейкер* та –*мекер* етимона *maker* «виробник, виготовлювач». Отже, запозичення *ньюсмейкер* вже зайняло свою семантичну нішу в українському лексиконі. Однак потреба в номінації особи за її професійним зв'язком з новинами вимагала не лише окреслення характеру відношення особи до об'єкта її діяльності, а й прозорої дериваційної бази для такого означення, якою і став український відприкметниковий іменник *новина*. Аналізовані новотвори *новинар* та *новиннєвик* беззаперечно доводять спеціалізацію цього слова у формі множини *новини*, формування в цієї форми окремого значення «напрям в індустрії мас-медіа, самостійний медійний продукт». Проте навіть найновітніші українські словники ще не фіксують у формі *новини* такого значення. Обговореним неолексемам у складі українського лексикону протистоять деривати *новинник* і *новинниця*, зареєстровані ще в 1932 р. «Російсько-українським словником» А.Ю.Кримського та С.О.Єфремова як еквіваленти до рос. *новщик, новщица* зі значенням «той (та), хто впроваджує нове, зайнятий нововведеннями» (СКЄ 1932, 1014). Як бачимо, цей похідник має ширшу семантику, ніж *новинар* та *новиннєвик*, оскільки характеризує взагалі особу, пов'язану зі створенням або впровадженням чогось нового. Який же функціональний потенціал розглянутих вище дериватів і перспективи їхнього побутування в українському лексиконі?

Вирішальним параметром життєстійкості для будь-якого похідного є його відповідність сучасній словотвірній нормі, регулярним зразкам словопородження. Саме така відповідність і визначає передусім ступінь імовірної стабілізації лексеми в мові. Зауважимо, що у такій відповідності неолексем уже наявним одиницям системи мови поняття *функція* виступає у своєму строго математичному значенні, а саме: як певна константа відповідності між змінними величинами. У наших оцінках функціонального потенціалу новотворів, зокрема ступеня їх системної підтримки, спираємося на матеріали «Словника афіксальних морфем української мови» Н.Ф.Клименко, Є.А.Карпіловської, В.С.Карпіловського та Т.І.Недозим (САМУМ 1998), а також на дані комп'ютерного морфемно-словотвірного фонду української мови, створеного у відділі структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України (про нього див. у: КАРПІЛОВСЬКА 2006, 96-104). Ці джерела містять відомості про частотні, валентні, позиційні, комбінаторні та змістові властивості 817 афіксів (префіксів і суфіксів), про типи морфемних структур похідних, до складу яких вони входять, а також про спектри частиномовного функціонування й питому вагу в системі мови і в тексті понад 170 тис. українських слів. За нашими даними, модель номінування особи «той, хто готує (обробляє) й повідомляє новини» найбільш адекватно реалізує лексема *новинар*. За моделлю «іменник – назва об'єкта професійної діяльності особи (предмет, рослина, матеріал) +

суфікс **-ар**» в українській мові регулярно творять похідні іменники – назви особи, яка виробляє (вирощує) та поширює або продає те, що назване твірною основою, пор.: *винар, віршар, голубар, зброяр, килимар, льонар, молочар, шапкар* тощо. Проте зазначимо, що такі похідні утворюються переважно від основ непохідних іменників. Від основ відприкметникових іменників із суфіксом **-ин(а)** зі значенням опредметненої ознаки, подібних до *новина*, іменники на позначення особи створюють за допомогою суфікса **-ник**, пор.: *рослина-рослинник, цілина-цілинник*. Отже, попри значно вищу активність моделі із суфіксом **-ар**, нормативним словотвірним ланцюжкам більше відповідає модель із суфіксом **-ник**. З огляду на це системно заданим слід визнати вже наявний в лексиконі дериват *новинник* і припустити можливість розвитку в його семантиці спеціалізованого значення. Прикметник *новинарний*, що з'явився нещодавно в мові українських ЗМІ, також викликає низку заперечень, що ставлять під сумнів його стабілізацію в лексиконі. Прикметники з нарощенням **-ар-** на суфікс **-н(ий)** в словотвірній нормі сучасної української мови спираються на твірні іменники іншомовного походження і в своїй структурі ніби «проявляють» на українському мовному ґрунті основотвірні суфікси латинських етимонів, пор.: *елемент-елементний-елементарний, планета-планетний-планетарний, секунда-секундний-секундарний*. До того ж прикметникам з такою ускладненою будовою властиві якісні значення на відміну від простіших формально відносних прикметників. Від слова ж *новина (новини)* в спеціалізованому значенні потрібний передусім саме відносний прикметник.

Лексему *новиннєвик* створено як кальку російського *новостник*, тобто як відприкметниковий іменник. Однак прикметник *новиннєвий*, вживаний в практиці українських ЗМІ, побудовано з порушенням передусім морфотактичних норм української мови. Прикметники із суфіксом **-єв(ий)** утворюються від основ віддієслівних іменників, що мають у фіналі основи суфікси з подовженими м'якими приголосними, зокрема **-н-**, пор.: *знач-єнн(я) – значєнн-єв(ий), мовл-єнн(я)-мовленн-єв(ий), реч-єнн(я)-речєнн-єв(ий)*. Від слова *новина* нормативним слід було б визнати прикметник *новинний*. Його зафіксував ще «Словарь української мови» Б.Д.Грінченка (Київ, 1907-1909) (пор. *новинне поле*) в значенні «стосовний *новини* – вперше зораної землі, цілини». Проте академічний тлумачний «Словник української мови» в 11 тт. (Київ, 1970-1980) цього слова не вміщує, певно, саме з огляду на його зв'язок з периферійними, маловживаними сьогодні значеннями слова *новина*.

Отже, наявна сукупність похідних від слова *новина* в значенні «інформація про останні значущі події» дає можливість за параметрами підтримки в системі сучасної української мови їхньої морфемної та словотвірної структури окреслити таку шкалу їхньої відповідності

сучасній словотвірній нормі, а отже, й ступеня їхньої ймовірної стабілізації в лексиконі для найменування особи, професійно пов'язаної з новинами:

I. нов(ий)	нов-ин(а)	новин-н(ий)	новинн-ик
ціл(ий)	ціл-ин(а)	цілин-н(ий)	цілинн-ик
II. нов(ий)	нов-ин(а)	новин-ар	
	вірш	вірш-ар	
III. нов(ий)	нов-ин(а)	новинн-св(ий)	новиннсв-ик
	сон-ц(е)	сонц-ев(ий)	сонцев-ик

Проте, крім відносних прикметників, твірні одиниці – назви об'єктів людської діяльності передбачають реалізацію й інших валентностей, наприклад, назви самої такої діяльності. Врахування таких можливостей ще більше підвищує шанси на стабілізацію в лексиконі першого ланцюжка похідних з уміщених у вищеподаній схемі: **новинний-новинник, новинниця** і потенційно можливе **новинництво**, пор. **рослина-рослинний-рослинник-рослинництво**, а також **рівнина-рівнинний-рівнинник, чужина-чужинний-чужинницький**. Деривати, що виявляють менше збігів з нормативними словотвірними ланцюжками, мають менший функціональний потенціал в системі мови, а отже, й менше шансів на стабілізацію в лексиконі.

2. Мітингувальник-мітингар: мітингуючий. Угрупування похідних від англіцизму *мітинг* демонструє не лише вплив системних відношень новотворів на їхню стабілізацію та життєстійкість у лексиконі, а й тиск на функціональний потенціал лексеми змін у самих мовних нормах. Так, сучасна українська граматична норма значно суворіша до активних дієприкметників на **-уч(ий)/-юч(ий)**, що призвело до пасивізації, а то й вилучення з лексикону і їхніх субстантивованих форм. Отже, слово **мітингуючий**, як і інші активні дієприкметники-субстантиви, вживані в розмовній практиці радянського часу, на зразок **виступаючий, відпочиваючий, потопуючий, приїжджаючий** тощо, поступилися місцем спільнокореневим суфіксальним іменникам або ж віддієслівним прикметникам-субстантивам на зразок **мітингар, мітингувальник; промовець; відпочивальник, відпочивалець; приїжджий, прибулець; потопельник**. Не на користь слова **мітингуючий** свідчить і його семантична вичерпаність, неможливість, зокрема, утворення від нього найменувань діяльності особи чи відносних прикметників і похідних від них прислівників. Іменники **мітингар, мітингувальник** надають можливість утворювати такі похідники, пор. цілком імовірні ***мітингарство, *мітингарський, *мітингарськи, *по-мітингарськи (-ому)** або ***мітингувальництво, *мітингувальницький, *мітингувальницьки, *по-мітингувальницьки (-ому)**. Отже, з огляду на

породжувальні можливості цих іменників і їхню підтримку вже наявними зразками в лексиконі, можна вважати, що обидві ці неолексеми – і безпосередньо утворений від іменника *мітинг*, і опосередкований дієсловом *мітингувати*, мають достатні шанси для стабілізації в українському лексиконі. Це доводять такі усталені регулярні опозиції спільнокореневих похідних іменників, як *бунт-бунтар* і *бунт-бунтувати-бунтівник* або *свердло-свердляр* і *свердло-свердлими-свердлильник*. Таким чином, у цьому угрупованні, крім заблокованої сучасною мовною нормою лексеми *мітингуючий*, однаковою мірою конкурентоздатними за своїм функціональним потенціалом слід визнати обидві новостворені похідні одиниці.

3. **Банківець: банкір-банківник, податківець-податкоплатник-оподаткований: податник.** Потреба в новій аспектуалізації певних об'єктів номінації призводить до появи спільнокореневих похідних з іншим формантом і розрядним значенням на зразок таких новотворів, як *банківець (нацбанківець)* «працівник банку (Нацбанку)», пор. з *банкір* «власник банку» або *податківець* «працівник податкової служби», пор. з архаїзмом *податник* «той, хто сплачує податок» або новотворами *податкоплатник* і *оподаткований*. У таких угрупованнях конкурентні словотвірні моделі засвідчують поповнення номінаційних ресурсів української мови, а самі такі спільнокореневі деривати формують стабільні опозиції похідних з різними розрядними значеннями.

4. **Рейтинговий-рейтинговість, рейтингівший, найрейтингівший.** Зрушення в семантиці вже наявних у лексиконі одиниць також сприяють розширенню їхнього функціонального потенціалу, зокрема їхній словотвірній активності. Це переконливо демонструє спостережуваний нині в українській мові інтенсивний процес набуття відносними прикметниками якісних, експресивно-оцінних значень. Скажімо, слово *рейтинг* уперше в українському лексиконі 1999 р. зафіксувала в уже згаданому РУСИСі Т.П.Мартиняк. Словник Д.Мазурик «Нове в українській лексиці» через три роки подає це слово вже разом з похідним від нього прикметником *рейтинговий* у значенні „який зумовлюється рейтингом”. За нашими матеріалами, цей відносний прикметник в новому оцінному значенні вже засвідчив такі похідні, як *рейтинговість* і виявив здатність до ступенювання ознаки, давши такі форми, як *рейтингівший* і *найрейтингівший*. Подібне розширення функціонального потенціалу демонструють і інші ще донедавна суто відносні прикметники, пор.: *знаковий: знаковість, найзнаковіший (найбільш знаковий); зірковий: зірковість, найзірковіший; культовий: культовість, найкультовіший* тощо. Формовані такими похідними нові семантичні ніші забезпечують їхню стабільність в лексиконі. Її підтримують нові внутрішньосистемні (парадигматичні та епідигматичні) й текстові зв'язки таких новотворів, зокрема розширення їхніх

сполучувальних можливостей, пор.: **рейтинговий** канал (поєдинок, політик), **найрейтинговіший** ВНЗ (вищий навчальний заклад); **знакові** процеси, **знаковий** концерт місяця, **найзнаковіші** матеріали, **найбільш знакові** події; **зірковий** статус (склад журі), **зіркові** парфуми (прізвища акторів); **культовий** режисер (поет), **культове** кіно. Як переконують подані приклади, попри спільну сему «висока якість, призначення для обраних» такі прикметники закріплюються за різними об'єктами означення та демонструють різні спектри функціонування, пор.: **культовий** режисер, але **знакова** подія; **елітний** одяг, але **престижний** турнір, **брендовий** (мультибрендовий) бутик, але **VIP-зал**, **VIP-зона** (у концертному залі).

Розглянуті угруповання похідних – лише дециця в накопичених масивах конкурентних лексичних одиниць, що потребують ретельного аналізу, оцінки їхнього функціонального потенціалу та з'ясування перспектив їхньої стабілізації в сучасному українському лексиконі. Визначення функціонального потенціалу конкурентних номінацій в повному обсязі і закладає, на наше переконання, надійне підґрунтя для встановлення параметрів їхньої стабільності і, зрештою, для вироблення ефективних практичних рекомендацій стосовно вноормування українського лексикону з урахуванням нових запитів суспільства та тенденцій розвитку мови.

Література:

АРАПОВ, ХЕРЦ 1974: Арапов М.В., Херц М.М. Математические методы в исторической лингвистике. – Москва. – Наука.

ДАРЧУК, ГРЯЗНУХІНА 1996: Дарчук Н.П., Грязнухіна Т.О. Частотний словник сучасної української публіцистики // Мовознавство. – 1996. – № 4-5. – С.15-18.

КАРПІЛОВСЬКА 2004: Карпіловська Є.А. Динаміка сучасної української мови в словниках нового покоління (проект серії словників нової української лексики) // Українська мова. – № 3. – С.3 – 29.

КАРПІЛОВСЬКА 2006: Карпіловська Є.А. Вступ до прикладної лінгвістики: Комп'ютерна лінгвістика. – Донецьк. – Юго-Восток.

ПОПОВА, РАЦИБУРСКАЯ, ГУГУНАВА 2005: Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. – М. – Флинта; Наука. – 168 с.

ПРИГОЖИН, СТЕНГЕРС 1986: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – Москва. – Прогресс. – 432 с.

ТУЛДАВА 1987: Тулдава Ю. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. – Таллин. – 204 с.

Словники:

ВЗОС 2003: Великий зведений орфографічний словник сучасної української лексики / Голов. ред. В.Т.Бусел. – Київ, Ірпінь: Перун.

ВІНЯР/ШПАЧУК 2002: Віняр Г.М., Шпачук Л.Р. Словник новотворів української мови кінця ХХ століття. – Кривий Ріг. – вип.2.

ВОКАЛЬЧУК 2004: Вокальчук Г.М. Короткий словник авторських неологізмів в українській поезії ХХ століття // Вокальчук Г.М. Авторський неологізм в українській поезії ХХ століття (лексикографічний аспект) / За ред. А.П.Грищенка. – Рівне: Перспектива. – С.94-523.

ВТССУМ 2004: Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т.Бусел. – Київ, Ірпінь: Перун.

КОЛОЇЗ 2003: Колоїз Ж.В. Тлумачно-словотвірний словник okazіоналізмів. – Кривий Ріг.

МАЗУРИК 2002: Мазурик Д. Нове в українській лексиці: Словник довідник. – Львів: Світ.

НЕЛЮБА 2004: Нелюба А. Лексико-словотвірні інновації (1983-2003): Словник. – Харків.

ОЛІФІРЕНКО 2003: Оліфіренко Л.В. Словник поетичної мови Василя Стуса (рідковживані слова та індивідуально-авторські новотвори). – Київ.

РУДЬ 2001: Рудь О.М. Поетичне слововживання складних прикметників та дієприкметників. – Суми.

РУСИС 1999: Русско-украинский словарь иностранных слов / Укл. Т.П.Мартиняк. – Харків: Прапор.

САМУМ 1998: Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А., Карпіловський В.С., Недозим Т.І. Словник афіксальних морфем української мови. – Київ: Ін-т мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України.

СЖ 2003: Російсько-український словник / За ред. В.В.Жайворонка. – Київ: Абрис.

СІС 2000: Словник іншомовних слів / Укл. С.М.Морозов, Л.М.Шкарапута. – Київ: Наук. думка.

СКЄ 1932: Російсько-український словник за ред. А.Ю.Кримського та С.Єфремова. – Київ: Укр. рад. енциклопедія. – Т.2, вип. 2, 3.

СЛОВНИЧОК 1986: Словничок лексикографічно не зареєстрованих українських слів гібридної структури / Уклад. Г.В.Скляніченко та В.К.Чернецький. – Кіровоград.

СТАВИЦЬКА 2003: Ставицька Л. Короткий словник жаргонної лексики української мови. – Київ: Критика.

УОС 2005: Український орфографічний словник. – Київ: Довіра.

ЧС 1981: Частотний словник сучасної української художньої прози: У 2 тт. / За ред. В.С.Перебийніс. – Київ: Наук. думка.

ФУНКЦЫІ ВЫТВОРНЫХ АДЗІНАК ТЭМПАРАЛЬНАЙ ЛЕКСІКІ

Даследаванне словаўтваральных адзінак з функцыянальнага пункту погляду з’яўляецца істотным дапаўненнем да аналітычнага спосабу апісання словаўтварэння. Высвятленне пытання (нават у агульных рысах), як сістэма функцыянуе, будзе садзейнічаць лепшаму разуменню таго, як гэта сістэма арганізавана і з чаго яна складаецца.

Паняцце “функцыя” з’яўляецца шматмерным, а таму магчымы розныя планы яго вывучэння. Калі разумець функцыю як назначэнне той ці іншай адзінкі мовы [АХМАНОВА 1966, 506], то асноўнае назначэнне словаўтварэння – гэта “папаўненне слоўнікавага складу мовы новымі лексічнымі адзінкамі, абагачэнне намінатыўнага фонду мовы новымі найменнямі – назвамі прадметаў, з’яў, працэсаў” [ТИХОНОВ 1989, 19]. Адсюль вынікае, што асноўная функцыя цэнтральнай адзінкі словаўтварэння – вытворнага слова – намінатыўная. Гэта палажэнне цяпер стала агульнапрызнаным і не сустракае пярэчанняў у дэрываталагаў. Аднак намінатыўная функцыя не з’яўляецца адзінай.

Так, у працы «Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис», аўтарамі якой з’яўляюцца А.А. Земская, М.В. Кітайгородская і Я.М. Шыраеў, акрамя намінатыўнай, выдзелены яшчэ тры функцыі словаўтварэння ў рускай размоўнай мове: экспрэсіўная, канструктыўная, кампрэсіўная [ЗЕМСКАЯ 1981, 85 – 88]. Пазней у другой працы “Словообразование как деятельность» А.А. Земская, аналізуючы матэрыялы, якія паслужылі базай для кнігі і збіраліся на працягу 20 гадоў, палічыла мэтазгодным выдзеліць і пятую функцыю словаўтварэння ў мове – стылістычную [ЗЕМСКАЯ 1992, 8 – 12].

Крыху інакш разглядае функцыі вытворных слоў А.С. Кубракова, якая, у прыватнасці, адзначае: “Калі лічыць, што ў мове, як у сістэме, усё ўзаемазвязана, то варта прызнаць і тое, што ў вытворным слове – гэтай, сапраўды, унікальнай па сваіх уласцівасцях адзінцы, – узаемазвязаны кагніцыя і камунікацыя, улічаны важнейшыя для мовы функцыі і прадугледжаны патрабаванні іх задавальнення ў адной і той жа адзінцы” [КУБРЯКОВА 2003, 24]. На думку даследчыцы, вытворныя словы унікальныя не толькі як знакавыя адзінкі, будова і арганізацыя якіх непаўторная, але і сваімі функцыямі: дыскурсіўнымі, калі яны накіраваны на параджэнне звязнага (кагерэнтнага) тэксту ці дыскурсу on-line, кагнітыўнымі, калі яны звязаны з перадачай інфармацыі аб свеце, семіятычнымі, калі яны звязаны з выкананнем дадзеным знакам семіятычных задач [КУБРЯКОВА 2003, 25].

Славацкі мовавед Ю. Фурдзік выдзяляе сістэматызацыйную, інтэграцыйную, семантыка-кандэнсацыйную і адаптацыйную (або

прыстасавальную) функцыі словаўтварэння ў моўнай сістэме. У калектыўнай манаграфіі “Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny” прафесар тлумачыць, што словаўтварэнне ў адносінах да слоўнікавага складу як цэлага выконвае функцыю сістэматызатара, у адносінах да новаўтвораных слоў – функцыю інтэгратара, у адносінах лексічных адзінак да шматслоўных назваў – функцыю семантычнага кандэнсатара, у адносінах да запазычаных слоў – функцыю адататара [DYNAMIKA 1989, 30 – 36].

У тэорыі мовазнаўства іншым часам выдзяляецца звыш 25 функцый, уласцівых мове і яе адзінкам, таму можна меркаваць, што пералічаныя вышэй функцыі словаўтварэння не вычэрпваюць усіх яго магчымасцей. Відавочна, пытанне аб характары і колькасці функцый словаўтварэння і яго адзінак яшчэ не можа адносіцца да разраду канчаткова вырашаных. Асабліва актуальнай азначаная праблема з’яўляецца для беларускага мовазнаўства, паколькі ў ім да цяперашняга часу адсутнічаюць спецыяльныя даследаванні. Пытанні назначэння словаўтваральных адзінак асвятляліся ў беларускай мове толькі фрагментарна, у сувязі з разглядам іншых праблем (напрыклад, у працах Л.М. Шакуна, А.А. Лукашанца). Разам з тым, адсутнасць больш-менш поўнага апісання ўласцівых сучаснаму беларускаму словаўтварэнню функцый стварае пэўныя цяжкасці для пераходу даследаванняў на наступны ўзровень, які прапанаваны А.С. Кубраковай: аналіз функцый словаўтварэння ў параўнальна-супастаўляльным, кагнітыўным і генетычным планах.

У сувязі з вышэйсказаным у дадзеным артыкуле робіцца спроба апісання з функцыянальнага пункту погляду вытворных лексем беларускай мовы, якія ўваходзяць у склад словаўтваральных гнёзд з вяршынямі – нематываванымі тэмпаральнымі словамі*. У выдзеленай групе налічваецца каля паўтары тысячы вытворных адзінак. Сярод іх пераважаюць нейтральныя словы – 70 %, размоўныя складаюць 20 % і 10 % – кніжныя. У залежнасці ад сваіх функцыянальных магчымасцей гэтыя словы ўмоўна могуць быць размеркаваны па наступных сферах словаўтварэння.

1) Уласна намінацьнае словаўтварэнне. У гэту сферу ўваходзяць назвы, утвораныя марфемным, марфолога-сінтаксічным, лексіка-сінтаксічным і лексіка-семантычным спосабамі “паводле існуючых у мове ўзораў” [ШАКУН 1978, 3]. Намінацьная функцыя для вытворных ад тэмпаральных слоў заключаецца ў тым, што яны служаць найменнямі розных часавых паняццяў. Абстрагавана гэтыя назвы могуць быць прадстаўлены наступным чынам: назвы рэгулярнай паўтаральнасці ў часе

* Тэмпаральнымі называем словы, якія маюць значэнне часу ў адным са сваіх лексіка-семантычных варыянтаў. Пад тэмпаральным (часавым) значэннем маецца на ўвазе такое значэнне, зместам якога з’яўляецца сацыяльна абумоўленае адлюстраванне часавых характарыстык рэчаіснасці.

(штодзённы, перыядычны, перыядычнасьць, гадавы, паквартальны, пагадзінны і інш.); назвы нерэгулярнай паўтаральнасці ў часе (часам, падчас, калі-нікалі, тады-сяды і інш.); назвы неабмежаванай працягласці ў часе (пастаянны, вечны, заўсёдны, назаўсёды, назаўжды і інш.); назвы абмежаванай працягласці ў часе (хвіля, секундачка, мінутка, дзянёк, паўстагоддзя, паўгадзіны, трохмінутны, двухгоддзе, ліпеньскі, майскі і інш.); найменні часавых адрэзкаў цыклічнага характару (зіміца, ранічка, ранішні, вечарок, сезонны і да т.п.); назвы часавых адрэзкаў для навуковых таксаномій (сілурыіскі, палеазойскі, кайназойскі, дакембрыіскі, паслятрэцічны і да т.п.); назвы часу, які супадае з устаноўленым момантам (своечасова, умомант, увосень, апаўночы, улетку, зімой); назвы часу, які не супадае з устаноўленым момантам (несвоечасова, рана, зарана, ранавата, ранютка, позна, пазнавата, дакастрычніцкі, паслябедзенны і да т. п.); назвы няпэўнага часу адносна цяперашняга моманту (калі-небудзь, некалі і да т.п.); найменні пэўнага часу адносна цяперашняга моманту, сярод якіх выдзяляюцца найменні прошлага часу (мінуўшчына, даўніна, пазаўчора, тагачасны і да т. п.), найменні цяперашняга часу (сённяшняе, цяперашняе), найменні будучага часу (заўтрашняе, будучыня, будучае і інш.); найменні супадаючага часу двух дзеянняў (сінхроннасьць, адначасова).

А.А. Земская адносіць да ўласна намінацьнага словаўтварэння вытворныя, якія ўзнікаюць у мове для наймення якой-небудзь новай рэаліі. У свой час менавіта з такім назначэннем у беларускай мове шляхам запазычання ўзніклі словы: *фотаперыяд* ‘фізіялагічныя змяненні ў жывёл і раслін, звязаныя са зменай дня і ночы’, *кілават-гадзіна* ‘адзінка вымярэння энергіі электрычнага току, роўная рабоце, якая выконваецца на працягу адной гадзіны пры магутнасці току ў адзін кілават’, *палітгадзіна* ‘час для заняткаў пытаннямі бягучай палітыкі’, *секундаметрыст* ‘асоба, якая на спартыўных спаборніцтвах вядзе ўлік часу пры дапамозе секундамера’ і інш.

Да ўласна намінацьнага словаўтварэння адносяцца і словы, якія з’яўляюцца перайменаваннем ужо існуючых рэалій: *суперранні* замест *звышранні*, *ультрасучасны* замест *звышсучасны*, *канікулярны* замест *вакацыйны*, размоўныя *бэпээсэмавец* і *бээрэсэмавец* замест *камсамалец*.

Звяртае на сябе ўвагу такая з’ява, калі намінацьную функцыю вытворныя ад тэмпаральных слоў як бы “атрымліваюць” ад сваіх утваральных. Параўнаем: *вакацыі* → *вакацый-н(ы)* і *канікул(ы)* → *канікулярн(ы)*, *травень* → *травень-ск(і)* і *май* → *май-ск(і)*. Функцыю вытворных слоў тыпу *канікулярны*, *майскі* можна назваць, карыстаючыся тэрмінам В.У. Вінагардава, адлюстраванай уласна словаўтваральнай намінацьнай функцыяй.

2) Канструктыўнае словаўтварэнне. Вытворнае слова ўзнікае з мэтай спрашчэння структуры выказвання, і адрозніваецца ад базавага слова не па

значэнню, а па прыналежнасці да іншай часціны мовы. “Асаблівасць канструктыўнай дэрывацыі ў тым, што яна ўключае вытворныя словы, якія не ўтрымліваюць семантычнай дабаўкі, якая адрознівае іх ад семантыкі ўтваральнага. Гэту галіну словаўтварэння ўслед за Е. Курыловічам называюць сінтаксічнай дэрывацыяй” [ЗЕМСКАЯ 1981, 86]. Мэтам канструктыўнага словаўтварэння служаць аддзяяслоўныя тэмпаральныя назоўнікі са значэннем адцягненага дзеяння *зімаванне, летаванне, датаванне, святкаванне* і адад’ектыўныя тэмпаральныя назоўнікі са значэннем адцягненай прыметы *старасць, даўнасць, бесканечнасць, часовасць, тэрміновасць, перыядычнасць* і інш.

3) Кампрэсіўнае словаўтварэнне. Вытворнае ствараецца з мэтай скарачэння ўжо існуючых у мове намінатыўных адзінак. На наш погляд, большасць вытворных ад тэмпаральных слоў уяўляюць сабой прадукт некаторага сціскання, канцэнтрацыі сэнсу, які можа быць выражаны больш разгорнутымі сродкамі – з дапамогай спалучэння рада слоў. Гэтыя працэсы ў лінгвістычнай літаратуры абазначаюцца тэрмінамі “сцяжэнне”, “кандэнсацыя”, “сінтэтычнае сцісканне”, “універбацыя”, якія часта ўжываюцца як сінонімы.

У разглядаемай групе актыўнымі ў выкананні кампрэсіўнай функцыі аказваюцца суфіксальныя універбаты – назоўнікі, якія ўтвараюцца ад асноў прыметнікаў на базе словазлучэнняў “прыметнік + назоўнік” пры дапамозе суфіксаў:

-ік-: *зімн-ік* (зімняя дарога), *летн-ік* (летні пінжак), *ранішн-ік* (ранішні збор), *месячн-ік* (месячнае мерапрыемства), *дэкадн-ік* (дэкадны план);

-к-: *пяцігод-к(а)* (пяцігадовы план), *пяцімінут-к(а)* (пяцімінутная нарада), *пяцідзён-к(а)* (пяцідзённы рабочы тыдзень), *вячор-к(а)* (газета “Вячэрні Мінск”);

-ніц-: *каляд-ніц(а)* (калядная ноч), *нач-ніц(а)* (начная зорка), *дзян-ніц(а)* (ранняя зара);

-шчын-: *надзён-шчын(а)* (надзённыя клопаты).

Звернем увагу на тое, што ў прыведзеных прыкладах прыметнікі, якія служаць матывавальнымі для універбатаў, таксама з’яўляюцца прадуктам сціскання. Параўнаем: *дарога, якой карыстаюцца толькі зімой – зімняя дарога – зімнік; план, разлічаны на пяць гадоў, – пяцігадовы план – пяцігодка* і інш.

Як кандэнсаты выступаюць і словы са значэннем асобы:

-нік-: *каляд-нік* (той, хто калядуе), *паўноч-нік* (той, хто не лажыцца спаць да позняй ночы), *заўсёд-нік* (той, хто наведвае заўсёды, пастаянна якую-небудзь установу);

-шчык-: *калядоў-шчык* (той, хто калядуе), *падзён-шчык* (той, хто выконвае падзённую работу), *гадзін-шчык* (той, хто займаецца вырабам і рамонтам гадзіннікаў);

- авух-: *век-авуха(а)* (старая дзеўка);
- ёр-: *сеанс-ёр* (той, хто праводзіць сеанс) і інш.

Калі параўноўваць вытворныя словы з сінанімічнымі ім словазлучэннямі, то афіксацыя праяўляе “сілу” кандэнсацыі і пры ўтварэнні дзеясловаў. Напрыклад, *старэць, маладзець*, з’яўляючыся сінанімамі словазлучэнняў з дзеясловам *станавіцца*: *станавіцца старым – старэць, станавіцца маладзейшым – маладзець*. Параўнаем яшчэ: *рабіць маладзейшым – маладзіць, рабіць старэйшым – старыць, рабіць даўнейшым – даўніць; набліжацца да вечара – вечарэць, набліжацца да дня – днець; скончыць абедцаць – даабедцаць, скончыць вячэраць – давячэраць, скончыць святкаваць – дасвяткаваць* і інш.

Аднак пры гэтым нельга лічыць, што кожнае вытворнае слова ўзнікае як вынік кандэнсацыі словазлучэнняў. Вытворныя словы ўтвараюцца непасрэдна ад утваральных слоў па пэўных мадэлях, але, з’яўляючыся адначасова сінанімам словазлучэння, слова можа разглядацца і як вынік кандэнсацыі, што адлюстроўвае гістарычную заканамернасць.

Кампрэсіўнае словаўтварэнне ўключае і такі спосаб, як усячэнне. Аднак для вытворных ад тэмпаральных слоў ён нехарактэрны. Прыклады складанаскарочаных назоўнікаў адзінкавыя: *палітгадзіна, парсек, камсамол*. Нехарактэрны для дадзенай групы лексікі і такі спосаб, як абрэвіяцыя (за выключэннем абрэвіятур *БПСМ, БРСМ*).

Мэтам кампрэсіўнага словаўтварэння служаць субстантываты, якія ў разглядаемай групе лексікі аказваюцца вельмі пашыранымі і выступаюць у наступных значэннях:

- найменні людзей адносна іх узросту (*маладыя* ‘маладыя людзі’ або ‘жаніх і нявеста’, *старыя* ‘старыя людзі’, *старэйшыя* ‘дарослыя людзі’ і інш.);
- найменні людзей адносна часу іх працы (*начная* ‘санітарка, якая працуе ноччу’, *днявальны* ‘радавы салдат сутачнага нарада’);
- найменні падзей у адносінах да прошлага часу (*мінулае, былое, учарашняе, даўняе, даўнейшае, старое*);
- найменні падзей у адносінах да цяперашняга часу (*цяперашняе, сённяшняе*);
- найменні падзей у адносінах да будучага часу (*будучае, заўтрашняе*);
- найменні грошай (*сутачныя* ‘грошы, якія выплачваюцца за кожны дзень камандзіроўкі’, *паквартальныя* ‘грошы, якія выплачваюцца адзін раз у квартал’, *святочныя* ‘грошы, якія ў якасці прэміі выплачваюцца ў сувязі з якім-небудзь святам’).

4) Экспрэсіўнае словаўтварэнне. Вытворнаму слову ўласцівы семы станоўчай ацэнкі або адмоўнай ацэнкі, памяншальнасці-ласкальнасці або павелічальнасці. Назначэнне такога вытворнага – адлюстраваць

суб'ектыўную ацэнку таго, хто гаворыць, у адносінах да таго, што называецца.

Экспрэсіўныя найменні ўтвараюцца ад тэмпаральных лексем даволі актыўна. У прыватнасці, выдзяляюцца назвы са значэннем памяншальнасці/ласкальнасці, сярод якіх: часавыя найменні (*ранічка, хвілінка, ночанька, дзянёк, вечарок* і інш.); назвы канкрэтных прадметаў (*дзённічак, начнічок, гадзіннічак* і інш.); назвы асоб (*старэнькі, маладзенькі*); прыслоўі, якія абазначаюць узмацненне акалічнаснай прыметы (*даўнютка, даўнюсенька, ранютка, ранюсенька, пазнютка* і інш.). Пашыраны і вытворныя, у значэнні якіх прысутнічае элемент негатыўнай ацэнкі, у тым ліку: асабовыя назвы (*старушэньця, старыкан, старэча, векавуха*); абстрактныя паняцці (*надзёничына, штодзёничына, будзёничына, бясчассе* і інш.).

5) Стылістычнае словаўтварэнне. Згодна з А.А. Земскай, выдзяляюцца два тыпы: а) вытворнае адрозніваецца ад базавага толькі стылістычнай афарбоўкай і б) слова са словаўтваральным афіксам адрозніваецца ад аднакарэннага слова з іншым словаўтваральным афіксам не семантыкай, а толькі стылістычнай афарбоўкай і/або прагматычным кампанентам значэння, словы не знаходзяцца паміж сабой у адносінах вытворнасці. Звычайна, па назіраннях А.А. Земскай, гэту функцыю выконваюць дзеясловы, і ў якасці прыкладаў даследчыца прыводзіць пары *сняць і засняць, измерить і замерить, пошить і сшить* [ЗЕМСКАЯ 1992, 8 – 12].

Аналіз вытворных ад тэмпаральных лексем паказвае, што мэтам стылістычнага словаўтварэння першага тыпу служаць размоўныя словы, утваральнымі для якіх з'яўляюцца словы нейтральнага стылю. Параўнаем: *зім(а)* (нейтр.) → *зім-іц(а)* (разм.), *хвіліна* (нейтр.) → *хвіл-ø(я)* (разм.), *сёння* (нейтр.) → *сенн-ека* (разм.) і інш. Стылістычнае словаўтварэнне другога тыпу характэрна як для дзеясловаў: *разднець і уднець* (разм.), *звечарэць і увечарэць* (разм.), так і для прыметнікаў: *вясенні і весні* (паэт.), *векавы і вячысты* (паэт.), *стадыйны і стадыяльны* (кніжн.).

Да стылістычнага словаўтварэння адносяцца і размоўныя вытворныя словы з фатычнай функцыяй: *дабранач, дабрыдзень*. Іх назначэнне ў размоўнай мове – стварэнне кантакту паміж суб'яседнікамі, нават калі адсутнічае неабходнасць перадачы якой-небудзь істотнай інфармацыі.

А.А. Земская звяртае ўвагу на тое, што, па-першае, усе вытворныя, як любое слова, абавязкова выконваюць намінацыўную функцыю, а, па-другое, у акце камунікацыі некаторыя вытворныя могуць выконваць адначасова некалькі функцый [ЗЕМСКАЯ 1992, 8 – 12].

Аналіз паказвае, што вытворныя ад тэмпаральных слоў падзяляюцца на монафункцыянальныя, якім уласціва толькі намінацыўная функцыя. Да іх адносяцца, ў асноўным, прыметнікі, утвораныя ад назваў дзён тыдня (*суботні, нядзельны*), ад назваў месяцаў (*лістападаўскі, вераснёўскі,*

ліпеньскі, лютаўскі і інш.), ад назваў пор года (*зімні, вясновы, летні, восеньскі і інш.*), ад назваў частак сутак (*начны, дзённы*). Значна большую па колькасці адзінак групу складаюць поліфункцыянальныя, якія, у спалучэнні з намінатыўнай, здольны выконваць дзве і больш функцый. Напрыклад функцыямі вытворнага назоўніка *вячэрнік* ‘студэнт навучальных устаноў, якія працуюць вечарам’ з’яўляюцца намінатыўная (называе асобу), кампрэсіўная (аднаслоўная намінацыя замест шматслоўнай), стылістычная (намінацыя, якая нараджаецца ў вусным маўленні).

Літаратура:

АХМАНОВА 1966: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Москва. – Сов. Энциклопедия. – 608 с.

ЗЕМСКАЯ 1981: Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – Москва. – Наука. – 276 с.

ЗЕМСКАЯ 1992: Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – Москва. – Наука. – 221 с.

КУБРЯКОВА 2003: Кубрякова Е.С. О ключевых проблемах теории словообразования // Проблемы тэорыі і гісторыі славянскага словаўтварэння. Даклады Шостай Міжнароднай канферэнцыі Камісі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск / Беларусь 2 – 6 сакавіка 2003 г. – Мінск. – ВТАА “Права і эканоміка”. – С. 22 – 31.

ТИХОНОВ 1989: Тихонов А.Н., Пардаев А.С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. – Ташкент. – 141 с.

ШАКУН 1978: Шакун Л.М. Словаўтварэнне. – Мінск. – Вышэйшая школа. – 128 с.

DYNAMIKA 1989: Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kolektív. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. – Bratislava. – Veda vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. – 436 s.

МІСЦЕ СЛОВОТВОРУ В ФУНКЦІОНАЛЬНО-КАТЕГОРІЙНІЙ ГРАМАТИЦІ МОВИ

В українському мовознавстві існує достатня кількість граматик української мови різного типу. Останній том академічної граматики сучасної української літературної мови опубліковано понад три десятиліття тому [СУЧАСНА...1969-1973]. За цей час змінилася сама українська мова, а також наукові парадигми мовознавства.

На розвиток української мови істотно вплинули такі соціальні чинники, як здобуття незалежності Україною й утвердження державного статусу української мови. Помітні зміни сталися в різних функціональних стилях сучасної української мови, змінюється і усталюється її норма, посилюється її інтелектуалізація, відбуваються процеси демократизації мови, термінування і детермінування, збагачується і оновлюється її словниковий склад. На розвиток української мови впливає глобалізація світових процесів. Отже, необхідне дослідження реакції мови на них і систематизація наслідків цього впливу. В останнє десятиліття, наприклад, в українській мові під впливом численних запозичень з'явилася велика кількість слів проміжного типу між композитами і юксталозитами (*афросврозійський*), численними стали складні слова без єднального голосного між основами *інтернетсторінка, інтернетновини, інтернеттарифи, ресурс-фактор, дискурс-аналіз*. Нагромадження їх веде до зміни морфемного образу українського слова, для якого характерніша наявність такого голосного. Посилилися аглютинативні механізми творення складних слів. Ми спостерігаємо нанизування в препозиції до вже існуючих складних слів нових основ, пор.: *кінофотофонодокумент, перевезення → меблеперевезення, вантажоперевезення → автомобілевантажоперевезення* тощо. Накопичується фонд так званих аброморфем – основ, що здебільшого мають інтернаціональний характер, стандартні, регулярно повторювані значення, достатньо високу частотність в науково-технічному стилі та загальнолітературній мові, часто містять у фіналі голосний **о**, що полегшує їхнє входження в гібридні слова мови: *енергоборг, енергозалежність, енергокриза, енергопрогрес, енергорепресії*. Вони стають наслідком творення слів за новими моделями, подібними до аббревіатурних, що не проходять у сучасній мові стадію обов'язкового співвідношення зі словосполученням: *екобезпека, екогідрологія, екоенергетика, екокатастрофа, екоосвіта, екополіс, екорух, екосистема, екотуризм, екоцид*.

У лінгвістиці утвердився антропоцентричний підхід до пояснення мовних явищ. У межах цього підходу в центрі уваги дослідника перебуває особистість мовця, його епістемічний світ і комунікативні наміри.

Висвітлення мовних явищ у цьому аспекті найповніше може відбити функціонально-категорійна граматики української мови. Проект написання граматики такого типу обґрунтовано членом-кореспондентом НАН України, завідувачем відділу історії та граматики української мови Інституту української мови НАН України І.Р.Вихованцем, який очолить авторський колектив праці. До нього увійшли вчені академії наук доктори філологічних наук І.Р.Вихованець, К.Г.Городенська, Є.А.Карпіловська, Н.Ф.Клименко, професори державних Донецького (А.П.Загнітко) та Івано-Франківського університетів (В.В.Грещук). До граматики увійдуть томи «Синтаксис», «Морфологія» та «Словотвір».

Останній складатиметься з морфеміки, словотвірної морфонології та словотворення. У морфеміці будуть описані одиниці морфемної підсистеми мови, взаємовідношення між морфемами та між класами морфем, різними за місцем розташування в слові, їхньою роллю, функціональними характеристиками, походженням, за ознаками форми. За матеріалами «Морфемно-словотвірного фонду сучасної української мови» Інституту мовознавства НАН України, в якому на сьогодні 187 тисяч слів не лише будуть окреслені інвентарі коренів та службових морфем, а й показані частотно-валентні характеристики префіксів та суфіксів, інтерфіксів (за матеріалами лексикографічної праці [КЛИМЕНКО, КАРПІЛОВСЬКА 1998]).

У «Морфеміці» буде розкрито лінійні морфемні структури слів, подано інвентар цих структур, особливості у різних частинах мови, показано параметри допустимих структур, межі їхнього ускладнення, а також максимальну морфемну структуру однокореневого слова української мови з чотирьох префіксів, кореня, шести суфіксів та флексій (*не-о-по-да-т-к-ов-ува-н-ість-Ø, по-пере-роз-по-діл-я-ти, матер-і-ал-із-ува-ти-ся*).

У цій частині книжки буде представлена парадигматична інтерпретація лінійних морфемних структур завдяки встановленню морфемної сітки структур слів сучасної української мови. Завдяки такому розгляду буде змальовано типологічний морфемний портрет української мови, що вирізняє її з-поміж інших слов'янських і неслов'янських мов. Його доповнюють такі типологічні ознаки слова української мови, як його середня морфемна довжина і глибина.

У «Морфеміці» будуть розкриті закономірності конструювання морфемних структур, використання їх у мові і наповнення у текстах різних функціональних стилів. Воно підвладне дії законів простоти і переваги. У лексичному складі мови переважають однокореневі слова, багатокореневі становлять лише 14% лексикону. Морфемні структури мають найбільше лексичне наповнення і реалізуються з найбільшою частотою в текстах, коли вони є простими (у межах середньої довжини слова 4 ± 1 морфема).

У конструюванні морфемних структур слова виявляється закон симетрії. Структури однокореневих слів переважно асиметричні, однак ті з них, що входять до ядра підсистеми мови *до-пис-Ø*, *за-мал-ий*, наділені дзеркальною симетрією, тобто мають врівноважену до- і після кореневу частину слова. Багатокореневі слова віддають перевагу структурам з монотонною симетрією (ритмічним повторенням тактів: *тінь-о-люб-Ø*, *чорн-о-білий*).

Плинна рівновага в морфемній підсистемі мови зберігається завдяки притягальній силі кореня, що є носієм спорідненості слів у гніздах, і задає спосіб поєднання службових морфем у слові, як і можливості прочитування семантики його одиниць.

Цю частину книжки завершить огляд тих процесів, що відбуваються сьогодні в мові і пов'язані з морфемікою і морфотактикою мови. Ідеться про активізацією мало поширених афіксів, що здобувають продуктивність у науковому стилі української мови, стають активним засобом творення неологізмів, поповнення інвентаря морфем новими основами та уніфіксами, виникнення афіксоїдів тощо.

У частині «Морфонологія» морфонологічна підсистема української мови буде представлена в контексті комплексної одиниці словотвірної підсистеми мови – словотвірного гнізда. Методика аналізу особливостей формального входження основ твірних слів до структури похідних, встановлення правил перетворення афіксальних морфем на різних ступенях похідності, розкриття взаємодії морфонологічних явищ, що супроводжують словотворення застосована в описі відіменникових гнізд у праці Федурко М.Ю. [ФЕДУРКО 2003].

У нашій граматиці передбачено визначення морфонологічного чинника у формуванні словотвірних гнізд з вершинними словами різних частин мови систематизацією особливостей морфонологічних перетворень (шляхом встановлення типової морфонологічної структури словотвірних гнізд). Ми поділяємо думку С.Толстої, що основною одиницею аналізу та синтезу морфонологічної структури дериватів є морфонологічна модель і враховуємо наслідки застосування такої одиниці в розгляді морфонології відіменникових гнізд сучасної української мови, що одержані Федурко М.Ю. Виділені всередині словотвірних гнізд морфонологічні моделі похідних, типові морфонологічні структури гнізд, їхні класи, доповнені показниками їхнього лексичного наповнення допоможуть розкрити обсяг морфонологічних перетворень у гніздах, найпродуктивніші морфонологічні моделі у межах іменників, дієслів, прикметників, прислівників.

Словотворення мови буде описано в межах основоцентричного підходу з урахуванням транспозиційних, модифікаційних і мутаційних значень, словотвірних категорій, процесів, а також особливостей

функціонування словотворення у різних стилях сучасної української літературної мови.

У згадуваній функціонально-категорійній граматиці сучасної української мови враховано системні зв'язки морфологічної, синтаксичної та словотвірної підсистем мови. Докладніше функціональна морфолого-синтаксична концепція граматики описана в праці «Теоретична морфологія української мови» [ВИХОВАНЕЦЬ, ГОРОДЕНСЬКА 2004]. Вихованець І.Р. відзначає, що ця концепція дозволяє послідовно окреслити слово в плані його граматичної будови й функціонування, у вирізненні й аналізі частиномовних одиниць, слів-морфем, слів-речень та морфологічних категорій у всіх виділених відповідно до морфолого-синтаксичної концепції частин мови.

Морфологію і словотворення визначає використання спеціалізованих морфем, одні з яких передають морфологічні значення (флексії), інші (суфікси, префікси, постфікси тощо) – словотвірні. Словотворення з'єднує морфологію з лексикою і є важливою ланкою структурування мови [ВИХОВАНЕЦЬ, ГОРОДЕНСЬКА 2004, 6-7].

У граматиці буде з'ясовано налаштованість морфологічних, словотвірних, синтаксичних категорій одна на одну і водночас показані відмінності кожної з них, своєрідність їхніх грамем. «Грамемам морфологічних категорій звичайно притаманна семантико-граматична спрямованість, тоді як грамеми словотвірних категорій є формально-граматичними величинами, тобто словотвірними типами з відповідним афіксальним структуруванням, які в семантичному плані об'єднані спільною словотвірною функцією категорії» [ВИХОВАНЕЦЬ, ГОРОДЕНСЬКА 2004, 100]. На відміну від грамем морфологічних категорій, що беруть участь у побудові всіх реченневих конструкцій, грамеми словотвірних категорій, або словотвірні типи, їхнє формування часто підтримувані відповідно реченневою позицією словотвірної бази [ВИХОВАНЕЦЬ, ГОРОДЕНСЬКА 2004, 100]. Зрозуміло, що виділення основних словотвірних семантичних категорій, наприклад, похідних іменників та прикметників корелює з семантико-синтаксичною структурою речення. До основних словотвірних іменникових категорій входять суб'єкт, знаряддя, локатив, граматична предметність, збільшеність, зменшеність, збірність, одиничність тощо, з подальшим поділом їх на підкатегорії, скажімо суб'єкта дії, суб'єкта процесу, суб'єкта стану тощо.

Словотвірні категорії прикметника визначено характером його взаємозв'язків з вихідними для нього з словотвірного погляду частинами мови. І.Р.Вихованець характеризує прикметник як таку частину мови, що має суфіксально-префіксальну словотвірну домінанту, і наголошує, що суфікси похідних іменників здебільшого формуються з предикативних знаків [ВИХОВАНЕЦЬ, ГОРОДЕНСЬКА 2004, 134].

До розгляду прикметникових словотвірних категорій буде залучено категорію недостатнього ступеня вияву ознаки, категорію надмірної інтенсивності ознаки, категорію суб'єктивної оцінки якості (тобто категорії з модифікаційними значеннями), категорію протилежності, категорію надміру супровідної ознаки (в межах яких словотворчі засоби виконують функцію заступання). Їх доповнять категорія присвійності, категорія локативної атрибутивності, категорія темпоральної атрибутивності, категорія порядковості, ад'єктивної синтаксичної деривації і міжрівнева словотвірно-морфологічно-синтаксична категорія ступенів порівняння.

Основоцентричний підхід до пояснення словотвірних явищ уможливить розкриття словотвірних потенцій різних частин мови, залежність їх від синтаксичної поведінки вершинних слів гнізд, а також визначення гнізд за параметрами реалізації словотвірних типів, семантичних словотвірних категорій, лексичної потужності гнізд. До цих ознак в описі буде додано аналіз гнізд за особливостями словотвірних ланцюжків, парадигм слів різного ступеня похідності, а також за характером засвоєння значень слів в аспекті зв'язку між похідними одиницями. У ньому буде використано морфемно-словотвірний фонд української мови Інституту мовознавства НАН України [КЛИМЕНКО, КАРПІЛОВСЬКА 1990], а також дериваційний кореневий словник сучасної української мови [КЛИМЕНКО, КАРПІЛОВСЬКА 2005].

Характеристика словотвірних явищ сучасної української мови буде неповною без опису функціонування словотвірних одиниць у текстах різних стилів, динаміки у словотворенні. Вони виявляються в процесах неологізування і використання в них словотворчих засобів нових і тих, що були штучно заборонені в часи першої русифікації, збільшенні інтернаціональних запозичених одиниць і водночас конкуренцією з ними слів з питомими компонентами мови, швидку гібридизацію слів як реакцію мови на прискорене проникнення в неї різних запозичень, зростання ролі осново- та словоскладання в процесах номінації і внаслідок цього збільшення питомої ваги складених слів у словниковому складі мови. Помітне зростання розчленованих номінацій, що є перекладами інтернаціональних термінологічних словосполучень з подальшим згортанням їх у афіксальні похідні, формування нових словотвірних моделей, «агресію» експресивних засобів мови і проникнення їх навіть до термінологічної лексики тощо.

Література:

ВИХОВАНЕЦЬ, ГОРОДЕНСЬКА 2004: Іван Вихованець, Катерина Городенська. Теоретична морфологія української мови. – Київ. – 398 с.

КЛИМЕНКО, КАРПІЛОВСЬКА 1994: Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А. Морфемно-словотвірний фонд української мови як дослідницька та інформаційно-довідкова система // Мовознавство. –1990 – №6 – С.41-50; Klymenko N.F., Karpilowska E.A. Computer-Word-Formative Database of the Ukrainian its Application // Journal of Quantitative Linguistics. – №2. – P.113 – 131.

КЛИМЕНКО, КАРПІЛОВСЬКА 1998: Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А. та ін. Словник афіксальних морфем сучасної української літературної мови. – Київ.

КЛИМЕНКО, КАРПІЛОВСЬКА 2005: Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А. Шкільний словотвірний словник сучасної української мови. – Київ.

СУЧАСНА... 1969-1973: Сучасна українська літературна мова. Т.1-5. – Київ

ФЕДУРКО2003: Федурко М.Ю. Морфологія відіменникового словотворення. – Дрогобич. – 271 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕДЛОГОВ

Наш доклад является частью открытого международного проекта «Грамматика славянского предлога», инициированного М.В.Всеволодовой, профессором Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова и объединяющего лингвистов ряда стран (о проекте см. в [ВСЕВОЛДОВА 2003]). Кроме того, исследование русской и белорусской предложных систем обусловлено также Соглашением о научном сотрудничестве между филологическими факультетами МГУ и Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. В рамках двустороннего сотрудничества участники проекта работали над формированием реестров русских и белорусских предлогов и единиц, способных употребляться в функции предлога. Реестр белорусских предлогов и их аналогов, составленный нами методом атрибуции указанных единиц по многим параметрам, во многом формировался за счет знаменательных слов, используемых в качестве предлога.

Проблемы перехода знаменательных слов в предлоги нашли в свое время достаточно полное освещение в имеющихся описаниях, тем не менее функционально-семантические и функционально-коммуникативные описания языковых систем вновь привлекли внимание исследователей к этой категории лексики.

При взгляде на словообразование как на основной путь пополнения лексики внимание исследователей обычно концентрируется на новообразованиях-номинациях, в то время как «за кадром» остается не менее интересный пласт лексики – реляции, т.е. незнаменательные слова, которые так же активно участвуют в словообразовательном процессе, так же вступают в отношения мотивированности и производности, так же обладают модельностью образования и т.д.

Иное дело, что частеречная принадлежность реляций, в нашем случае – предлогов, требует квалификации не столько с лексических, сколько с функциональных позиций, что затрудняет выделение той или иной единицы в качестве самостоятельного новообразования. Обычно в таких случаях используется осторожная помета «употребляется в значении предлога». Но специфика реляционных, служебных частей речи такова, что свою инаковость от знаменательных слов они и не могут явить исследователю иначе, чем будучи употребленными в служебной роли. Новообразования-предлоги могут быть выявлены только в функционировании, независимо от того, будет это разовое, окказиональное употребление или оно уже устоялось и зафиксировано в лексикографических источниках.

В качестве иллюстрации сравним два примера. На конференции, посвященной юбилею В.П.Григорьева (2005), юбиляр обратил внимание на победное шествие так называемых «инговых форм» типа *кастинг*, *митинг*, *лизинг*, по образцу которых были образованы экспрессивные *шастинг*, *вининг*, *базаринг*, *пудринг*, *тьфутинг*, *АнтиЖириг*, *амПутинг*, *Церетелинг*, вплоть до *Лотманинга*. По заключению В.П.Григорьева, «итинговое» поветрие способно охватить всю идеографию языка в любом уголке триады Человек-Природа-Общество, хотя некоторые из приведенных выше неологизмов являются окказиональными однодневками. Однако это, несомненно, лексические единицы, образованные по определенной модели, имеющие инвариантное и собственное лексическое значения.

Таким же образом мы можем наблюдать если не поветрие, то повышенную активность многих (как правило, аналитических) образований и в предложной системе: в советское время вся жизнь рассматривались *в свете* съездов и пленумов единственной партии, теперь многие события организуются и происходят *в* каких-нибудь *рамках* (*в рамках реформы / в рамках проекта / в рамках партнерства / в рамках конференции / в рамках дней культуры*, а в освещении СМИ они выглядят обязательно *в* каком-нибудь *формате* (*в формате тет-а-тет / в формате без галстуков / в формате глянцевого журнала / в формате онлайн* и т.п.).

Отличие образования номинации от образования реляции состоит в их функциях и уровнях, на которых эти функции выполняются. Номинация возникает при потребности говорящих для означивания реалии и существует на уровне слова, реляция – при потребности выражения отношения между знаками, а следовательно, и опосредованного выражения отношения между самими названными реалиями. Это выражение отношения существует на уровне синтаксиса – в системе синтаксем. Таким образом, предлог следует рассматривать скорее не как морфологическую категорию, а как морфосинтаксическую.

Существует немало операциональных приемов разграничения предлога и не-предлога – структурных и функциональных, но из более чем десятка функций, выполняемых предлогом [КОНЮШКЕВИЧ 2005], наиболее диагностичной для квалификации предложной единицы является, на наш взгляд, его синтаксеообразующая функция: предлог вместе с флексией или без нее является формантом синтаксемы и маркером ее синтаксической позиции в грамматической структуре предложения. По мнению М.В.Всеволодовой, предлог вместе с флексией образует в словоформе единый формант наподобие конфикса: *с умом*. Добавим, что этот формант образует не только словоформу (уровень морфологии), но и синтаксему, т.е. единицу синтаксиса. Аналогию синтаксемных формантов со словообразовательными можно продолжить: формантом синтаксемы может быть только флексия: *умом* (аналогично

суффиксации на уровне словообразования), только предлог: *с целью купить* (соответствует префиксации).

Лексический компонент синтаксемы представлен основой организующего ее знаменательного слова (для существительных), либо целым словом, если оно не изменяемое – инфинитив, наречие, либо более сложным образованием. Поскольку каждая синтаксема, независимо от ее распространенности и сложности структуры, стремится занять лишь одну синтаксическую позицию, то и выделение структурных частей синтаксемы (форманта и лексического компонента) ориентировано на определение границ позиции синтаксемы. Иначе говоря, всё, что не входит в лексический компонент синтаксемы, является ее формантом, а препозициональная часть форманта – предлогом (или его аналогом, если в функции предлога выступает другая часть речи).

Таким образом, предлог как морфосинтаксическая категория находится на стыке двух миров – мира морфологии, где он является словом, и мира синтаксиса, где он является служебной граммемой, изоморфной морфеме в слове. Именно эта вторая его ипостась и мешает рассматривать предлогообразование в рамках словообразования, тем более что препозиционализация, как правило, всегда транспозитивна.

Предлог выполняет также и предикатную функцию, причем в высказывании он представляет собой своего рода «экологическую нишу» (термин В.С.Юрченко, примененный им в примере с другими предикатами [ЮРЧЕНКО 1992]) для того предиката, который при конденсации высказывания должен уступить место, занятое полнозначным словом, другому предикату. Само же полнозначное слово – бывший предикат – в конденсированном высказывании переходит в эту нишу. Чем дальше в конденсированном высказывании вытесненный предикат отходит от своей привычной позиции, тем более он депредикатизируется в морфологическом отношении, вплоть до потери собственной синтаксической позиции. (На конференции в МГУ 2003 г., посвященной проблематике предлога, во время дискуссии на предмет предикатности первообразных предлогов типа *в, на, к* и др., проф. А.А.Поликарпов в шутку, но не без оснований сказал, что первообразные предлоги – это «усохшие предикаты.») Например: *Когда мы сравнили А с Б, то выявили, что от А больше пользы. – После сравнения А с Б мы выявили больше пользы от А. – От А по сравнению с Б больше пользы.*

Вопрос о том, оторвалась ли лексема *сравнение* в последнем примере от массива знаменательных слов и вошла в состав аналитического предлога, можно не ставить, поскольку изменилась форма этой лексемы в сочетании с первообразным предлогом *по* – *по сравнению*, а не *по сравнении* (как *по приезде, по возвращении* и т.п.). Однако в других случаях такого изменения в падежной форме существительного не происходит, но в его предложной функции мы тем не менее не

сомневаемся: *идти в направлении* леса, *по направлению* к лесу и даже *в направлении* к лесу.

Обращение к предикатной функции предлога понадобилось для того, чтобы подчеркнуть еще одну важнейшую функцию словообразования – быть механизмом синтаксиса. И в этом механизме, если рассматривать его в синтаксическом аспекте, можно отметить свои закономерности, об одной из которых пойдет речь дальше.

В поле предлога (а это поле релеяционности, которое гораздо шире поля частеречности) втягивается лексика, которая в синтаксисе уже выполняет строевые функции. Правда, эти строевые функции несколько иного порядка: в высказывании они часто факультативны, а называемые ими отношения носят не такой конкретный характер.

Слова, которые выполняют строевую функцию и к которым (опосредованно) восходят предлоги, принадлежат к различным типам строевой лексики.

Один из типов составляют слова-связки: *быть – в бытность*: **В бытность** студентами мы работали в стройотрядах; *становиться*: **В становлении** Пушкина-поэта немалую роль сыграла его няня.

Достаточно продуктивной является группа модификаторов (термин М.В.Всеволодовой), распадающаяся на две подгруппы:

1) подгруппа модальной лексики: *желать – в желании* увидеть, надеяться – *в надежде* на встречу);

2) фазисные глаголы; одно время в школьном курсе русского языка не давали покоя ни учителям, ни ученикам предлоги *в течение* и *в продолжение*, но фазисных предлогов гораздо больше (разумеется, с разной степенью опредложивания): *начать беседовать – в начале беседы, продолжать беседовать – в продолжение беседы, завершить – в завершение, заключить – в заключение*. В этот процесс включаются аналогия, синонимические и антонимические отношения: *в итоге, на исходе, на этапе, на стадии*. См. в белорусском синонимичный ряд предлогов с семантикой начальной фазы: *на пачатку, на зары*: (Цётка, Купала і Колас) ... мяркуючы на ўсім, някепска ведалі сваю справу і зусім нядрэнна правялі яе ў жыццё. Яшчэ **на зары** нашага стагоддзя (У.Караткевіч); *на досвітку*: А калі сур'ёзна, дык вялікае бачыцца на адлегласці, як сказаў рэфарматар-паэт яшчэ **на досвітку** дваццатага стагоддзя (Я.Міклашэўскі); *на ўсходзе*: **На ўсходзе** дня майго заранка дагарае, Каб позна вечарам **на захадзе** ўзысці (А.Куляшоў); *на золку*: Вершы і лірычныя мініяцюры пісаліся ім [Танкам] яшчэ **на золку** творчага шляху (М.Мікуліч); *на парозе*: **на парозе** жыцця (Я.Колас); *Зараз мы знаходзімся на парозе рэформы вышэйшай школы* («Звезда», 14.04.05).

То же видим и в выражении семантики конечной фазы действия/события/явления: *на завяршэнне* сустрэчы, *над канец* вячэры, *на схіле* 30-х гадоў (Л.Геніюш), *на сконе* дня (Х.Кашкурэвіч), *на зыходзе*

стагоддзя, **на згон/ на зgone:**). Вясной, **на згон** зімы, Вілія разлівалася, выходзячы з берагоў, і затапляла ўвесь лог да заставы (І.Пташнікаў). Яна абзавецца ў душах сучаснікаў **на зgone** стагоддзя глыбокай павагай і любоўю да паэта, чуласцю і спагадай, гонарам за радзіму, якая нараджае такіх сыноў (М.Мікуліч); **на/пры/канцы** вясны, **у падсумаванне** дыскусіі і т.д.). При необходимости более точного темпоративного значения вводится существительное с темпоральной семантикой и релятивной функцией: **на момент/дату/день/время завершения** строительства.

Еще одну группу строевой лексики составляют реляторы, устанавливающие отношения между двумя денотативными ролями в высказывании. Это могут быть отношения обладания, наличия (**иметь – за неимением** чего: **За неимением** гербовой пишем на простой; **наличествовать – при наличии**: **Обмен** валюты производится **при наличии** паспорта (поскольку наличие паспорта обнаруживается, когда этот документ предъявляют, то значения ‘наличествовать’ и ‘предъявлять’ сливаются в одном слове, и в итоге образуется синтаксема **по предъявлении** паспорта, в которой можно усматривать формант **по предъявлении**).

Реляторы выражают отношения части и целого; в высказываниях реляторами являются глаголы **включать, составлять, входить, исчисляться, состоять** и т.п. Подгруппа предлогов с названным значением восходит к разным частям речи, но формируется с одним инвариантным значением включения в состав целого: **в состав/е, в число/е, в списке, в перечне, включая, считая, в круг/е** и т.п.

Реляторы выражают отношения зависимости: **зависеть – в зависимости/ть от, зависимо от, независимо от, влиять – под влиянием**; логического вывода – **значить, означать, знаменоваться – в знак признательности, в ознаменование** встречи, **в свидетельство** дружбы; **в закрепление** знакомства.

Особенно продуктивную производящую базу для образования предлогов представляют так называемые классификаторы – существительные, определяющие категориальный класс явлений действительности и образующие дескрипции: **чувство, состояние, возраст, цвет, рост** и т.п. Их строевая функция в предложении различна: стилеобразующая (**Герань любит воду** и **Герань – влаголюбивое растение**), интерпретационная (**Маша скромная – Скромность – отличительное свойство** характера Маши), строевая (**Рубашка розовая, но Рубашка табачного цвета / Рубашка цвета** морской волны) и т.д.

К этой группе примыкает и так называемая параметрическая лексика типа **высота, ширина, диаметр, вес, магнитуа, напряжение, сила** и др., называющая свойства физических объектов, измеряемые в тех или иных величинах. В формах отдельных падежей классификаторы и параметрические слова выступают в высказывании в предложной функции, нередко в сочетании с первообразными предлогами, образуя

разветвленные парадигмы: *Дама в возрасте 30 лет. Голова в форме тыквы. Баскетболист ростом 2 метра. Землетрясение магнитудой в 7 баллов. Сравн.: воронка глубиной 4 м – воронка с глубиной 4 м – воронка глубиной свыше 4 м – воронка глубиной около 4 м – воронка глубиной в 4 м и т.д.*

О том, что образование подобной релятивной лексики, равно как и формируемой ею синтаксем, системно и происходит по определенной модели, свидетельствуют экспрессивные высказывания, взятые нами из СМИ: юмор с *пошлостью* в 7 петросян; *А ноги... Какие ноги! Через эти ноги мужчины перескакивали со скоростью три мужа в год* (Клара Новикова); *Зритель на этот фильм («Пираты XX века») подсел как наркоман на иглу – его показывают с регулярностью два укола в неделю «КП».*

Поскольку сочетаемость строевой лексики с первообразными предложениями достаточно широка, то можно исчислить объемы морфосинтаксической парадигмы таких образований, выявить стилистические и другие запреты и разрешения на формирование этих парадигм. Например, в защищенной в 2006 г. магистерской диссертации А.В.Сентябовой, выполненной под руководством автора этих строк, представлена парадигма препозициональных образований с лексемой *высота*, насчитывающая 489 единиц в русском языке и 526 в белорусском (численное преимущество белорусского материала обусловлено включением в предложное сочетание элементов *за* и *як*). Далеко не все из представленных потенциальных сочетаний подтверждены речевой практикой, но модельность и системность их образования достаточно прозрачна.

Исследования показали, что процесс опредложивания сопряжен с процессом метафоризации, причем метафоризируется обычно не все слово, а лишь некоторые его падежные формы, используемые в предложной функции; сравн.: *на заре юности / на пороге жизни / бел. на досвітку, на золку стагоддзя*. Использование в переносном значении одной из форм знаменательного слова в качестве предлога обязательно втягивает в поле предлога и аналогичные формы других знаменательных лексем синонимического ряда. Сравн.: *быть на вершине / на пике / в апогее славы; рассматривать явление в свете / в аспекте / в ракурсе / в плане / с позиций функциональной грамматики* и т.п. Метафоризация формы связана и с требованиями сочетаемости форманта синтаксемы с определенным ее лексическим компонентом. К примеру, слово *глубина* в сочетании со словом *душа* “потянуло” в поле предлога и слово *дно*: *в глубине/ах души – на дне души*.

Естественно, этот процесс – от метафоризации формы к препозиционализации – налагает запреты на употребление тех или иных форм опредложенного слова с другими существительными. Так, если

форма в предложном падеже *на дне* возможна и как самостоятельная синтаксема (*Затонувшая лодка оставалась на дне более двух лет*) и как формант синтаксемы (*На дне души лежит тяжесть*), то нормативный контекст для формы творительного падежа типа *дном, с дном, перед дном* и т.п. в релятивной функции едва ли возможен. Можно сказать, допустим, *С дном бочки/пруда/банки корни этого растения не соприкасаются*, но насколько нормативны и в каком контексте возможны синтаксемы *дном души, с дном души, перед дном души*?

На основе системных отношений в белорусском языке вокруг указанного форманта в сочетании с лексемой *душа* сформировалась группа слов, способных выступить в роли предлога: *на дне души / на донні / на донейку / у глыбіні / у глыбінях / у нетрах / у сутонні / у поцемках души*.

В заключение мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что пополнение категории предлога за счет знаменательной лексики – процесс системный и закономерный: использование знаменательного слова в роли служебного имеет функциональную мотивированность.

Литература:

- ВСЕВОЛОДОВА 2003: Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основаниям функциональной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – № 2. – С. 17 – 59.
- КОНЮШКЕВИЧ 2005: Конюшкевич М.И. Функции предлога // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту. – Донецк – С. 196 – 202.
- ЮРЧЕНКО 1992: Юрченко В.С. Космический синтаксис: Бог, человек, слово. – Саратов.

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОМПРЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Современный период развития русского и польского языков характеризуется интенсивным разрушением системы норм, основной причиной которого является перестройка сознания говорящего сообщества, обусловленная изменением качества общественной жизни, ее приоритетов и темпа (см. [PISAREK 2000], [GRYBOSIOWA 2003], [СЕДОВ 2003]). Прагматическое стремление говорящих как можно быстрее и в оптимально сжатом виде передать максимальное количество необходимой информации, объем которой постоянно растет, находит свое отражение в словообразовательных процессах русского и польского языков, в частности, в регулярном образовании компрессатов в разговорной речи и языке СМИ, активно влияющем на общенациональное словоупотребление. Виды компрессатов, типичные для русского и польского языка конца XX-начала XXI века, описываются в данной статье в сопоставительном плане. Источником языкового материала являются в основном неологические словари, а также картотека автора статьи.

Прежде чем приступить к анализу компрессатов, считаем необходимым указать на тот факт, что в славистике вопрос о способах словообразовательной компрессии является дискуссионным. В русистике к области компрессивного словообразования относят в основном универбаты, являющиеся субститутами устойчивых адъективно-субстантивных наименований, типа *читалка* ← *читальный зал* (см. [ЗЕМСКАЯ 1992]). Словацкие дериватологи значительно расширяют область универбизации, включая в неё различные способы замены мультивербизмов однословными наименованиями. Так, Ю. Фурдик выделил два способа универбизации: 1) эллипсис устойчивого адъективно-субстантивного словосочетания, в результате которого носителем его семантического содержания становится субстантивированное прилагательное (*študijné oddelenie* → *študijné*); 2) универбизацию с помощью деривационных средств, когда из мультивербального субстантивного или глагольного наименования изымается определенная часть, которая в производном слове замещается словообразовательным суффиксом – носителем категориального значения*: *diplomová práca* → *diplomovka*, *ucitel' slovenčiny* → *slovenčin-ár*, *vykonávat' dozor* → *dozor-ovat'* [FURDÍK 2004, 66].

* Ср.: „Z viaslovného substantívneho alebo slovesného pomenovania sa vypúšť'a určovaná časť, ktorá je vo výslednom slove (univerbáte) nahradená slovotvornou príponou (nositeľ'om onomaziologickej bázy)...”

Вслед за авторами „Dynamiki slovnej zásoby súčasnej slovenčiny (см. [HORECKÝ, BUZÁSSYOVÁ, BOSÁK 1989, 298-306]), Й. Дольник, выделяет еще один вид универбизации – т.н. композиционно-деривационную, типа *prvá liga* → *prvoligista* [DOLNÍK 1999, 70].

Некоторые польские слависты, и прежде всего – Е.Щепаньска, в область универбизации включают также дериваты, появившиеся в результате усечения (*płyta kompaktowa* → *kompakt*) и аббревиации (*Akademia Medyczna* → *AM*) [SZCZEPAŃSKA 1994].

На наш взгляд, расширительная трактовка универбизации объясняется тем, что универбаты, выделенные словацкими лингвистами и Е.Щепаньской, как и «классические» универбаты типа *читалка*, образуются в результате словообразовательной компрессии.

Термин «компрессия» в применении к языку обозначает свёртку, «сжатие» прецедентного текста до размеров словосочетания или словосочетания до размеров слова при сохранении его семантического содержания (ср. с принятым в информатике термином «компрессия данных»). Компрессат – это семантически регулярный дериват**, заменяющее собой многословное наименование либо устойчивое парафрастическое словосочетание; ср., например, *ЧП* и *частное предприятие*, *grochówka* и *zupa grochowa* ‘гороховый суп’.

Вслед за Ю.Фурдиком, полагаем, что экспликатором части семантического содержания сконденсированного мультивербизма в структуре однословного компрессата может быть аффиксальный формант – носитель категориального значения (ср. словацк. « *nositeľ opomaziologickej bázy*», польск. « *wykładnik wartości kategorialnej*»).

На наш взгляд, при словопроизводстве в современных русском и польском языках наблюдается два вида компрессии:

1) сокращение формы слова или трансформация усеченного словосочетания (мультивербизма) в синтетическое однословное наименование, которые осуществляются без использования специальных аффиксов (ср. *докладная записка* → *докладная*, *Поттер + мания* → *поттеромания*; *trwała ondulacja* → *trwała*, *Potter + mania* → *potteromania*);

2) образование дериватов, замещающих определенные синтаксические конструкции, с помощью специализированных аффиксов и т.н. «терминоэлементов» (ср.: *мореходное училище* → *мореходка*, *szkoła podstawowa* → *podstawówka*, *обработка в автоклаве*" → *автоклавирование*, *образование автономий* → *автономизация*; *podział na rejony* → *rejonizacja*, *układanie harmonogramu* → *harmonogramowanie*).

При образовании компрессатов первого типа используются такие традиционные способы словообразования, как:

** GRZEGORCZYKOWA, PUZYNINA 1999, 371-372.

1) семантико-синтаксический (субстантивация, польск. „elipsa”, „derywacja syntaktyczna”): *запасной* (из *запасной игрок*), *детские* (*детские деньги*, т.е. ‘пособия на детей’), *докладная* (из *докладная записка*), *отпускные* (*отпускные деньги*, т.е. ‘выплачиваемые за отпуск’), *служебная* (из *служебная записка*); *kieszonkowe* (*pieniądze kieszonkowe*, т.е. ‘карманные деньги’), *trwała* (*trwała ondulacja* ‘химическая завивка, перманент’), *wczasowe*, *turystyczne* (т.е. ‘деньги, выплачиваемые за отпуск’), *wygodnicki* (*człowiek wygodnicki*). В польском языке начала XXI в. этот способ компрессии, который активно использовался для образования старопольских названий феодальных повинностей, стал весьма продуктивным: появились серии семантически нерегулярных дериватов с суффиксальным формантом *-owe*, обозначающие различного рода денежные выплаты, ср. окказионализмы: *becikowe* (< *becik* ‘одеяло-конверт для завертывания грудных детей’) ‘денежные выплаты матерям новорожденных’, *berecikowe* (< *berecik* ‘беретик – головной убор, типичный для пенсионеров’) ‘выплаты вышедшим на пенсию’, *godnościowe* (< *godny* ‘достойный’) ‘выплаты достойным’, *karpiowe* (< *karp* ‘карп как традиционное рождественской блюдо’) ‘премии чиновникам к Рождеству’, *katastrofalne* (< *katastrofa* ‘катастрофа’) ‘выплаты жертвам катастрофы’, *rolnicze* (< *rolnik* ‘крестьянин’) ‘выплаты крестьянам из фондов Евросоюза’, *ryzykowne* (< *ryzyko* ‘риск’) ‘выплаты тем, кто рискует’ (см. [МУСАВКА, DUNAJ 2006]);

2) словосложение: *бывшеосоюзная*, *потерромания*, *смехотерапия*, *шокотерапия*, окказ. *примакотерапия* («Восьмимесячный курс «примакотерапии» помог Борису Ельцину снова обрести привычную решимость //Итоги, 1999, № 20); *barakowóz*, *małyszomania*, *potteromania*;

3) морфонологический способ словопроизводства (польск. «*słowotwórstwo morfonologiczne*»), а в его рамках:

а) усечение слов (польск. „*ucięcie*”): *инфа* (*информация*), *лаб* (*лаборатория*), *док* (*доктор*), ср. т.н. термины-«осколки»: *лекса* (от *лексика*), *морфа* (от *морфема*), *квант* (от *квантовый*), *терм* (от *термина*); *дыр* (от *dyrektor*), *спес* (от *specjalista*);

б) аббревиация (смешанный способ словообразования) – усечение слов, составляющих многочленное словосочетание, + сращение компонентов, полученных в результате усечения: *спецназ*, *ОМОН*, *СНГ*, *СБИР*; *sanepid*, *Eldom*, *Torwar*.

В русском языке лавинообразный рост аббревиатур увеличил функциональную нагрузку этого разряда слов: выполняя компрессивную функцию, с конца XX века они используются как средство экспрессивизации речи [ЗЕМСКАЯ 1996, 121-124]. Образование аббревиатур в современном языке нередко сопровождается сознательным нарушением словообразовательной нормы, поскольку они напоминают обычное слово, вплоть до омонимии, ср.: *кедр* и *КЕДР* «Конструктивно-экологическое

движение России» (в этой аббревиатуре – для полного совпадения с обычным словом – нарушено фонетическое соответствие исходному словосочетанию: *КЕДР* вместо *КЭДР*). В современном польском языке аббревиация менее продуктивна, чем в русском; случаи создания аббревиатур, которые были бы омонимами общеизвестных слов, нам неизвестны (показателен тот факт, что поляки критически относятся, например, к аббревиатуре *СБИР* «Союз Белоруссии и России», поскольку она является омофоном польского *zbir* ‘палач, наемный убийца, бандит’).

В русском и польском языках при образовании компрессатов первого типа широко используется смешанный способ – «усечение + сращение». С помощью этого способа создаются слова-«слитки» (польск. „struktury zlepkowe”) на базе словосочетаний, одно из слов которого усекается: *порнокассета/pornokaseta*, *секс-массаж/ seksmasaż*, *спец-агент/ specagent*, *спец-служба/specsłużby*, *телеканал*, *телезаведение*, *видеомусор*, *кинобум*, *euroarmia*, *eurokonstytucja*, *eurosystem*, *eurowybory*, *euro optymizm*, *europesymizm*, **telezakupy**, *rockfan*, *rockidol* и др. Этот способ особенно продуктивен в современном польском языке: К.Вашакова в своей книге „Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny” пишет о сотнях гибридных слов-«слитков» с компонентами *auto-*, *bio-*, *eko-*, *seks-*, *spec-*, *tele-* [WASZAKOWA 2005, 133-169].

Компрессия первого типа в русском языке осуществляется также с помощью сравнительно нового способа, т.н. «телескопического словообразования». В результате применения этого способа появляются (обычно в русской разговорной речи) специфические компрессаты, которые состоят из начальной части первого из слов, слагаемых в одно целое, и конечной части второго слова (т.е. первое слово как бы «вдвигается» в другое, образуя сложное наименование), например, *дерьмократ* (*дерьмо+демократ*), *закусерий* из *закусочная* и *кафетерий*. В польском языкознании этот способ словопроизводства называется «стяжением» («*ściągnięcie*») и рассматривается в рамках лексической контаминации. Он чрезвычайно активен в языке прессы: так, А. Нагурко в докладе „Kontaminacje leksykalne – słowotwórstwo czy radosna *tfurczość*?”, прочитанном на LXIV съезде Польского общества лингвистов, представила около ста примеров стяжения, ср.: *alkomat* (*alkohol* + *automat*), *gimbus* (*gimnazjum* + *autobus*), *bajoro* (*bagno* + *jezioro*), *łachodojda* (*łach* + *niedojda*), *biurwa* (*biuro* + *kurwa*). Лишь небольшая часть этих слов вошла в общее употребление (например, *alkomat* ‘прибор для измерения содержания алкоголя в выдыхаемом воздухе’, *gimbus* ‘школьный автобус’). Значение большинства «стяжений»-компрессатов поддается дешифровке только при анализе окружающего их внешнего контекста, поскольку компрессаты типа *biurwa* являются в основном результатом языковой игры «креативных» журналистов, не скованных словообразовательной нормой.

В русском и польском языках ко второму типу компрессатов (т.е. к дериватам, образованным с помощью специализированных аффиксов и замещающим составные наименования) относятся прежде всего универбаты («uniwerbizmu»). Наиболее продуктивными аффиксами при словопроизводстве компрессатов-универбатов являются изофонные форманты *-ka/-овка, -ka/-ówka*.

Универбаты с формантами *-ka/-овка, -ka/-ówka*, которые появляются в результате «свертки» адъективно-субстантивных словосочетаний, сопровождаемой аффиксацией, входят в идентичные тематические группы: 1) названия транспортных средств (*самоходка, электричка, дамка > damski rower, wyścigówka > łódź wyścigowa*); 2) названия учебных заведений (*мореходка, filmówka > Wyższa Szkoła Filmowa, podstawówka > szkoła podstawowa, zawodówka > szkoła zawodowa*); 3) названия одежды (*кожанка, дубленка, тенниска, штормовка; biodrówki, cyklistówka, sztormówka*); 4) названия напитков, кушаний (*газировка, запеканка, тушенка; cytrynowka, grochówka, marchwianka, kapuścianka, wiśniówka*); 5) названия болезней (*ветрянка > ветряная оспа; wiatrówka > ospa wietrzna*).

В современном польском языке суффиксы *-k(a)/-ówk(a)* более продуктивны, чем русские *-к(а)/-овк(а)*, а универбаты с формантами *-ka/-ówka* пополняют ещё и следующие тематические группы: а) названия отделений в больницах (*porodówka > oddział porodowy* ‘родильное отделение’, *urazówka > oddział urazowy* ‘травматологическое отделение’, *odwykówka > oddział odwykowy* ‘наркологическое отделение’); б) название предприятий, фабрик, отраслей промышленности: *odzieżówka > przemysł odzieżowy* ‘легкая промышленность; швейная фабрика’, *przemysłówka > budownictwo przemysłowe* ‘промышленное строительство’, *zbrojeniówka* ‘военная промышленность’; в) названия людей, занятых определенным видом деятельности (*nomina collectiva*): *budżetówka > sfera budżetowa* ‘работники бюджетной сферы’, *drogówka > policja drogowa* ‘дорожная полиция’; г) названия компьютерных игр: *platformówka > gra platformowa* ‘игра, персонажи которой перемещаются по платформам’, *przygodówka > gra przygodowa* ‘игра, содержанием которой являются многочисленные приключения’, *wyścigówka > gra z wyścigami* ‘игра, содержанием которой являются гонки’, *zręcznościówka > gra zręcznościowa* ‘игра, развивающая ловкость’ (KOMPUTER-ŚWIAT: GRY, 2005, №7, 26, 30-31, 47).

Исследователи отмечают не только высокую продуктивность формантов *-ka/-ówka*, но и более быструю, чем в иных славянских языках, стилистическую нейтрализацию универбатов с этими формантами: такие компрессаты, как *miejscówka, podstawówka, porodówka, sądówka, zawodówka*, достаточно часто употребляются в официально-деловых газетных текстах вместо синонимичных составных наименований [BUTTLER 1998; STILLER 1999]. И всё же большинство универбатов с формантами *-ka/-ówka* сохраняют экспрессивность и неофициальность.

Кроме того, универбаты, появляющиеся в речи представителей определенных социальных групп, не могут быть дешифрованы большинством носителей языка, ввиду того, что это семантически нерегулярные дериваты, например: *opisówka* > *gramatyka opisowa* 'описательная грамматика' в речи студентов и преподавателей-полонистов, *czasówka* > *etap czasowy* 'этап, который следует проехать за час', *lokalówka* > *prostytutka z lokalu* 'проститутка, принимающая в специально снимаемой квартире', *rogówka* > *prostytutka na rogu* 'проститутка, ожидающая клиентов обычно на углу улицы' – в криминальном жаргоне и речи молодежи [STILLER 1999]. Дешифровка таких семантически нерегулярных компрессатов-универбатов зависит не только от социальной принадлежности говорящих, но и от их возраста. Так, например, для большинства поляков старшего и среднего поколения *rogówka* – это, скорее всего, 'роговая оболочка глаза', а не 'проститутка', *kolorówka* – 'цветной кинофильм' (значение, отмеченное в [SATKIEWICZ 1969]), а не 'многоцветный женский журнал' (значение, отмеченное в [STILLER 1999]), *wyścigówka* 'гоночная лодка', а не 'игра, содержанием которой являются гонки'.

На наш взгляд, в состав компрессатов второго типа (образованных помощью специализированных аффиксов), помимо универбатов, могут быть включены отсубстантивные термины процессов с формантами *-ование/-owanie* (типа *бороздование, снегование*), вышедшие за пределы терминологических текстов и потому зафиксированные в неологических словарях. Как известно, словообразовательный акт при терминопроизводстве предполагает, кроме собственно деривационной операции, дефинитивное раскрытие терминируемого понятия, поскольку термину-компрессату предшествует другая, развернутая номинация [КАНДЕЛАКИ 1977, 8-9]. Термином процесса на *-ование* обычно заменяются в специальных текстах тождественные по значению синтаксические конструкции, где имя в именительном падеже, выражающее ближайшее родовое понятие, управляет существительным, обозначающим необходимый и достаточный признак (на базе этого существительного образуется термин процесса). Чаще всего замене термином процесса с формантами *-изирование, -ирование, -ование* подлежат в терминологических текстах следующие конструкции: 1/ "имя действия в им.п. + управляемое имя существительное или субстантивное словосочетание в тв.п." ("разводка + *платиром*" → *платировка*; "мягчение + отрубным *киселем*" → *киселевание*); 2/ "имя действия в им.п. + управляемое имя существительное или субстантивное словосочетание в р.п." ("нанесение + *апперета*" → *аппертование*); 3/ "имя действия в им.п. + управляемое им предложно-падежное или субстантивное словосочетание со значением места" ("обработка в *автоклаве*" → *автоклавирувание*; "отжим в

центрифуге" → *центрифугирование*); 4/ "имя действия в им.п. + управляемое им предложно-падежное словосочетание в р.п." ("способ обработки + посредством *фрез*" → *фрезование*); 5/ "имя действия в им.п. + управляемое им предложно-падежное словосочетание в в.п. со значением места" ("пропускание + через *шприц-машину*" → *шприцевание*); 6/ "имя действия в им.п. + управляемое им предложно-падежное словосочетание в тв.п. со значением места" ("способ обработки между *вальцами*" → *вальцевание* [КАНДЕЛАКИ 1977, 36-37]). Суффиксальные терминологические элементы *-ование/-евание*, используемые для производства терминов на базе «свернутой» синтаксической конструкции, получают категориальное значение имени действия, управляющего предложно-падежным словосочетанием. Использование суффиксальных терминологических элементов с «автономным» значением процесса позволяет расширить словопроизводственную базу терминов процессов: они легко образуются от основ идентифицирующих существительных, в значениях которых отсутствует процессуальная сема.

В польском языке формирование отыменных терминов процессов с формантом *-owanie* шло тем же путем, что и в русском (см. [JADACKA 1981, 233]). Эти термины входят в следующие семантические разряды: 1/ со значением 'обработка объекта указанным или при помощи указанного' (*kwasowanie* > *kwas* [NSP¹, I:128], ср. русск. *квасцевание*, *киселевание*); 2/ со значением 'упаковка объекта в указанный вид упаковки' (*celofanowanie* > *celofan* [NSP², I:82], *paletyzowanie* > *paleta* [NSP¹, II:8], *taśmowanie* > *taśma* [NSP², II: 228] , ср. русск. *пакетирование*); 3/ со значением 'введение указанной составной части в объект' (*amonowanie* > *amon* «амоний» [NSP¹, I:15], *fluorkowanie* > *fluorek* [NSP¹, I:83], *olejowanie* > *olej* [NSP¹, I:191], *ozonizowanie* > *ozon* [NSP¹, I:197]), ср. русск. *озонирование*); 4/ со значением 'покрытие указанным объектом' (*asfaltobetonowanie* > *asfaltobeton* [NSP¹, I: 26], ср. русск. *асфальтирование*); 5/ со значением создания (*harmonogramowanie* > *harmonogram* [NSP¹, I:94], ср. русск. *группирование*); 6/ со значением 'сообщение объекту новой указанной формы' (*profilowanie* > *profil* [NSP¹, I: 193], ср. русск. *профилирование*); 7/ со значением 'удаление указанного признака у объекта' (*odazotowanie* > *azot* [NSP¹, I:181], *odfenolowanie* > *fenol* [NSP¹, I:182], ср. русск. *обезгаживание*); 8/ со значением 'удаление из указанного объекта' (*odkopcowanie* > *kopiec* 'яма' [NSP¹, I: 183]). В словари неологизмов, подготовленных Институтом польского языка ПАН, включены десятки отсубстантивных имен действия с формантом *-owanie*, не соотносительных с однокоренными глаголами на *-ować*.

Без сомнений, высокий «удельный вес» терминологической лексики в польских и русских неологических словарях объясняется мощным воздействием терминологии на общенациональное словоупотребление, что обусловлено спецификой информационной среды, в которой

функционируют современные поляки и русские. Эта специфическая информационная среда тяготеет к моделям теоретического знания, призванным упорядочить практический опыт, сделать его передачу быстрой, удобной и надежной с помощью абстрактных систем символов (см. [BELL 1976, 212]). Словообразовательные модели, продуктивные в системе терминообразования, позволяют предельно четко и кратко отразить в звуковой оболочке термина необходимые и достаточные признаки именуемого объекта. Лексемы, образованные по таким моделям, легко поддаются дешифровке, поскольку словообразовательные форманты являются носителями категориального значения. Эта особенность словообразовательных моделей, используемых при производстве терминов, является весьма привлекательной для современных носителей польского и русского языков, и потому такие модели активно используются для создания лексических единиц, которые не могут иметь дефиниции в определенной терминологической подсистеме, ср., например, *дуракование* (> *дурак*) и *blondynkowanie* (> *blondynka*). Наличие в их структуре лексикализированных формантов *-ование/-owanie*, терминологических элементов с процессуальным значением, позволяет легко кодировать и декодировать семантическое содержание этих псевдотерминов – «производить действия, типичные для *дурака*, *блондинки*» (последняя является для современных поляков олицетворением женской глупости).

Аналогичные модели образования отыменных *nomina actionis* с терминологическими элементами *-ование* и *-owanie* в русском и польском языках обладают разной активностью и продуктивностью. В русском языке к началу XXI века эмпирическая продуктивность терминологического элемента *-ование* практически угасла, что объясняется конкуренцией активных и высокопродуктивных синонимических отыменных типов с суффиксом *-изация(a)* (см. об этом [КОРЯКОВЦЕВА 2002]).

В современном польском языке – в отличие от русского – псевдотермины с терминологическим элементом *-owanie* серийно образуются от конкретно-предметных и вещественных существительных (*łokciowanie* > *łokieć* «локоть», *olejowanie* > *olej*), от названий литературных жанров (*felietonowanie*, *poezjowanie*), от названий болезней (*gangrenowanie*), от фамилий (*lepperowanie*), от названий лиц: а/ по занимаемой должности (*rektorowanie*), б/ по степени родства (*zięciowanie*), в/ по типу внешности (*blondynkowanie*), г/ по принадлежности к неформальной организации (*punkowanie*), д/ по профессии и роду занятий (*satyrykowanie*). О высоком потенциале словообразовательного типа с терминологическим элементом *-owanie* свидетельствует случай словопроизводства на базе экзотизмов (*skatowanie* > англ. *skate*) и фразеологизмов (*panbratowanie* > *pan brat*).

В польском языке, помимо суффиксальных терминологических элементов *-izacja, -owanie*, при словопроизводстве в языке СМИ используются

префиксальные терминологические элементы, в частности префикс *nad-* со значением 'значительно превышающий существующую норму', ср. термины *nadtemperatura* 'температурная величина, превышающая температуру окружающей среды', *nadziarno* 'зерно, более крупное, чем нормальное, типовое'. Кроме известных с середины 70-х гг. XX в. существительных *nadgorliwość*, *nadpobudliwość*, *nadprodukcja*, в словарях из серии «Nowe słownictwo polskie», охватывающих период с 1985 по 2003 год, зафиксированы более 20 неологизмов с префиксом *nad-*: *nadumieralność*, *nadkariera*, *nadkarierowicz*, *nadobuwaciel*, *nadopieka*, *nadróbka*, *nadczytelnik*, *nadinterpretacja*, *nadodrżut*, *nadrealność*, *nadświadomość*, *nadwartość*, *nadinformacja*, *nadpłynność* 'надmiar pieniędzy', *nadrząd* и др. (см. [NSP², ч.1]; [NSP³, ч.1]).

Образование псевдотерминов с помощью лексикализованных формантов-терминологических элементов, значение которых мгновенно дешифруется реципиентами речи, – это структурно-семантическое преобразование, подобное «свёртке» развернутой терминологической номинации в термин-компрессат. При образовании псевдотерминов-компрессатов, как при терминологическом образовании, ограничения на сочетаемость морфем, диктуемые словообразовательной нормой литературного языка, игнорируются. Таким образом, закономерности производства псевдотерминов вполне соответствуют современным языковым тенденциям – тенденции к разрушению стилистических барьеров и тенденции к максимальной экономии языковых средств и речевых усилий.

Литература:

ЗЕМСКАЯ 1992: Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – Москва.

ЗЕМСКАЯ 1996: Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства// Русский язык конца XX столетия. – Москва.

КАНДЕЛАКИ 1977: Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. – Москва

КОРЯКОВЦЕВА 2000: Коряковцева Е.И. Существительные с формантом –изация/-izacja в русском и польском языках// *Słowo.Tekst. Czas.* – Szczecin. – Wyd. US. – Т. IV.

КОРЯКОВЦЕВА 2002: Коряковцева Е.И. Активизация моделей терминов процессов в языке прессы в конце XX века (на материале русского и польского языков)// Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. – Москва

СЕДОВ 2003: Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – Москва.

BELL 1976: Bell D. The coming of post'industrial society: A venture in Social forecasting. – Pedegrine.

BUTTLER 1998: Buttler D. Wszędobylska –ówka// Poradnik Językowy. –1989. – Z. 8.

DOLNÍK 1999: Dolník J. Súčasný slovenský jazyk. Lexikológia. Seminárne cvičenia. 3 vyd. – Bratislava.

FURDÍK 2004: Furdík Ju. Slovenská slovotvorba. – Prešov.

GRYBOSIOWA 2003: Grybosiowa A. Język wtopiony w rzeczywistość. – Katowice.

HORECKÝ, BUZÁSSYOVÁ, BOSÁK 1989: Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. – Bratislava.

MYCAWKA, DUNAJ 2006: Mycawka M., Dunaj B. Od nazw powinności feudalnych do współczesnych nazw opłat (доклад на LXIV съезде Польского общества языковедов, Щецин, 15-16 сентября 2006 г.)

PISAREK 2000: Pisarek W. Język w mediach, media w języku// Język w mediach masowych. – Warszawa.

JADACKA 1998: Jadacka H. Z zagadnień polskiej terminologii technicznej// Współczesna polszczyzna. Wybór zagadnień.– Red.: Kurkowska H. – Warszawa.

SATKIEWICZ 1969: Satkiewicz H., Produktywne typy słowotwórcze współczesnego języka polskiego. – Warszawa.

STILLER 1999: Stiller R. Kilka słów o przyrostku –ówka// Poradnik Językowy. –1999. – Z. 4.

SZCZEPAŃSKA 1994: Szczepańska E. Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim. – Kraków.

WASZAKOWA 2005: Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa.

Словари:

NSP¹ - *Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1971-1981.* Wrocław- Warszawa etc., 1989, cz .1-2.

NSP² - *Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1985-1992.* Wrocław- Warszawa etc., 1998, cz .1-2.

NSP³ - *Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1993-2000.* Wrocław- Warszawa etc., 2004-2005, cz .1-4.

ПРИСТАВОЧНАЯ ПАРАДИГМА И СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА

Настоящая работа во многом опирается на идею семантической мотивированности особенностей грамматического поведения слов, неоднократно выдвигаемую А. Вежбицкой [в том числе и в WIERZBIŃSKA 1987 и 1988]. Следует сказать, что в современной лингвистике А. Вежбицкая не была первооткрывателем ни самой идеи, ни такого рода лингвистических исследований. Она лишь максимально эксплицитно выразила и сформулировала ее с тем, чтобы последовательно реализовать в своей практической лингвистической деятельности. Можно назвать гораздо более ранние работы, выполненные в этом русле, и даже целые лингвистические направления, эксплуатирующие гипотезу связи поверхностных и глубинных свойств лингвистических объектов. На этом фактически основывается дистрибутивный анализ [см., например, HARRIS 1961]. В этом же духе выполнено исследование [АПРЕСЯН 1967], в котором с помощью дистрибутивных и трансформационных методов выделены формальные классы русских глаголов. Формальная же классификация в свою очередь получила семантическую интерпретацию, так что итогом работы стала фактически семантическая классификация глаголов.

Применить подобную методику в области словообразования было предложено в статье [СОКОЛОВ 1965]. В частности, в ней говорится о методе разграничения семантики беспрефиксных основ на морфологическом уровне, который, по мнению автора, представляет разновидность дистрибутивного анализа.

Итак, в общем виде можно сказать, что семантические различия лексем должны проявляться на поверхностном уровне, а именно в их парадигматическом, или морфологическом, и синтагматическом, или синтаксическом, поведении. Иными словами, если в языке существует регулярное противопоставление лексем по значению, то оно, скорее всего, выражается в регулярном различии словоизменительной или словообразовательной парадигм, или в регулярном различии в сочетаемости (в том числе и в модели управления) данных лексем. При этом, чем важнее для языка и универсальнее семантическое противопоставление, тем более грамматичны и очевидны поверхностные различия. Так, семантическому противопоставлению видов в русском языке соответствуют различия в словоизменительной парадигме глаголов и четкие сочетаемостные ограничения.

С другой стороны, морфологические и синтаксические различия могут служить весомым аргументом в подтверждение существования различий семантических и во всяком случае достаточным поводом для

поиска семантической интерпретации данного явления. В [КРОНГАУЗ 1998] предлагается, в частности, семантическая интерпретация различий приставочных парадигм глаголов речи. В настоящей работе также используются понятия приставочной парадигмы, а участие бесприставочного глагола в той или иной приставочной словообразовательной модели рассматривается как важный аргумент в пользу отнесения его к определенному семантическому классу.

Семантическая классификация глаголов речи

Одной из наиболее стандартных семантических задач является структурирование семантических полей: описание дифференциальных и интегральных признаков и непосредственно классификация слов данного семантического поля, основанная на описанных признаках.

Очевидно, что эта задача актуальна и для глаголов речи. Классификацию глаголов речи можно строить на основании многочисленных признаков, выделяемых при сравнении различных глаголов. Например, глаголы *шептать*, *кричать*, *вопить* и некоторые другие противопоставлены по признаку громкости, глаголы *гнусавить*, *сюсюкать* и т.п. – по способу произнесения, а точнее, по способу искажения речи. Но эти и многие другие признаки локальны и охватывают достаточно небольшие группы глаголов.

Принципиальной задачей следует считать обнаружение наиболее общего и иерархически важного семантического признака, который бы лег в основу классификации. Несмотря на определенные трудности выделения семантического поля глаголов речи (подробнее см. об этом в Кронгауз 1998), ясно, что их неотъемлемым свойством оказывается связь со звучащим текстом или, в вырожденном случае, с бессмысленным звуком. А это означает, что в их толковании в каком-либо виде присутствует соответствующий компонент.

Это интегральное для глаголов речи свойство может стать прообразом универсального классифицирующего признака, поскольку роль этого компонента в значении разных слов весьма различна. Именно поэтому в настоящей работе в качестве основного дифференцирующего признака для глаголов речи предлагается способ концептуализации ими текста, или, более широко, то, как в них концептуализируются главные компоненты речевого акта: текст и сами коммуниканты, точнее, отношения между говорящим, адресатом, а иногда и лицом, являющимся темой сообщения.

Итак, именно эти характеристики должны лечь в основу семантической классификации глаголов речи. Причем, умозрительные семантические выводы подтверждаются конкретными языковыми

свидетельствами: контекстной сочетаемостью глаголов (в том числе моделью управления) и их словообразовательным потенциалом.

«Просто текст» и «текст как инструмент»

Как уже сказано, текст может играть очень разные роли в семантическом представлении глаголов речи. Так, если сравнить глаголы *соврать*, *обмануть* и *оклеветать*, то легко заметить, что все они так или иначе связаны со лживым текстом, или неправдой, но первый представляет наиболее чистый пример порождения такого текста, а у двух других семантический компонент «текст» играет вспомогательную роль. На первый план (точнее, в ассертивную часть толкования) для них выдвигается изменение ментального состояния адресата, его знаний или мнения о чем-либо, а лживый текст является средством достижения этой цели. В этом случае можно говорить об иллюзии или даже перлюзии в смысле Дж.Остина [ОСТИН 1986] и теории речевых актов. Интересно отметить, что глагол *оклеветать* подразумевает, что главным в речевом акте оказывается не сам текст и даже не адресат, а лицо, по поводу которого данный текст порождается. Этот глагол фактически устанавливает отношение между говорящим, неким лицом и адресатом (в общем случае – общественным мнением), а в качестве инструмента для установления такого отношения используется текст с особыми характеристиками («неправда»).

Иначе говоря, существуют глаголы, концептуализирующие речевой акт таким образом, что в фокусе внимания оказывается отношение между говорящим и текстом, и глаголы, для которых главным следует считать отношение между говорящим и другими лицами, в частности и прежде всего, адресатом речевого акта. Такое противопоставление возможно также между близкими однокоренными глаголами или даже в рамках одной лексемы. Достаточно сравнить *И мертвые губы шепнули: «Грена...»* и *Пойдем пошепчемся* или *Это скорее оскорбительно, а не обидно, если у тебя за спиной шепчутся на твой счет и над тобой хихикают*. Для первого примера принципиален тот факт, что слово произнесено шепотом или тихо, а для двух остальных примеров ни громкость речи, ни способ произнесения никакого значения не имеют. Глагол *шептать* устанавливает между собеседниками определенные почти интимные отношения и по значению приближается к глаголу *сплетничать*. Соответственно, в третьем примере специальное отношение (а именно своего рода влияние) устанавливается и между говорящими и лицом, являющимся предметом сплетни.

Аналогичное соотношение значений имеет место и для различных употреблений глагола *кричать*, в толковых словарях распределяемых по разным значениям: *Кричите, Вас не слышно* и *Вы не имеете никакого*

права кричать на меня. В первом случае следует говорить о порождении «громкого» текста, и при глаголе возможно прямое дополнение со значением «текст» или придаточное, содержащее прямую или косвенную речь: *Эту фразу нельзя кричать; Он кричал, что больше не хочет жить.*

Во втором случае громкость речи, по-видимому, также подразумевается, однако содержание высказывания, его ассерция заключаются в агрессивном воздействии одного лица на другое. Это воздействие осуществляется посредством текста, и в модели управления говорящий (активное лицо) выражается именительным падежом, а адресат (пассивное, а в данном случае и «страдательное» лицо) – винительным падежом при предлоге *на*. Сам текст для этого значения глагола *кричать* в рамках модели управления никак не выразим.

Нельзя **кричать что-то на кого-то.*

Здесь уместно подвести промежуточный итог. Глаголы речи, отдельные значения, а иногда даже отдельные употребления могут быть разбиты на два класса в зависимости от того, как данный глагол концептуализирует речевой акт и конкретно сам текст.

К первому классу относятся глаголы, устанавливающие отношение между говорящим и текстом, и в основном это глаголы порождения текста (часто они обозначают искажение нормального текста по разным параметрам, например: *ворчать, тараторить, гундосить, врать* и т.д.). Роль говорящего выражается при этих глаголах существительным в именительном падеже, а текст, как правило, винительным падежом существительного или неопределенного местоимения (*Он проворчал в ответ что-то невнятное*), но может вообще отсутствовать на поверхностном уровне, то есть присутствовать в глаголе имплицитно: *Обещал не врать, а опять соврал.* В принципе, при этих глаголах допустима валентность адресата речи: *Ты мне опять наврал.*

Ко второму классу относятся глаголы речи, устанавливающие отношения между говорящим и другими лицами – адресатом или лицом, являющимся предметом сообщения. Это, прежде всего, глаголы, обозначающие воздействие субъекта (для глаголов речи – говорящего) на окружающий мир и окружающих людей. Текст для них играет вспомогательную роль своего рода инструмента, с помощью которого осуществляется это воздействие. Соответствующая валентность также может быть выражена или не выражена: *Петр ругал меня* и *Петр ругал меня нехорошими словами.*

Подтверждением данного семантического противопоставления служат, в частности, регулярные различия в приставочной парадигме глаголов речи. Впрочем, поскольку участие бесприставочного глагола в приставочных моделях определяется большим количеством тонких семантических факторов, удобнее рассмотреть более компактные семантические группы глаголов. В следующей главе анализируется

словообразовательное поведение глаголов грубости, шутки, лжи и просто речи.

Приставочный анализ глаголов речи

Глаголы агрессивной речи: *ругать* vs *грубить*. Если вначале речь шла о глаголах, о глагольных значениях и даже различных употреблениях, то далее будут рассмотрены только бесприставочные глаголы и даже более общо – глагольные словообразовательные гнезда. Именно в пределах словообразовательного гнезда хорошо заметны отличия двух упомянутых классов глаголов.

Словообразовательное поведение бесприставочных глаголов порождения текста во многом напоминает словообразовательное поведение глаголов созидания (*творить*, *делать* и т.д.), а глаголы речевого воздействия часто следуют тем же приставочным моделям, что и глаголы воздействия неречевого. Причем те и другие модели четко противопоставлены друг другу, так что глаголы порождения текста допустимы только в одних моделях и недопустимы в других, а глаголы речевого воздействия – наоборот. Надо заметить и то, что сами приставки проясняют и подчеркивают отдельные аспекты семантики бесприставочного глагола, так что роль текста в приставочных глаголах становится даже более очевидной, чем в бесприставочных.

Пожалуй, наиболее активно сочетаются с приставками глаголы, которые достаточно условно можно объединить в группу агрессивно-отрицательной речи.

Центральным, судя по приставочным парадигмам (ср. также модели управления), оказывается противопоставление между глаголом *ругать*, а также примыкающими к нему *бранить* и, более эпизодически, *критиковать* и некоторыми другими, обладающими своими специфическими чертами, с одной стороны, и глаголом *грубить* и примыкающими к нему *хамить* (хотя этот глагол иногда склоняется и ко второму классу: *обругать*, *обхамить*), *дерзить*, с другой стороны.

С семантической точки зрения это и есть описанное выше противопоставление. Значение глаголов типа *ругать* состоит прежде всего в характеристике отношений или взаимодействия между двумя лицами, а значение глаголов типа *грубить* – прежде всего в характеристике действия субъекта (для глаголов речи – в характеристике текста). Глаголы первого типа присоединяют в качестве прямого объекта лицо, подвергаемое речевому воздействию (*ругать*, *бранить кого-либо*), а глаголы второго типа имеют синтаксическую валентность в дательном падеже на адресата высказывания (*грубить*, *хамить*, *дерзить кому-либо*).

Для определения словообразовательного потенциала глаголов и самих приставочных моделей необходимо учесть также статусные

отношения между субъектом и адресатом речи (см. об этом в [КРЫСИН 1983]). Так, глаголы *дерзить*, *хамить*, *лаять* заведомо невозможны в ситуациях, требующих более высокого статуса говорящего. При этом *дерзить* подразумевает более низкий статус того, кто дерзит, по отношению к тому, кому дерзят. Все это накладывает дополнительные ограничения на приставочную парадигму.

В данном случае можно ограничиться рассмотрением наиболее значимых рядов приставочных глаголов и, соответственно, словообразовательных моделей.

1. *Выбранить*, *выругать* (кого-либо за что-либо), а также *выговорить* с несколько иными синтаксическими свойствами (кому-либо за что-либо); но нельзя **выгрубить*, *выхамить*, *выдерзить* кого-либо. Эта словообразовательная модель близка к модели, представленной "чистыми" глаголами воздействия, например *выпороть*.
2. *Обозвать*, *облаять*, *обругать* (кого-либо); и хотя невозможно **обгрубить* и **обдерзить*, совершенно нормально *обхамить* кого-либо. Эту словообразовательную модель можно дополнить словосочетанием с глаголом неречевого действия: *облить* кого-либо *грязью*, – которое в переносном значении приобретает речевую характеристику и полностью вписывается в этот ряд.
3. *Отбранить*, *отругать* (кого-либо); но невозможно **отгрубить*, *отхамить*, *отдерзить* кого-либо. В качестве близкой словообразовательной модели с глаголами неречевого действия можно указать глагол *отлупить*.
4. *Разбранить*, *разругать*, *раскритиковать*, *распечь* (кого-либо за что-либо, или что-либо), но, конечно же, невозможно **разгрубить*, *расхамить*, *раздерзить* кого-либо. Ср. также *разнести в пух и прах* как неречевое и как речевое действие.

Наиболее нейтральным выражением отрицательного отношения и отрицательного речевого воздействия является ряд 1 с приставкой *вы-*. Значение ряда 3 отличается от него сильным ограничением на статусы участников речевого акта (хотя, возможно, в некоторой степени оно характерно и для ряда 1). *Отругать* может только старший младшего, учитель ученика, начальник подчиненного и т.д. Это же статусное ограничение сохраняется и для ряда 4, но здесь подчеркивается отрицательное отношение не к самому адресату, а к результату его действий (работе, сочинению и т.п.), и речевое воздействие направлено, скорее, на это: *Раскритиковать Петрова за его действия*, но также и *Раскритиковать новую книгу Петрова*. Все эти три ряда объединяет и пресуппозиция существования объективной причины, вызвавшей отрицательное отношение к адресату речи (его действия, предшествовавшие акту речи, неправильные с точки зрения субъекта речи).

Вследствие всех указанных выше семантических условий (в том числе и статусных ограничений) невозможны глаголы типа *расхамить*, *выдерзить*, *отгрубить*.

Словообразовательная модель, характерная для ряда 2, заведомо не имеет никаких статусных и причинных ограничений (ср. добавление к этому классу глаголов *облаять* и *обхамить*, да и *обругать* может кто угодно кого угодно и без всякого повода), но, по-видимому, несет в себе дополнительное значение непосредственного морального вреда, причиняемого адресату речи.

Существуют также две приставочные модели для глаголов порождения текста, не допускающие глаголов воздействия.

1. *Нагрубить*, *надерзить*, *нахамить* (кому-либо); но невозможно **наругать*, *набранить*. В качестве иллюстрации можно привести примеры и с глаголами созидания (правда, с определенным оценочным сдвигом в значении): *натворить*, *наделать* (*Что ты наделал?*).
2. *Сгрубить*, *схамить*; но невозможно **сругать*, *сбранить*. Ср. также неречевые глаголы *сотворить*, *сделать*.

Ряд 6 *сгрубить*, *схамить* является наиболее нейтральным способом сообщения о порождении субъектом текста (или совершении действия) определенного рода. Эти глаголы допустимы без всякого адресата: *Вчера он опять схамил* (ср. с глаголами другого ряда: *Вчера я удачно сострил*, *скаламбурил* и т.д.). Впрочем, они погружаются также и в контекст диалога в качестве ответной реплики: *В ответ он сгрубил*. В этом контексте окказионально возможно и ?*сдерзил*, абсолютно недопустимое без адресата, поскольку дерзость в равной степени характеризуется «качеством» текста и более высоким статусом адресата. Хамство и грубость остаются таковыми всегда, а дерзость может не быть дерзостью, будучи адресована другому лицу.

Глаголы ряда 5 означают фактически просто совершение данного действия по отношению к конкретному лицу (опущение адресата невозможно: **Вчера он нагрубил*), причем не обязательно в диалоге.

Анализ приставочных парадигм этих глаголов позволяет распространить полученные выводы и на глаголы шуток, лжи и просто речи, хотя в этих случаях мы не всегда имеем дело с достаточно представительным языковым материалом.

Шутка, ложь и обычная речь. На первый взгляд кажется достаточно неожиданным и семантически плохо интерпретируемым различие приставочных парадигм следующих пар: *лгать* – *врать*; *шутить* – *острить*; *говорить* – *сказать*. Почему возможно *оболгать* (*оклеветать*) человека и нельзя **обоврать*, и, напротив, легко *провраться* и невозможно **пролгаться*? Я могу спросить: «*Почему ты наврал мне?*», но нельзя

подставить в это предложение *налгать* (это слово употребляется только в контекстах *много, с три короба* и т.д.). Почему возможно *вышутить* (*высмеять*) человека, *подишутить над товарищем*, но нельзя **выострить*, **выязвить*, **подострить*, и т.д., и, напротив, можно *состричь* (*скаламбурить, съязвить, съехидничать* и т.д.), но никак не удается **сиутить*.

Объяснение этому "странному" факту в действительности уже было дано выше при анализе пар типа *ругать – грубить* (ср. с теми же приставками: *выругать*, но **выгрубить*, и, напротив, *сгрубить*, но **сругать*). Это противопоставление вполне укладывается в разбиение глаголов речи по семантическому принципу на два класса: «глаголы текста» и «глаголы взаимодействия или воздействия с помощью речи». Так, *острить, каламбурить* и т.д. означает порождать тексты определенного жанра или типа, возможно, по отношению к кому-то (но это вторично). Точно так же *врать* означает порождать ложные тексты, а *грубить* – грубые и т.д. К этому же классу относится и глагол «просто речи»: *сказать* (просто породить текст).

Глаголы же типа *шутить*, во всяком случае в приставочном виде, означают прежде всего не 'порождать тексты особого рода (шутки и т.д.)' (это вторично), а 'воздействовать на мир с помощью речи'. Для глаголов *бранить, ругать* субъект речи воздействует на собеседника, адресата речи. Для глаголов же *лгать, клеветать, шутить* характеризующим является отношение между субъектом и предметом речи (но не самим текстом), то есть лицом, по поводу которого лгут, шутят, на которого клеветают. Эти и некоторые другие семантические нюансы определяют различие приставочных парадигм внутри двух главных классов.

Впрочем, разделение это не достаточно строгое, и можно говорить лишь о тяготении того или иного глагола к одному из двух классов (ср. *солгать*, как *соврать*; *обхамить*, как *обругать* и т.д.). Наиболее непоследовательно и, можно сказать, сумбурно ведет себя глагол *говорить*. Он оказывается способным присоединяться к совершенно различным по своим семантическим характеристикам классам глаголов. Это и позволяет считать его более или менее универсальным заместителем глаголов всякой (разных типов) речи. Тем не менее, следует отметить его явное тяготение к классу глаголов воздействия как на предмет речи, так и на адресата (ср. *наговорить на кого-либо, оговорить кого-либо*, а также *отговорить, разговорить, уговорить, выговорить кому-либо за что-либо, подговорить* и т.д.).

Заключение

В заключение можно сказать, что одним из основных семантических противопоставлений для глаголов речи следует считать семантическую

ориентацию либо на текст, то есть на отношение между говорящим и текстом, либо на взаимодействие говорящего с лицами и объектами внешнего мира посредством речи. Таким образом можно говорить о противопоставлении «глаголов текста» и «глаголов воздействия с помощью речи»: *врать – лгать, острить – шутить, грубить – ругать, сказать – говорить* и т.д. Это семантическое противопоставление реализуется в различных поверхностных явлениях, а именно в синтагматическом и парадигматическом поведении слов. Так, в настоящей работе в качестве основных языковых свидетельств данного противопоставления привлекались сведения о модели управления и приставочной парадигме глаголов. Статус этого противопоставления должен еще уточняться, поскольку некоторые глаголы при определенном тяготении к одному из классов допускают в каких-то употреблениях другую интерпретацию. Довольно очевидно, что в отдельных бесприставочных глаголах в принципе заложены обе возможности, а их реализация зависит от конкретных условий (ср. *кричат что-то* и *кричат на кого-то*; *много и весело шутить* и *шутить над кем-то*). В частности, конкретная модель управления и конкретная приставка могут реализовать одну из этих возможностей. Именно поэтому приставочные глаголы легче распределять по указанным классам. Так, *говорить* практически универсальный глагол, *проговорить* же относится уже только к классу глаголов текста, тогда, как *подговорить, отговорить, разговорить* и многие другие – это глаголы воздействия.

Литература:

АПРЕСЯН 1967: Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – Москва.

КРОНГАУЗ 1998: Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – Москва.

КРЫСИН 1983: Крысин Л.П. О социальном компоненте лексических значений // Wiener slawistischer Almanach. – Bd.11. – S.169 – 187.

ОСТИН 1986: Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. – С.22 – 129.

СОКОЛОВ 1965: Соколов О.М. Об одном приеме разграничения семантики глагольных основ // Вопросы русского языка. – Томск. – С. 3 – 12.

HARRIS 1961: Harris Z.S. Structural linguistics. – Chicago.

WIERZBICKA 1987: Wierzbicka A. English speech act verbs: a semantic dictionary. – Sydney – New York.

WIERZBICKA 1988: Wierzbicka A. The semantics of grammar. – Amsterdam.

О НОВЫХ ЗАДАЧАХ В ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИЙ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Вопрос о том, для чего существует словообразование и с какой целью используются словообразовательные системы языка, издавна входил в теорию словообразования, и его решению отдали дань многие крупные дериватологи. Независимо от применяемой ими терминологии проблемы предназначения словообразования завершились перечислением выполняющих им основных функций, и думаю не ошибусь, утверждая, что к настоящему времени их список не вызывает особых расхождений (наиболее полный их перечень принадлежит, по всей видимости, Е.А. Земской). Достаточно полно охарактеризованы и сами эти функции, среди которых главной – вслед за М. Докулилом и его последователями – была признана функция наречения мира, т.е. функция **номинативная**. Не отрицая возможности известных уточнений выделенных функций или же более полного их описания, мы полагаем тем не менее, что возвращение к рассматриваемой нами теме – вопросу о функциях словообразования – может оказаться целесообразным только при соблюдении определенных условий: при подходе к их определению и/или описанию либо с **новых теоретических позиций**, либо при постановке самих относящихся сюда проблем в **новых ракурсах**, или новых аспектах.

Полагаю, что когнитивизм вообще и когнитивно-дискурсивная парадигма, в частности, предоставляют нам широкие возможности для указанных выше путей **реинтерпретации** имеющихся данных и, конечно, не столько их простого пересмотра, сколько виденья и решения проблем в новом свете.

Возьмем, например, вопрос о такой функции словообразования, как **компрессивная**, или же функция **универбации**, под которой обычно имеется в виду свертка суждения о называемом объекте в его имя, т.е. превращение аналитической дескрипции объекта в производное слово (при широком понимании этого термина как относящегося к наименованию дериватов любого типа, но выступающих в формате отдельного слова, т.е. универба). Имеющая здесь, действительно, место компрессия все же вряд ли может считаться особой функцией словообразования (ср. в этой связи аналогичные процессы трансформации в синтаксисе, происходящие, например, при возможных заменах развернутых придаточных предложений в более простые, причастные, типа *дом, который построили рабочие...* в *дом, построенный рабочими*, а также и другие формы эллипса). Во всех этих случаях наблюдается действие сходного когнитивного механизма свертывания одной конструкции в другую с той или иной целью, которая в словообразовательном акте заключается в

создании отсылочной и формантной (формирующей) частей образуемого в этом акте производного слова, т.е. определенном способе достижения цели. Все моделирование словообразовательных процессов и словообразовательных актов может и должно быть описано в виде конкретных типов редукции исходных мотивирующих суждений и мотивирующих слов как их обязательных компонентов (и даже частей этих мотивирующих слов как в случаях аббревиации) и их замены на непосредственно составляющие производных слов. Описывая эти способы, мы, собственно говоря, описываем **процедурные** механизмы словообразования, **операционные** части словообразовательных актов разного типа, но не более того. Поставить в один ряд подлинные функции словообразования с этими механизмами порождения новых слов кажется нам нецелесообразным: это значило бы приравнять цель словообразовательного акта со средством ее достижения.

Известных коррективов требует, на наш взгляд, и традиционный ответ на вопрос о том, **для чего** существует словообразование, когда этот ответ гласит – для пополнения словаря. Фактически, однако, огромное количество новых слов создается *ad hoc*, в ходе осуществления дискурсивной деятельности, протекающей *on-line* и диктующей говорящим свои собственные требования. К их числу принадлежит и выбор используемых языковых средств для реализации определенного замысла речи (в частности, выбор из существующего набора альтернативных способов выражения необходимого содержания) и порождение новых единиц номинации в том случае, если в распоряжении говорящих нет «готового» средства передачи необходимой информации (в частности, обозначения той или иной реалии). Поскольку потребности указанного рода носят временный и проходящий характер, создаваемые в речи наименования оказываются не просто окказионализмами, но и просто словами–однодневками. Созданными *ad hoc* (по случаю) являются и многие экспрессивы.

Все подобные образования интенционально и не предназначаются для включения их в словарь, что отличает, конечно, их от терминов. Неология ярко свидетельствует о том, что создание определенного слоя производных слов – это неременное следствие текущей дискурсивной деятельности людей; в словарь они впоследствии не включаются и его сознательного расширения не предполагают. Это не исключает того, что в организации дискурса и фиксации его результатов в виде текстов подобные слова не играют текстообразующей функции. Но это же соображение может сыграть свою роль и при оценке самой этой функции как входящей в число основных функций словообразования как такового. Ведь выполнение текстообразующей функции теми или иными производными словами возможно только при определенных условиях (прежде всего – при скоплениях в тексте производных слов одного и того

же словообразовательного ряда или же слов, мотивированных одним и тем же корнем/основой и т.п.), что в принципе может считаться доказательством того, что рассматриваемая нами функция и не является столь же ингерентной для словообразования, как номинативная.

Поскольку главный замысел моего сообщения связан с выдвиганием новых задач в области исследования функций словообразования и с обоснованием такой его новой функции, как **ориентирующая**, а подобное обоснование является следствием применения к словообразованию **когнитивного** подхода (в той его версии, которая сложилась в отечественном языкознании и получила название когнитивно-дискурсивного), разъясню еще раз, какое содержание я вкладываю в это понятие и каких конкретных результатов можно ожидать, на мой взгляд, от его использования применительно к словообразованию. Иными словами, если **первой** задачей, касающейся анализа функций словообразования, является рассмотрение каждой из них с когнитивной точки зрения, то прежде всего в этом анализе надо определить саму суть когнитивных установок в его проведении.

Мы исходим из того, что, как неоднократно подчеркивали в наших прежних и ранее опубликованных работах, когнитивный аспект в целом связан с попыткой связать факты словообразования с проблемами концептуализации и категоризации мира, что в более конкретном плане означает определить их роль в фиксации человеческого опыта, в организации и классификации накапливаемых структур знания, в совершенствовании механизмов их выражения и т.д. В описании и определении каждой из выделенных ранее функций это значит также остановиться на поисках причин их появления в языке и объяснения их места в познавательных процессах и обобщении итогов этой деятельности в словообразовательных единицах и категориях, в понимании специфики структур знания и оценки мира, стоящих за этими категориями и единицами. Когнитивные установки здесь связаны напрямую и с установлением списка тех категорий, которые формируются в словообразовательных системах отдельных языков или их семьях, а этот путь анализа явно продолжает как традиционное, так и – особенно – ономаσιологическое направление в изучении словообразования. Последнее уже внесло свой значительный вклад в теорию и практику описания словообразовательных систем и предложило для интерпретации ономаσιологических структур производных слов первые образцы не только их пропозиционального, но и их **концептуального** анализа. Уже этим было положено начало истолкованию производных слов разного типа как особых концептуальных объединений, или **конструкций**, соответствующих разным форматам знания и отвечающих требованиям композиционной семантики и условиям построения так называемых комплексных (по Ч. Фреге) знаков языка. Замкнутые пределами слова,

такие комплексные знаки, изучаемые по представленным в них ономаσιологическим структурам, фактически уже могли быть далее рассмотренными как демонстрирующие возможности реализации разных концептуальных структур как предопределяющих внутреннюю организацию мотивированных слов. В ономаσιологическом направлении была, наконец, поставлена и проблема выявления тех категорий, которые, характеризуя словообразовательные системы различных языков, выступают в качестве организующего начала в их лексике. Все это сыграло свою значительную роль и в дальнейшем, когда на повестку дня была поставлена задача описания такого когнитивного образования в сознании человека, как языковая картина мира.

Сформулировав в таком общем виде задачи анализа функций словообразования, возникающие при их изучении с когнитивной точки зрения, мы хотим отметить, что, собственно, аналогичные проблемы следует поставить и при их изучении в **сравнительно-сопоставительном** и **типологическом** плане, что соответствует **второму** циклу новых задач. Следует при этом специально подчеркнуть, что речь идет не о сравнительных или типологических направлениях как таковых, но именно об анализе **функций** словообразования с указанных точек зрения. Здесь, по всей видимости, возникают, прежде всего, вопросы о **диапазоне** действия соответствующих функций и их значимости для системы языка в целом, а в значительной мере – и о специфике проявления каждой из этих функций в изучаемом языке.

Так, например, осуществление экспрессивной функции словообразования явно зависимо от количества средств ее выражения, от разветвленности и относительном богатстве или бедности используемых средств, а также, наконец, от той гаммы значений в выражении эмоций, оценок и мнений, которая может быть передана с помощью этих средств. В то время как оттенки или нюансы «уменьшительных» значений в одних языках могут широко варьироваться, в других языках они, напротив, могут выступать как достаточно регулярные и даже стереотипные (служа, например, целям простого указания на малые размеры объектов или же объектов и признаков) и т.д. Такие факторы, как **объем** используемых средств или их **разнообразие** (или их неразвитость) играют в этом отношении свою определяющую роль.

Указанные характеристики важны, конечно, и для типологического сопоставления языков, причем интересно отметить, что вплоть до настоящего момента внимание ученых привлекали к себе **способы** словообразования, и сравнение языков проводилось при учете удельного веса в них префиксации в отличие от суффиксации, или суффиксации в отличие от словосложения и редупликации и т.д. Но хотя наличие или отсутствие подобных способов словообразования и их распространенность (тем более – соотносительная) может быть использовано и для

определения конкретных средств словообразования для характеристики той или иной функции (прежде всего – номинативной и экспрессивной), к этому рассмотрению следует привлечь и иные виды данных. Так, например, не случайно, что в типологии языков к себе привлекал внимание и такой фактор, как противопоставление реляционных языков в отличие от деривационных (по Э. Сепиру), т.е. учитывалось противопоставление языков, обладающих или же не обладающих развитыми словообразовательными системами. Вместе с тем типологическому сопоставлению можно было бы подвергнуть саму номинативную функцию языка, для реализации которой используются, помимо словообразования, и другие способы номинации – заимствования, система средств создания несколькословных единиц номинации.

Если при рассмотрении сравнительно-сопоставительного и типологического направлений в изучении функций словообразования еще и делались какие-то шаги, то их анализ в **историческом** и – тем более – **генетическом** отношении, насколько нам известно, еще вообще не начинался. Рабочей гипотезой здесь могла бы служить идея об определенном изоморфизме в путях развития словообразовательных систем от исходного (одного) состояния к последующим. Нам представляется возможным предположить, что диахронические преобразования по своим механизмам в общем совпадают с теми, что мы можем наблюдать в обозримой «синхронии» языков, из чего следует, что проследившая за протеканием словообразовательных процессов у нас, так сказать, на глазах (т.е. за процессами, фиксируемыми в неологии), мы могли бы делать некоторые выводы и о том, как могли протекать аналогичные процессы в генезисе языка и в их истории. Ср., например, происходящее на наших глазах образование новых суффиксов из элементов полных слов, что явно свидетельствует о наличии связи между процессами словосложения и редупликации и развитием префиксов и суффиксов.

Точно также известные данные о филогенезе словообразовательных систем и развитии их функций мы могли бы почерпнуть из сведений об онтогенезе, т.е. при наблюдениях за детской речью. Существование подобного изоморфизма может уже сегодня быть подтверждено целым рядом сведений. Ведь не вызывает сомнения тот факт, что функции словообразования начинают развиваться под влиянием потребности в наличии новых обозначений для структур знания, появляющихся в силу расширения человеческого опыта по взаимодействию людей с окружающей их действительностью, а, следовательно, и в силу выделения в этой окружающей человека среде неких новых сущностей. В свою очередь эти потребности зависимы от тех видов деятельности, в которую оказывались вовлеченными люди, а также от актов коммуникации, осуществляемых при проведении соответствующих видов деятельности

(по необходимости – кооперативных, т.е. происходящих с участием тех или иных групп людей, объединяемых для успешного выполнения этой деятельности – охоты, разжигания огня и его поддержания, создания первых инструментов или орудий деятельности и т.п.).

Аналогичной экстраполяции могут быть подвергнуты - хотя, конечно, тоже с известными оговорками – и данные детской речи для реконструкции картины филогенеза языка. Именно при анализе того и другого и рождается тогда представление о том, что основной функцией словообразования, помимо чисто номинативной и **интерпретирующей** мир (ведь производные слова осуществляют именно это, указывая, с одной стороны, своей отсылочной частью на то, **через** какой зафиксированный в ней полнозначный признак, объект или действие увиден обозначаемый объект, и устанавливая своей формирующей частью, с другой, его вхождение в ту или иную категорию), становится функция инструктивная, **ориентирующая**.

Так, вступая в этот мир, ребенок получает от взрослых сведения не только об обозначении (именах) отдельных объектов и действий, но и о принятом данным сообществом говорящих **членении** мира на эти сущности и **принципах** подобного членения. Получая эти сведения в актах общения с окружающими его людьми, он узнает одновременно и о грамматической категоризации этих сущностей, так как и грамматические и словообразовательные категории являются формально маркированными, т.е. снабженными определенными формальными приметами. Ребенок шаг за шагом постигает мир, он знакомится с ним **через язык**, притом не просто в актах коммуникации, но и в актах общения, происходящих в определенных **ситуациях**. А такие ситуации – это опять-таки ситуации кооперативной деятельности ребенка со взрослым, ситуации непосредственного восприятия ребенком его окружения и прежде всего – ситуации прямого указания на какие-то предметы, признаки или действия в этом окружении (т.е. ситуации остенсивного указания на них).

Становится все более очевидным, что и в генезисе языка функция словообразовательных (как и грамматических) категорий – это прежде всего функция ориентации человека в окружающей его среде. При этом, если следовать терминологии Ю.С. Степанова, определившего функцию языка как такового в виде **номинации, предикации и локации**, то, имея дело с функциями словообразования, мы можем говорить о **совмещении** функций номинации и локации, **номинации и ориентации**. Если говоря о функции локации, Ю.С. Степанов имел в виду прежде всего определение человеком своего места во времени и пространстве, достигаемого за счет дейктических средств (по принципу *hic et nunc*, в первую очередь), то мы используем расширительно это понятие для общей ориентации человека в окружающей его обстановке, связывая это понятие с остановкой внимания человека на упомянутые в актах речи и обозначенные в этих актах

участников ситуации (актанты и сирконстанты и т.д.). За именем объекта, названного в речи, стоит не только особый выделяемый им **референт**, но и определенная связанная с этим референтом структура знания. За именем, созданным в виде производного слова, стоят **особые** (как бы уже рассортированные и распределенные по категориям референты, т.е. референты, уже подвергшиеся интерпретации и категоризации).

Таким образом, ориентирующая функция словообразования заключается, во-первых, в сортировке и классификации фрагментов мира, так или иначе познанных и идентифицированных человеком объектов; во-вторых, в имплицитном осуществленном выделении соответствующего объекта его специальным именем признания подобного объекта важным и релевантным, так сказать, достойным его внимания (ведь он был выделен не случайно, а в ходе определенных наблюдений за миром и/или в ходе осуществления человеком определенного вида деятельности, существенной для его выживания, продолжения рода человеческого, общего прогресса в обеспечении условий жизни на земле и т.д.); в-третьих, в сосредоточенности внимания в актах номинации словообразовательного порядка не на непосредственно наблюдаемые сущности, а на характеризующие их внутреннее устройство **связи** и **отношения** с другими объектами, и, наконец, в-четвертых, в виду тесной связи словообразовательных категорий с грамматическими, в постоянно происходящих процессах категоризации мира и приводящих к усиливающейся **субкатегоризации** накапливающегося опыта, в том числе – к его оценке. Словообразование, в итоге, способствует не только большей детализации сущностей в нарекаемом мире, но и будучи связано с созданием мотивированных единиц номинации, к тому же маркированных показателями их принадлежности к определенным по своему содержанию категориям, помогает человеку ориентироваться в окружающей его среде и обращать внимание на наиболее важные (салиентные) для языкового сообщества рубрики членения мира и – что не менее существенно – фиксировать оценку наблюдаемых объектов и догадываться о тех связях и отношениях, по наличию которых они были концептуализированы и затем обозначены, названы.

МІЖМОЎНАЕ ЎЗАЕМАДЗЕЯННЕ І ФУНКЦЫЯНАВАННЕ АДЗІНАК СЛОВАЎТВАРЭННЯ

Развіццё беларускай літаратурнай мовы, станаўленне яе норм у XX стагоддзі праходзіла пры актыўным уздзеянні суседніх рускай і польскай моў. У розныя перыяды гэты ўплыў насіў розны характар і знаходзіў сваё выражэнне або ў тэндэнцыі да збліжэння (уласна ўздзеянне), або ў тэндэнцыі да адштурхоўвання (антыўздзеянне). Гэтыя абставіны міжмоўнага ўзаемадзеяння знайшлі сваё адлюстраванне і функцыянаванні ў сучаснай беларускай літаратурнай мове розных адзінак мовы, у тым ліку і адзінак словаўтварэння. У першую чаргу гэта праяўляецца, на наш погляд, у

- а) спецыфічнай актуалізацыі словаўтваральных сродкаў;
- б) іх нарматыўнай ацэнцы;
- в) ступені прадуктыўнасці;
- г) характары канкурэнцыі сінанімічных словаўтваральных фармантаў.

Перш за ўсё неабходна падкрэсліць, што на працягу XX ст. уплыў рускай і польскай моў на сістэму беларускай літаратурнай мовы, у тым ліку і на сістэму беларускага словаўтварэння быў надзвычай складаным і супярэчлівым, суправаджаўся дастаткова частай зменай адной тэндэнцыі на процілеглую. Гэта звязана з тым, што для новай беларускай літаратурнай мовы асабліва актуальнай у гэты перыяд была праблема захавання нацыянальнай адметнасці, што і знаходзіла сваё выражэнне ў пурыстычнай тэндэнцыі адштурхоўвання ад той ці іншай суседняй мовы (тэндэнцыя да нацыяналізацыі), якая перыядычна змянялася тэндэнцыяй процілеглага напрамку – тэндэнцыяй да збліжэння (інтэрнацыяналізацыі). З улікам сказанага ў развіцці беларускай мовы ў XX ст. выразна выдзяляецца некалькі перыядаў, якія па-рознаму ўплывалі на сістэму літаратурных норм і пакінулі свой адметны след у сістэме беларускага словаўтварэння.

Так, з аднаго боку, лічыцца, што менавіта пад уплывам рускай мовы ў беларускай мове пачатку XX ст. атрымалі пашырэнне матываваныя лексічныя адзінкі з суф. *-цель: абвініцель, вучыцель, збавіцель, заваявацель, прадсядацель, следавацель, чытацель.*

З другога боку, уплыву польскай мовы прыпісваецца фарміраванне ў сістэме беларускага словаўтварэння словаўтваральнага тыпу на на *-н(я): друкарня, кнігарня, майстэрня, капальня* і г.д. [ЛЕКСІКАЛОГІЯ 1994, 95].

Такім чынам, разгледжаныя прыклады ўплыву рускай і польскай моў на сістэму беларускага словаўтварэння можна разглядаць як працэс

збліжэння, які садзейнічаў пашырэнню ў беларускай мове аднолькавых для ўсіх трох моў словаўтваральных сродкаў.

2. 20-я гады XX стагоддзя ў развіцці беларускай мовы характарызуецца процілеглай тэндэнцыяй – пурыстычнай тэндэнцыяй да маніфестацыі ўласных моўных сродкаў, што вяло да пашырэння вытворных адзінак, якія адрозніваліся ад адпаведных рускіх і польскіх, у тым ліку і словаўтваральнымі сродкамі. Зразумела, што гэта вяло да абмежаванага выкарыстання моўных сродкаў, якія супадаюць з адпаведнымі адзінкамі суседняй мовы. Напрыклад, *болесць* ‘боль’ (рус. *боль*), *вастраслуп* ‘обелиск’ (рус. *обелиск*), *апекавальнік* ‘апякун’ (рус. *опекун*), *кавальня* ‘кузня’. Відавочна, што менавіта ў гэты перыяд сфарміравалася тэндэнцыя да вывядзення з актыўнага ўжытку ў беларускай мове вытворных адзінак на **-цель**, які ў выніку стаў у беларускай мове непрадутым. Нічым іншым, як пурыстычнай тэндэнцыяй да адштурхоўвання ад рускай мовы нельга вытлумачыць той факт, што ў беларускай літаратурнай мове замест слова *вучыцель*, пашыранага ў пачатку дваццатага стагоддзя, замацавалася лексема *настаўнік*, хаця якраз менавіта першае (*вучыцель*) абсалютна натуральна ўпісваецца ў гняздо вытворных слоў дзеяслова **вучыць** (*вучыць, вучыцца, вывучыць, вывучыцца, вучань, вучаніца*, але *настаўнік, настаўніца, настаўніцаць*). Яшчэ ў трылогіі Якуба Коласа “На ростанях”, дзе апісваецца беларускае настаўніцтва пачатку мінулага стагоддзя адлюстравана менавіта выкарыстанне слоў *вучыцель, вучыцелька*. Аднак, відаць ярлык “рускага запазычання” за фармантам **-цель** і паслужыў галоўнай прычынай выцяснення гэтых слоў з актыўнага ўжытку.

Вынікам дзеяння названай тэндэнцыі з’явілася, як можна меркаваць, пашырэнне, з аднаго боку, уласцівых толькі беларускай мове словаўтваральных фармантаў, а з другога боку, фарміраванне словаўтваральных тыпаў, хаця і тоесных з рускай і польскай мовай, але з рознай ступенню прадуктыўнасці. Дарэчы, названы перыяд у гісторыі беларускай літаратурнай мовы характарызуецца актыўным вывядзеннем з актыўнага ўжытку слоў іншамоўнага паходжання, якія былі аднолькавымі з адпаведнымі лексемамі рускай мовы, і заменай іх уласнымі наватворамі: *кантаслуп* ‘прызма’, *канцавоссе* ‘полос’, *кніжніца* ‘бібліятэка’, *адсотак* ‘працэнт’, *адсоткавы* ‘працэнтны’ і г.д. Менавіта гэты перыяд характарызуецца незвычайнай актывізацыяй у беларускай мове слова- і асноваскладання, асабліва ў сферы навуковай тэрміналогіі.

3. Наступны перыяд (30-я гады) у развіцці беларускай мовы характарызуецца чарговай зменай тэндэнцыяй. Зноў пачынае фарміравацца тэндэнцыя на збліжэнне з рускай мовай, што знаходзіць сваё выражэнне ў сферы словаўтварэння ў арыентацыі на рускія ўзоры. Менавіта ў гэты перыяд у якасці нарматыўных замацоўваюцца словаўтваральныя сродкі і тыпы, якія супадаюць з адпаведнымі сродкамі і тыпамі ў рускай мове.

Пачынаецца таксама актыўнае вяртанне ў актыўны ўжытак інтэрнацыянальнай лексікі, асабліва ў сферы навуковай тэрміналогіі, што таксама знайшло сваё адлюстраванне ў сістэме беларускага словаўтварэння ў пашырэнні пэўных тыпаў вытворных адзінак, а значыць, і прадуктыўнасці пэўных словаўтваральных сродкаў. Так, назіраецца адваротны працэс вывядзення з ужытку наватвораў 20-х гадоў, што знаходзіць лексікаграфічнае замацаванне: *адсотак* (Беларуса-рускі слоўнік М. Байкова і С. Некрашэвіча, 1926) – *процант* (Руска-беларускі слоўнік, пад рэд. А. Александровіча, 1937), *адумысловец – спецыяліст, казальніца – трыбуна, далягляд – перспектыва, кантаслуп – прызма, кніганіс – бібліяграфія*.

4. 50-я – 80-я гг. XX стагоддзя характарызуюцца далейшым уплывам рускай мовы на сістэму беларускага словаўтварэння, што знаходзіць сваё выражэнне ў актыўным утварэнні цэлых разрадаў вытворных слоў з дапамогай пэўных словаўтваральных фармантаў. Напрыклад:

утварэнне найменняў асобы па роду заняткаў ці дзейнасці: *атамшчык, экскаватаршчык, фрэзероўшчык*;

утварэнняў найменняў асоб жаночага полу па роду заняткаў ці роду дзейнасці з дапамогай фармантаў **-к(а), -чыц(а)/-шчыц(а)**: *бетоншчыца, арматурышчыца, мантажніца*;

утварэнні найменняў дзеянняў і працэсаў з суф. **-к(а)**: *варка, плаўка, пракатка* і інш.

Уплыў рускай мовы можна бачыць у пашырэнні дзеясловаў іншамойнага паходжання з элентам **-ірава-/ырава-**: *рэзервіраваць, дэлегіраваць, канструіраваць* [ШАКУН 1978].

5. Нарэшце, канец XX стагоддзя ў развіцці беларускай мовы вызначаецца актывізацыяй дзвюх тэндэнцый процілеглага характару. З аднаго боку, істотна актывізуецца працэс інтэрнацыяналізацыі як слоўнікавага складу, так і сістэмы словаўтварэння, што звязана з актыўным пранікненнем англамоўных запазычанняў і ўключэннем іх у сістэму словаўтварэння. Паколькі гэты працэс закрануў практычна ўсе славянскія мовы, гэта аб'ектыўна вядзе да істотнага збліжэння словаўтваральнай сістэмы беларускай мовы з словаўтваральнымі сістэмамі адпаведна рускай і польскай моў. Параўн.: бел. **-інг** (*паркінг, кансалцінг, пэйджынг*, і нават *кліенцінг, планінг*), рус. *брифинг, пейджинг, консалтинг*, польск. *casting, billing, lobbying, sponsoring*.

экс-/экс-/eks- (бел. *экспрэм'ер, экспрэзідэнт*; рус. *экспремьер, экспрезидент*; польск. *ekspartner, ekspopularny*).

пост-/пост-/post- (бел. *постнерабудовачны, пострэферэндумны*; рус. *постперестроечный*; польск. *posttotalitarizm*).

супер-/супер-/super- (бел. *суперкамп'ютэр*; рус. *суперполицейский, суперреформатор, суперкомпьютер*) і г.д. СЛОВАЎТВАРЭННЕ/НАМІНАЦЫЯ 2003, 59 - 102; ЗЕМСКАЯ 1996; СКЛЯРЕВСКАЯ 2001].

З другога боку, у беларускай мове гэтага перыяду вельмі выразна праяўляецца тэндэнцыя да нацыяналізацыі, якая набывае характар адштурхоўвання менавіта ад рускай мовы. Гэта знаходзіць у першую чаргу сваё выражэнне ў змене нарматыўных ацэнак існуючых словаўтваральных сродкаў і тыпаў, у актыўнай канкурэнцыі сінанімічных словаўтваральных сродкаў. Напрыклад:

-шчык/-ач: *барабанишчык – бубнач;*

-янер/-янт: *міліцыянер – міліцыянт;*

-чык/-нік: *лётчык – лётнік;*

-юч(ы)/-ант: *наступаючы – насупант;*

-чык/-овец: *пікетчык – пікетовец;*

-к(а)/-анн(е): *размінка – размінанне;*

-асць/-ын(я): *большасць – большыня;*

-альн-/ов-: *нармальны – нармалёвы, цэнтральны – цэнтралёвы;*

-альн-/ав-: *суфіксальны – суфіксы, прэфіксальны – прэфіксы*

-ыўн-/ов-: *спартыўны – спартовы;*

-енн-/ов-: *фірменны – фірмовы;*

-смен-/овец: *спартсмен – спартовец;*

-альн-/н-: *афіцыйальны – афіцыйны;*

-ісцк-/ов-: *мадэрнісцкі – мадэрновы;*

-н-/ов-: *рэкламны – рэкламовы, канцэртны – канцэртны і інш.*

[БЕЛАРУСКАЯ МОВА 1998; ЛУКАШАНЕЦ 2003)].

Такім чынам, з улікам разгледжаных тэндэнцый развіцця беларускай мовы ў ХХ ст. функцыянаванне сістэмы словаўтварэння характарызуецца наступнымі асаблівасцямі.

1. Наяўнасцю словаўтваральных фармантаў, якія атрымалі пашырэнне таксама ў рускай і польскай мовах: бел. **-асць** – рус. **-ость** – польск. **-ość** (*смеласць – смелость - śmiałość*). Адны з гэтых фармантаў адносяцца да агульнаславянскага фонду, другія з'яўляюцца паралельнымі запазычанямі, у тым ліку і новых, з еўрапейскіх моў, напрыклад: **-інг** (*паркінг – брифінг – sponsoring*), **супер-** і г.д.

2. Наяўнасцю спецыфічных у параўнанні з рускай і польскай мовамі словаўтваральных фармантаў, хаця іх спецыфічнасць абумоўлена асаблівасцямі гістарычнага развіцця агульнаславянскіх элементаў: бел. **-ан(я)** – рус. **-онок** – польск. **-ек** (*кацяня – котенок – kotek*). Прыватным выпадкам данага тыпу адрозненняў можна лічыць наяўнасць вытворных адзінак розных спосабаў і тыпаў словаўтварэння. Параўн.: бел. *стары* – рус. *старик* – польск. *staruszek*.

3. Неаднолькавай прадуктыўнасцю фармантаў. Суф. **-цель** у сучаснай беларускай мове з'яўляецца непрадуктыўным. У рускай і

польскай мовах аналагічныя фарманты атрымалі дастаткова шырокае распаўсюджанне: бел. *будаўнік* – рус. *строитель*, бел. *настаўнік* – рус. *учитель*, польск. *nauczyciel*.

4. Неаднолькавай валентнаскай спалучальнасцю фармантаў з аднолькавым словаўтваральным значэннем: бел. *вышыня* – рус. *высота*, бел. *прыгажосць* – рус. *красота*, бел. *паслядоўнік* – рус. *последователь*.

5. Канкурэнцыяй сінанімічных словаўтваральных тыпаў у плане адштурхоўвання ад адпаведных рускіх узораў: **-альн-/-ов-** (*нармальны* – *нармалёвы*, параўн. рус. *нормальный*); **-альн-/-ав-** (*суфіксальны* – *суфіксавы*, рус. *суффиксальный*); **-ыўн-/-ов-** (*спартыўны* – *спартовы*, рус. *спортивный*); **-н-/-ов-** (*рэкламна* – *рэкламовы*, рус. *рекламный, концертны* – *канцэртны*, рус. *концертный*) і інш.

Пры гэтым канкурэнцыя і варыянтнасць у межах нормы (*вячэрні* – *вечаровы*, *вясенні* – *вясновы*, *зімні* – *зімовы*) пераходзіць на ўзровень канкурэнцыі нарматыўных і нерматыўных вытворных адзінак (*спартыўны* – *спартовы*, *рэкламна* – *рэкламовы*, *канцэртны* – *канцэртны*). Больш таго, нарматыўныя ацэнкі варыянтных адзінак залежаць ад моўных густаў і амбіцый розных груп носьбітаў мовы.

Неабходна, праўда, адзначыць, што адштурхоўванне ад адной мовы можа адначасова прыводзіць да збліжэння (свядомага ці неўсвядоменага) з другой суседняй мовай. Так, назоўнік *выстава*, які атрымаў у апошні час пашырэнне замест назоўніка *выстаўка* (параўн. рус. *выставка*), аб'ектыўна азначае збліжэнне з польскай мовай (параўн. польск. *wystawa*).

З пункту гледжання асаблівасцей намінацыі, пад якой традыцыйна разумеюцца працэсы ўтварэння моўных адзінак, што характарызуюцца намінацыйнай функцыяй і служаць для называння з'яў рэчаіснасці і фарміравання адпаведных паняццяў аб іх у форме слоў, спалучэнняў слоў і г.д., усе лексічныя інавацыі апошніх двух дзесяцігоддзяў у сучаснай беларускай літаратурнай мове могуць быць згрупаваны наступным чынам.

1. Запазычанне з іншых моў, у першую чаргу з англійскай (*камп'ютэр, спікер, дылер, кілер, шоу, кансалцінг, планінг* і інш.). Названы працэс мае характар **руху звонку ўнутр** лексічнай сістэмы беларускай мовы.

2. Другасная намінацыя – уласныя новаўтварэнні, у тым ліку і ад навейшых запазычанняў (*камп'ютэрны, камп'ютэршычк, дылерскі, пэйджынгавы* і г.д.). Гэты працэс папаўнення намінацыйных сродкаў мовы можа разглядацца як **унутрымоўнае расшырэнне**.

3. Як асобную разнавіднасць сучасных інавацыйных працэсаў можна разглядаць вяртанне ў актыўны ўжытак лексікі абмежаванага ўжывання, у тым ліку і запазычанняў (*імпрэза, наклад, асобнік, адсотак, улётка, варункі, мытня, мытны* і інш.). У дадзеным выпадку мы маем справу з **рухам ад перыферыі лексічнай сістэмы мовы да яе цэнтра**.

Пра рух ад перыферыі да цэнтра можна гаварыць таксама і тады, калі актывізуюцца ва ўжыванні вядомыя, але малаўжывальныя раней, запазычаныя намінатыўныя адзінкі (*маркетынг, бізнес*). У цэлым актывізацыя названых адзінак знаходзіцца ў рэчышчы тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі.

Як можна бачыць, з тэндэнцыяй да інтэрнацыяналізацыі звязаны намінатыўныя працэсы пераважна першай і другой, а таксама часткова трэцяй разнавіднасцей (рух звонку ўнутр сістэмы, унутрымоўнае расшырэнне і рух ад перыферыі да цэнтра (актывізацыя ва ўжытку вядомых, але раней малаўжывальных намінатыўных адзінак ішамоўнага паходжання).

З тэндэнцыяй да нацыяналізацыі ў асноўным звязана трэцяя разнавіднасць інавацыйных намінатыўных працэсаў (рух ад перыферыі да цэнтра), а таксама часткова другая (унутрымоўнае расшырэнне), калі ў якасці паралельнай намінатыўнай адзінкі паяўляецца новая вытворная лексема (*лецішча* замест *дача*, *далькажык* замест *мабільнік* “мабільны тэлефон”. Параўн. адпаведныя рускія лексічныя адзінкі *дача* і *мобільнік*).

З пункту гледжання рэальнай намінатыўнай запатрабаванасці ўсе лексічныя інавацыі ў беларускай літаратурнай мове канца ХХ – пачатку ХХІ стст. таксама выразна падзяляюцца на дзве групы.

1. Намінатыўныя адзінкі, паяўленне якіх абумоўлена рэальнай неабходнасцю называння новых аб’ектаў рэчаіснасці і якія, такім чынам, фактычна становяцца адзінымі найменнямі гэтых аб’ектаў (*ваўчар, маркетынг, рэкет, рэкецір, рэкецірства, факс, наркатрафік, мабільнік* і інш.).

2. Намінатыўныя адзінкі, якія становяцца паралельнымі найменнямі ўжо вядомых аб’ектаў рэчаіснасці і для якіх ужо ёсць адпаведныя найменні. Хаця яны запатрабаваны ў камунікатыўных адносінах, хаця б як сродак карпаратыўнай ідэнтыфікацыі, але з пункту гледжання намінатыўнай неабходнасці фактычна з’яўляюцца збыткоўнымі (*адсотак – працэнт, фірмовы – фірменны, суфіксавы – суфіксальны, выстава – выстаўка, спартовец – спартсмен, каментар – каментарый, парламентар – парламентарый, лецішча – дача, далькажык – мабільнік* і г.д.).

Розны “намінатыўны” статус абедзвюх груп лексічных інавацый абумоўлівае іх розныя адносіны да лексічнай нормы.

Калі першыя з прычыны іх рэальнай запатрабаванасці, як правіла, “асуджаны” на нарматыўнасць, то другія аб’ектыўна вядуць да “рэвізіі” лексічных норм і змены нарматыўных ацэнак значнага пласту сучаснай беларускай лексікі.

Так, напрыклад, большасць сучасных запазычанняў і ўласных наватвораў, якія з’яўляюцца адзінымі намінацыямі адпаведных рэалій, як правіла, не выклікаюць з боку носьбітаў мовы асаблівых пярэчанняў, нават з пазіцыі культуры маўлення. Яны лёгка адаптуюцца сістэмай беларускай

мовы і іх нарматыўнае замацаванне праз слоўнікавую фіксацыю, па сутнасці, толькі пытанне часу. Праблема тут толькі ў іх празмернай колькасці, якая перарастае ў праблему “англамоўнай інтэрвенцыі”, ці ў нашых умовах “русіфікацыі”. Асасобна варта сказаць пра тыя лексічныя інавацыі, якія з’яўляюцца фактычна данінай моды і намінацыяў не апраўданы (*кліенцінг* “праца з кліентамі”, *планінг* “планаванне”). Відавочна, што такія інавацыі, як правіла, ацэньваюцца носьбітамі мовы як штучныя і неапраўданыя.

Наадварот, лексічныя інавацыі, якія паяўляюцца ў маўленні, як альтэрнатыўныя, паралельныя найменні ўжо існуючым намінацыяў адзінкам адразу выклікаюць рад праблем нарматыўнага характару. З аднаго боку, гэта праблема лексічнай варыятыўнасці і яе межаў. Так, абсалютна заканамерна ўзнікае пытанне, у якой ступені і ў якіх межах лексічная варыянтнасць не разбурае адзінства літаратурнай мовы, не перашкаджае выкананню ёю менавіта камунікатыўнай функцыі.

З другога боку, варыянтнасць і лексічная збыткованасць параджае праблему нарматыўнага статусу варыянтных намінацыяў адзінак, вядзе да іх канкурэнцыі.

“Намінацыяўная збыткованасць” як вынік руху ад перыферыі да цэнтра параджае адваротны рух ад цэнтра да перыферыі і нават за межы сістэмы. Гэта звязана з тым, што многія намінацыяўныя адзінкі, якія да нядаўняга часу былі фактычна адзінымі найменнямі адпаведных рэалій, з пурыстычных пазіцый аб’яўляюцца неўласцівымі беларускай мове, г.зн. пазбаўляюцца права не толькі на існаванне ў сістэме літаратурнай мовы, але і наогул у сістэме нацыянальнай мовы.

Такім чынам, асаблівасці функцыянавання ў сучаснай беларускай мове адзінак словаўтварэння і асобных вытворных лексем непасрэдна звязаны з асаблівасцямі ўзаемадзеяння беларускай мовы з суседнімі рускай і польскай мовамі, а таксама асаблівасцямі моўнай сітуацыі, у якой складваліся яе нормы. Акрамя таго, стыхійныя намінацыяўныя працэсы ў слоўнікавым складзе сучаснай беларускай мовы самым непасрэдным чынам звязаны з праблемамі лексічнай варыянтнасці і лексічнай нормы і патрабуюць пільнай увагі лінгвістаў.

Літаратура:

БЕЛАРУСКАЯ МОВА 1998: Беларуская мова: Najnowsze dzieje języków słowiańskich. – Opole.

ЛЕКСІКАЛОГІЯ 1994: Лексікалогія сучаснай беларускай мовы. / Пад рэд. А.Я. Баханькова. – Мінск.

ЛУКАШАНЕЦ 2003: Лукашанец А.А. Сучасныя працэсы ў словаўтварэнні беларускай мовы: да праблемы міжмоўнага збліжэння і адштурхоўвання. // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія,

Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з'езд славістаў. Даклады беларускай дэлегацыі. – Мінск. – С. 52 – 69.

ЗЕМСКАЯ 1996: Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства. // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – Москва.

СКЛЯРЕВСКАЯ 2001: Скляревская Н.Г. Слово в меняющемся мире. Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы. // Исследования по славянским языкам. – Сеул.

ШАКУН 1997: Шакун Л.М. Моўныя арыенціры і словаўтваральны працэс. // Беларусь паміж Усходам і Захадам. Ч. 2. – Мінск. – С.118 – 122.

SŁOWOTWÓRSTWO/NOMINACJA 2003: Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. / Redaktor naukowy Ingeborg Ohnheiser. – Opole.

ОТРАЖЕННАЯ МОТИВАЦИЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И В СОЦИОЛЕКТАХ

Термин «отраженный» с недавних пор широко используется в лексической семантике и в особенности в словообразовании. Говорят, например, об отраженной синонимии, отраженной омонимии, отраженной антонимии [НИКОЛАЕВ 1987; ПАРДАЕВ 1987]. Общее у всех этих явлений – то, что в рассматриваемой паре слов копируются отношения другой пары слов, связанных со словами первой пары по определенному признаку. Отраженные отношения любого типа, таким образом, являются выражением системности в лексике.

Понятие «отраженный» в не меньшей степени применимо и к явлениям в разных подсистемах этноязыка. Так, поскольку социолект представляет собой вторичную – относительно литературного языка – языковую подсистему, многие парадигматические связи между его лексемами устанавливаются под влиянием соответствующих связей в первичной подсистеме – литературном языке (далее ЛЯ). Например, синонимия литературных слов отражается в социолектных абсолютных синонимах – семантических дериватах: *доктор* и *врач* ‘адвокат’ в криминальном арго (это явление называется синонимической аттракцией). Другой пример, связанный также с метафорическими переносами, возникающими в социолекте: в ЛЯ слова *гореть* и *жечь* относятся к одной ЛСГ, причем второе слово представляет собой соответствующее каузируемое действие; так же и в криминальном арго *гореть* ‘быть задержанным’ – *жечь* ‘выдавать кого-л., доносить на кого-л.’ – с копированием отношений каузации. Отражение можно найти и в устойчивых сочетаниях арго: *крутить дело* и *мотать дело* ‘вести следствие’, при близости значений литературных *крутить* и *мотать*; *дикая армия* и *дикая дивизия* ‘внутренние войска МВД’, здесь между словами *армия* и *дивизия* в ЛЯ имеются партонимические отношения и т.п.

В качестве области наибольшего проявления отражения можно назвать словообразование. Это и понятно: морфологическая деривация – одна из наиболее внутренне организованных, структурных областей словаря языка. Поэтому из всех типов отражения именно отраженная мотивация распространена в исследуемом нами арго наиболее широко. Под отраженной мотивацией понимается создание в социолекте мотивированного слова, омонимичного литературному, от социолектизма, также имеющего литературный омоним, причем в арго воспроизводится словообразовательная модель словообразовательной пары литературного языка:

<i>плевать</i>	→ <i>плевок</i>
↓	↓
<i>плевать</i> ‘стрелять’	→ <i>плевок</i> ‘выстрел’

Материалом исследования служат современные русские криминальные аргы, среди 7555 арготизмов, образованных различными способами словообразования, нами выделено 1057 слов такого типа. При этом возникает ряд вопросов, в частности: сохраняется ли при отраженной мотивации словообразовательное значение мотивированных слов? если нет, то от чего это зависит? По нашему предположению, изменение словообразовательного значения может определяться характером части речи мотивирующего и мотивированного слов, способом словообразования и типом аффикса.

Рассмотрим проявления отраженной мотивации в различных типах мотивированных слов.

1. Суффиксальные существительные, обозначающие отвлеченный процессуальный или непроцессуальный признак; это существительные т.н. транспозиционных словообразовательных типов; мы называем их также кратко существительными с транспозицией.

Отглагольные существительные этой группы как в ЛЯ, так и в аргы совмещают значения процесса и результата действия, а также различные их оттенки [РГ 1980, 220-221]. Поэтому отмечаем практически полное совпадение словообразовательных значений в словах ЛЯ и аргы:

бомбёжка ‘кража карманная’ ← *бомбить* ‘совершать кражи’; *венчание* ‘суд; судебный процесс’ ← *венчать* ‘судить’; *дело* ‘кража’ ← *делать* ‘совершать кражи’; *запал* ‘задержание с поличным’ ← *запалиться* ‘оказаться задержанным с поличным’; *заправка* ‘шулерская пометка карт’ ← *заправить* ‘пометить игральные карты’; *качка*² ‘собрание воров, проводимое для разрешения споров’ ← *качать* ‘обсуждать; спорить’; *кваканье* ‘разговор’ ← *квакать* ‘говорить’; *наводка* ‘указание на объект преступления’ ← *навести* ‘указать объект кражи (преступления)’; *отвод* ‘отвлечение внимания’ ← *отводить* ‘отвлекать внимание’; *плевок* ‘выстрел; донос’ ← *плевать* ‘доносить; стрелять’; *подрыв* ‘побег’ ← *подрывать* ‘убегать’; *прописка* ‘избиение новичка в камере’ ← *прописать* ‘подвергнуть испытаниям новичка в камере’; *ропись* ‘порез; разрез; удар ножом’ ← *расписать* ‘порезать; разрезать при краже; нанести ножевое ранение’.

Что же касается отадъективных существительных, то у них значение отвлеченного непроцессуального признака имеет только одно слово: *пустота* ‘безденежье’ ← *пустой* ‘бедный (об объекте предполагаемой кражи)’. У некоторых слов значение смещается в сторону процессуального

признака: *мокрота* ‘убийство, связанное с кровопролитием’ ← *мокрое дело* ‘убийство, связанное с кровопролитием’. У других – в сторону носителя непроцессуального признака: *седина* ‘серебро’ ← *седая собака* ‘часы серебряные’. Наконец, у нескольких слов суффикс десемантизируется: *зелень* ‘вор начинающий’ ← *зеленый* ‘вор неопытный’.

2. Суффиксальные существительные со значением «носитель процессуального признака».

Это словообразовательное значение может конкретизироваться как «субъект действия», «орудие действия» и др. (РГ, с. 142), и во многих арготизмах оно совпадает с конкретным словообразовательным значением соответствующих слов ЛЯ. Так, значение лица имеют слова: *гонщик* ‘лгун’ ← *гнать* ‘лгать’; *грузчик* ‘человек, который берет на себя чужое преступление’ ← *грузить* ‘сваливать вину на другого’; *жнец* ‘вор’ ← *жать* ‘совершать кражи’; *звонарь* ‘осведомитель’ ← *звонить* ‘доносить’; *косарь*¹ ‘симулянт’ ← *косить* ‘симулировать психическое заболевание’; *писатель* ‘вор карманный, совершающий кражи путем прорезывания одежды’ ← *писать* ‘разрезать при краже’; *составитель* ‘сообщник шулера, подыскивающий партнера для игры’ ← *составлять* ‘искать партнера для игры’; *труженик* ‘вор, постоянно совершающий кражи’ ← *трудиться* ‘совершать преступления’; *эмигрант* ‘заключенный, совершивший побег’ ← *эмигрировать* ‘совершить побег’.

Значение предмета (включая орудие, помещение и т.п.), как и в ЛЯ, имеют слова: *выключатель* ‘предмет, используемый для оглушения жертвы’ ← *выключить* ‘привести в бессознательное состояние’; *довесок* ‘прибавка к сроку наказания’ ← *довесить* ‘осудить на новый срок лишения свободы’; *исповедальня* ‘кабинет следователя’ ← *исповедаться* ‘рассказать правду’; *парилка* ‘карцер’ ← *париться* ‘отбывать срок наказания в карцере’; *пекарня* ‘квартира, где изготавливают фальшивые деньги’ ← *печь (блины)* ‘изготавливать фальшивые деньги’; *сушилка* ‘ШИЗО’ ← *сушиться* ‘содержаться в ШИЗО’.

В некоторых случаях видим смещение значения: в ЛЯ слова являются названиями предметов, являющихся средством, помещением или объектом действия, а в арго – названиями орудий действия: *мыло* ‘лезвие бритвы, ножа’¹ ← *мыть* ‘наносить ножевое ранение’; *письмо* ‘лезвие бритвы – орудие карманного вора’ ← *писать* ‘разрезать при краже’; *плевательница* ‘автомат; винтовка; пистолет’ ← *плевать* ‘стрелять’.

У нескольких слов словообразовательные значения в ЛЯ и арго расходятся: в ЛЯ это значение предмета, в арго – лица: *ботало* (в ЛЯ «род глухой погремушки, колокольчика из железного или медного листа, привязываемого к шее пасущихся лошадей или коров») ‘болтливый человек’ ← *ботать* ‘говорить; разговаривать’; *дергач* (в ЛЯ

¹ В словаре Тихонова непроизводное [ТИХОНОВ 1985], в [РГ 1980] – производное от мыть (с. 150).

«металлический инструмент для выдергивания гвоздей») ‘дежурный в следственном изоляторе (выводящий подследственных на допрос)’ ← *дергать* ‘вызывать на допрос’; также *звонок* ‘болтливый человек; осведомитель’ ← *звонить* ‘говорить чепуху; доносить’; *колун* ‘работник милиции, добивающийся признания от задержанного’ ← *колоть* ‘заставлять признаться на допросе’; *свисток* ‘лгун’ ← *свистеть* ‘лгать’. Мы видим здесь явные антропоцентрические тенденции формирования семантики арготизма.

3. Суффиксальные существительные со значением «носитель непроцессуального признака».

Во многих случаях арготизм имеет то же словообразовательное значение, что и слово ЛЯ, т.е. лица, предмета или явления: *желтуха*² ‘золотые изделия’ ← *желтый* ‘золотой’, *желтяк* ‘золотое изделие’ ← *желтый*, *мертвец* ‘пьяница, находящийся в сильном опьянении’ ← *мертвый* ‘находящийся в состоянии сильного алкогольного опьянения’.

Как и в предыдущем случае, имеется смещение значения в сторону лица: *слепыш* ‘человек, не имеющий документов’ ← *слепой* ‘не имеющий документов’, в некоторых же случаях суффикс десемантизируется: *желтуха* ‘осведомитель’ ← *желтый* ‘осведомитель’, *полосатик* ‘заключенный, отбывающий наказание в ИТУ строгого режима’ ← *полосатый* ‘заключенный, отбывающий наказание в ИТУ строгого режима’, *свежак* ‘заключенный или арестованный-новичок в камере; мошенник, сбывающий фальшивые купюры’ ← *свежий* ‘заключенный или арестованный-новичок в камере; мошенник, сбывающий фальшивые купюры’.

4. Суффиксальные существительные со значением «носитель предметного признака».

Полное совпадение словообразовательного значения наблюдается у большинства названий лиц: *академик* ‘арестованный’ ← *академия* ‘тюрьма’, *артельщик* ‘преступник, входящий в преступную группу’ ← *артель* ‘группа преступная’, *голубятник* ‘вор, совершающий кражи белья, вывешенного для просушки’ ← *голуби* ‘белье, вывешенное для просушки на чердаке’, *десантник* ‘вор, выполняющий решения сходки’ ← *десант* ‘собрание воров’, *евангелист* ‘человек, знающий законы’ ← *евангелие* ‘уголовный кодекс’, *медвежатник* ‘взломщик сейфов’ ← *медведь* ‘сейф’, *музыкант* ‘человек, знающий воровской жаргон’ ← *музыка* ‘жаргон воровской’, *пасечник* ‘работник госбанка, сберкассы’ ← *пасека* ‘госбанк; сберкасса’, *пулеметчик* ‘заядлый игрок в карты’ ← *пулемет* ‘карты’, *пушкарь* ‘обманщик’ ← *пушка* ‘обман’, *экзекутор* ‘эксперт судебно-медицинский’ ← *экзекуция* ‘экспертиза’.

Реже такое совпадение находим у названий предметов. Так, названиями вместилищ и в ЛЯ, и в арго служат слова *голубятня* ‘чердак’ ← *голуби* ‘белье, вывешенное для просушки на чердаке’, *клоповник*

‘детсад; ясли’ ← *клоп* ‘маленький мальчик; ребенок’, *псарня* ‘казарма, общежитие, учебное заведение органов КГБ, МВД’ ← *пес* ‘работник органов внутренних дел’.

Однако некоторые слова являются названиями предметов или животных в ЛЯ, но людей в арго: *капустник* (в ЛЯ «1. огород, поле, засаженные капустой; 2. капустный червь; 3. капустный пирог или какое-л. другое кушанье, приготовленное из капусты, с капустой; 4. самодеятельное представление – шутливо-пародийные сценки на местные темы») ‘бухгалтер; взяточник’ ← *капуста* ‘деньги’, *малинник* (в ЛЯ «заросли малины») ‘содержатель притона’ ← *малина* ‘притон’, *песочник* (в ЛЯ «небольшая птица») ‘мошенник, продающий опилки меди под видом золотого песка’ ← *песок*.

5. Суффиксальные существительные с модификационными значениями женскости, собирательности, невзростости практически полностью сохраняют словообразовательные значения своих омонимов в ЛЯ: *гусыня* ‘одинокая богатая женщина’ ← *гусь* ‘богатый человек’, *дачница* ‘воровка, совершающая кражи в дачной местности’ ← *дачник* ‘вор, совершающий кражи в дачной местности’, *жандармерия* ‘милиция’ ← *жандарм* ‘милиционер’, *звереныш* ‘ребенок-азиат’ ← *зверь* ‘азиат’, *кошатница* ‘воровка, совершающая кражи продуктов с прилавков’ ← *кошатник* ‘вор, совершающий кражи продуктов с прилавков’, *ханиша* ‘азиатка, занимающая руководящую должность’ ← *хан* ‘крупный руководитель-азиат’.

Отличие от ЛЯ наблюдается здесь только в одном образовании со значением маленького предмета, а не детеныша: *медвежонок* ‘сейф маленький’ ← *медведь* ‘сейф большой’.

6. Суффиксальные существительные, имеющие омонимы с модификационными субъективно-оценочными значениями, являются лишь словообразовательными вариантами своих мотивирующих, полностью совпадая с ними по значению, тем самым суффикс десемантизируется (поэтому значение мотивирующего в этой группе мы не указываем):

браслетки ‘наручники’ ← *браслеты*, *бумажка* ‘облигация’ ← *бумага*, *дубок* ‘охранник, контролер в ИТУ’ ← *дуб*, *дырка* ‘нелегальный путь приобретения наркотиков’ ← *дыра*, *зверёк* ‘нерусский’ ← *зверь*, *иголка* ‘нож; стилет’ ← *игла*, *колесики* ‘ботинки; лекарство в таблетках, содержащее наркотик; туфли’ ← *колеса*, *корешок* ‘друг; сообщник’ ← *корень*, *кубик* ‘доза жидкого наркотика в 1 мл’ ← *куб*, *лопатка* ‘заключенный, выполняющий земляные работы’ ← *лопата*, *обезьянка* ‘вор карманный начинающий; зеркало’ ← *обезьяна*, *перышко* ‘кинжал; нож финский; нож’ ← *перо*, *подковка* ‘милиция’ ← *подкова*, *пчелки* ‘патроны; пули’ ← *пчелы*, *рогожка* ‘кошелек’ ← *рогожа*, *светлячок* ‘вор, совершающий кражи из квартир в дневное время’ ← *светляк*, *сережка*²

замок навесной; цепочка дверная; цепочка' ← *серьга, снежок* 'кокаин' ← *снег, солнышко* 'лампа; электрическая лампочка' ← *солнце, стаканчик* 'небольшая узкая кабина-бокс для одного арестованного (заключенного) в салоне специального автомобиля' ← *стакан, чертяка* 'заключенный, хорошо работающий на производстве' ← *черт, язвина* 'свекровь' ← *язва*.

7. Немногочисленные сложные существительные также сохраняют словообразовательные значения своих литературных омонимов: *волкодав* 'инспектор уголовного розыска' ← *волк* 'профессиональный преступник' (= тот, кто давит «волков»), *рабовладелец* 'начальник ИТУ' ← *раб* 'заключенный, хорошо работающий на производстве' (= владелец «рабов»), хотя в некоторых случаях происходит и смещение значения в сторону лица: *сенокос* 'курильщик' ← *сено* 'табак'.

Таким образом, у абсолютного большинства суффиксальных существительных (97%) совпадает не только словообразовательная модель, но и словообразовательный тип со словообразовательной моделью и словообразовательным типом омонимов ЛЯ.

Гораздо реже арготизмы при отраженной мотивации относятся к другому словообразовательному типу, нежели их омонимы в ЛЯ. Так, *желтизна* в ЛЯ имеет значение отвлеченного непроцессуального признака «желтый цвет, желтый оттенок чего-либо», в арго же омоним этого слова означает предмет ('золото; золотые изделия'), будучи мотивированным арготизмом *желтый* 'золотой'.

8. Постфиксальные глаголы. Словообразовательное значение этих слов далеко не всегда совпадает со словообразовательным значением соответствующих глаголов ЛЯ. Возвратные значения отмечаются в 61% случаев: *вырваться* 'освободиться из-под стражи' ← *вырвать* 'освободить из-под стражи', *вырубиться* 'потерять сознание' ← *вырубить* 'привести в бессознательное состояние', *вытряхнуться* 'снять с себя верхнюю одежду' ← *вытряхнуть* 'раздеть', *гаситься* 'прятаться' ← *гасить* 'прятать в тайнике', *ерошиться* 'шевелиться' ← *ерошить* 'шевелить', *завалиться* 'оказаться обнаруженным' ← *завалить* 'выдать', *заземлиться* 'упасть' ← *заземлить* 'свалить', *зацепиться* 'оказаться задержанным с поличным' ← *зацепить* 'задержать во время кражи', *истисаться* 'нанести себе резаные раны' ← *истисать* 'нанести ножевое ранение', *навернуться* 'удариться' ← *навернуть* 'ударить', *накальваться*¹ 'обманываться' ← *накальвать* 'обманывать', *намыливаться*² 'дактилоскопироваться' ← *намыливать* 'дактилоскопировать', *писаться* 'резать себе вены' ← *писать* 'резать', *раскрутиться* 'отбывая срок наказания в ИТУ, совершить преступление и быть осужденным к новому сроку наказания' ← *раскрутить* 'увеличить срок наказания',

¹ Двойственная мотивация.

² То же.

штрафоваться ‘быть пойманным на слове’ ← *штрафовать* ‘ловить на слове’.

С другой стороны, в 39% случаев отмечается полное совпадение значений мотивирующего и мотивированного слов: *взорваться* ‘прикурить’ ← *взорвать* ‘прикурить’, *врубиться* ‘сообразить’ ← *врубить* ‘сообразить’, *двигаться* ‘принимать наркотики’ ← *двигать* ‘принимать наркотики’, *забуриться* ‘загулять’ ← *забурить* ‘загулять’, *искриться* ‘сердиться’ ← *искрить* ‘сердиться’, *коситься* ‘притворяться больным’ ← *косить* ‘притворяться больным’, *мылиться* ‘убегать’ ← *мылить* ‘убегать’, *отвалиться* ‘отойти’ ← *отвалить* ‘отойти’, *продергиваться*¹ ‘проходить’ ← *продергивать* ‘проходить’, *сорваться* ‘убежать’ ← *сорвать* ‘убежать’, *чалиться* ‘отбывать срок наказания в ИТУ’ ← *чалить* ‘отбывать срок наказания в ИТУ’. Этим арго отличается от ЛЯ: там десемантизация постфикса – редкое явление, она возможна только в некоторых образованиях от непереходных глаголов, ср.: *рухнуть* «то же, что рухнуть».

9. Значения префиксальных глаголов при отраженной мотивации в целом аналогичны значениям соответствующих омонимов: это прежде всего значение совершенного вида, иногда – с оттенками начала действия и др., а также многочисленные лексические значения: *выкатить* ‘выиграть’ ← *катить* ‘играть в карты’, *домазать* ‘доплатить’ ← *мазать* ‘давать взятку’, *вынырнуть* ‘появиться’ ← *нырнуть* ‘скрываться’, *загудеть* ‘начать отбывать срок наказания; начать пьянствовать’ ← *гудеть* ‘отбывать срок наказания в ИТУ; пьянствовать’, *заметать* ‘начать хлебать’ ← *метать* ‘хлебать’, *записать* ‘зарезать’ ← *писать* ‘резать’, *накрахмалить* ‘пропитать кусок материи раствором наркотического вещества’ ← *крахмалить* ‘пропитывать кусок материи раствором наркотического вещества’, *окрестить* ‘дать кличку; осудить’ ← *крестить* ‘давать кличку; судить’, *обвенчать* ‘приговорить к наказанию’ ← *венчать* ‘судить’, *перебунтовать* ‘перетасовать карты’ ← *бунтовать* ‘тасовать карты’, *повенчать* ‘осудить’ ← *венчать* ‘судить’, *повырубить* ‘привести в бессознательное состояние побоями многих, всех’ ← *вырубить* ‘привести в бессознательное состояние’, *погнать* ‘пойти’ ← *гнать* ‘идти’, *погудеть* ‘некоторое время ворчать; некоторое время пьянствовать’ ← *гудеть* ‘ворчать; пьянствовать’, *покалечить* ‘избить; совершить кражу’ ← *калечить* ‘избивать; совершать кражи’, *поклевать* ‘поесть’ ← *клевать* ‘есть (принимать пищу)’, *понести* ‘начать ругаться’ ← *нести* ‘ругать’, *подвалить* ‘подойти’ ← *валить* ‘идти’, *приплыть* ‘прийти’ ← *плыть* ‘идти’, *причесать* ‘приласкать’ ← *чесать* ‘ласкать’, *провентилировать* ‘провести воровскую разведку’ ← *вентилировать* ‘проводить воровскую разведку’, *развалить* ‘разрезать’ ← *валить* ‘резать’,

¹ То же.

распеленать ‘освободить, развязав’ ← *пеленать* ‘связывать’, *сделать* ‘взять на себя ответственность за преступление, выгораживая соучастников; совершить кражу’ ← *делать* ‘брать на себя ответственность за преступление, выгораживая соучастников; совершать кражи’, *сломать* ‘вытащить; прекратить; привести в повиновение’ ← *ломать* ‘вытаскивать; прекращать; приводить в повиновение’.

Однако в арго многие приставки теряют свое специфическое словообразовательное значение, превращаясь в чистовидовые, ср. *вдуть* (в ЛЯ «дуя, ввести, вогнать внутрь») ‘выдать’ ← *дуть* ‘выдавать’, *выловить* (в ЛЯ «ловя, добыть, извлечь из воды») ‘найти’ ← *ловить* ‘находить’, *выстричь* («срезать ножницами, машинкой») ‘увидеть’ ← *стричь* ‘смотреть’, *заболеть* («стать больным») ‘попасть под подозрение’ ← *болеть* ‘находиться под подозрением’, *завинтить* («закрепить или довести до нужного положения») ‘убежать’ ← *винтить* ‘убегать’, *заколебать* («начать колебать») ‘утомить’ ← *колебать* ‘утомлять’, *исклевать* ‘съесть’ ← *клевать* ‘есть’, *наколоть* («раскалывая, приготовить в каком-л. количестве») ‘заставить признаться’ ← *колоть* ‘заставлять признаться на допросе’, *окрутить* («обмотать, обвить чем-л.») ‘задержать; обмануть’ ← *крутить* ‘задерживать; обманывать’, *обжать* («сдавить, сжать со всех сторон») ‘обмануть; совершить кражу’ ← *жать* ‘обманывать; совершать кражи’, *отбарабанить* («кончить барабанить») ‘отбыть срок наказания в ИТУ’ ← *барабанить* ‘отбывать срок наказания в ИТУ’, *отклеить* («отделить, оторвать что-л. приклеенное») ‘отойти’ ← *клеить* ‘отходить’, *переколоть* («расколоть все, многое») ‘добиться признания’ ← *колоть* ‘добиваться признания’, *покалякать* («калякать некоторое время») ‘выяснить отношения’ ← *калякать* ‘выяснять отношения’, *пополоскать* («полоскать некоторое время») ‘совершить кражу у пьяного’ ← *полоскать* ‘совершать кражи у пьяных’, *подвязать* («повязать, обвязать») ‘задержать’ ← *вязать* ‘задерживать’, *приклеить* («прикрепить клеем») ‘обвинить в несовершенном преступлении; оклеветать’ ← *клеить* ‘клеветать; обвинять в несовершенном преступлении’, *припутать* («присоединить, прибавить напрасно») ‘задержать’ ← *путать* ‘задерживать’, *прогнать* («гоня, заставить пройти») ‘солгать’ ← *гнать* ‘лгать’, *прокрутить* («заставить прокрутиться») ‘обмануть’ ← *крутить* ‘обманывать’, *размотать* («распутать, привести в ясность что-л.») ‘заставить признаться’ ← *мотать* ‘заставлять признаться’, *раскатать* («развернуть что-л. скатанное») ‘избить’ ← *катать* ‘избивать’, *сгрузить* («снять какой-л. груз с чего-л.») ‘испугаться’ ← *грузить* ‘бояться’, *смыть* («мытьем снять») ‘совершить кражу’ ← *мыть* ‘совершать кражи’, *умазать* («промазать чем-л.») ‘выпить (спиртные напитки); дать взятку’ ← *мазать* ‘давать взятку; пить (спиртные напитки)’.

10. Суффиксальные глаголы, являющиеся результатом имперфективации, всегда сохраняют словообразовательное значение

своих омонимов в ЛЯ: *вдувать* ‘выдавать’ ← *вдуть* ‘выдать’, *впрягаться* ‘защищать сообщника’ ← *впрячься* ‘защитить сообщника’, *вспарывать* ‘взламывать’ ← *вспороть* ‘взломать (о сейфе)’, *выворачивать* ‘выяснить’ ← *вывернуть* ‘выяснить’, *догонять* ‘понимать’ ← *догнать* ‘понять’, *заваливать* ‘выдавать; убивать’ ← *завалить* ‘выдать; убить’, *закапывать* ‘сваливать на кого-либо свою вину’ ← *закопать* ‘свалить на кого-либо свою вину’, *наваливаться*¹ ‘садиться в городской транспорт’ ← *навалиться* ‘сесть в городской транспорт’, *накалывать* ‘обманывать; сообщать о местонахождении’ ← *наколоть* ‘обмануть; сообщить о местонахождении’, *обзывать* ‘давать воровскую клятву’ ← *обозваться* ‘дать воровскую клятву’, *обливать* ‘ругать’ ← *облить* ‘обругать’, *определять* ‘продавать’ ← *определить* ‘продать’, *отказывать* ‘отговаривать’ ← *отказать* ‘отговорить’, *отрубать* ‘избивать до потери сознания’ ← *отрубить* ‘избить до потери сознания’, *подгонять* ‘передавать; присылать’ ← *подогнать* ‘передать; прислать’, *потешаться* ‘затеять скандал для облегчения совершения карманной кражи’ ← *потешиться* ‘затеять скандал для облегчения совершения карманной кражи’, *прикидываться*² ‘одеваться’ ← *прикинуться* ‘одеться’, *продергивать* ‘проходить; уходить’ ← *продернуть* ‘пройти; уйти’, *распрягать* ‘расстегивать одежду’ ← *распрячь* ‘расстегнуть одежду’, *сдавать* ‘выдавать’ ← *сдать* ‘выдать’, *сжигать* ‘выдавать соучастников’ ← *сжечь* ‘выдать соучастника’, *ушибать* ‘избивать’ ← *ушибить* ‘избить’.

11. Суффиксальные отглагольные глаголы, не являющиеся результатами имперфективации, редко сохраняют словообразовательное значение, присущее их литературным омонимам. Так, суффиксы *-ну-* и *-ану-*, в отличие от ЛЯ, почти во всех случаях обозначают просто совершенный вид: *дунуть* (в ЛЯ «однокр. к *дуть*») ‘выдать соучастника’ ← *дуть* ‘выдавать соучастников’, *качнуть* ‘обсудить осужденного’ ← *качать* ‘обсуждать’, *моргнуть* ‘предупредить’ ← *моргать* ‘предупреждать’, *скакнуть* ‘совершить кражу’ ← *скакать* ‘совершать кражи (из квартир)’, *ширнуть* ‘принять наркотики внутривенно’ ← *ширять* ‘принимать наркотики внутривенно’; *долбануть*⁴ ‘избить; измучить’ ← *долбать* ‘избивать; мучить’, *крутануть* ‘доказать виновность; задержать; обмануть; совершить кражу’ ← *крутить* ‘доказывать виновность; задерживать; обманывать; совершать кражи’, *рубануть*⁵ ‘съесть’ ← *рубить* ‘есть’. Объяснение этому следует искать в собственной семантике корня глагола в арго: если в ЛЯ такие глаголы

¹ Двойственная мотивация.

² То же.

³ То же.

⁴ [ТИХОНОВ 1985] выделяет суффикс *-ну-*, однако в соответствии с [РГ 1980] здесь должен быть суффикс *-ану-* (см. с. 347-350).

⁵ То же.

обозначали в основном физические действия, то в арго значения мотивирующих сместились в сторону действий скорее не физического характера, часто – ментальных, психических, которые в меньшей степени допускают прибавление значения однократности.

12. Суффиксальные отыменные образования в арго, как и их омонимы в ЛЯ, имеют общее значение действия, имеющего отношение к тому, что названо мотивирующим существительным или прилагательным: *партизани́ть* ‘скрываться от органов власти’ ← *партиза́н* ‘человек, скрывающийся от правоохранительных органов’, *рыбачи́ть* ‘совершать кражи у отдыхающих на пляже’ ← *рыба́к* ‘вор, совершающий кражи у отдыхающих на пляже’, *слесари́ть* ‘совершать кражи из квартир (о "слесаре")’ ← *слесарь* ‘вор, совершающий кражи из квартир’; *кашли́ть* ‘жаловаться’ ← *каше́ль* ‘жалоба’; *глохну́ть* ‘молчать’ ← *глухой* ‘молчаливый’. Однако частное словообразовательное значение таких глаголов чаще всего не совпадает с частным словообразовательным значением их омонимов в ЛЯ. Так, в ЛЯ *потроши́ть* означает «удалять, отделять то, лишать того, что названо мотивирующим существительным» (с. 334), а в арго мотивирующее существительное обозначает объект действия: *потроши́ть* ‘бить детей’ ← *потроха́* ‘дети’. Напротив, *утюжи́ть* в ЛЯ – «действовать с помощью того, что названо мотивирующим существительным», а в арго – «совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным»: *утюжи́ть* ‘спекулировать’ ← *утюг* ‘спекулянт’. *Горевати́ть* в ЛЯ – это ‘испытывать горе’, а в арго – ‘потреблять’ (*горевати́ть* ‘пить’ ← *горе* ‘самогон’). В ЛЯ у глагола *обезьяннича́ть* мотивирующее обозначает существо, подобно которому ведет себя человек, т.е. объект сравнения (= быть как обезьяна), а в арго мотивирующее обозначает потребляемое вещество: *обезьяннича́ть* ‘принимать наркотики’ ← *обезья́на* ‘наркотик’. В ЛЯ *клеи́ть* – это скреплять с помощью клея, а в арго – получать, приобретать клей: *клеи́ть* ‘совершать кражи’ ← *клеи́* ‘вещь краденая’.

13. Немногочисленные префиксально-суффиксальные отглагольные мотивированные, префиксально-постфиксальные и суффиксально-постфиксальные образования чаще всего имеют чисто видовые значения: *заце́пить* ‘задержать’ ← *це́плять* ‘задерживать’, *подстре́лить* ‘выпросить’ ← *стре́лять* ‘выпрашивать’, *поку́пать* ‘обманывать; совершать кражи’ ← *ку́пить* ‘обмануть; совершить кражу’, *уце́пить* ‘взять’ ← *це́плять* ‘брать’; *нанюха́ться* ‘выяснить’ ← *нюха́ть* ‘выяснять’, – либо (при отыменном образовании) сохраняют словообразовательное значение омонимов в ЛЯ: *жереби́ться* ‘родить’ ← *жеребе́нок* ‘ребенок’.

14. 43 прилагательных, образованных разными способами, и 2 суффиксальных наречия сохраняют словообразовательные значения своих омонимов в ЛЯ: *безглазы́й* ‘не имеющий паспорта’ ← *глаз*

‘паспорт’, *глаженный* ‘битый’ ← *гладить* ‘избивать’, *деловой* ‘имеющий отношение к преступному миру’ ← *дело* ‘преступление’, *жирный* ‘богатый’ ← *жир* ‘достаток’, *звонковый* ‘прил. к звонок²’ ← *звонок²* ‘конец срока наказания’, *кованый* ‘меченый’ ← *ковать* ‘метить игральные карты’, *парижский* ‘деревенский’ ← *париж* ‘деревня’, *полнокровный* ‘имеющий деньги’ ← *кровь* ‘деньги’, *шерстяной* ‘придерживающийся традиций блатного мира’ ← *шерсть* ‘категория заключенных (придерживающаяся традиций блатного мира)’; *глухо* ‘тихо’ ← *глухой* ‘молчаливый’.

Рассмотрение типов отраженной мотивации в криминальном арго позволяет сделать следующие выводы (учтены лишь наиболее представительные типы).

1. Практически полностью сохраняются словообразовательные значения, отмечаемые в ЛЯ а) у транспозиционных суффиксов существительных: *заправить* ‘пометить игральные карты’ → *заправка* ‘шулерская пометка карт’, *подрывать* ‘убегать’ → *подрыв* ‘побег’; б) у суффиксов женскости, невзрослости, единичности и собирательности: *хан* ‘крупный руководитель-азиат’ → *ханша* ‘азиатка, занимающая руководящую должность’, *зверь* ‘азиат’ → *звереныш* ‘ребенок-азиат’, *жандарм* ‘милиционер’ → *жандармерия* ‘милиция’; в) у суффиксов глаголов со значением несовершенного вида: *закопать* ‘свалить на кого-либо свою вину’ → *закапывать* ‘сваливать на кого-либо свою вину’, *наколоть* ‘обмануть’ → *накалывать* ‘обманывать’; г) у постфикса в большинстве (62%) глаголов: *вырвать* ‘освободить из-под стражи’ → *вырваться* ‘освободиться из-под стражи’.

2. У существительных с мутационными суффиксами (со значением носителя процессуального, непроцессуального, предметного признака) словообразовательное значение в большинстве случаев (85%) совпадает со словообразовательным значением соответствующих слов ЛЯ. Так, существительные со значением лица при отраженной мотивации сохраняют это значение: *гнать* ‘лгать’ → *гонщик* ‘лгун’, *слепой* ‘не имеющий документов’ → *слепыш* ‘человек, не имеющий документов’, *медведь* ‘сейф’ → *медвежатник* ‘взломщик сейфов’. Однако неодушевленные существительные могут изменять значение, в основном от общего значения предмета в сторону значения лица или орудия, инструмента: *капуста* ‘деньги’ → *капустник* ‘бухгалтер’, *свистеть* ‘лгать’ → *свисток* ‘лгун’, *плевать* ‘стрелять’ → *плевательница* ‘пистолет’.

Смещение значения наблюдается и у суффиксальных отыменных глаголов, причем конкретизация общего значения «действие, имеющее отношение к лицу или предмету» происходит чаще всего в сторону действия лица или совершаемого над лицом: *утюг* ‘спекулянт’ → *утюжить* ‘спекулировать’.

3. В префиксальных глаголах при отраженной мотивации приставки чаще всего теряют свое специфическое словообразовательное значение,

превращаясь в чистовидовые, грамматикализуясь: *работать* ‘совершать преступления’ → *выработать* ‘совершить преступление’, *вязать* ‘задерживать’ → *подвязать* ‘задержать’. То же происходит и с суффиксами *-ну-*, *-ану-* отглагольных глаголов: *качать* ‘обсуждать’ → *качнуть* ‘обсудить осужденного’; *крутить* ‘доказывать виновность’ → *крутануть* ‘доказать виновность’. У остальных немногочисленных отглагольных глаголов сохраняется словообразовательное значение ЛЯ: *гаснуть* ‘умирать’ → *гасить* ‘убивать’ (каузация), *гнать* ‘идти’ → *гонять* ‘ходить’ (разнонаправленность действия).

4. Суффиксы оценочные, стилистической модификации почти всегда десемантизируются: *бумага* ‘облигация’ → *бумажка* ‘облигация’, *пчелы* ‘патроны; пули’ → *пчелки* ‘патроны; пули’. То же происходит в 38% случаев и с постфиксом *-ся*: *отвалить* ‘отойти’ → *отвалиться* ‘отойти’.

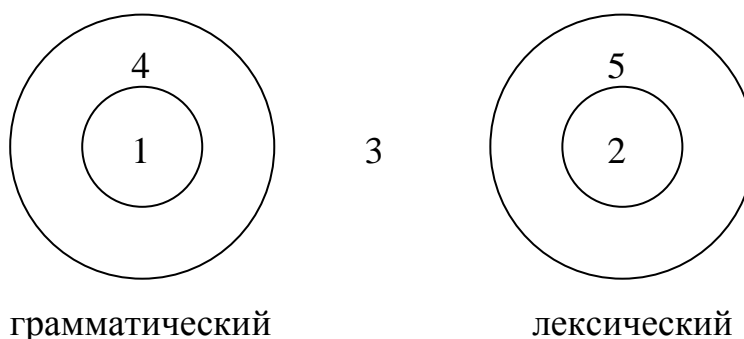
			сохраняют СОЗ	изменяют СОЗ		десемантизируются	
				на другое вещественное	на грамматическое		
Суффиксы существительных	транспозиционные		+	–	–	–	
	мутационные		+	+	–	–	
	женскости и др.		+	–	–	–	
	оценочные и др.		–	–	–	+	
Аффиксы глагола	префиксы		+	–	+	–	
	постфиксы		+	–	–	+	
	суффиксы	при отглагольном образовании	имперф.	+	–	–	–
			перфек.	+	–	+	–
			остальн.	+	–	–	+
при отыменном обр.		+	+	–	–		

В таблице показано распределение среди типов словообразования четырех основных процессов при отраженной мотивации: сохранение словообразовательного значения, характерного для слов этого типа в ЛЯ (СОЗ), смещение СОЗ, грамматикализация СОЗ и десемантизация аффикса.

Это распределение позволяет разделить все аффиксальные существительные и глаголы на 5 групп при отраженной мотивации. 1) существительные с транспозиционными суффиксами, суффиксами женскости, невзрослости, единичности и собирательности и глаголы, образованные имперфективацией – группа с практически полным сохранением словообразовательного значения ЛЯ; эти типы словообразования в русском языке характеризуются высокой степенью регулярности значения; 2) существительные с мутационными значениями и отыменные суффиксальные глаголы – сохранение

словообразовательного значения или смещение его в сторону другого вещественного значения; именно здесь мы встречаем обычно переносные употребления разного рода; 3) все префиксальные глаголы и суффиксальные глаголы, образованные перфективацией, – возможно как сохранение значения, так и грамматикализация аффикса; 4) постфиксальные и отглагольные суффиксальные глаголы с суффиксами, не имеющими видовых значений, – словообразовательное значение либо сохраняется, либо вообще теряется, происходит десемантизация аффикса (по-видимому, первоначальная система залогов и глаголов движения, которая здесь в основном представлена, уже в значительной степени расшаталась, что и ведет к потере аффиксами своего словообразовательного значения); 5) существительные с оценочными суффиксами – группа с наиболее высоким уровнем десемантизации аффиксов.

Наличие этих пяти групп позволяет, исходя из явлений отраженной мотивации, выделить в системе словообразования арго не один, а два центра. Один – назовем его условно грамматическим – характеризуется высокой степенью регулярности, отсутствием переносных значений при образовании слова (см. выше – 1 группа), периферийный случай составляет при этом группа 4 – слова, обнаруживающие тенденцию к десемантизации грамматического по своей сущности аффикса. Второй центр – условно названный лексическим – образуют слова с суффиксами мутационных типов (2 группа), в этих словах часты сдвиги значения, причем велика степень индивидуализации процесса формирования семантики слова при мотивации. Периферию этой группы также составляют слова с тенденцией к десемантизации словообразовательного элемента (группа 5). Между этими центрами расположена группа 3 – группа переходного типа, в которой в определенной степени присутствуют признаки обоих центров.

Литература:

НИКОЛАЕВ 1987: Николаев Н.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. – Казань. – 152 с.

ПАРДАЕВ 1987: Пардаев А.С. Отраженная отглагольная антонимия и ее лексикографическая разработка. – Ташкент. – 118 с.

РГ 1980: Русская грамматика. Т. 1. – Москва. – 783 с.

ТИХОНОВ 1985: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. – Москва.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МАКРОТИПЫ: АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Наряду с разнообразием современных подходов к исследованию словообразования, сохраняет свою актуальность изучение различных микросистем и закономерностей их организации. Эта актуальность поддерживается рядом факторов. Во-первых, необходимо привлекать все новые и новые образования, что оказывает влияние на характеристики словообразовательных типов и других объединений производных. Во-вторых, качественные характеристики важно регулярно совмещать с количественными. В-третьих, различные единицы словообразовательной системы русского и других языков изучены в различной степени. Словообразовательные типы, представляющие основную единицу системы, изучены, как известно, в наибольшей мере. Дальнейшее познание свойств и закономерностей организации данной системы требует углубленного исследования и более крупных объединений производных, создающихся на базе словообразовательных типов. К ним относятся, в частности, словообразовательные категории, гораздо менее изученные, и, с другой стороны, такие микросистемы производных, которые объединяются единым словообразовательным формантом (при частеречном различии производящих баз). Эти объединения еще менее изучены (во всяком случае, в русской дериватологии). Для их обозначения нами предложен термин *макротип* [МАНУЧАРЯН 1981, 170], Предлагались и другие обозначения, на наш взгляд, менее оправданные ("словарная ниша", "надтип", "архитип").

На первый взгляд, словообразовательная категория и словообразовательный макротип организованы по противоположному принципу: категория трактуется (чаще всего) как объединение синонимичных словообразовательных типов и, следовательно, объединяющим является план содержания; макротип же объединяет разные словообразовательные типы на основе общности форманта, плана выражения. Однако в конечном счете единство макротипа основывается на том, что он имеет межтипное значение, вытекающее из семантической инвариантности форманта, выступающего в двух и более словообразовательных типах. На уровне макротипа частеречные различия производящих нейтрализуются и покрываются некоторым общим номинационным результатом – именно межтипным значением всех производных с тождественным формантом (иногда без достаточных оснований усматривают в подобных случаях омонимию аффиксов).

В русском языке макротипы представлены широко и притом разнообразно – на базе как суффиксальных формантов, так и префиксальных. Ср. отадективные, отглагольные, отсубстантивные существительные с каждым из формантов -ник, -щик, -ак, -ач, -ун, -арь (например, ловчак, лихач – ткач, рвач – циркач, усач). Независимо от мотивированности разными частями речи в каждом из этих макротипов выражается понятие носителя признака в самом широком – ономасиологическом – смысле. Ср. также типовые значения "место для такого-то действия" (пильня, печатня), "место для такого-то предмета" (колокольня, сырня) и межтипное значение "место", а точнее – "место, охарактеризованное признаком, мотивом". Подчеркнем, что отвлечение от частеречных различий мотивации не влечет за собой отвлечение от мотивированности как таковой, поскольку мы остаемся в сфере словообразовательных отношений.

Суффиксальные макротипы представлены и в других частях речи – прилагательных, глаголах [подробнее см. МАНУЧАРЯН 1981].

Что касается префиксальных макротипов, то они организованы несколько иначе: в силу известной специфики префиксации в одном макротипе группируются производные разных частей речи (ср. раскрасавец, расподлец — распрекрасный, распоследний, с межтипным значением усилительности; соавтор – совиновный – сопереживать, со значением совместности; заграница – заударный – забросить, со значением запредельности, и мн. др.).

Представляет несомненный интерес сопоставление разных языков (в частности, славянских) по степени представленности суффиксальных и префиксальных макротипов и характеру их организации. При этом следует выделять двухвалентные и трехвалентные аффиксы (в зависимости от количества базовых частей речи). Макротипы того или иного языка нуждаются как в качественной, так и количественной характеристике, причем с учетом новообразований последних десятилетий. Предпринятое по нашей программе исследование ряда суффиксальных словообразовательных макротипов имен существительных русского языка [ХИТИНА 2006] потребовало решить целый ряд задач:

- установить семантическое единство каждого поливалентного суффикса, формирующего макротип;
- установить примерную объемность каждого макротипа, а применительно к суффиксам – установить их суммарную "диахроническую продуктивность" (термин М.В. Панова);
- установить типовую структуру каждого макротипа;
- установить примерное количественное соотношение производных разных словообразовательных типов;
- охарактеризовать основные словообразовательные подтипы, выделяемые внутри каждого типа;

- определить качественное и количественное соотношение подтипов, относящихся к данным словообразовательным типам;
- охарактеризовать типы и подтипы в плане продуктивности/непродуктивности на основе более полного, чем это делалось до сих пор, охвата новой лексики, а также с точки зрения стилистического функционирования;
- выделить – с учетом частотности производных – лексический центр и периферию в пределах каждого словообразовательного типа;
- показать взаимодействие различных единиц словообразовательной системы на данном материале, выражающееся прежде всего в их синонимических отношениях (синонимия на уровне конкретных производных, на уровне словообразовательных подтипов и типов).

Интерпретируя количественные данные, следует, конечно, иметь в виду, что общий список производных продуктивных типов и подтипов не является закрытым, поскольку в языке постоянно происходит образование новых слов. Макротипы как объединения типов с тождественным формантом в принципе представляют собой открытые подсистемы. Суммирование количественных данных по словообразовательным типам дает все же примерное представление об объеме макротипа на данном этапе развития языка.

Оценивая степень достоверности некоторых обобщений, сделанных в других работах на более ограниченном материале новообразований [ср., в частности, ЗЕМСКАЯ 1992], можно сказать, что обширный материал проведенного исследования [ХИТИНА 2006] дает во многом иное, уточненное представление о картине суффиксального словопроизводства на данном участке системы.

Исследование макротипов по предлагаемой программе на материале разных языков, нужное само по себе, может послужить основой эффективного межъязыкового сопоставления.

Литература:

ЗЕМСКАЯ 1992: Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – Москва.

МАНУЧАРЯН 1981: Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. – Ереван.

ХИТИНА 2006: Хитина М.В. Суффиксальные словообразовательные макротипы существительных в современном русском языке. (АКД) – Москва.

**ОБОЗНАЧЕНИЕ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ В СВЕТЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ: СИСТЕМА –
НОРМА – КОДИФИКАЦИЯ – РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ**

Обращение к названной выше проблематике не было для меня случайным. В целом ряде своих исследований я в той или иной мере затрагиваю отдельные аспекты образования и функционирования парных существительных женского рода со значением лица (в дальнейшем сокращенно: парные феминативы)¹.

Детальным анализом именно этой словообразовательной и номинационной категории я занималась в свое время в кандидатской диссертации, в задачи которой входило установление специфики системной организации данной словообразовательной категории в чешском литературном языке путем сопоставления двух его синхронных срезов: современного и эпохи национального возрождения. Впрочем, помимо *внутриязыкового* сопоставления, было проведено также сопоставление *межъязыковое* (русский, чешский, польский литературные языки), позволившее выявить различия в характере фиксации родо-полового признака в упомянутых языках [Ср.: НЕЩИМЕНКО 1960].

О возрастающем интересе исследователей к парным феминативам свидетельствуют и новейшие публикации [ŠMEJRKOVÁ 1997; ŠMEJRKOVÁ 2002; GLADROW 1996; HOFFMANNOVÁ 2004; KNAPPOVÁ 1992; ŁAZIŃSKI 2005; MIECZKOWSKA 2003; OHNHEISER 2006; OPAVSKÁ 2005 и мн. др.]. Опубликован и словарь обозначений женщин в русском языке [КОЛЕСНИКОВ 2002]. Большое количество новых парных феминативов приводится в словарях неологизмов, изданных Институтом чешского языка Чешской АН «Новые слова в чешском языке» [NOVÁ SLOVA V ČEŠTINĚ 1998; 2004] и т.д.

В чем состоит привлекательность категории парных феминативов для исследователей, заставляющая их вновь и вновь обращаться к этому материалу? Ниже я постараюсь по мере возможности ответить на данный вопрос.

Прежде всего следует отметить, что парные феминативы, несомненно, относятся к магистральным номинационным категориям. Это динамичный, востребуемый во все исторические времена лексический пласт. Возрастание социального заказа на данные обозначения, ставшее особенно заметным, начиная с середины XIX в., стимулируется активизацией участия женщин в культурной, политической,

¹ Оговоримся, что переводы всех цитат и конкретных примеров выполнены нами.

экономической и пр. деятельности. В силу сказанного словарный состав этих существительных стремительно пополняется новой лексикой, включениями из различных форм существования данного языка, заимствованиями из других языков.

Не менее существенно и то – подчеркнем это особенно – что данные, получаемые в ходе исследования рассматриваемой нами лексики, важны для понимания ряда теоретико-методологических проблем языкознания и, в частности, для уточнения сути и механизма применения таких важных понятий как *система*, *норма*, *кодификация*, *речевой этикет*. Причем наиболее ценный в этом отношении материал может быть получен в результате сопоставительного изучения *близкородственных* языков, поскольку, во-первых, вопреки предварительным предположениям, наблюдаемые в них процессы далеко не всегда идентичны, а, во-вторых, для выявления причин имеющихся различий необходимо проникновение в глубинные системно-функциональные закономерности языков¹.

При изучении парных феминативов обращает на себя внимание следующая весьма любопытная асимметрия:

– во всех *разговорных* идиомах славянских языков, т. е. в идиомах, обслуживающих ареал непринужденного повседневного общения [подробнее по этому поводу см.: НЕЩИМЕНКО 1999; НЕЩИМЕНКО 2003], родо-половой признак последовательно и регулярно фиксируется с помощью соответствующего суффиксального инвентаря². Различия обычно проявляются в дистрибуции отдельных формантов, степени их продуктивности, а также месте, занимаемом ими в структуре словообразовательной системы данной категории.

– в *литературных* славянских языках, несмотря на общее преобладание родо-половой корреляции при образовании обозначений лиц женского пола (ср. русск. *учитель* → *учительница*; *сварщик* →

¹ В ряде своих работ я специально подчеркивала особую научную значимость сопоставительного изучения именно близкородственных языков [НЕЩИМЕНКО 1983].

² Как известно, славянские языки характеризуются широким использованием средств деривации, причем это касается как самого раннего, так и современного периода их существования. По мнению М. Докулила, суффиксация является важнейшим способом образования слов в чешском языке [DOKULIL 1962, 23]. Как утверждает Ю. Фурдик, в чешском и словацком языках примерно две трети слов имеют словообразовательную мотивацию, причем суффиксальные производные составляют абсолютное большинство [FURDÍK 1993, : 23 и далее]. Не менее красноречивые данные приводил в свое время М.Н. Петерсон [ПЕТЕРСОН 1941]: по его статистике, 4% производных основ имен существительных образованы с помощью префиксов, 82% - суффиксов и 14% представляют собой сложные слова. Как пишет польская исследовательница А. Загородникова [ZAGRODNIKOWA 1982, 243], в числе выявленных ею. 2500 новых слов 72% представляют собой деривационные производные.

сварщица; студент → студентка и пр.)¹, существует определенная часть лексики, где пути анализируемых славянских языков расходятся. Мы имеем в виду обозначения лиц женского пола, занимающих высокие должности, имеющих те или иные престижные титулы. Впрочем, чешский язык и в этих случаях отдает безусловное предпочтение использованию средств суффиксального словообразования (*akademická, bioložka, profesorka, premiérka, prezidentka, lídryně, ministryně* и пр.); для польского, во многом и русского литературного языка характерна тенденция предпочтительного использования существительных мужского рода общего, универсального значения.

Иными словами, имеются два типа решения:

– *конкретизация* пола субъекта с помощью определенного набора суффиксов, что в принципе соответствует норме разговорного узуса, а также исконным традициям литературного языка

– *элиминирование* словообразовательной фиксации родо-полового признака. Для обозначения лиц женского пола в этом случае используются так называемые универсальные существительные м. р. Соответственно заполнение неизбежно возникающих в этом случае информационных лакун осуществляется с помощью компенсаторов (согласование, использование приложения, фамилии, имени и пр.) типа *инженер Иванова; врач пришла; женщина-министр* и пр.; ср. в польском: *pani profesor* и т. п.

В целом в славянских языках родо-половая корреляция существительных со значением лица мужского и женского рода является настолько регулярной, что даже при отсутствии соответствующего мужского обозначения существительное женского рода зачастую включает в свою структуру суффикс м. р., т.е. возникает иллюзия наличия подобного коррелята в реальности [НЕЩИМЕНКО 1966]; ср. русские профессиональные наименования: *пятновыводчица*. ТВС-Новости 2002; *Подрабатывала в школе техничкой*. Новая газета 2001, очерк и пр., где соответствующий мужской коррелят ^х*пятновыводчик* не регистрируется, а существительное *техник*, имеющее иное значение, не находится в деривационной связи с феминативом *техничка*.

Данное явление часто встречается среди чешских профессионализмов: ср. тексты объявлений в газетах: *přijme mechanika, letovačku, navíječku; přijme: došivačku, repasírky, vychystávačku, sukařku; přijmou na koupaliště a plovárny šatnářky, kabinářky* и мн. др., у которых семантически адекватные производящие лексемы м. р. *letovač, navíječ, došivač, repasír, vychystávač, sukař, šatnář, kabinář* не отмечены. Синхронно сосуществующие лексемы *cigaretář* и *cigaretářka* не являются родо-половыми коррелятами, так как первое обозначает ‘курильщика сигарет’,

¹ Это не исключает, впрочем, возможности иной деривационной интерпретации, например, *учить* → [учитель] → *учительница*, т.е. с «перескоком» фазы *учитель*, о чем мы писали в ряде своих работ.

а второе – ‘продавщицу сигарет в ресторане, кафе; работницу соответствующей фабрики’; ср. в контексте: *jsi cigaretář a jdeš si koupit doutník?* 1981. E. Petiška. Průvodce, 124 (‘Ты ведь куришь сигареты, зачем же ты идешь покупать себе сигару’). Соответственно: *Byla zaměstnána v Café Prenzel jako cigaretářka.* 1979. A. Branald. Dva muži, 11 (‘Она работала в Кафе Пренцель продавщицей сигарет’). В обоих случаях контексты взяты из Лексикографического архива Института чешского языка. Примечательно, что относящееся к этой же категории лексики существительное *bufetářka* ‘буфетчица’ может функционировать и в качестве существительного общего значения; ср. контекст: *místo bufetářky v hotelu.* 1979. A. Branald. Dva muži ‘место буфетчицы в отеле’ (пример также заимствован из Лексикографического архива Института чешского языка Чешской АН).

Попытаемся понять причину расхождений в фиксации родо-половой корреляции существительных в анализируемых нами славянских языках (чешский, с одной стороны; польский, русский, с другой). При этом для нас будет важно выяснить, обусловливаются ли эти различия закономерностями соответствующих языковых систем, или же здесь играют роль какие-то другие факторы. Данный вопрос имеет для нас принципиальное значение, поскольку, если в роли ограничительного фактора выступают системные закономерности, это может говорить о типологическом своеобразии языка.

Системные закономерности языка наиболее доступны для наблюдения в узусе непринужденного повседневного общения (ареал нерегулируемого или же слабо регулируемого речевого поведения), поскольку здесь не действуют кодификационные запреты и ограничения. Именно в языковом обеспечении этого ареала общения во всех славянских языках последовательно и регулярно отмечается словообразовательная фиксация родо-половой корреляции существительных (альтернативное номинационное решение попросту отсутствует).

Помимо уже имеющих у нас наблюдений за непринужденной повседневной речью, мы решили провести небольшой эксперимент, а именно: проанализировать речевой узус русских детей. В связи с этим к исследованию были привлечены, помимо собственных эксцерпций, также данные словаря детской речи С. Цейтлин [ЦЕЙТЛИН 2001].

Как известно, маленькие дети, не имеющие ни малейшего представления о литературной кодификации, интуитивно осведомлены о системных закономерностях языка, носителем которого они являются (в данном случае – языка русского¹). В соответствии с этим знанием они

¹ Как известно, известный русский писатель К.И. Чуковский, который изучал и анализировал речь детей, полагал, что дети в возрасте до шести лет являются «гениальными лингвистами», у них чрезвычайно развито языковое чутье, они проявляют

образуют женские обозначения по аналогии, причем в строгом соответствии с существующими деривационными типами (многие из порождаемых ими лексем отсутствуют в литературном узусе); ср.:

– словообразовательный тип с суфф. *-к(а)*: *врач – врачка* (в обычной разговорной речи *врачиха*)¹; *герой – героика*; *джентльмен – джентельменка*; *доктор – докторка*; *инженер – инженерка*; *капитан – капитанка*; *командир – командирка* и т.д.

– словообразовательный тип с суфф. *-ниц(а)*: *дворник – дворница*; *герой – героиница*; *друг – дружица* (в нашем материале имеется *дружица*); *продавец – продавница*; *бандит – бандитница* и пр.

– словообразовательный тип с суфф. *-их(а)*: *продавец – продавчиха*; *Бармалей – Бармалиха*; *господин – госпожиха*;

– словообразовательный тип с флексией *-а*: *биолог – биолога*; *монах – монаха*; *брат – брата* (вместо *сестра*); *друг – друга*; *дурак – дурака*; *сосед – соседа* (этот тип в литературном языке используется крайне ограничено; ср. неологизм *шейх – шейха* (в титрах на ТВ); ср. также чеш. *magistr – magistra* и пр.

Приведенные выше и им подобные лексемы образованы в соответствии с закономерностями словообразовательной системы, однако многие из них на данный момент еще не стали нормой разговорного узуса. Зачастую они отражают лишь потенциальные, резервные возможности языковой системы. Иными словами, не все реализации системы становятся нормой, т. е. принимаются речевым обычаем для *регулярного* использования².

В связи со сказанным сошлемся на определение языковой нормы, данное словацким ученым Ф. Кочишем: «языковая норма представляет собой комплексное языковое явление, присущее языковой системе как таковой и являющееся определенной реализацией языковой системы» [КОЇЇ 1979, 36]. В данной трактовке нормы нам представляется важным уточнение *определенный*, акцентирующее тот факт, что норма не

удивительную склонность к языковой аналогии, регулярному воспроизведению языковых моделей.

¹ Пример взят из коллекции детской речи, составленной по письмам радиослушателей «Эхо Москвы» (2006).

² Ср. по этому поводу мнение чешской исследовательницы И. Небеской: «Регулярность употребления может свидетельствовать об отношении данного языкового сообщества к языковым средствам (к системе языковых средств). Таким образом, норма отражает характер отношения сообщества к набору языковых средств. В этом проявляется функциональный подход к языку: отношение общества к языковым средствам обусловлено функционально, т.е. оно обусловлено коммуникативными потребностями членов данного сообщества. Коммуникативные потребности членов языкового сообщества стимулируют и динамику нормы». [NEBESKÁ 1992, 25].

покрывает все реализации языковой системы, а лишь часть из них, откладывая остальные как бы «про запас».

Уточним, что в своих рассуждениях мы исходим из того, что норма является обязательным свойством любого языкового идиома (т. е. не только литературного языка, но и разговорных идиомов – позиция ПЛК)¹.

Хотелось бы подчеркнуть еще то обстоятельство, что объем нормативных языковых средств не является данным раз навсегда, в зависимости от внешних, а также внутренних факторов их количественный и качественный состав может меняться. Это особенно заметно на материале феминативов в русском языке, поскольку по мере изменения современного речевого стандарта [НЕЩИМЕНКО 2001], в частности, усиления проникновения в узус публичной речи включений из разговорного языка, многие дериваты, воспринимаемые ранее как не вполне нормативные и даже просторечные, постепенно настолько стилистически нейтрализуются, что даже проникают в литературный узус. Несмотря на универсальный характер данной тенденции, в русском языке она выражена наиболее отчетливо. Говоря это, мы имеем в виду прежде всего инвазию в современном литературном русском языке производных с суффиксом *-ш(a)*; ср. новообразования типа *биз бизнесмена, диджейша, снайперша* и мн. др.

Ниже мы еще вернемся к проблеме нормы, однако уже на материале литературного языка, где она имеет свою специфику.

В отличие от узуса непринужденной повседневной речи в узусе литературном ситуация с употреблением парных феминативов является более сложной. Невзирая на принципиальное сходство закономерностей языковых систем, здесь более контрастны межъязыковые отличия. Причина этого во многом коренится в специфике действующих кодификаций, осуществляющих целенаправленное, регулирующее воздействие на узус.

Говоря о кодификации, уместно напомнить следующее высказывание Б. Гавранека: «мы не должны совершать довольно

¹ Ср. у Ф. Кочиша: «Помимо литературного идиома национального языка, существуют также, например, диалектные идиомы, имеющие свою обязательную норму, причем эта норма не является кодифицированной. Обязательность диалектной нормы должна иметь, следовательно, свою мотивацию, в чем-то другом. На этом основании можно заключить, что и обязательность нормы литературного языка не может иметь в качестве первичной мотивации ее кодифицированность. В языковой же практике это выглядит так, как будто бы соблюдать норму литературного языка нас вынуждают кодификационные или же нормативные справочники. В действительности же и воздействие этих пособий, и требование общеобязательности нормы имеют один и тот же первоисточник. Таковым является, по нашему мнению, языковая система... Система языка, будучи абстрактной сущностью, конкретизируется, реализуется через норму, в силу этого и ее общественная общеобязательность проявляется на уровне нормы» [КОЃЃ 1979, 36–37].

распространенную ошибку, полагая, что грамматическую систему (грамматику) литературного языка, равно как и его словарь...можно описать в пособии, даже если это пособие особенно авторитетно. Оно может являться всего лишь более или менее удачной ее кодификацией. Сама же система существует в языке в виде его грамматической нормы, т.е. в виде набора грамматических языковых средств, который будучи реализованным в его коллективном узусе, имеет тенденцию стать стабилизированным и нормативным. Говоря это, я отнюдь не отрицаю значимости влияния кодификации на норму литературного языка. С другой стороны, нельзя не учитывать и индивидуального влияния на нее языка писателей. Рассматривая литературный язык в статическом срезе данной эпохи, важно строго различать: индивидуальные конкретные языковые проявления, норму литературного языка (коллективный узус) и ее кодификацию» (HAVRÁNEK 1963, 119).

На наш взгляд, любая кодификация включает в себя, как *объективный*, так и *субъективный* моменты. Под первым мы имеем в виду то, что кодификация представляет или должна была бы собой представлять научное обобщение и описание системных языковых закономерностей. Что касается субъективного момента, то в этом случае речь идет об отражении в кодификации установок существующей языковой политики, являющейся инструментом целенаправленного изменения речевого стандарта, намеренной корректировки типологических параметров языка. Нельзя, к сожалению, сбрасывать со счетов и проявления неуместной политизации¹.

Следует также учитывать тесную взаимосвязь кодификации и действующих правил *речевого этикета* с соответствующими оценочными квалификациями, *уместностью* или же, напротив, *неуместностью* употребления тех или иных средств выражения в определенной ситуации общения, по отношению к той или иной внеязыковой реалии. Иными словами, как при кодификации, так и в случае речевого этикета речь идет об определенной системе предпочтений и запретов.

Из сказанного следует, что любая кодификация содержит в себе внутреннее противоречие, одновременно сочетая субъективный и объективный факторы. Пропорциональная представленность этих факторов во многом зависит от профессиональности кодификаторов, их внутренней ответственности. Как известно, слишком большой разрыв между нормой кодифицированной речи и узусом непринужденного повседневного общения неизбежно ведет к коммуникативному дискомфорту.

Как уже отмечалось, в чешском языке родо-половая корреляция передается средствами деривации, причем это распространяется как на

¹ Ср., например, установление сомнительной взаимосвязи между использованием женских суффиксов и тоталитаризмом..

повседневную непринужденную речь, так и на литературный узус. Таким образом, в этом сегменте словообразовательной системы расстояние между кодификацией и системными закономерностями по сути минимально. Касается это в полной мере и обозначений женщин, занимающих высокие посты, имеющих различные титулы и звания. Иными словами, родо-половая корреляция проводится последовательно и регулярно. Имеющиеся нарушения, как правило, имеют свою мотивацию.

Сказанное отнюдь не означает, что этому не предшествовали порой весьма бурные дискуссии, проходившие как в межвоенный период, так и позже. За сохранение традиций чешского языка особенно активно выступал журнал «*Naše řeč*»¹.

Для польских, отчасти также русских лингвистов проблема употребления женских обозначений в отношении лиц, наделенных высокими функциями, титулами, званиями и пр. продолжает оставаться открытым.

За неимением места остановимся лишь на польском литературном языке. Особенно острые дискуссии проходили по этому поводу в XX в. в журналах «*Poradnik językowy*» и «*Język polski*», отстаивавшими прямо противоположные точки зрения. Журнал «*Poradnik językowy*» настаивал на необходимости конкретизации пола лица во всех случаях; «*Język polski*» проводил линию целенаправленной маскулинизации (*pani doktor*, *pani profesor* и пр.), не учитывая ни норму разговорного узуса, ни традиционную литературную норму. При этом приводилась аргументация как семантико-функциональная, так и типологическая:

– первая аргументация приводится прежде всего в работах В. Дорошевского, особенно в его труде «*Rozmowy o języku*» [DOROSZEWSKI 1948], где он пишет, что образование названий женщин от названий мужчин опирается лишь на языковую традицию, а не на современную реальность. К своей аргументации он добавляет, что уточнение пола министра столь же иррационально, сколько уточнение цвета его глаз и пр. «Если женщина является министром, магистром и т. д., то ее трудно назвать иначе, чем *minister*, *magister*, *profesor*, *doktor*» [Там же, 69].

– вторая аргументация, обозначаемая нами условно типологической, содержится в работах З. Клеменевича, исходившего из классификации языков на абстрактные и конкретные. К числу первых он относил прежде всего английский, отчасти французский. В этом же, *новаторском*,

¹ «Это нынешнее безумие не различать в словах пол, особенно там, где это принято в чешском и вообще славянских языках, объясняется влиянием некоторых иностранных языков, в которых осознание необходимости различения рода не является столь живым, как у нас. Тот, кто называет женщину *doktor*, *profesor*, *poslanec*, *znatel*, *milovník obrazů* и т. д., убивает образность чешского языка, тем более, что наш язык имеет соответствующие формы наготове» [Naše řeč, 1922, 1: 25].

направлении должен был бы развиваться польский язык (с помощью целенаправленной маскулинизации). Использование деривации, напротив, способствует большей конкретности – данное направление развития расценивалось как *конкретное, традиционное* [KLEMENSIEWICZ 1957].

На основании использования двух оппозиций («языки конкретные – абстрактные»; «тенденции традиционные – новаторские») делался и соответствующий прогноз: после полувекового единоборства должна окончательно победить тенденция новаторская, т. е. женщина «останется *docentem, adiunktem, lekarzem, adwokatem, sekretarzem*» [KLEMENSIEWICZ 1957, 103].

Высказанный прогноз нуждается в комментарии:

– представляется спорной априорная оценка тенденций как новаторской, с одной стороны, и, традиционной, отживающей, с другой.

– вряд ли правомерно делать типологические обобщения, касающиеся языка в целом, на основе лишь литературного идиома

– классификация языков на конкретные и абстрактные также не может основываться лишь на основе литературного идиома.

Поляризация мнений во многом предопределялась господствующей в социолингвистике «литературноцентристской», стратификационной концепцией строения национального (этнического) языка, в соответствии с которой литературный язык признается самой престижной, самой перспективной, универсальной формой существования этнического языка, вершиной языковой иерархии. И, напротив, недооцениваются все остальные идиомы, включая и разговорный язык. В связи со сказанным создается неадекватное, а порой и искаженное представление о системных закономерностях языка в целом.

Не можем не отметить, что польская лингвистическая дискуссия убедительно показала уязвимость доминирующей в лингвистике «литературноцентристской» концепции.

Начиная со второй половины XX в., значительно активизировались новые социолингвистические и коммуникативные факторы, которые в конечном итоге привели к изменению речевого стандарта и речевого этикета в сфере публичной коммуникации в направлении массовизации, усреднению узуса. Снизился и авторитет кодификации. Огромное значение в этом процессе имели новые электронные информационные технологии, способствовавшие укреплению роли устных СМИ. Более подвижной стала и сама кодификация, сменившая нормотворческие ориентиры. Все это привело к значительному усилению влияния различных манифестаций разговорной речи, где суффиксальное словообразование является гораздо более продуктивным. Мало того, сама разговорная речь тяготеет к более компактным обозначениям, т.е. сильнее проявляется языковая экономия. Последнее чрезвычайно важно в условиях использования новых информационных технологий.

В современной публичной русской речи наблюдается активный приток парных суффиксальных феминативов. Идет активный поиск путей образования данной лексики, возрастает вариативность, активизируется конкуренция. Анализ новых лексических пополнений, образованных с помощью средств деривации, подтверждает неправомерность преимущественной ориентации на использование существительных мужского рода со значением лица (универсальные существительные мужского рода) для обозначения лиц женского пола.

Не беря на себя смелость судить о том, как будет решаться вопрос с обозначением лиц женского пола в польской лингвистике, отметим лишь, что в материале, приводимой Т. Смолковой, в числе современных польских неологизмов имеются суффиксальные производные, например, *bisnesmenka*, *menedżerka*, *bioterapeutka* [SMOŁKOWA 2002, 110].

Наблюдения, к которым приходит исследователь при изучении вопроса об образовании и сфере употребления обозначений женщин, имеют не только познавательное значение. Они важны для решения ряда актуальных теоретических проблем. Так, в новом свете предстает вопрос о взаимосвязи между кодификацией и системными закономерностями языка, между кодификацией и нормой. Полученный материал имеет ценность при определении направленности кодификационной политики, выявлении тенденций развития речевого этикета. Кстати говоря, именно проблема речевого этикета принадлежит к наименее изученным аспектам языковой культуры.

Думается, что некоторые ограничения в сфере словопроизводства феминативов могут рассматриваться в контексте проблематики речевого этикета. В большинстве своем они обуславливаются и целенаправленной кодификационной политикой (в числе прочих факторов играет роль и влияние иностранных языков). В меньшей мере сказывается ограничительное действие системных языковых закономерностей.

Литература:

КОЛЕСНИКОВ 2002: Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин. – Москва.

НЕЩИМЕНКО 1960: Нещименко Г.П. Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. 19. – Москва. – С. 159 – 202.

НЕЩИМЕНКО 1966: Нещименко Г.П. Явление асимметрии у существительных со значением лица в чешском языке. // Советское славяноведение, № 2. – Москва. – С. 31 – 40.

НЕЩИМЕНКО 1983: Нещименко Г.П. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования. //

Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. – Москва. – С. 30 – 52.

НЕЩИМЕНКО 1999: Нещименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков // *Specimina Philologiae Slavicae*. Band 121. – München.

НЕЩИМЕНКО 2001: Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // *Вопросы языкознания* 2001, № 1. – Москва. – С. 98 – 132.

НЕЩИМЕНКО 2003: Нещименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. – Москва.

ПЕТЕРСОН 1941: Петерсон, М.Н. Лекции по современному русскому литературному языку. – Москва.

ЦЕЙТЛИН 2001: Цейтлин С.Н. Словарь детских словообразовательных инноваций // *Speciminae Philologiae Slavicae*. Band 132. München.

ЇМЕЈРКОВА 1997: Їмејркова S. „Jazyk pro druhé pohlaví“ // *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. – Praha. – С. 146 – 158.

ЇМЕЈРКОВА 2002: Їмејркова S. Rod v jazyce a komunikaci: specifika češtiny // *Slovo a slovesnost*, 63. – Praha. – С. 263–286.

ДОКУЛИЛ 1962: Dokulil M. Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov. – Praha.

ДОРОСЗЕВСКИ 1948: Doroszewski W. Rozmowy o języku. – Warszawa.

ФУРДИК 1993: Furdík, J. Slovo tvorná motivácia a jej jazykové funkcie. – Levoča.

ГЛАДРОВ 1996: Gladrow W. Belebtheit, Personalität und Sexus im Tschechischen und Slowakischen im Vergleich mit dem Deutschen. // *Slawische und deutsche Sprachwelt. Typologische Spezifika der slawischen Sprachen im Vergleich mit dem Deutschen*. – Frankfurt/M. – С. 196 – 202.

ХАВРАНЕК 1963: Havránek B. Mluvnická kodifikace spisovné češtiny, 1935 // *Studie o spisovném jazyce*. – Praha. – С. 119 – 124.

ХОФФМАННОВА 2004: Hoffmannová J. Ženy a muži v časopisech pro ženy: role, perspektivy, výrazové stereotypy // *Stylistika*, XIII. – Opole. С. 27 – 34.

КЛЕМЕНСЬВИЧ 1957: Klemensiewicz Z. Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki / *Język polski*, XXXVII, z. 2. – Warszawa. – С. 101 – 119.

КНАПОВА 1992: Knappová M. Přechylování příjmení jako problém kodifikační a legislativní (návrh doplňkové kodifikační úpravy) // *Naše řeč*, LXXV, seš. 1. – Praha. – С. 12 – 21.

KOČÍŠ 1979: Kočíš F. Pojem jazykové normy a normovanosti // Z teórie spisovného jazyka. Zborník referátov a diskusných príspevkov. – Bratislava. – C. 32 – 42.

ŁAZIŃSKI 2005: Łaziński M. Czy gramatyka może przeszkadzać w rozmowie kobiety i mężczyzny? // Bariery i pomosty w komunikacji językowej Polaków. – Lublin. – C. 119 – 146.

MIECZKOWSKA 2003: Mieczkowska H. Dynamika rozwoju fleksji nominalnej w ujęciu typologicznym slowacko-polskim. – Warszawa.

NEBESKÁ 1992: Nebeská I. Dvojí poloha pojmu jazyková norma // Naše řeč, , LXXV, seš. 1.. – Praha. – C. 22 – 27.

NOVÁ SLOVA V ČEŠTINĚ 1998; 2004: Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. 1. 2. – Praha.

OHNEHEISER 2006: Ohnheiser I. Zwischen Möglichkeit, Notwendigkeit und Usus: Neue Bezeichnungen weiblicher Personen im Tschechischen mit einem Blick auf das Russische // Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 65. – C. 231 – 244.

OPAVSKÁ 2005: Opavská, Z. Nová pojmenování ženských osob // Neologismy v dnešní češtině. – Praha. – C. 40 – 53.

SMOŁKOWA 2002: Smółkowa T. Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej. – Kraków.

ZAGRODNIKOWA 1982: Zagrodnikowa A. Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie. – Kraków.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ДЕРИВАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ И ТЕКСТ

Деривация как процесс порождения родственных единиц зависит и от существующего в системе языка межуровневого взаимодействия. В этом, в частности, нас убеждают следующие факты: из 5115 глаголов, представляющих различные словообразовательные значения, 3623 в той или иной мере коррелируют со словосочетаниями, включающими в свой состав родственное слово. Взаимодействие словообразовательной и синтаксической подсистем языка обнаруживает себя в том, что некоторые словообразовательные значения могут быть представлены дискретно, различными словосочетаниями, которые способны выступить в деривационной функции и заменить при необходимости соответствующие производные глаголы. Например: *сглупить* – сказать глупость, *переписать* – написать еще раз.

Обращая внимание на реализованность тех или иных значений средствами словообразования, на типы деривационных словосочетаний, способных выразить данные значения, можно установить функциональные соответствия, предварительно оценить «потенциал» аффиксации и деривационного аналитизма, сопоставить их возможности по представлению определенных групп значений, увидеть зоны «пересечения» и «непересечения». Однако полную картину можно получить, лишь выявив закономерности взаимодействия аналитизма и синтетизма в коммуникативной системе языка, в частности, в тексте. В этом случае полная модель интегративного описания некоторой совокупности деривационных фактов может быть представлена в следующей последовательности (на примере деривационно-семантического пространства русских префиксальных глаголов): 1) совокупность префиксальных глаголов, представляющих собственно словообразовательное пространство; 2) совокупность деривационно-родственных словосочетаний, покрывающих соответствующее деривационное пространство (см., например, [НИКИТЕВИЧ 2003]); 3) Текст. Иллюстративный (а в чем-то диагностический) материал из текстов с описанием коммуникативно значимых отношений между префиксальными глаголами и их дискретными соответствиями.

Причем проверка текстом покажет, где мы имеем дело с метаязыком описания значений, а где – с реалиями самого языка, просто «перекочевавшими» в словарь. Прежде всего мы имеем в виду случай, при котором словарь метаязыка *совпадает со словарем языка-объекта*, а именно: *метаязык толкований (дефиниций)* в традиционных толковых словарях, формулируемых на том же языке, значения слов которого описываются, без наложения каких-либо ограничений на словарный состав

толкований. По нашему мнению, и в традиционных толковых словарях в составе дефиниций к производным глаголам содержится немало точных в функциональном плане соответствий (словосочетаний), которые не могут не обратить на себя внимания. Следует также сказать, что и в Русской грамматике производным глаголам при интерпретации их словообразовательных значений во многих случаях приводятся именно функционально значимые соответствия.

На значительных по объему текстах можно выявить и систематизировать все случаи употребления словосочетаний глагольного типа как средств заполнения различного рода «лакун» в словообразовательной системе. К последним можно также относить все случаи грамматических, лексических и стилистических несоответствий между, например, префиксальными глаголами и соответствующими им словосочетаниями. К примеру, одновидовому глаголу *бунтовать* соответствуют словосочетания *производить бунт* и *участвовать в бунте* в 1-м значении, и *подстрекать к бунту* – во 2-м. Лишь первое словосочетание (*производить бунт*) способно восполнить «морфологическую недостаточность» одновидового глагола (ср.: *произвести бунт*), что, безусловно, подтверждается фактами из текста. Например: Крестьяне *n-ской* губернии хотели *бунт произвести*.

Многозначность глагола может определять границы возможной корреляции со словосочетанием в деривационной функции. Рассмотрим глагол *приветствовать* (несов. и сов.): 1. ‘Обращаться с приветствием к кому-нибудь’; 2. ‘Выражать одобрение чему-нибудь, полное согласие осуществить что-нибудь’; 3. У военных: ‘Прикладывать (приложить) руку к головному убору в знак приветствия’. Ср. также ◊ Разг. Слова приветствия при встрече [ССРЛЯ 1950 – 1965, т.11, 370]. Например: В середине ужина бывало слышно, как в прихожей с грохотом снимали кожаные калоши и бархатный голос произносил: «Приветствую тебя, великий Могол!» (А.Н.Толстой. Сестры.). Очевидно, что лишь в 1-м значении словосочетание в деривационной функции способно коррелировать с глаголом (при необходимых трансформациях). Например: «Здравствуйте, здравствуйте! – воркующее *приветствовал* их Лопарев (ср.: *обратился с приветствием* к ним)». Тендряков. Падение Ивана Чупрова. Во 2-м значении (‘выражать одобрение’) и, тем более, в 3-м это невозможно. Ср.: Кто любит свой народ, тот поймет радость, с какою *приветствуем* мы в литературе всякое порядочное явление, имеющее прямое отношение к народной жизни. Добролюбов.

Безусловно, ведущим лейтмотивом подобной работы может явиться описание типов словосочетаний с учетом изначально заданной системы значений. См. изложение И.Г.Милославским «общей программы создания исчерпывающего описания словообразовательных возможностей русского языка с учетом синонимических и квазисинонимических возможностей

средств других уровней» [МИЛОСЛАВСКИЙ 2002, 382] и его идею создания словообразовательного словаря для активных речевых действий. По нашему мнению, одной из «составляющих» подобной работы могло бы стать создание базы данных, представляющей собой примеры реального функционирования деривационных сочетаний, представляющих те или иные значения в тексте.

Учитывая то обстоятельство, что некоторые факты из текста могут стать очевидными лишь при сопоставлении с корпусом уже отмеченных словосочетаний – деривационных соответствий производным глаголам (причем словосочетаний, различных по степени регулярности), общая направленность исследования в этом случае может выглядеть следующим образом. Все типовые и просто встретившиеся словосочетания по ядерным компонентам «закладываются» в базу поиска в значительных по массиву текстах. Даже если принимать во внимание некоторую случайность каких-то изначально полученных словосочетаний, то основная масса более менее регулярных конструкций уже с иными (да и с теми же!) именными компонентами может явиться *богатым материалом для фиксации смыслов, представленных лишь в развернутом виде* и отсутствующих на словообразовательном уровне. Не говоря уже о том, что работа на тексте может подтвердить деривационный статус тех или иных конструкций, уже выделенных ранее.

Рассмотрим данное положение на примере глаголов, представляющих словообразовательное значение ‘вторичное, повторное действие’. К ним в основном относятся номинации с префиксом *пере-*: *переделать, переаттестовать, перепланировать, пересеять, переучить*. Безусловно, в данном случае возможна дифференциация двух значений. Ср.: « 32) еще раз (*переписать* ‘написать еще раз’; 33) еще раз с целью изменения первичного результата (*переписать* ‘написать еще раз в ином виде’) » [РУССКАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ 1997, 176].

Судя по данным толковых словарей, семантика ‘вторичного, повторного действия’, свойственная префиксу *пере-* в составе рассматриваемых глаголов, легко эксплицируется ограниченным числом *наречных компонентов* в составе словосочетаний в деривационной функции. Ср.: *переоборудовать* – *оборудовать заново, переконструировать* – *сконструировать заново; переделать* – *сделать снова*. Причем семантическое приращение может быть более сложным и по структуре, и по комбинации передаваемых значений. Ср.: *переаттестовать* – *аттестовать снова и иначе, переналадить* – *наладить заново и иначе, переориентировать* – *ориентировать заново и иначе*. Комплексный деривационный компонент *заново и иначе* с удивительной последовательностью находит отражение в словарных дефинициях глаголов указанной семантики с префиксом *пере-*. Безусловно, следует исключить из рассмотрения возможность использования

словосочетания с данным, сложным деривационным компонентом (в тексте подобное маловероятно), однако вполне возможно избирательное (в зависимости от контекста и необходимого значения) соответствие производного глагола одному из двух возможных дискретных соответствий. Например: *переналадить* – *наладить заново* (а), *наладить иначе* (б), *переучить* – *научить заново* (а), *переучить* – *научить по-иному* (б).

Целому ряду глаголов можно привести в соответствие синонимичные словосочетания с различными деривационными компонентами. Ср.: *пересеять* ‘посеять заново, еще раз’, *перевозвооружить* ‘вооружить заново, по-иному’, *переквалифицировать* ‘квалифицировать иначе, по-другому’. Очевидна, к примеру, взаимозаменяемость компонентов *заново* и *еще раз* в словосочетаниях *посеять заново* и *посеять еще раз* (*пересеять*). Для нас очевиден и их «общий статус» – *деривационных показателей* тех семантических приращений, которые и появляются благодаря взаимодействию семантики присоединяемых морфем и лексических значений мотивирующих основ. Теперь перейдем к тексту.

В предложении: В саду становилось пустынно и скучно, и *снова* начинал сеять дождь (*И.А.Бунин* Антоновские яблоки) обратим внимание уже на аналитическое представление данного словообразовательного значения в условиях реальной речевой коммуникации (ср.: *пересеять*). Особенности процесса словообразования сказываются в том, что нередко производный префиксальный глагол не способен реализовать все значения производящего. Например, в словарной статье для глагола *сеять* приводится 6 значений: 1. ‘Разбрасывать семена на приготовленную для посева землю’; 2. ‘Засевать (землю)’; 3. ‘*Перен.* Распространять среди людей (просвещение, идеи)’; 4. ‘Разбрасывать, распылять (мелкий снег, дождь)’; 5. ‘*Разг.* Просеивать’; 6. ‘*Перен. Простореч.* Вести сильный, непрерывный обстрел из пулеметов, автоматов’ [ССРЛЯ 1950 – 1965, т 13, 740 - 741]. Однако в производном от него глаголе *пересеять* реализуются далеко не все. Так, «за бортом» оказались переносные значения и 4-ое значение ‘Разбрасывать, распылять (мелкий снег, дождь)’. Именно данным «семантическим ограничением» возможностей приставки *пере-* объясняется исключительно аналитическое выражение словообразовательного значения ‘вторичное, повторное действие’ в контексте «и снова начинал сеять дождь». К слову, аналитически здесь представлено и значение ‘начала действия’, не говоря уже о том, что все предложение состоит из аналитических составляющих (В саду становилось пустынно и скучно).

В тексте префиксальные производные и их аналитические корреляты могут быть представлены в различных формах, что, в конечном счете, сказывается на общем количестве несоответствий в грамматическом,

стилистическом плане составляющих тот или иной номинативный ряд единиц. Ср.: Он *позвонил еще раз* и еще раз и начал ворчать и тихонько ругаться. Известен глагол *перезвонить* в значении ‘Звонить заново, еще раз’ [ССРЛЯ 1950 – 1965, т. 9, 615]. Например: - Не ленись, скажи «слушаю», а сам *перезвони* (Первенц. Честь смолоду). И далеко не всегда возможна коммуникативно релевантная замена. Ср.: Он *перезвонил /и еще раз/* и начал ворчать и тихонько ругаться.

Любопытно, но внешне коррелятивные известным префиксальным глаголам словосочетания встречаются достаточно редко. Ср.: Его занимала другая интересная и соблазнительная мысль – *проверить* на этом человечке *еще раз* проклятую квартиру. Причем и здесь далеко не всегда можно говорить о возможности коммуникативной взаимозамены. Сравните глагол *перепроверить*.

В подавляющем числе случаев значение ‘действие, совершенное повторно’ получает аналитическое выражение от основ, либо 1) осложненных иными префиксами (и поэтому не могущих присоединить префикс *пере-*), либо 2) входящих в единую словообразовательную парадигму с глаголом, включающим в свой состав данный префикс, но в иных значениях. Например: 1) Разрыть могилу, чтобы *еще раз увидеть* ее лицо и поцеловать глаза? Но на 16-й станции мне пришлось *еще раз своровать*, на этот раз не дрова, а самые обыкновенные помидоры. Слабую надежду на то, что Кларисса *еще раз сжалится* над девочкой и даст немного овощей, пришлось отбросить. 2) Но до этого я успел *еще раз побывать* в яру. Он тщательно вытирал их рукавом рясы и говорил: - Сподобил господь *еще раз* перед кончиной *попить* чайку с сахарком. Он *снова зашагал* по комнате. Дыры в бортах заливали цементом, но вода тотчас же *проедала их снова*.

Среди деривационных компонентов, способных маркировать данное значение (или значения), помимо *еще раз* и *снова*, возможны слова *иначе, заново, вновь, по-другому, по-иному*. Безусловно, если брать все производящие основы, то возможная их проекция на данное значение может иметь какие-то ограничения. Это можно установить, рассуждая на предмет того, **что невозможно сделать вновь, еще раз, иначе**. Однако, рассматривая реальные случаи словоупотребления глаголов с различными деривационными маркерами ‘действия, совершенного повторно’, невольно вспоминаешь А.М.Пешковского, который говорил о предлогах, как об «оторвавшихся от слов и распространившихся по поверхности языка аффиксах» [ПЕШКОВСКИЙ 1956].

Всегда актуальными представляются вопросы, связанные с разграничением слов и неслов. Слов как полнозначных единиц, облеченных смыслом, и «кусочков материи», тяготеющих к функциональной роли простого «строевого» компонента, своеобразной «переменной» при другом, самостоятельном слове. В этом отношении

заслуживает внимания лексема *иначе*. Хотя в словаре указывается, что перед нами может быть либо наречие, либо союз [ССРЛЯ 1950 – 1965, т. 5, 324 – 325], анализ контекстов употребления показал, что в подавляющем числе случаев мы имеем дело со служебной частью речи – союзом. Например: Надо хорошо изучить местность, *иначе* заблудишься (Пришвин На охоте). И лишь в редких случаях слово *иначе* функционирует как наречие при глаголах с указанием на ‘действие, которое может происходить иначе, по-другому’. Ср.: Теперь я *думаю иначе*. Вы не могли *решить иначе*. (Паустовский Колхида). Контрамарочники, например, его *иначе не называли*, как отец-благодетель. (М.Булгаков Мастер и Маргарита). Но особенности подобного употребления данного слова заключаются в его фактической эквивалентности префиксу *пере-*. Другими словами, следует сказать, что степень лексичности данного компонента мало чем отличается от степени лексичности аффикса!

В свое время Ю.Д.Апресян, говоря о лексических параметрах, рассматривал наиболее яркие, очевидные (например, параметры с фазисным значением, параметр “очень, высокая степень”) [АПРЕСЯН 1995,43]. Нам представляется, что в коммуникативной системе языка: 1) значительна роль более дробных в лексико-деривационном плане компонентов, способных выступить в роли организаторов нового значения, аналогичного словообразовательному, от самых различных по степени префиксальной осложненности основ. Например: *еще раз увидеть – Ø, еще раз побывать – Ø, еще раз крикнул – Ø, простите мне еще раз – Ø, прочтите еще раз – Ø, снова зашагал – Ø, снова надвинула – Ø, снова выстрелил в воздух – Ø, снова помчался – Ø.*

2) именно в тексте обнаруживаются интересные случаи взаимодействия синтетического и аналитического способов представления не только какого-то определенного или изначально заданного целью исследования значения, но **целого ряда различных значений**. Ср.: Я *несколько иначе* стал *смотреть* на этот заколоченный дом. Нужно было *перевязать всех заново*. Получив от этого некоторое облегчение, он отходил и *вновь начинал мерить* взад и вперед пыльную дорогу, ведущую на вершину.

В традиции словообразовательных описаний рассмотрение единиц, **уже образованных**. Например, согласно АГ-70, префикс *пере-*, присоединяясь к глагольным основам (естественно, различным), дает 10 словообразовательных значений [ГСРЛЯ 1970, 265 – 267]). И значение ‘действие, совершенное повторно’ прежде всего ассоциируется с приставкой *пере-*. Совершенно очевидно, что многозначная приставка *пере-* «не справляется» с последовательной дифференциацией значений, **определенных для нее системой словообразования**. Даже с учетом всех возможных в подобных случаях семантических ограничений. Мы можем объяснить, почему семантика определенной основы, взаимодействуя с

семантикой префикса *пере-*, дает то или иное значение и, вероятно, не может дать какие-то другие из «семантического арсенала» префикса *пере-* в принципе. Но если семантика какой-то части основ никак не препятствует (!) выражению словообразовательного значения ‘действие, совершенное повторно’ и, более того, мы имеем совершенно очевидные примеры дискретного выражения данного значения от этих же основ в тексте, то этот факт, по нашему мнению, заслуживает внимания именно в функциональном плане. Тем более это существенно, если принять во внимание то обстоятельство, что в тексте далеко не всегда есть примеры аналитического выражения данного значения, если уже существует глагол с префиксом *пере-*. И, с другой стороны, в подавляющем числе случаев дискретное выражение словообразовательной семантики касается тех основ, которые не в состоянии посредством имеющейся модели (с префиксом *пере-*) представить указанное значение. Любопытно также, что из более чем 2000 контекстов с префиксом *пере-*, встретившихся в нашем материале, примеры с глаголами **в данном значении** оказались единичными.

Лексичность словообразовательного значения ‘действие, совершенное повторно’ естественным образом эксплицируется с помощью деривационных компонентов *снова, вновь, заново, еще раз*, которые, как уже было отмечено, «не зависят» от степени морфемной сложности сочетающихся с ними глаголов. Известно, что в большинстве случаев дискретным соответствием префиксального глагола является словосочетание, в состав которого входит родственная данному глаголу единица с другим префиксом. Поэтому актуальным представляется рассмотрение глаголов со значением ‘действие, совершенное повторно’ с учетом тех префиксальных словообразовательных парадигм, членами которых они являются. Совершенно, например, очевидно, что есть глаголы с «нулевой» префиксальной парадигмой. Они не присоединяют к себе какие-либо префиксы, и, следовательно, только аналитически способны выразить соответствующие «префиксальные» значения. Рассмотрим следующий пример: Сейчас шли к нему просто так, - поболтать, выпить вина и *еще раз ощутить* ночное своеобразие этих мест (Паустовский. Колхида). По данным Словаря А.Н.Тихонова [ТИХОНОВ 1985, 714], есть только один префиксальный производный глагол – устар. *Предощутить (предощущать)* ‘Заранее, наперед ощущать что-либо’, соответствующее словообразовательному значению ‘действие, совершенное заранее, предварительно’.

Отдельную группу составляют глаголы с достаточно разветвленной префиксальной парадигмой, в составе которой есть производные с префиксом *пере-*, но в ином (иных) значении. Например, глаголы *перевидать, перевидеть* известны в значении ‘Разг. Увидеть, воспринять зрением все или многое, всех или многих’ и относятся к дистрибутивному

способу глагольного действия. Являются членами префиксальной парадигмы, включающей в свой состав другие родственные данным глаголы с префиксами *за-*, *на-..ся*, *невз-*, *недо-*, *по-*, *пред-*, *про-* и *у-*. Однако, как несложно увидеть, данные глаголы не в состоянии выразить значение 'действие, совершенное повторно'.

Подводя итоги, следует сказать о том, что подобное интегративное описание ряда словообразовательных значений (возможно и в сопоставительном плане), на наш взгляд, расширит представление о роли и взаимодействии различных по степени сложности деривационных средств системы языка.

Литература:

НИКИТЕВИЧ 2003: Никитевич А.В. Деривационные поля вербальных номинаций. Фрагменты описания // Веснік Мазыр. дзярж. пед. ун-та. – № 2 . – С. 77 – 82.

ССРЛЯ 1950 – 1965: Словарь современного русского литературного языка. – Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – Москва. – Изд-во Академии наук СССР. – Т.1 – 17.

МИЛОСЛАВСКИЙ 2002: Милославский И.Г. О проекте словообразовательного словаря русского языка для активных речевых действий // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: 5 Internationale Konferenz der Kommission für Slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee/ Swetlana Mengel (Hrsg.). – Munster; London; Hamburg. – Lit. – S.379 – 388.

РУССКАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ 1997. Русская глагольная лексики: пересекаемость парадигм. / Под общ. ред. Л.Г.Бабенко. – Екатеринбург. – Изд-во Урал. ун-та. – 518 с.

ПЕШКОВСКИЙ 1956: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении: Учеб. пособие. – 7-е изд. – Москва. – Госучпедгиз. – 512 с.

АПРЕСЯН 1995: Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. – М.: Школа «Языки русской культуры». – Т.1: Лексическая семантика. – 472 с.

ГСРЛЯ 1970: Грамматика современного русского литературного языка. / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – Москва. – Наука. – 767 с.

ТИХОНОВ 1985: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь: В 2 т. – Москва. – Русский язык. – Т.1.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛНОГЛАСНОКОРНЕВЫХ И НЕПОЛНОГЛАСНОКОРНЕВЫХ ЛЕКСЕМ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Полногласную и неполногласную перегласовку слова получили еще в общеславянский период, они относятся к очень устойчивым лексическим элементам. Поэтому сравнение их особенностей в нескольких языковых системах, причем взятых в разные исторические периоды, чрезвычайно интересно [ПОРОХОВА 1988, 18]. В докладе рассматривается полногласнокорневая и неполногласнокорневая лексика близкородственных современных русского и белорусского литературных языков с деривационной точки зрения.

По известному фонетическому закону открытого слога праславянские сочетания *or, *ol, *er, *el, находившиеся в интерконсонантной позиции, во всех южнославянских и некоторых западнославянских языках изменились в неполногласные сочетания, а в языках восточных славян – в полногласные. В современных восточнославянских языках насчитывается примерно 60 корневых морфем с такими сочетаниями, от которых образовано большое количество именных и неименных лексем.

Исконная полногласная лексика на протяжении столетий служила базой для построения новых единиц по основным законам словообразования восточнославянских языков. Эти слова – живая часть общепринятого и нормативно закрепленного лексического запаса, развившегося путем образования дериватов. Однако уже в древнерусском книжно-письменном и, возможно, разговорном, языке древнейшей эпохи (эту мысль отстаивали А.А. Шахматов и В.В. Виноградов) одновременно с многочисленными полногласнокорневыми образованиями использовались и формы с неполногласием, что, как известно, было обусловлено лексическими заимствованиями (начиная с времени появления письменных памятников) из старославянского и, позднее, из церковнославянского языка. Необходимо заметить, что вопрос, все ли базовые неполногласные формы являются старославянским наследием, неоднозначен. На это обращала внимание М.А. Соколова, ссылаясь на высказывание А.А. Шахматова из его рукописи о ведущей роли ударения в выяснении происхождения неполногласных форм; в этой же работе (магистерская диссертация «О долготе и ударении в общеславянском языке») имеется упоминание о том, что акад. Ф.Е. Корш давно высказывал мысль, что неполногласные формы в русском языке не заимствованы [СОКОЛОВА 1966, 5-6]. Исключительная роль старославянского письменного языка в формировании восточнославянских языков состоит

не только в создании предпосылок для богатства вариантов словообразовательных морфем, но и в наличии вариантов основ.

Судьба заимствованных старославянских слов с неполногласными корневыми сочетаниями в близкородственных языках сложилась неоднозначно, что, безусловно, не могло не отразиться на их лексических составах. Взаимоотношения между полногласными и неполногласными формами в современных восточнославянских языках свидетельствуют, разумеется, о сложных исторических процессах в области лексики и тесно связанного с ней словообразования, определивших семантические и стилистические характеристики слов обоих типов, а в дальнейшем – степень их деривационной продуктивности и количественный состав словообразовательных гнезд или цепочек с исходными полногласнокорневыми и неполногласнокорневыми лексемами. С самого начала отдельного существования каждого их близкородственных языков им были свойственны полученные в наследие от праславянской и древнерусской эпох общие словообразовательные модели, но в их рамках «благодаря внутренним закономерностям языкового развития происходило или быстрое накопление однотипных образований, или наполняемость их оставалась прежней (при возможной утрате ряда архаических слов)» [БУЛАХОВ 1981, 3]. В процессе формирования словарный состав каждого из национальных языков существенно менялся; малопродуктивные основы утрачивались, другие приобретали новые значения или вообще переосмысливались. С течением времени как полногласные формы, так и неполногласные заимствования обрастали новыми дериватами, происходило совмещение старославянских и восточнославянских языковых черт. В результате появлялись многочисленные производные, которые имели в своем составе разномаркированные морфемы; связь же со старославянским языком была у них опосредованная – через корневой неполногласный морф или через аффикс. Благодаря такому совмещению, деривационные возможности *trat*-основ оказывались большими в восточнославянских языках в сравнении со старославянским; таким же образом расширялись и словообразовательные возможности *torot*-основ.

Несмотря на разный количественный и далеко не однородный набор исходных лексем, оба типа образований занимают определенное и весьма заметное место в словообразовательной системе современных близкородственных восточнославянских языков. Между такими единицами существуют самые разнообразные словообразовательные отношения. Оба типа слов могут возглавлять словообразовательное гнездо или словообразовательную цепочку, а в некоторых случаях однокорневые лексемы являются вершинами сразу нескольких самостоятельных гнезд, что связано с распадом первоначального формально-семантического единства, с ослаблением или нарушением связей между однокорневыми словами. Тем не менее такие гнезда связаны единством происхождения

корневого полногласного / неполногласного морфа в мотивирующих лексемах. Кроме того, формы с неполногласием могут занимать определенные словообразовательные ступени в гнезде с вершинным полногласнокорневым словом и наоборот.

Собственно, вопрос сводится к тому, как изменился состав этого пласта лексики в процессе функционирования русского и белорусского языков, насколько и в каком плане такие корневые морфы, существовавшие в лексемах языков более ранних эпох, оказались использованными словообразовательной и в связи с этим лексической системами. Наличие в современных близкородственных восточнославянских языках многочисленных полногласнокорневых и неполногласнокорневых образований, находящихся в сложных семантических и стилистических отношениях, позволяет наметить аспекты изучения их словообразовательной активности и семантического освоения. Представляется важным выяснение вопроса, происходило ли в дальнейшем цепочечное образование новых дериватов и с помощью каких словообразовательных средств (при этом, понятно, необходимо учитывать и семантико-стилистический аспект: произошло сужение / расширение объема значений или их дифференциация), какие типы производных появились в языках, изменилось ли количество словообразовательных звеньев и сами словообразовательные гнезда (разумеется, при условии их наличия), иными словами, сохранились ли образованные в древнерусский период определенные словообразовательные связи, т.е. появились новые отношения или же произошел распад каких-либо гнезд на отдельные цепочки и даже звенья, в конечном итоге – какие производящие основы (полногласнокорневые и неполногласнокорневые) оказались наиболее продуктивными, а какие – менее в плане деривации и пополнения лексической системы.

Вопросов множество, и исследовать их можно как во внутриязыковом плане (на примере одного языка), так и в межъязыковом. Более результативным представляется исследование этой проблемы именно в сравнительном аспекте на материале близкородственных языков. Важными для анализа окажутся сопоставления с языками предыдущих периодов и, возможно, с данными народных говоров, поскольку в диалектах происходило самостоятельное развитие семантики таких форм и образование собственных дериватов. Слова с неполногласием могли проникать в диалекты уже в древнейшую пору, причем разными путями: через чтение церковных книг, церковное богослужение и религиозные праздники, через устную речь горожан, через высокие жанры фольклора, в связи с широким распространением письменности.

Надо сказать, что отдельные вопросы словообразования неполногласнокорневых и полногласнокорневых слов уже привлекали внимание исследователей-русистов, но в основном проводился морфемный

анализ с выделением наиболее характерных для обоих типов лексем аффиксов (работы Н.И. Поройковой, В.В. Лопатина). Особенности морфемного строения лексем с неполногласием и полногласием посвящена отдельная глава монографии О.Г. Пороховой, где она подробно анализирует разнообразные отношения корневых морфем и аффиксов в составе русских диалектных слов [ПОРОХОВА 1988].

В 1988 г. на X Международном съезде славистов известный лингвист А.Н. Тихонов предложил новый подход к изучению полногласных и неполногласных форм в словообразовательном аспекте – гнездовой, с выяснением участия старославянизмов и исконных слов в словообразовательных процессах на разных исторических этапах развития русского языка, с установлением типов производных слов от базовых старославянизмов и степени их участия в лексико-грамматических разрядах современного языка [ТИХОНОВ 1988]. Представленный в докладе языковой материал убедительно свидетельствует о перспективности такого подхода к изучению полногласных и неполногласных параллелей и их дериватов как в диахроническом, так и в синхроническом планах.

Необходимо заметить, что вопросы, связанные с деривационным аспектом изучения обоих типов лексем в современном белорусском литературном языке, совсем не разработаны отечественными исследователями. В определенном смысле это понятно: количество закрепленных в системе современного языка неполногласных форм сравнительно невелико, однако они являются исходными для других производных слов; кроме того, сохранилось большое количество исконных полногласных слов и их дериватов, что дает основания определить словообразовательную структуру гнезд и словообразовательные отношения лексем обоих типов, провести сравнительный анализ гнезд и цепочек в русском и белорусском языках и установить наиболее важные особенности процесса деривации полногласнокорневых и неполногласнокорневых форм.

Безусловно, для исследования важными оказываются семантический, стилистический, этимологический и диахронический аспекты, а также связанные с ними сложные вопросы вариантности корней и выявления родственных связей слов, поскольку это необходимо для установления точных лексических границ гнезда. Отметим, что объединяются не вообще все слова, исторически связанные единством происхождения, а только те, у которых связи остались очевидными. Благодаря определению полного корпуса однокоренных (в том числе с чередованиями в корневых морфах) лексем обоих типов можно построить словообразовательное гнездо и выяснить, каковы отношения производности для данных единиц. В первую очередь это касается построения словообразовательных гнезд в белорусском языке: к

сожалению, пока что отсутствует белорусский аналог известного словообразовательного словаря русского языка, построенного по гнездовому принципу, но отдельные сведения относительно производности единиц можно найти в “Словаўтваральным слоўніку беларускай мовы”, где весь языковой материал представлен в виде словообразовательных пар мотивирующего и мотивированного слов [БАРДОВІЧ і інш. 2000].

В современных русском и белорусском языках неполногласнокорневые и полногласнокорневые корреляты находятся в сложных семантических и стилистических отношениях, что определяет их место и роль в словообразовательной системе. Отличия в этом наборе, количестве и семантическом объеме образований обоих типов отразились и на различии словообразовательных структур, где находятся в отношениях производности корреляты с полногласием и неполногласием. Они могут занимать свое место: **1)** в словообразовательном гнезде, являясь при этом его вершиной, производным словом (как, например, русская неполногласнокорневая лексема *сладкий* или белорусская полногласнокорневая *сорам*) или занимать определенную ступень в качестве производного слова, причем гнездо может быть **а)** большим или малым в зависимости от количества дериватов (например, русское словообразовательное гнездо с вершиной *храбрый* включает 18 образований, аналогичное белорусское – 13, белорусское словообразовательное гнездо с вершиной *вораг* имеет 6 образований, в русском языке такое гнездо вообще отсутствует, поскольку народно-поэтическое слово *ворог* – одиночное; **б)** однородным или смешанным в зависимости от того, какие образования составляют гнездо – только полногласнокорневые / неполногласнокорневые или оба типа в одной структуре (тут, кстати, тоже имеются свои подвиды). Так, в качестве однородного выступают в обоих языках гнезда с вершиной *норов* / *нораў*, неоднородным является русское гнездо *срам*, в составе которого есть еще подгнездо *сором* с 8-ю дериватами; в белорусском материале представлены преимущественно однородные словообразовательные гнезда, так как неполногласнокорневые лексемы немногочисленны, не так продуктивны в деривационном отношении, их связи с полногласнокорневыми коррелятами не столь прочны, поэтому они составляют (при условии наличия дериватов) самостоятельные гнезда; **в)** одноступенчатым (рус. гнездо *порох*: 4 его производных стоят на одной ступени) или многоступенчатым: таких гнезд в обоих языках большинство; **2)** в комплексе словообразовательных гнезд – более сложной структуры, которая получилась в результате семантического размежевания и дальнейшей “самостоятельной жизни” однокорневых единиц (в качестве примеров можно назвать русские гнезда с вершинами *благо*, *благовест*, *благовидный*, *благоеветь* (всего их 24) или белорусские с вершинами

нораў, наравіць); 3) в словообразовательной цепочке (бинарной или полинарной), где слова находятся в отношениях последовательной производности; в качестве примера бинарной цепочки приведем русскую пару мотивирующего и мотивированного слов *прах* → *праховый* (больше дериватов с этим корнем нет, непроеизводное слово имеет низкий словообразовательный потенциал), полинарную цепочку (или малое гнездо) образуют в белорусском языке мотивирующее *прах* и два мотивированных: *прах* → *спрахнуць* → *спрахлы*; 4) в словообразовательной паре, которую составляют мотивирующее (необязательно вершина) и мотивированное слова: *враждовать* → *вражда*, *наравісты* → *наравістасць*. Отдельный случай, когда лексема находится вне словообразовательной структуры, поскольку она одиночная. В результате распада, расщепления гнезда некоторые слова, ранее входившие в его состав, оказываются изолированными от других однокорневых лексем и переходят в разряд одиночных; родство их с гнездовыми словами проявляется только на морфемном уровне – в наличии общей корневой части, но на словообразовательном уровне они между собой не связаны. Примерами таких, в первую очередь, русских слов могут служить одиночные *среда* и *стремглав*, хотя существуют соответствующие гнезда однокорневых лексем с вершинами *среди*, *средний*, *заглавие*, *главный*, *глава*. Основная причина неучастия одиночных слов в процессе словообразования – отсутствие общественных потребностей, социального заказа на них. Но границы между гнездовыми и одиночными словами подвижные, при определенных условиях слова-одиночки могут быстро «обрасти» производными. По мнению А.Н. Тихонова, такие слова – материал для размышлений, почему одни слова имеют производные, а у других их нет, одни слова активно участвуют в словообразовательном процессе, а другие совсем не принимают в нем участия, какие именно слова владеют высоким словообразовательным потенциалом, а какие разряды лексем имеют низкий или вообще нулевой словообразовательный потенциал [ТИХОНОВ 1985].

Таким образом, предварительный анализ деривационных отношений полногласнокорневых и неполногласнокорневых лексем близкородственных языков показывает, что оба типа корневых морфем как словообразовательные компоненты прочно вошли в словообразовательную систему и являются (в разной степени) активным средством образования. Характер деривационных возможностей лексем зависит от многих факторов, в том числе от набора и количества однокорневых образований, а также от их семантических, стилистических и других отношений, сложившихся в процессе функционирования каждого из языков. Очевидно, что единицы, имеющие более широкие деривационные возможности и к тому же являющиеся базой для образования фразеологизмов, характеризуются большей закрепленностью в языке.

Литература:

ПОРОХОВА 1988: Порохова О.Г. Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах. Л.: Наука, Ленингр. отд.

СОКОЛОВА 1966: Соколова М.А. Церковнославянизмы и русский литературный язык // *Dissertationes slavicae. Slavistische mitteilungen*. Матлы и сообщения по славяноведению. IV. – Szeged.

БУЛАХОВ 1981: Булахов М.Г. К вопросу об исторической общности и расхождениях в словообразовании русского и белорусского языков // Сравнительно-сопоставительное изучение лексики русского и белорусского языков. Сб. науч. трудов. – Минск.

ТИХОНОВ 1988: Тихонов А.Н. Старославянизмы в словообразовательной системе современного русского языка (на материале гнезд однокоренных слов) // *Славянское языкознание. X Межд. съезд славистов (София, 1988 г.). Докл. сов. делегации.* – Москва.

БАРДОВІЧ і інш. 2000: Бардовіч А.М., Круталевіч М.М., Лукашанец А.А. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. – Мінск.

ТИХОНОВ 1985: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка в 2 тт. – Москва.

МОДИФИКАЦИОННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ

I

В статье рассматривается важная для русского языка функция словообразования, которую можно было бы определить как грамматикализационную функцию. Известно, что в русском языке словообразовательные категории и типы взаимодействуют с грамматической системой. Это проявляется прежде всего в связи грамматических формантов с определенными родами флексиями, участии флексий в выражении словообразовательных значений, субкатегоризации грамматических категорий и др. Вопросам взаимосвязи словообразования и грамматики в отечественном языкознании всегда уделялось большое внимание (см. работы В.В.Виноградова, П.С.Кузнецова, Е.А.Земской, Е.С.Кубряковой и др.). Взаимодействие словообразования с грамматикой в русском языке реализуется также в пополнении инвентаря грамматических форм за счет словообразовательных средств, в расширении и обогащении грамматической семантики.

Анализ словообразовательных категорий и моделей с точки зрения приобретения ими свойства обязательности, регулярности выражения, т.е. проявления признаков грамматичности, в современном русском языке специально не проводился. Такое тесное взаимодействие словообразования и грамматики наблюдается в частности в пределах грамматической категории вида – словообразовательные по своему механизму процессы приобретают грамматический статус, что позволяет говорить о грамматикализационной функции словообразования.

В теории грамматикализации, исследования которой получили новый импульс в последней трети XX века в связи с серией типологических работ о формировании грамматического строя языков – таких исследователей, как Х. Леман, Б. Хайне, Дж. Байби и др. (см. обзор литературы по грамматикализации в [МАЙСАК 2005]), роль словообразования недооценивается, и прежде всего потому, что в типологических работах по грамматикализации недостаточное внимание уделяется славянским языкам.

Работы по грамматикализации выделяют определенный аспект широкой проблемы формирования и развития грамматических категорий – в центре внимания закономерности приобретения грамматического статуса словом или конструкцией, бывшими до этого автономными и свободными [МАЙСАК 2005, 37]. В рамках грамматикализации рассматриваются процессы превращения лексической единицы в грамматический показатель, например переход существительных, обозначающих части тела

(типа английского *back*) в пространственные наречия, предлоги или послелогии; превращения модальных глаголов в показатели будущего времени (ср., например, формы будущего времени в английском языке *will do, shall do*, которые восходят к конструкциям с модальными глаголами «хотеть» и «быть должным») и др. Универсальными процессами грамматикализации являются делексикализация (утрата конкретного лексического значения), типизация значения, изменение и расширение сочетаемости языковых единиц. Все эти процессы ведут к превращению лексической единицы в грамматический показатель. Подавляющее большинство работ, в том числе и в отечественной лингвистике, принадлежит сфере общей типологии языков и связано в основном с грамматикализацией глагольных аналитических конструкций, а также формированием из лексических единиц служебных слов – предлогов и союзов. При этом русскому и другим славянским языкам в рамках теории грамматикализации, как уже говорилось, уделяется незначительное внимание, тогда как данные славянских языков представляют большой интерес для изучения универсальных и специфических закономерностей в процессах грамматикализации.

В грамматикализационных процессах участвует модификационное словообразование, которое в славянских языках является наиболее регулярным, продуктивным и тесно взаимодействующим с грамматической системой. Грамматическая деривация – образование форм глагольного вида, времени, залога, числа имен существительных, кратких форм прилагательных и др. – с точки зрения семантических отношений между грамматическими формами внутри категорий также является модификационной: семантика противопоставленных грамматических форм представляет собой модификацию категориального значения. Еще Е.Курилович отмечал, что при грамматикализации возможен переход «от менее грамматического к более грамматическому статусу, например от словообразовательного форманта к словоизменительному» [КУРИЛОВИЧ 1965]. Этот канал грамматикализации в русском языке, по нашему мнению, является основным в силу тесных связей грамматической и словообразовательной деривации.

Сущность различий между грамматическими и словообразовательными категориями во флективных языках в лингвистике в общем определена. Речь идет прежде всего об обязательности выражения грамматических и необязательности словообразовательных значений. Кроме того, прототипические грамматические категории и их члены (граммемы) имеют стандартные средства выражения, которые включают также и формы согласуемых слов; чисто грамматическое значение независимо от лексической семантики слова и имеет широкую сочетаемость с лексемами данной части речи; употребление граммем может определяться синтаксическими конструкциями, а также

выражением другого грамматического значения; грамматическое значение характеризуется пониженным модусом осознаваемости (в сравнении с лексическим и словообразовательным значениями). Словообразовательные категории и значения, выражение которых не является обязательным, имеют менее стандартные формальные средства и менее широкую сочетаемость, употребление дериватов не обуславливается синтаксическими конструкциями или какой-либо грамматической формой (см. работы Р.Якобсона, А.А.Зализняка, И.А.Мельчука, А.В.Бондарко, Ф.Леманна и др.). Отметим также, что важная роль в реализации связей словообразования с грамматикой принадлежит корреляциям и их разновидности – оппозициям.

Грамматикализация может осложняться противоположными процессами – лексикализацией грамматических форм, что проявляется прежде всего в обогащении грамматического значения дополнительными семантическими элементами (под влиянием семантики лексико-семантических и словообразовательных типов), в сближении функций грамматической и словообразовательных формантов. В статье рассматривается взаимодействие фазисно-временных и возвратных типов модификационного словообразования глаголов с категориями вида и залога.

II

Перфективация и имперфективация – это яркий пример грамматикализация суффиксального и префиксального образования глаголов. Словообразовательные процессы префиксации и суффиксации глаголов имеют грамматические последствия: перфективацию и имперфективацию глаголов, т.е. изменение парадигмы их форм и сочетаемости. При этом видообразование и “игра видовых форм представляет собой лишь своего рода частный случай более широкой и более сложной игры форм, какой является глагольное словообразование в целом” [КАРЦЕВСКИЙ 1962, 220]. Область видовых пар, имеющих грамматический статус, в современном русском языке расширяется за счет модификационных и ограничительных типов, которые приобретают черты, свойственные грамматическим формам, а именно свойства обязательности, пониженной интенциональности употребления и коррелятивности.

Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, в русском языке отмечена функциональная активность приставки *по-* с ограничительным значением, которая по своим функциям сближается с результативными видовыми приставками. Глаголы деятельности с приставкой *по-* (делимитативы) в русском языке могут выражать достижение результата, вызывающего окончание действия в данной конкретной ситуации. Поэтому отличительной особенностью делимитативов в русском языке (в отличие, например, от чешского языка) является функциональное сближение с видовыми коррелятами. На первый

план значения такого глагола выступает не представление об ограниченной длительности, а актуализация конечной границы действия. Ср. русские примеры, в которых делимитативы употребляются с результативным значением, в скобках для сравнения приводятся чешские функциональные эквиваленты, демонстрирующие меньшую активность дериватов с приставкой *po-*: *Ты уже почитал?/ позанимался? / поплавал?* (ср. *Už jsi četl?*); *Мы уже потренировались, идем домой* (ср. *Dneska jsme se už dost procvičili, jdeme domů*); *Сегодня мы хорошо поработали* (ср. *Za dnešek jsme toho dost udělali*).

Глаголы деятельности с приставкой *po-* в качестве видового коррелята в русском языке употребляются в императиве при выражении вежливого или нейтрального побуждения к действию. Соответствующие беспрефиксные глаголы выражали бы категоричность побуждения, ср.: *Почитай / Читай мне сказку! Посиди / Сиди со мной!* (*Přečti mi tu pohádku // Tak mi už čti tu pohádku; Sed' chvíli se mnou*). Если сопоставить использование в императиве русских и чешских делимитативов, то в чешском языке оно окажется менее частотным, чем в русском.

Во-вторых, в русских претеритальных повествовательных текстах, в отличие от чешских, отмечается высокая степень обязательности выражения границ деятельности или процесса, включенных в повествование, прежде всего при помощи производных глаголов с приставками *za-* и *po-* или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать, стать*, употребление которых характеризуется снижением осознанности и обусловленности коммуникативными намерениями говорящего. Ср. употребление глагольных форм в русских предложениях, являющихся эквивалентным переводом чешских, в последних нет начинательных или ограничительных дериватов – они появляются в русских переводах: *Pan profesor vzal prut, táhl a vytáhl velkého kapra...* (О.Павел) – *Пан профессор взял прут, **потянул*** (букв. *тянул*) *и вытащил большого карпа. Pak ustoupil o krok dozadu, podržel ptáka před sebou, vítězoslavně se na něho zadíval a **smál se*** (*Mladý svět*) – *Потом он сделал шаг назад, держа птицу перед собой, победоносно на нее посмотрел и **засмеялся*** (букв. *смеялся*) [ПЕТРУХИНА 2000].

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что в русском языке при нейтральном стиле повествования в прошедшем времени достаточно последовательно выражаются границы сменяющих друг друга действий. При этом наблюдается взаимодействие грамматической категории вида и словообразовательных фазисно-ограничительных типов глагола, ведущее к грамматикализации соответствующих словообразовательных значений. Все это укрепляет коррелятивную организацию русского вида. В чешском языке при построении претеритальных повествовательных текстов обозначение временных границ деятельности или процессов, включенных в нарративную цепочку,

не является обязательным, напротив, такая деятельность часто представляется в виде незамкнутого процесса. Поэтому в чешском языке нет условий для грамматикализации фазисно-временных дериватов.

Видовые пары, с учетом функциональных критериев их определения [МАСЛОВ 1948], в русском языке формируются не только в рамках тождественных лексических значений (типа *переписать* – *переписывать*), но и на базе сходных значений, представляющих разные фазисно-временные параметры одного действия (*кричать* – *закричать*, *идти* – *пойти*, *видеть* – *увидеть*, *прыгать* – *прыгнуть*, *есть* – *поесть*, *гулять* – *погулять*). Развитию этих и других типов видовых корреляций в русском языке способствует высокая степень нормированности употребления определенного вида в некоторых типах контекста, обуславливающая регулярную взаимозамену соотносительных глаголов разного вида при некоторых модификациях обозначения ситуации, причем без потери каких-либо денотативных элементов смысла: при переводе повествования из плана прошедшего времени в план настоящего исторического (Ср.: Ребенок *увидел* незнакомого человека, пронзительно *закричал* и *побежал* к дому – Ребенок *видит* незнакомого человека, пронзительно *кричит* и *бежит* к дому) или изменении некоторых параметров ситуации, например кратности (Сегодня он *прыгнул* с трехметровой вышки в воду – Он иногда *прыгал* с трехметровой вышки в воду), при введении отрицания в императивные конструкции (*Почитай* ему сказки! – *Не читай* ему сказки!) и др.

Таким образом, анализ употребления видов и модификационных фазисно-ограничительных производных глаголов показывает тесное взаимодействие грамматической и словообразовательной деривации русского глагола, важным результатом которого является грамматикализация соответствующих словообразовательных типов.

III

Тесное взаимодействие лексики, словообразования и грамматики наблюдается также в рамках другой глагольной категории – категории залога. Основой такого взаимодействия является деривационный механизм образования возвратных глаголов и возвратных форм пассивного залога при помощи постфикса *-ся*, а также синтаксический механизм выражения соотношения между семантическими актантами предиката (субъектом и объектом) и синтаксическими функциями (подлежащим и дополнением). Однако направление взаимодействия иное, чем в категории вида: по мнению В.В.Виноградова, «система возвратных значений представляет разительный пример «лексикализации» грамматических отношений» [ВИНОГРАДОВ 1972, 510-511]. Соглашаясь в целом с этим тезисом,

рассмотрим особенности взаимодействия грамматики, словообразования и лексики при деривации с помощью возвратного постфикса *-ся*¹.

В современной русистике не решен вопрос о трактовке возвратной формы страдательного залога. Существует два мнения: в предложениях типа *Решение принимается простым большинством голосов* форма *принимается* – это 1) возвратный глагол с пассивным значением, образующий залоговую оппозицию с невозвратным *принимать* [РГ-80]; 2) возвратная форма страдательного залога исходного переходного глагола *принимать* [ПЕРЦОВ 2001, 2003]. Как представляется, более адекватно системную значимость данных форм отражает вторая точка зрения. Если формы типа *приниматься* (ср. также *произноситься*: *Многие фамилии произносились с почетом, уважением*; *наводиться*: *Пушка наводилась на цель вручную с помощью плечевого упора*; *справляться*: *Справлялись праздники торжественно, солидно*; *считаться*: *Иркутск издавна считался купеческим городом*) считать отдельными возвратными глаголами НСВ, то возникает вопрос, почему у них нет соответствующих видовых пар, т.е. возвратных глаголов СВ – видовая семантика этому не мешает. Об этом свидетельствует наличие видовых пар у производящих переходных глаголов НСВ: *принимать* – *принять*, *наводить* – *навести*, *справлять* – *справить (праздник)*, *считать* – *посчитать (кого кем)* (но нет **произвестись*, **навестись*, **справиться (о праздниках)*, **посчитаться*). Отсутствие в русском языке регулярных возвратных форм глаголов СВ с пассивным значением обуславливает корреляцию в рамках категории залога синтетических возвратных форм НСВ (*приниматься*: *принималось, принимается, будет приниматься*) и аналитических форм, образованных от глаголов СВ (*быть принятым*: *было принято, принято, будет принято*), т.е. свидетельствуют в пользу того, чтобы формы типа *приниматься*, *произноситься*, *наводиться* рассматривать как формы страдательного залога невозвратных, переходных глаголов НСВ.

В лексикографической практике, как и в РГ-80, интерпретация этих возвратных форм тем не менее иная: они рассматриваются как отдельные глаголы, как модификационные пассивные дериваты, составляющие в словарях отдельные словарные статьи (например, в МАС), т.е. возвратные производные с пассивным значением трактуются как частный случай «возвратной» деривации. Действительно, можно было бы сказать, перифразируя слова С. Карцевского, что игра страдательных возвратных форм представляет собой лишь своего рода частный случай более широкой и более сложной игры форм, какой является образование, семантика и функции возвратных глаголов в целом.

Взаимодействие лексики, словообразования и грамматики в рамках залога влияет на многообразие трактовок данной категории, ее семантики

¹ В данном разделе статьи часть использованных примеров извлечена из Национального корпуса русского языка (ruscorpora).

и системы форм (обзоры различных точек зрения на категорию залога см. в [ВИНОГРАДОВ 1972, 476–503; ИСАЧЕНКО 1960, 345–349, 357–358; ЗИМЕК 1978]). В синтаксической теории, по определению А.А. Холодовича, залогом является «грамматически маркированная в глаголе диатеза» [ХОЛОДОВИЧ 1970, 13], или частный случай возможных соотношений между семантическими актантами предиката (субъектом и объектом) и синтаксическими функциями (подлежащим и дополнением). В свою очередь под «диатезой» понимаются все типы перемещения субъекта с позиций подлежащего (все возможные типы преобразования исходной диатезы), выражаемые не только грамматическими, но и словообразовательными и лексическими средствами [ХОЛОДОВИЧ 1970, 1974]. Большую роль в выражении «диатетических сдвигов» в русском языке играет возвратная словообразовательная модификация переходных глаголов (например, *беспокоить* – *беспокоиться*: *Меня беспокоит его отсутствие* – *Я беспокоюсь из-за его отсутствия*; *интересовать* – *интересоваться*: *Его интересует история Москвы* – *Он интересуется историей Москвы*; *припомнить* – *припомниться*: *Вера припомнила случай из своего детства* – *Вере припомнился случай из ее детства*).

Существуют и другие попытки определить общую основу, которая связывает словообразовательные типы возвратных глаголов, возвратные морфологические формы пассивного залога и целый ряд синтаксических конструкций: при помощи понятий деагентности (т.к. речь идет о передвижке агенса с позиции грамматического подлежащего) [GREPL 1973]), при помощи широкого понятия пассивной перспективы предложения, в отличие от более узкого понятия пассивной предикации (так, пассивную перспективу, но не пассивную предикацию имеют предложения *Ему встретилась моя подруга*; *Его убили*; *Нас критикуют*) [ЗИМЕК 1978, 86].

Изучая общие синтаксические механизмы, связывающие грамматические формы залога, возвратные глаголы и бесподлежащие синтаксические конструкции, важно учитывать семантические последствия словообразовательных и грамматических преобразований: рефлексивация глагола (будь то словообразовательная возвратная деривация или формообразование при помощи грамматического форманта *-ся*) часто связана с выражением спонтанности и неконтролируемости действия.

Н.Д. Арутюнова отмечает важное свойство русского языка: «тенденцию к элиминации актантных отношений и представлению действия как самодовлеющего, независимого от человека события» [АРУТЮНОВА 1999, 806]. Личные предложения «антропоцентричны», в них основной фигурой является человек, а бессубъектные предложения – «энергоцентричны», в их основе «некоторая сила, локализуемая вне или внутри человека. Сила остается за кадром: она представлена нулем»

[АРУТЮНОВА 1999, 796]. Энергоцентричность объединяет многие типы предложений, где предикатами выступают возвратные глаголы и возвратные формы, – создается семантическое поле, в пределах которого они тесно взаимодействуют. Энергоцентричность порождает восприятие действия как неподвластного контролю, совершающегося как бы помимо воли человека. Такая интерпретация действия объединяет как целый ряд самостоятельных возвратных глаголов, так и возвратные формы страдательного залога в двучленных пассивных конструкциях, в которых агенс лишь подразумевается.

В грамматических описаниях русского залога значения спонтанности отграничивается от собственно пассивного значения возвратных форм страдательного залога: при понимании действия как произвольного в возвратном глаголе происходит «устранение страдательного значения» [ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 1962, 127–129]. Н.В.Перцов, который не согласен с этим мнением, показывает, что «возможности спонтанных интерпретаций для страдательных форм носят весьма регулярных характер» [ПЕРЦОВ 2003, 55]. Спонтанная интерпретация действия еще в большей степени характерна для целого ряда семантических групп возвратных глаголов. Такая интерпретация характеризует:

1) возвратные объектные глаголы, управляющие дательным падежом субъекта и именительным объекта и выражающие спонтанные ментальные, эмоциональные процессы, разные типы спонтанного восприятия: *Илье **видится** в мыслях школа; Путешественникам **слышится** странный гул; Такой человек **запомнится** всем надолго. Ему **снится** Прага;*

2) безобъектные глаголы, большая часть из которых являются возвратными, выражающие промахи и ошибки: *ошибиться, осечься, просчитаться, заблудиться, обознаться, оговориться;*

3) возвратные глаголы с активно-безобъектным значением (В.В.Виноградов): «Действие субъекта, фактически переходящее на какой-нибудь предмет, направленное на других, но мыслимое в отвлечении от объекта как характеристическая, отличительная черта самого субъекта (*собака кусается, крапива жжется*)» [ВИНОГРАДОВ 1972, 498]. К этим глаголам примыкает другая группа возвратных глаголов в характеризующей функции, значение которых В.В.Виноградов определил как качественно-пассивно-безобъектное, а В.С.Храковский рассматривает как пассивные возвратные формы страдательного залога с нулевым субъектом – место субъекта не может быть занято в силу его нереферентного статуса [ХРАКОВСКИЙ 1999, 220]: *...Такой прочный товар, до сих пор **носятся** (Н. Гоголь). В моей комнате дверь **не закрывается**. Этот велосипед **складывается**. Ящик **выдвигается**;*

4) возвратные эмотивные глаголы (*волноваться, сердиться, беспокоиться*), способные представлять эмоции как неконтролируемые

переживания, т.е. так, как «будто соответствующие эмоции возникли не под действием внешних факторов, а как бы сами по себе» [ВЕЖБИЦКАЯ 1996, 42];

5) возвратные глаголы, выражающие действие природной стихии, внешней среды, природные процессы: *Все гайки и шурупы разболтались так, что конструкция должна была вот-вот рухнуть; Вся мебель так запылилась, что присесть было негде; Погода установилась; Здание хорошо сохранилось; Соль полностью растворилась. Мне кажется, что кинотеатры все рушатся и закрываются, а театры наоборот;*

6) возвратные глаголы, обозначающие автоматизированные процессы: *И это максимально безопасно для автомобиля: сначала включается «аварийка», затем «стоп-сигналы»; На двери висит электронное табло, на котором поочередно загораются «Входите» и «Подождите»; Но я промедлил, а двери уже закрылись, и я уехал. Подождите, пожалуйста: номер не набрался;*

7) а также возвратные безличные формы безобъектных глаголы деятельности, требующие субъектного дополнения в дательном падеже: *Ему не сидится на одном месте; Мне здесь хорошо работается.* Действие часто характеризуется как происходящее помимо воли Субъекта, независимое от Субъекта и часто отклоняющееся от условной нормы: *Мне не спится, не работается.*

Критерием разграничения возвратных глаголов и возвратных форм страдательного залога является возможность подстановки имени субъекта в творительном падеже (т.е. соотнесение с классической трехчленной пассивной конструкцией) или трансформация в активные конструкции (в частности в неопределенно-личные предложения). Во всех рассмотренных выше семантических группах возвратных глаголов такие преобразования невозможны.

Эффект энергоцентричности (и, как следствие, спонтанности) создается также при употреблении возвратных форм страдательного залога в двучленных пассивных конструкциях, в которых имя субъекта не просто смещается из коммуникативного и синтаксического центра – с позиции подлежащего, но вообще выводится из предложения (что позволяет говорить об их принадлежности к периферии категории залога). Но, в отличие от приведенных выше групп возвратных глаголов, субъект может быть введен в предложение, поэтому элемент спонтанности, стихийности, неконтролируемости произвольности является в большинстве таких пассивных конструкций интерпретационным элементом, т.е. целенаправленное и контролируемое действие представляется как спонтанное и неконтролируемое.

Наиболее частотны двучленные пассивные конструкции с обобщенным субъектом, выражающие действия обычные, нормативные, поэтому воспринимаемые как само собой разумеющиеся, не требующие

усилий, например: *А мы вместо своих дел сидели на подоконнике лестничной клетки и жадно читали вслух стенограммы XIV, XV, XVI, XVII съездов, партконференций... Многие фамилии были вычеркнуты, казалось, навсегда, здесь же в документах... они **произносились** с почетом, уважением* (В. Амлинский). «Обобщенный субъект может соотноситься с неопределенным множеством лиц, которые профессионально занимаются данным видом деятельности» [ХРАКОВСКИЙ 1999, 212]. Ср.: *Дополнительно в паспорт **вносятся** сведения о регистрации гражданского брака и наличии детей. По итальянским законам все банковские счета родственников похищенного немедленно **блокируются** с тем, чтобы воспрепятствовать уплате выкупа. При этом коммерческая тайна предоставляемых услуг и их конфиденциальность **гарантируются**.*

в) в пословицах, сентенциях, поговорках, часто имеющих форму двучленных пассивных конструкций с универсальным субъектом, ср.: *Что ни **делается** – все к лучшему; Друг **познается** в беде.*

Двучленные пассивные конструкции частотны и при конкретно-референтном имплицитном субъекте, который: 1) очевиден для коммуникантов, в силу чего нет необходимости его называть; 2) неизвестен говорящему, в силу чего его нельзя назвать; 3) известен говорящему, но он по каким-либо соображениям не желает назвать его слушающему; 4) не называется потому, что для говорящего важно передать информацию о других партиципантах [ХРАКОВСКИЙ 1999, 212–213]. Но даже при конкретном подразумеваемом субъекте действие, выраженное возвратной формой страдательного залога, может представляться как закономерное, нормативное, не требующее усилий со стороны производителя, а значит и неинтерпретируемое в терминах контроля и ответственности, ср.: *Когда я входила в их семью, никому особенно не **говорилось**, что я манекеница, - это занятие **считалось** несколько неприличным; Наша группа сейчас активно работает над проектом. В проект постоянно **вносятся** поправки, и он уже несколько изменился; По этому проекту работа не **ведется**. Деньги **используются** неэффективно.*

Импликация конкретного субъекта может иметь стилистические причины, например, в научном тексте, избегающем личной референции и употребления местоимения я. Ср.: *В ходе данной работы выяснилось...* (не Я выяснил...); *В этой работе использовались...* (не Я использовал...); *Мне представляется...* (не Я представляю...); *В данной работе значительное внимание уделяется...* (не Я уделил...); *О данном положении говорилось выше* (не Я говорил выше) и т.д. Побочный эффект такой стилистической корректности – интерпретация обозначаемых действий как будто они происходят сами собой и не контролируются говорящим.

Таким образом, эффект энергоцентричности в том или ином виде (спонтанности, неконтролируемости, закономерности, автоматизма)

представлен во многих типах употребления возвратных глаголов и пассивных возвратных форм. Этот эффект семантически сближает грамматические формы страдательного залога с возвратными глаголами, в лексическое значение которых действительно входит семантический элемент спонтанности, неконтролируемости действия.

Характерно, что именно глаголы, обозначающие стихийные и автоматизированные процессы, имеют видовые пары (см. 5 и 6 группы глаголов). Это особенно важно для трактовки нерегулярных возвратных форм СВ типа *напечатается, напишется, отредактируется*. Ср.: *С женою отошло тебе первую песнь "Онегина". А в ось с переменой министерства она и **напечатается** – покамест мне предлагают за второе издание "Кавказского пленника" 2000 рублей.* (Из письма А.С.Пушкина: Собрание сочинений в 10 томах. М., 1959–62, т. IX: 100). В современном русском языке такие формы встречаются чаще в разговорной речи и публицистике. Как спонтанные и неконтролируемые представляются целенаправленные действия, имеющие конкретного производителя. Ср.: *Первый этап в мае **построится**, что даст возможность обеспечить нормальную пропускную способность вот этого участка, ну а дальше заново **заасфальтируется** старое шоссе* (из телевизионной передачи); *Вот здесь все **закрасится, подчистится, подклеится** – и будет хорошо* (из речи мастера по ремонту квартир, но такие же формы можно найти и в словаре Даля: *Все **закрасится, хорошо будет***).

Как трактовать подобные формы? В.Н.Перцов предлагает их рассматривать как возвратные формы СВ пассивного залога, вступающие в залоговую корреляцию с переходными глаголами СВ [ПЕРЦОВ 2003]. В.И.Гаврилова трактует их как глаголы с квазипассивным значением, связывая расширение их употребления с развитием техносферы и автоматизации процессов, которые в русском языке часто обозначаются возвратными глаголами как стихийные процессы [ГАВРИЛОВА 2001, 162–163].

В значение данных форм, действительно, на первый план выходит интерпретация данных действий как произвольных, спонтанных. Значение спонтанности и пассивности «как бы перебивая друг друга, дают новое сложное значение возвратной формы» [ВИНОГРАДОВ 1972, 509]. Видовая соотносительность подобных возвратных форм строится на основе семантики спонтанности, по аналогии со стихийными процессами. Под влиянием сходных по форме словообразовательных типов возвратных глаголов, выражающих неконтролируемость и стихийность, пассивные возвратные формы также включаются в это семантическое поле и приобретают характер самостоятельных возвратных глаголов, значение которых лежит на пересечении страдательности и спонтанности.

Рассмотренные в последнем разделе факты демонстрируют важные особенности взаимодействия словообразовательных типов возвратных глаголов и грамматической категории залога: использование одного и того же форманта для словообразовательной и грамматической деривации; участие в диатетических синтаксических преобразованиях не только грамматических залоговых форм, но и возвратных словообразовательных модификаций (что можно трактовать как грамматикализацию возвратных модификационных типов); «лексикализацию» возвратных форм страдательного залога в двучленных пассивных конструкциях, т.е. семантическое обогащение этих форм и их сближение по значению с семантикой возвратных глаголов, а также сближение грамматического форманта по функции со словообразовательным формантом.

Литература:

АРУТЮНОВА 1999: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – Москва.

ВЕЖБИЦКАЯ 1996: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва.

ВИНОГРАДОВ 1972: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – Москва.

ГАВРИЛОВА 2001: Возвратные глаголы совершенного вида как средство выражения стихийных процессов и их место в залоговой системе // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.). – Москва.

ИСАЧЕНКО 1960: Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. II. – Братислава.

ЗИМЕК 1978: Понимание пассивной перспективы предложения в чешской лингвистике // Проблемы теории грамматического залога. – Ленинград.

КАРЦЕВСКИЙ 1962: Карцевский С. Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. – Москва.

КУРИЛОВИЧ 1965: Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. 4. – Москва.

МАЙСАК 2005: Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Языки славянских культур. – Москва.

МАСЛОВ 1948: Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Отдел. лит. и яз. – Т.7. – Вып.4.

ПЕРЦОВ 2001: Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. – Москва.

ПЕРЦОВ 2003: Перцов В.Н. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. – № 4.

ПЕТРУХИНА 2000. Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. – Москва.

РГ-80: Русская грамматика. Т. 1. – Москва.

ХОЛОДОВИЧ 1970: Залог. I: Определение. Исчисление // Категория залога (Материалы конференции). ЛО ИЯ АН СССР. – Ленинград.

ХОЛОДОВИЧ 1974: Холодович А.А. (отв. ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. – Ленинград.

ХРАКОВСКИЙ 1999: Храковский В.С. Теория языкознания. Русистика. Арабистика – Санкт-Петербург.

ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 1962: Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. – Москва.

GREPL 1973: Grepl M. Deagentnost a pasívum v slovanských jazycích // Československé přednášky pro 7. Mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě. – Praha.

ФУНКЦИЯ СЛОЖНЫХ ФОРМАНТОВ ПРИ ДЕНОМИНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛАХ

Известно, что производные слова характеризуются сложно структурированной системой, которая включает в себя и словообразовательное значение. Богаче и их системные связи, так как своей мотивированностью выражают отношение к семантике соответствующих производящих слов [КУБРЯКОВА 1981, 10]. Именно поэтому в исследованиях деривационных процессов и их результатов значительное место занимает проблематика, связанная с семантикой производных слов и их мотивационные отношения, не пренебрегая роль словообразовательного форманта в структурировании производных слов. При этом самый большой интерес проявляется к классификационной функции формантов при создании словообразовательных типов и словообразовательного значения, "забывая" иногда, что оно вносится формантом только при осуществлении связи его с соответствующей основой (утверждается, например, что *-тел* означает 'деятель'). При этом не последовательно разграничиваются понятия 'многозначность' и 'полифункциональность' при характеристике словообразовательных средств.

Наряду с изучением функциональной характеристики формантов в рамках дериватологических исследований, она интерпретируется и в аспекте сопоставительного изучения общеславянских словообразовательных средств [БОШКОВИЧ 1936, ВЕНДИНА 1987 и др.]. Обобщая функциональные свойства общеславянских аффиксов с элементами *-к-*, *-с-* и *-с-*, Т.И.Вендина показывает их релевантность при членении современного словообразовательного ландшафта Славии и отмечает, что «типологически сходных функциональных признаков у этих суффиксов в славянских языках значительно больше, чем различий» [ВЕНДИНА 1987, 129].

Во внутрисистемном аспекте характеристика словообразовательных формантов связывается с их функциональной нагруженностью, которая включает и их предпочтение при оформлении отдельных словообразовательных категорий. Значительное место занимают, например, исследования префигирования при глагольном словообразовании во всех славянских языках. Значительно реже объектом изысканий являются деноминальные глаголы, чей словообразовательный формант двусторонне осложняет производящую основу (*оздравее*, *стесни*, *улесни*). Их, как правило, относят к префигированным структурам и словообразовательная модель определяется как префиксально-суффиксальная, что указывает на совмещение характеристик, типичных

для обоих словообразовательных процессов – для суффиксального и префиксального.

Для обозначения сложных формантов деноминальных глаголов используются термины *составной формант*, *сложный форматив* [МАСЛОВ 1982, 121], *разделенная морфема*, при этом чаще всего употребляется *префиксально-суффиксальный формант*. При исследовании семантики префигированных глаголов в болгарском языке К.Иванова выделяет внутриглагольное словообразование и *депрефиксацию* для модели «приставочного глагола, образованного непосредственно от именной основы одновременным присоединением приставки и суффикса» [ИВАНОВА 1966, 75]. Для двустороннего осложнения производящей основы используется и термин *рамковая конструкция* [ШАНСКИЙ 1968, 282]. В исследованиях, посвященных именному словообразованию, при характеристике двусторонне осложненных формаций принимают участие и предлоги, которые сочетаются с именной основой, но используется и термин *конфикс* для обозначения одной самостоятельной морфемы: «Конфиксом, таким образом, называется дваффиксальная морфема, исполняющая те же функции, которые исполняют суффикс и префикс, т.е. служащая материалом единичного акта морфологического словопроизводства» [МАРКОВ 1968, 8]. Анализ словообразовательного значения десубстантивных прилагательных тоже подтверждает необходимость разграничивания конфиксальных от суффиксальных структур [КАЗАНСКАЯ 1976, РАДЕВА 1991].

Так как компоненты сложных формантов (конфиксов) обычно употребляются в качестве самостоятельных словообразовательных средств, их функциональная характеристика связана и с соответствующими суффиксами и префиксами, хотя граница между непосредственно и опосредовано мотивированными структурами, скорее всего, связывает, а не дифференцирует их лексическое значение: ср. *чист - чисти - очисти*, но *цвет - оцвети*; *сол - соли - осол*, но *сол - обезсоли*. Сложные форманты при деноминальных глаголах обособляются в зависимости от производящих основ и словообразовательных категорий. При фактитивных глаголах конфиксы включают постосновной компонент *-и*, который в функциональном отношении является самым нагруженным как самостоятельный формант во всех славянских языках, а при инхоативных глаголах – постосновной компонент *-ее*. Специфика конфиксальных формантов в сравнении с самостоятельным функционированием составляющих их компонентов (приставки или суффиксы) раскрывается в их структурно-семантическом взаимоотношении с производящей основой, вместе с которой формируют т. наз. производную основу. Как отмечает К.А.Левковская: "Структурно-семантические особенности производных аффиксальных основ не заключаются только в их членности как таковой, но в членности

составных частей определенного характера, находящихся в определенном структурно-семантическом взаимоотношении одна с другой" [ЛЕВКОВСКАЯ 1962, 262].

Разграничивание терминов *значение* и *функция* деривационных формантов осмысляется при исследовании префиксального глагольного словообразования. Прослеживая "семантическое развитие глагольной приставки *по-* в болгарском языке", М.Лилов останавливается на термине *функция* и отмечает, что он "включает в себя больше динамичности: тогда как в термин *значение* входят определенные, установленные и постоянные элементы", *функцией* "раскрывается не столько статическое содержание, сколько возможность взаимодействовать, входить в отношение" [ЛИЛОВ 1964, 70]. Функция форманта в большей степени относит его к деривационному процессу, при котором проявляются его взаимодействие с производящей основой и его относительной самостоятельностью. Она подчеркивает его роль при создании семантической и формальной структур производного слова, включительно его избирательность и специализированность. Поэтому вполне оправдано отмечается, что под *функцией* понимается "не конкретно проявляющийся в каждом конкретном глаголе комплекс лексических элементов, а общие семантические изменения, которые присоединение приставки вносит при осуществлении связи с корнем и при помощи которых глагол формируется в структурном и семантическом отношении как самостоятельная единица" [ЛИЛОВ 1964, 70]. Терминами *семантическая функция* или *значение* форманта подчеркивается его способность вносить семантические компоненты в словообразовательное значение. При исследовании приставок А.В.Бондарко подчеркивает, что "функции во многих случаях содержат такую степень содержательной обобщенности, которая необходима и достаточна для дальнейшей конкретизации и модификации" [БОНДАРКО 1987, 200].

Славянские языки показывают типологическую общность функциональной характеристики формантов при структурировании словообразовательного значения производных глаголов. При девербальных структурах проявляется модификация, при деадъективных глаголах – транспозиция и мутация, а при десубстантивных – мутация и обратная транспозиция.

Деноминальные глаголы в болгарском языке являются результатом деривации в узком смысле слова при использовании словообразовательного форманта, в чей состав обязателен постосновной компонент – как самостоятельный суффикс или как часть конфикса. Выбор и предпочтение словообразовательных средств зависимы особым образом от лексико-грамматического значения производящего слова [РАДЕВА 1993, 78]. Общность в семантике деадъективных глаголов, суффиксально или конфиксально оформленных, обуславливается их связью с

мотивирующим прилагательным, которая выражает реляцию 'признак' - 'действие'. При осуществлении связи производящей основы с соответствующим формантом мотивирующий признак обозначается в процессе 'приобретения', 'проявления', или 'отстранения'. В таком же аспекте проявляется и функция форманта, которая структурирует словообразовательно производный глагол, включаясь в его основу и сигнализируя о принадлежности производной формации к категории глагола с вытекающими из этого словоформами и значениями. При образовании инхоативных глаголов семантическая ориентация формантов обуславливается их отнесенностью к мотивирующим прилагательным, „у которых способность обозначать признак, который может представлять качественное состояние как абсолютно постоянное понятие или понятие с относительным характером” [ЧЕЙФ 1975, 141]. Конфиксы обнаруживают предпочтение к прилагательным, обозначающим признаки с абсолютным характером, в качестве производных глаголов они обозначают полное проявление мотивирующего признака, без интенсификации и постепенного накопления, например: *оглушее, осакатее, ослепее* и др. В данном случае приобретение признака представляет собой переход от отсутствия к наличию этого признака, например: *Когато на едно дете му опротивее животът, то значи, че е много зле* (Г.Узунов); *Дори ехото мълчеше, сякаш самата планина беше оглушала от зимата* (Е.Станев). Конфиксальные формации, мотивированные прилагательными с "абсолютным характером", обнаруживают семантическую общность с префигированными девербальными глаголами: ср. *старее - остарее* и *оглушее, белее - побелее* и *помъдрее*. Как и в других славянских языках [ДОКУЛИЛ 1976, МАРЧАНД 1969, ОНХАЙЗЕР 1987 и др.], для обозначения 'окончательного приобретения признака' предпочитают префигированные глаголы, опосредовано мотивированные прилагательными, например: *стар - старее - остарее*. Они включают в свою семантику маркер 'завершенность', что относит их к перфективным структурам, а префикс вносит семантический признак, который характеризует действие с точки зрения способа протекания. При выражении инхоативного значения конфиксальные глаголы не подчеркивают постепенное накопление или интенсификацию признака. В реляции 'признак' – 'приобретать признак' связываются только с положительной степенью мотивирующего прилагательного. Семантические компоненты 'интенсивность' и 'окончательная снабженность' с мотивирующим признаком обуславливаются присутствием предосновной частью словообразовательного форманта.

Функция сложных формантов, с которыми образуются инхоативные глаголы, выражена более ярко при их сравнении с суффиксальными деадъективными глаголами в рамках словообразовательной категории со значением 'приобретать признак'. Различия проявляются при постосновных

компонентах *-ee* и *-ne*, которые употребляются и как самостоятельные форманты и обнаруживают распределение функциональной нагруженности. В отличие от суффиксальных формаций, которые могут обозначать 'приобретение признака' и 'проявление признака', конфиксальные глаголы оформляют только значение 'приобретение признака', включая и компонент 'окончательная снабженность'. Функция формантов разграничивает значения 'проявление признака' (*пустее* 'выглядеть пустым', *немее* 'проявлять себя немым') и 'приобретение признака' (*запустее* 'становиться пустым' и *онемее* 'становиться немым'). Это различие обнаруживается при сравнении одинаковокоренных глаголов с различными формантами, например: глаголы *лудее* и *лудува* обозначают 'выражать признак, указанный мотивирующим прилагательным' не эксплицируя его приобретение, тогда как *полудее* имеет значение 'приобретать признак', что связывает его непосредственно с мотивирующим прилагательным, а не с суффиксальным глаголом: ср. *Пасищата напразно лудееха и търсеха влажните муцуни на добитъка* (Й.Радичков); *Вътърът лудуваше и птиците летяха и към тяхната музика се издигна песента на гората* (Д.Фучеджиев), а также *Сякаш беше оглунял и подивял, не му се говореше, изгубил беше и воля, и желание за всичко* (Й.Йовков). Мотивированными непосредственно прилагательными являются не только глаголы *хитрува* и *захитрее*, *мъдрува* и *помъдрее*, *кротува* и *укротее*, *бесува* и *побеснее*, но и глаголы *немее* и *онемее*, *живее* и *оживее* и пр.

Сложные форманты при инхоативных глаголах структурируют словообразовательные значения, которыми выражается целостность в развитии процесса, которая включает полную снабженность и выражение внесенного мотивирующей основой признака.

Как все форманты, конфиксальные вносят в структуру производного слова значения, которыми формируют его лексические, лексико-грамматические, а также словообразовательные значения, но характеризуются, прежде всего, своей 'связанностью': Это направляет внимание к сочетаемостным свойствам формантов: "Если аффикс всегда связан по природе со своим партнером, на передний план при его изучении должны выдвигаться сочетаемостные свойства аффикса. Именно поэтому в описание деривационных аффиксов мы считаем необходимым включить результаты анализа того, как зависит поведение аффикса от соединяющихся с ним основ" [КУБРЯКОВА, ХАРИТОНЧИК 1976, 203].

Конфиксальные глаголы обнаруживают особенности, которые относятся к семантической ориентации их деривационных формантов. Тогда как прилагательные, обозначающие признаки, которые возникают естественно и воспринимаются перцептивно, мотивируют преимущественно суффиксальные глаголы (*зеленее*, *старее*), конфиксы обнаруживают предпочтение к прилагательным, обозначающим внутренне

присущие качества, проявляющиеся как целостная характеристика, например: *оздравее, запустее, огрубее, оглушее, ожаднее* и др. Кроме того распределение и предпочтение словообразовательных формантов связывается с "ограничительной" функцией мотивирующей основы, в которой находят отражение ее семантические и формальные признаки. Известно, например, что от прилагательных, которые отражают отношение к субстанции (*горски, дървен, каменен*), не образуются глаголы. Также прилагательные, чьи основы оканчиваются на веларный согласный, связываются конфиксом, чьим постосновным компонентом является *-не*, для формирования инхоативных глаголов: *затихне, заякне, заглъхне, олекне, омекне, притихне, утихне, укрепне* и др.

Изоморфная структура конфиксальных и суффиксальных инхоативных глаголов обуславливает их общность семантики, так как "предосновная часть, включенная как самостоятельный формант (*из-белее, по-тъмнее*) или как компонент конфикса (*за-твърд-ее, о-бедн-ее*), сохраняет свою способность исполнять функцию передачи значению 'совершенный вид'. Как отмечает С.О.Карцевский: "приставочные глаголы, образованные непосредственно от имен, как, например, *облагородить, уместить*, уподобляются с точки зрения значения вида с "приставочными" девербальными глаголами, как будто образованы от глаголов 'благородить', 'местить' и т.н.". [КАРЦЕВСКИЙ 1962, 221]. Однако, несмотря на свои общие понятийные и грамматические значения, конфиксальные и суффиксальные глаголы, мотивированные именами, различаются по своей словообразовательной семантике, в которой обобщены индивидуальные, но серийные значения, которые повторяются в однотипно оформленных глаголах. Префигированные девербальные глаголы, например, выражают различную модификацию действия, обусловленную функцией приставки (ср. *побелее* и *избелее*), тогда как конфиксальные одинаковокорневые структуры имеют синонимические значения, несмотря на наличие различных предосновных компонентов (*изглупее* и *оглупее; извехтее* и *овехтее*). Конфиксальные глаголы отличаются общностью смысловой структуры своей словообразовательной модели, в которую включается "информация о сложной взаимосвязи и переплетении грамматических, лексических и словообразовательных значений" [КУБРЯКОВА, ХАРИТОНЧИК 1976, 205].

По отношению к парадигматическим особенностям производных глаголов конфиксы формируют одинаковые с суффиксальными структурами классы и разряды. Их постосновная часть обнаруживает способность исполнять классифицирующую и категоризирующую функцию, определяя при этом понятийный класс, в который включаются производные глаголы, и обуславливая их принадлежность к определенному спряжению. Конфиксы, характеризующиеся функцией целостных формантов, занимают определенное место среди

деривационных средств образования деноминальных глаголов. Наряду с суффиксами, которые также оформляют глаголы, мотивированные именами, они находятся в дополнительной дистрибуции, при этом их функционирование связано с избирательностью по отношению к семантике мотивирующих слов и возможности / невозможности сочетаться с ними. В лексической системе языка конфликтивные глаголы моделируют и дополняют отношение между назывными единицами, которыми язык располагает для выражения отношения 'признак' - 'действие'. Внося признак 'процессуальность', они исполняют функцию носителей общекатегориальной семантики, которая включает в себя "инвариантные значения, обладающие свойством обязательности" и "присущие грамматическим классам и единицам" [БОНДАРКО 1976, 183].

Функция конфликтов, возникших путем сочетания компонентов, которые существуют и как самостоятельные форманты, в известной степени обуславливается созданием семантической структуры производных глаголов. Обозначая 'получать признак', конфликтивные глаголы включают и семантические компоненты для подчеркивания значения 'снабженность этим признаком' и 'завершенность действия', которые при внутриглагольном словообразовании вносятся префиксами, например: *бели* - *избели*, *обели*. В качестве самостоятельных формантов, однако, префиксы вносят и другие семантические компоненты, связанные с категориальными значениями, которые не исчерпываются только 'видом' и 'способом' глагольного действия. В случае принятия того, что префиксы исполняют только модифицирующую функцию, а суффиксы – транспонирующую и модифицирующую, подтверждается постулированная А.П.Соболевой идея, что словообразовательное значение "является результатом воздействия категориального значения форманта на категориальное и лексическое, т.е. лексико-грамматическое значение производящего слова" [СОБОЛЕВА 1972, 174].

Отграничивание конфликтивных от суффиксальных структур, которые характеризуются тождеством в общем отношении к мотивирующему слову, ведет к функции словообразовательных формантов, которые в одинаково структурированном производном слове должны удовлетворять требованию "семантической" (и, естественно, формальной) тождественности форманта" [УЛУХАНОВ 1977, 13]. Например, фактитивные глаголы *окръгли* и *очисти* имеют идентичную формальную структуру (о+основа+и) и выражают каузирование признака, внесенного производящим прилагательным. При *очисти*, однако *о-* является префиксом глагола *чисти*, который означает 'делать чистым или более чистым', при этом префиксированный глагол имеет значение 'доводить до результата действия глагола, которое охватывает весь объект'. При *окръгли* семантические компоненты, внесенные немотивирующей частью, пересекаются с семантическими полями самостоятельно употребляемых

аффиксов *о-* и *-и*, совмещая, но не повторяя набора семантических компонентов, которые они вносят в качестве самостоятельных формантов. Значение конфиксальных глаголов подтверждает необходимость переформулирования цитированного утверждения П.А.Соболевой: "значение модели, или смысловая структура производной единицы, есть, прежде всего, результат воздействия категориального и индивидуальных значений суффикса (форманта) на категориальное и лексическое значение исходной основы [КУБРЯКОВА, ХАРИТОНЧИК 1976, 225].

Общность в значении конфиксально и суффиксально оформленных глаголов, кроме тождественными формантными частями, обуславливается и мотивационным отношением 'признак' – 'действие', которое тесно связано с функцией сложных формантов. С одной стороны, значение, которое они вносят, актуализуется при их связи с соответствующей основой: ср. *обеднее* и *осиромашее*. С другой стороны, повторяемость словообразовательной модели и устойчивое сочетание формантов с данным типом основ утверждает их связь с определенными семантическими компонентами, например: префигированные глаголы связываются с 'имперфективностью' и с определенным способом глагольного действия, наличие компонента *се* в сложном форманте обуславливает субъектную ориентацию действия (*гордее се*, *страхува се*) и т.д. Избирательность, которую проявляют как словообразовательные форманты, так и производящие основы, является выражением семантической мотивированности их сочетаемости, исследованной при глагольных приставках: "предполагается, что выбор конкретной приставки и набор значений соответствующего приставочного глагола обусловлены семантикой глагольной основы и, таким образом, приставочная парадигма любого бесприставочного глагола определяется наличием или отсутствием в нем определенных семантических признаков [КРОНГАУЗ, 1998, 109].

Вопреки тому, что наличие предосновного компонента в формальной структуре глаголов дает основание для их рассмотрения как "префигированные", особенно при наличии их видовой характеристики и способов действия [АВИЛОВА 1967, ИВАНОВА 1974 и др.], именно функция словообразовательного форманта делает возможным отграничивание значений префигированных девербативов от конфиксальных деноминальных глаголов. Конфиксальные глаголы отличаются как от префиксальных, так и от суффиксальных, так как они по отдельности "исполняют различные функции и участвуют в качестве строевых элементов в таких кардинально различающихся процессах, как транспозиция, модификация и мутация" [КУБРЯКОВА 1981, 133]. В отличие от различий в девербальных структурах значения деноминальных глаголов относятся к функционально-семантическому классу 'охватывание' и подклассу 'изменение' с семантическими рядами 'преобразование предмета' и 'изменение по причине воздействия' [КУРТЕВА 2006, 75].

Так как путем сочетания форманта, вкл. конфикса с морфемами производящей основы, порождается новый смысл производного глагола, при раскрытии семантической функции конфикса имеются в виду: а) семантика производящей основы и б) общность и различия между семантическими компонентами, которые вносят приставки и суффиксы как самостоятельные форманты, с одной стороны, и целостный сложный формант, с другой стороны. Известно, что префигирование реализуется в рамках ономаσιологической категории 'процессуальность', тогда как при конфиксах осуществляется переход от 'предметности' или 'признаковости' к 'процессуальности'.

Хотя функция префиксов исследуется преимущественно путем их сранения с соответствующими предлогами, существующие анализы позволяют очертить специфику конфиксов, в которые они включаются при деноминальных глаголах. Например, при девербальных глаголах префикс *до-* выражает (в самом общем плане) локализацию путем приближения к цели, предмету (*доведа, донеса*) или достижение предела во времени, т.е. конечной фазы начатого действия [ВОЛОХИНА, ПОПОВА 1993, КУРТЕВА 2006 и др.]. При своей связи с глаголами семантического класса физического или эмоционального состояния (*сти ми се, плаче ми се, пие ми се*) сложный формант с компонентом *до-* образуют глаголы, обозначающие возникновение (приход к) потребности, необходимости действия (*достп ми се*). Конфиск с предосновным компонентом *до-* сохраняет свою способность связываться с именами означивания эмоционального или физического состояния (*гняв, смях, срам, яд*), чтобы формировать значение 'проходить в соответствующее состояние', при этом производные глаголы содержат и семантический компонент 'предельность', т.е. достижение предела, после которого наступает соответствующее состояние: *догневее ме, дострашее ме, досмешее ме*, например: *Костенурката се изгуби, избледня зеленият здрач, стана топло и душно, помня, че ме достраша.* (Й.Радичков). Для выражения значения 'переход в определенное состояние' конфиск связывается с основами наречий: *домъчнее ми* 'становиться грустно', *Домъчня му на Шибиля, съмнението като червей загриза сърцето му* (Й.Йовков); *Няма ли да ти домилее, да размислиш, че за някаква си нищожна заплата биеш брата си* (Е.Пелин).

Девербальные глаголы с приставкой *при-* содержат также компонент 'контакт с предметом' (*присрещне, приседне, призове*), при этом идея 'устранение расстояния путем достижения непосредственного соприкосновения' подчеркивается ограниченным количеством десубстантивов, как, например, *прилуни, приземи, приводни*. В значении конфиксальных глаголов, образованных от наречий физического или психического состояния, 'переход к данному состоянию' дополняется признаками 'полнота' и 'результатность': *притъмнее ми, призлее ми, примъчнее ми, причернее ми*.

В отличие от префигированных глаголов, в которые приставка *за-* вносит семантический признак 'полнота' в осуществлении действия (*заведа, замъкна, зашия*), конфиксальные деадъективные глаголы, как *заздрави, затвърдее, задлъжнее, заякчи*, обозначают изменение путем окончательного приобретения признака. Десубстантивные глаголы *затреви, засенчи, замъгли, заблати* включают в себя признак 'снабженность' с субстанцией, в чью сферу ставится объект, а *заесени (се), засуши (се), заоблачи (се), заскрежи (се)* обозначают переход в какое-либо состояние путем наступления того, что обозначено существительным, актуализуя характерное для префигированных глаголов фазовое значение (*завали, загърми*).

Общий охват и полнота изменения состояния путем каузирования признака обозначают и фактитивные глаголы, чей сложный формант содержит предосновной компонент *о-*: *отрезви, озлочести, ожесточи; озлоби, озвучи, озвери, окрили* и др. Понятно, что семантическая функция конфикса, который не включает автоматически роль своей предосновной части, знакомая действием и как самостоятельный префикс, актуализуется при его сочетании с деноминальными основами.

Особого рода функция компонента *обез-*, характерного для конфиксальных деноминальных глаголов, которые обычно не отграничиваются от префигированных девербативов в системе производных глаголов. Хотя в исследованиях подчеркивается сложность форманта *обез-*, его функция не связывается с конфиксальными существительными (*без-срам-ие, без-смысл-ие, без-ветр-ие*) и прилагательными (*без-вод-ен, без-вред-ен, без-плод-ен*), чье значение часто объясняется мотивированностью "сочетания *без* и имени существительного". Из числа десятков глаголов с компонентом *обез-* только отдельные формации могут быть выведены из глаголов с префиксом *обез-* (*обезболи, обездвижи*) или *о-* (*о-безпокои, обезчести*). Деноминальные конфиксальные глаголы обозначают действие, направленное на объект, который перестает иметь предмет, обозначенный мотивирующим существительным: *обезлюди, обезкости, обезоръжи, обезсмысли; обездолить, обезлюдить, обезвредить, обезглавить, обескровить, обесмыслить* и др (рус.). В результате действия объект, востребованный актантажной структурой глагола, получает качественную характеристику в следствие устранения того, что указано мотивирующим именем [РАДЕВА 1993, 178]. Парадигматические отношения с прилагательными с конфиксом *обез-...-ен* дают основание для поиска опосредованной мотивации, например: *безсмыслен - обезсмысли, безцветен - обезцвети*. Парадигматические связи рассматриваемых глаголов, однако, оправдывают их интерпретацию как десубстантивные структуры: ср. *осмысли* 'придавать смысл' – *обезсмысли* 'лишать смысла', *оземли* – *обезземли, осоли* – *обезсоли, оцвети* – *обсцвети*.

Хотя в исследованиях глагольного словообразования в болгарском языке конфиксальные структуры, как правило, не отделяются от префигированных глаголов, функция конфикса как самостоятельного форманта дает основание для обособления деноминальных глаголов как *опротивее, оглупее, омилостави, свечери се, смекчи* и др. При сочетании с именными основами он актуализует свою способность преобразовывать (трансформировать) понятие субстанции или признака в понятие процесса, действия с вытекающими из этого семантическими, общекатегориальными и грамматическими признаками. В отличие от суффиксальных структур конфиксальные глаголы включают семантические компоненты 'целостность', 'полнота' и 'интенсивность' в приобретении мотивирующего признака или снабжении мотивирующим признаком, что ведет к качественному изменению в результате глагольного действия.

Литература:

АВИЛОВА 1976: Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – Москва.

БОНДАРКО 1976: Бондарко А.Б. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике. В: Принципы и методы семантических исследований. – Москва. – С. 180 – 202.

БОНДАРКО 1987: Бондарко А.В. К истолкованию понятия "функция". Известия АН СССР, СЛЯ, т.46, №3. – С.195 – 207.

ВЕНДИНА 1987: Вендина Т.И. К вопросу о функциональном исследовании славянского словообразования. // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – Москва. – С. 128 – 133.

ВОЛОХИНА, ПОПОВА 1993: Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. – Воронеж.

ДОКУЛИЛ 1976: Dokulil M. Die von Adjektiven abgeleiteten Verben in den tschechischen Gegenwartssprache im Vergleich mit dem Deutschen. // Beiträge zur konfrontierenden Sprachwissenschaft. – Nalle/Saale. – S.112 – 127.

ИВАНОВА 1966: Иванова К. Десемантизацията на глаголните представки в съвременния български книжовен език. – София. – 155 с.

ИВАНОВА 1974: Иванова К. Начини на глаголното действие в съвременния български език. – София.

КАЗАНСКАЯ 1976: Казанская Э.В. Именная конфиксация в ее отношении к суффиксации. // Именное словообразование русского языка. – Казань. – С. 95 – 103.

КАРЦЕВСКИЙ 1962: Карцевский С.О. Вопросы глагольного вида. Система русского глагола. – Москва.

КРОНГАУЗ 1998: Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – Москва.

КУБРЯКОВА 1981: Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – Москва. – С. 60 – 195.

КУБРЯКОВА, ХАРИТОНЧИК 1976: Кубрякова Е.С., Харитончик З.А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа. // Принципы и методы семантических исследований. – Москва. – С. 202 – 232.

КУРТЕВА 2006: Куртева Т. Синтагматика и семантична функция на глаголните представки в съвременния български език. Дисерт. труд. – Велико Търново.

ЛЕВКОВСКАЯ 1962: Левковская К.А. Теория слова. Принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. – Москва. – С. 262.

ЛИЛОВ 1964: Лиллов М. Семантичен развой на глаголната представка по- в българския език. Изв. на Инст. за бълг. език. X. – С. 65 – 151.

МАРКОВ 1968: Марков В.М. Замечания о конфиксации в русском языке. – *Jezyk Rosyjski*. – №3. – С. 7 – 12.

МАРЧАНД 1969: Marchand K. Die Ableitung deadjektivischer Verben im Deutschen, Englischen und Französischen. *Indogermanischen Forschungen*, 74. – S.115 – 179.

МАСЛОВ 1982: Маслов Ю.С. Граматика на българския език. – София.

ОНХАЙЗЕР 1987: Ohnheiser I. Wortbildung im Sprachvergleich. Russisch -Deutsch. *Linguistische Studien*. – Leipzig.

РАДЕВА 1991: Радева В. Словообразуването в българския книжовен език. – София.

РАДЕВА 1993: Радева В. Словообразователна и семантична структура на деноминалните глаголи в съвременния български книжовен език. – София.

СОБОЛЕВА 1972: Соболева П.А. Моделирование словообразования. // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – Москва. – С. 165 – 212.

УЛУХАНОВ 1977: Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – Москва.

ЧЕЙФ 1975: Чейф Уоллес Л. Значение и структура языка. Перев. с английского Г.С.Щура. – С.139 – 166.

ШАНСКИЙ 1968: Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. – Москва. – 282 с.

О МОДЕЛЯХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ДВУХ ЯЗЫКОВ

В лингвистической литературе уже давно обращалось внимание на необходимость создания модели («рабочей модели») для сопоставительного исследования словообразовательных систем двух языков. [Балтова 1987, с.5]. Вряд ли можно предложить одну универсальную модель, способную раскрыть все особенности двух словообразовательных систем. Для того чтобы максимально полно охватить какой-либо участок языковой системы, необходимо иметь несколько моделей, в конечном счете дающих возможность представить специфическое на фоне универсального.

Крайним случаем расхождения лексических систем являются межъязыковые пары «слово исходного языка сопоставления – лексическая лакуна второго из сопоставляемых языков, заполненная аналитической номинацией», входящие в несколько моделей, в которые вписываются славянские (и не только славянские) языки.

Причиной наличия лексических лакун может быть словообразовательная безэквивалентность одного языка по отношению к другому. К словообразовательно обусловленным будем относить лексические лакуны, возникающие в случаях невозможности в одном из языков выразить словообразовательную семантику с помощью аффикса. Структура заполнителей этих лакун может быть обусловлена словообразовательной структурой соответствующих цельнооформленных номинаций исходного языка сопоставления (рус. *принагнуть* – бел. *крыху нахіліць*) или не обусловлена ей (бел. *траскун* – рус. *сильный мороз*). Словосочетание в таких случаях – «запасной» способ наименования, компенсирующий недостаточность словообразовательных средств [Гак 1977, с. 238].

Словообразовательная безэквивалентность может быть полной, если в языке совсем отсутствует аффиксальное средство выражения какой-либо словообразовательной семантики, и частичной, когда по каким-то причинам аффиксальное средство выражения словообразовательной семантики отсутствует только в отдельных случаях, хотя в иных – безэквивалентность этих средств не наблюдается.

Чтобы классифицировать средства компенсации лексических лакун по месту, которое они занимают среди соседних, идентичных с ними по функции, языковых средств, целесообразно провести исследование с опорой на теорию поля. Полевый подход анализа в данной ситуации должен учитывать три фактора: 1) основные признаки поля в пределах одного языка, 2) фактор межъязыкового сопоставления, 3) обусловленность структуры поля определенным языковым материалом, в частности, в нашем случае наличием словообразовательно обусловленных лексических лакун и средств их

компенсации. Лексические лакуны и средства их компенсации рассматриваются в пределах поля, которое по характеру своей семантики является словообразовательным, а по средствам выражения этой семантики функционально-семантическим.

Рассмотрим некоторые подходы ученых к применению полевой методики с учетом указанного.

Так, В.М. Никитевич отделяет словообразовательное поле от деривационного. Под словообразовательным полем он понимает «поле, основанное на знаковом отличии средств одного уровня... Выражение одного и того же общего значения материально разными словообразовательными аффиксами дает словообразовательное поле... В отличие от словообразовательного поля деривационное поле включает в себя не только производные слова – результат словообразования, но и иные способы номинативной деривации. Семантика деривационного поля модифицируется и дополнительно дифференцируется за счет синонимичных, но несловообразовательных средств ее выражения» [Никитевич 1985, с. 112 – 114]. Такая трактовка деривационного поля приближает его к функционально-семантическому. Близкими по сущности к указанному, но различными по терминологической манифестации являются лексико-семантические поля, в которых взаимодействуют разные типы номинативных единиц – слова простые, производные, сложные и словосочетания разной степени устойчивости и структуры. Эти поля выделяются на основании категориального значения, заданного аффиксом. Такие поля называются и функционально-семантическими [Хидекель 1980, с.120].

Е.В. Тарасова отмечает, что базой сопоставительного описания языков может быть языковое поле. В зависимости от конкретных задач описания эмпирического материала оно может трактоваться как функционально-семантическое, грамматико-лексическое и т.п., но именно с общих позиций теории лингвистического поля изучение контрастивно-типологической проблематики представляется наиболее целесообразным [Тарасова 1991, с. 28 - 29].

Конституенты поля в сопоставительных исследованиях могут предопределяться какой-нибудь структурной категорией в одном из сопоставляемых языков. «... поскольку в контрастивном исследовании рассматриваются, как правило, только два языка – исходный и второй язык сопоставления – отличия между ними, довольно очевидные на структурном уровне, могут быть описаны детально в плане функциональном, в плане относительного перераспределения средств системы второго из сопоставляемых языков для выражения определенного понятийного смысла, заданного структурной категорией исходного языка [Балин 1985, с.136].

Еще более выразительно идея поля с исходной единицей в первом из сопоставляемых языков и с совокупностью единиц, способных передавать ее содержание во втором из языков сопоставления, прослеживается в лингво-

переводческих исследованиях. «... представляется возможным постулировать существование в памяти носителей упорядоченного двуязычия таких совокупностей единиц ПЯ, которые обязательно задействуются каждый раз при необходимости «перевыражения» семантического содержания исходной единицы поля ИЯ. Мы склонны считать, что единица поля ИЯ и соответствующие ей единицы поля ПЯ в своей совокупности образуют особую структуру или функционально-инвариантную группировку элементов, специфика которой проявляется в совместном существовании разноязычных элементов... Семантическое пространство, являющееся определенным образом упорядоченной функционально-инвариантной группой единиц двух языков, служащих для выражения какой-нибудь универсальной семантической единицы..., предлагается назвать межъязыковым полем» [Семенова 1989, с. 36 – 37].

Таким образом, исследование с использованием полевой методики может проводиться в пределах одного или нескольких языков. Конституенты поля способны выражать лексическую, грамматическую, словообразовательную семантику. Функциональный подход к полевому анализу предопределяет наличие разноуровневых средств языка, выполняющих одну и ту же функцию.

В.Н. Ярцева отмечала, что в качестве методического приема необходимо начинать исследование с единиц одного уровня. Однако как только присоединяется функциональная сторона языковых явлений, ограничиться только одним уровнем невозможно. Специфика различных сторон языковой системы должна учитываться при сопоставительном анализе языков. На первый взгляд кажется естественным, чтобы сравнение проводилось по «уровням» языка, это значит, чтобы факты морфологического уровня двух или нескольких языков сравнивались между собой, синтаксические явления сравнивались отдельно, лексические параллели были замкнуты рамками этого уровня. Однако даже на самых простых примерах выявляется, что ограничение сопоставления языковых единиц рамками одного уровня возможно или при узких задачах исследования, или как начальный этап языкового анализа с тем, что в дальнейшем может оказаться необходимым привлечь и лексику, и морфологию, и синтаксис для полноты характеристики существующих подобий и отличий между языками [Ярцева 1967, с. 206]. На эту особенность сопоставления обращали внимание и другие ученые [Джеймс 1989, с.233; Нерознак 1991, с. 96]. В рассматриваемом нами материале разноуровневые языковые единицы являются объектом сопоставления и на начальном этапе. Лексические номинации одного языка сопоставления – тот фон, на котором выявляется место аналитических номинаций во втором языке сопоставления.

Обратимся к фактическому материалу. Прилагательные с формантом *за-* имеют словообразовательное значение ‘превышающий степень качества, названного мотивирующим словом’. В русском языке эта семантика выражается лексически: *бел. загусты* – *рус. слишком густой*, *бел. закислы* –

рус. слишком кислый, бел. залёгкі – рус. слишком легкий и т.п. Слово *слишком*, пожалуй, наиболее точно и универсально передает словообразовательную семантику. Именно оно и предлагается во всех случаях белорусско-русским словарем. Однако это не означает, что русский язык не имеет больше возможностей передать данную семантику. В такой же функции могут выступать и другие слова и сочетания слов с разной степенью спаянности компонентов: *чересчур, излишне, чрезмерно, неумеренно, преувеличенно, не в меру, через меру, сверх (всякой) меры, свыше (всякой) меры, более чем, уж очень*. Их можно определить как **функциональные деривационные средства**. Этот термин охватывает любые языковые единицы (как синтетические, так и аналитические), способные выполнять функцию словообразовательного форманта. Указанное словообразовательное значение и в белорусском языке может быть выражено словом или устойчивым сочетанием слов: *вельмі, надта, неймаверна, моцна, дужа, праз меру, не ў меру, на рэдкасьць, да дзіўнага*. Различные контекстуальные ситуации не исключают использования и других номинаций в этой функции как в русском, так и в белорусском языке. Так, “Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў” М.К. Клышкі предлагает в качестве синонима к слову *вельмі* раздельнооформленную номинацию *на рэдкасьць*. “Словарь синонимов русского языка” З.Е. Александровой в соответствующем синонимическом ряду данной номинации не имеет. Однако это не означает, что в русском контексте нельзя использовать предложное сочетание *на редкость* в той же функции, что и слово *слишком*.

Указанные языковые средства можно рассматривать как конститuentы поля данного словообразовательного значения. Поскольку рассмотренный материал (белорусские слова и русские заполнители лакун, соответствующие этим словам) выявляются в результате сопоставления двух языков, причем состав аналитических заполнителей лакун русского языка обуславливается структурными и семантическими особенностями их однословных эквивалентов в белорусском языке, целесообразно выделять белорусскую и русскую части одного поля. Д. Коллар утверждает, что исходным моментом системного описания языка в сопоставительном плане должна быть новая, искусственно созданная система эквивалентностей. Эта система основана на совокупности эквивалентов сопоставляемых языков и действительна только для этих языков. Такое сопоставление позволит выявить специфические особенности, которые при рассмотрении языковой системы с точки зрения одного языка могут остаться невыявленными (Коллар, 1978, 408 – 409).

Основное отличие белорусской части поля от русской в отмеченном выше случае заключается в том, что белорусская часть имеет в своем составе аффиксальный и лексические конститuentы в качестве носителей словообразовательной семантики, русская – только лексические. Все белорусские языковые средства по своим функциям эквивалентны русским средствам, но русский язык не имеет собственно словообразовательного

средства – префикса или иного аффикса – для выполнения этой же функции, поэтому и возникают лексические лакуны.

Необходимо замечание и относительно других средств выражения анализируемой семантики. В белорусском и русском языках она может быть выражена рядом иных аффиксов: *бел. велізарны, шырачэнны.., рус. величайший, здоровенный...* Суффиксы *-арн-, -эзн-, -айш-, -енн-* и др. также являются конститuentами поля ‘значительно превышающий степень качества, названного мотивирующим словом’. Однако нас интересует только тот фрагмент поля, который обусловлен существованием аффиксов, порождающих наличие лексических лакун. Иначе говоря, нас интересует поле словообразовательного значения с определенным формантом в исходном языке сопоставления. Таких фрагментов поля может быть несколько, если в одном из сопоставляемых языков есть иные форманты, требующие неформантного выражения во втором из языков сопоставления: *бел. залёгкі – рус. слишком легкий и рус. превкусный – бел. вельмі смачны*. Выявление этих фрагментов поля (в данном случае они входят в поле степени проявления признака) позволит на заключительном этапе исследования объединить их и таким образом указать все зоны словообразовательной безэквивалентности белорусского языка по отношению к русскому и наоборот в пределах определенных словообразовательных полей и средства, компенсирующие эту безэквивалентность. Полное описание некоторых из словообразовательных значений сопоставляемых языков в функциональном плане заслуживает внимания отдельных диссертационных исследований (к примеру, поле степени проявления признака).

Белорусские прилагательные с префиксом *за-* имеют и еще одно словообразовательное значение, находящееся фактически на противоположном полюсе оси градации проявления признака по отношению к вышерассмотренному - ‘незначительно превышающий степень качества, названного мотивирующим словом’: *бел. задарагі – рус. дороговатый, слишком дорогой, бел. закароткі – рус. коротковатый, слишком короткий, бел. занізкі – рус. низковатый, слишком низкий, бел. зашырокі – рус. широковатый, слишком широкий* и т.п.

Несмотря на то что русский язык не может выразить указанное значение с помощью префикса *за-*, лексическая лакуна не возникает, ибо есть иное средство – суффикс *-оват-*, характерный, заметим, и для белорусского языка (*-ават-*), в словообразовательной системе которого префикс *за-* и суффикс *-ават-* являются синонимичными: *бел. задарагі и дарагаваты – рус. дороговатый*.

Безусловно, самое экономное средство выражения словообразовательного значения – аффиксальное, поскольку оно позволяет выразить это значение, не выходя за пределы одного слова. Однако функциональный подход в описании языковых явлений предусматривает учет и других средств, способных выступать в той же функции. В данном случае мы не акцентируем внимание

на лексических средствах, ибо в подобной ситуации лексическая лакуна может возникнуть только по субъективным причинам на уровне речи, когда носитель языка захочет сказать, к примеру, не *широковатый*, а *немного широкий*. Что касается языковой системы, то и в белорусском, и в русском языках имеются собственно словообразовательные средства для выражения данного словообразовательного значения.

В редких случаях словообразовательное значение, вносимое в слово префиксом *за-*, совпадает с лексическим значением слова, к которому он присоединяется. В такой ситуации на русский язык это слово передается лексемой, способной совместить в себе значение префикса *за-* и мотивирующего слова, т.е. словообразовательное и лексическое значения: бел. *задужа* – рус. *слишком, чрезмерно*, бел. *залишне* – рус. *слишком, чересчур*, бел. *занадта* – рус. *слишком, чересчур, чрезмерно*.

Иным будет представительство разноуровневых конститuentов поля в случаях, когда формантное выражение словообразовательного значения характерно не только для исходного языка сопоставления, но и (частично) для второго из сопоставляемых языков. Так, глаголы с префиксом *да-* (рус. *-до*) имеют словообразовательное значение ‘действие, названное мотивирующим глаголом, довести до конца, до какого-нибудь предела’: бел. *даабедаць* – рус. *дообедать*, бел. *даабсталяваць* – рус. *дооборудовать*, бел. *даарфаваць* – рус. *довеять*, но бел. *дагарадзіць* – рус. *кончить огораживать*, бел. *дакарыць* – рус. *кончить снимать кору, кончить очищать от коры*.

Как видим, в правой части полей заполнители лакун занимают или все семантическое пространство, или его часть.

Аффиксы и средства, выполняющие функцию аффиксов (функциональные деривационные средства), выражают значение поля не самостоятельно, а в составе соответственно слов и словосочетаний. Поэтому аффиксы и функциональные деривационные средства являются структурно включенными конститuentами поля, ибо они входят (включаются) в более сложные в структурном отношении языковые единицы – слова и словосочетания.

Таким образом, сопоставление языков в пределах поля происходит в двух ярусах: первый – структурно включенные разноуровневые языковые единицы с довольно высокой степенью абстракции – аффиксы и функциональные деривационные средства (ФДС), второй – самостоятельные реальные коммуникативные номинации (также разноуровневые) – слова и словосочетания.

Сопоставление имеет двоякий характер не только потому, что оно затрагивает два указанных яруса, но и потому, что, во-первых, это межъязыковое (горизонтальное) сопоставление, во-вторых, это внутриязыковое (вертикальное) сопоставление разноуровневых конститuentов поля в пределах каждого яруса. Фактически такое сопоставление имел в виду В.фон Гумбольдт, в работах которого довольно эксплицитно прослеживается

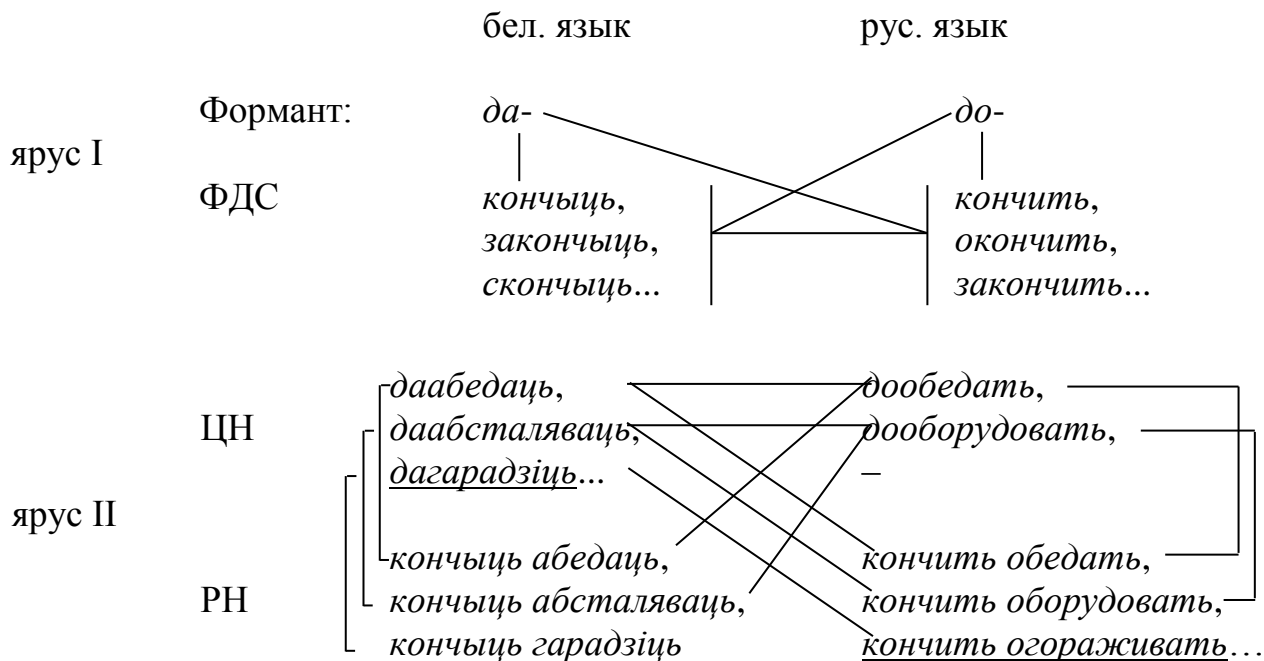
идея поля. Он, в частности, писал о том, что было бы полезно проводить двоякое сравнение: слов, используемых в разных языках для выражения одинакового в общих чертах понятия, и слов одного и того же языка, принадлежащих к одинаковому роду понятий [Гумбольдт 1984, с. 181]. Подобное сопоставление имел в виду Й. Филипец, когда писал о внутриязыковой и межъязыковой конфронтации [Филипец 1978, с. 375], и У.К. Юсупов, обращавший внимание на необходимость внутриязыкового и межъязыкового сравнения [Юсупов 1980, с. 5 - 8].

СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРОИСХОДИТ В ПРЕДЕЛАХ ТРЕХ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ ПОЛЯ. УСЛОВНО ОБОЗНАЧИМ ИХ БУКВАМИ А, Б, В.

Структурный тип поля А (модель А): в одном языке словообразовательное значение выражается формантом и функциональным деривационным средством (ФДС), во втором – только ФДС. На примере поля, ‘значительно превышающий степень качества, названного мотивирующим словом’. Формантное выражение – префикс *за-*.

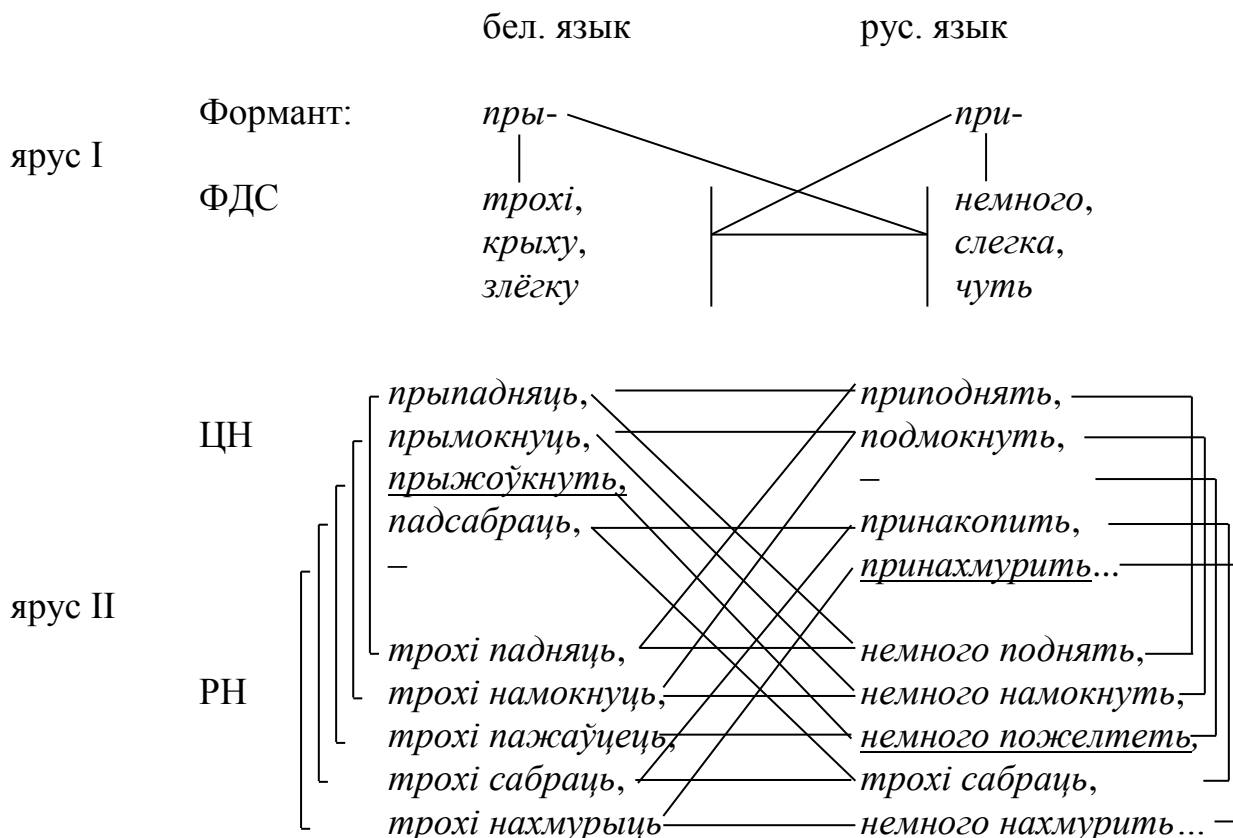

Структурный тип поля Б (модель Б): в одном языке словообразовательное значение выражается формантом и ФДС, во втором – частично формантом и ФДС, частично – только ФДС. На примере поля ‘действие, названное мотивирующим словом, довести до конца, до какой-нибудь границы’. Формантное выражение – бел. *да-*, рус. *до-*.

Структурный тип поля В (модель В):

в части номинаций обоих языков словообразовательное значение выражается формантом и ФДС, в части номинаций опять же обоих языков – только ФДС. На примере поля ‘действие, названное мотивирующим словом, выполнить с незначительной интенсивностью, не полностью’. Формантное выражение – бел. пры-, рус. при-.

Объединение разных функционально-семантических полей (независимо от типа их структуры в поле с более обобщенным характером значения даст и более полное представление о зонах словообразовательной и лексической безэквивалентности в пределах таких обобщенных полей.

Балин Б.М. Методология сопоставительной лингвистики // Принципы и методы исследования единиц языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.

Балтова Ю. Рабочая модель для сопоставительного исследования близкородственных языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М.: Наука, 1987.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1977.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Джеймс К. Контрастивный анализ // Новое в зарубежной лингвистике: Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. – Вып.25.

Коллар Д. Специфика системного описания лексики в сопоставительном плане // Языкознание в Чехословакии. М.: Прогресс, 1978.

Нерознак В.П. Уровни языковой системы и возможности их контрастивного изучения в языковых парах // Знание языка и языкознание. М.: Наука, 1991.

Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. Минск: Выш. школа, 1985.

Семенова И.М. О понятии межъязыкового поля и возможности его использования в лингво-переводческих исследованиях // Сб. науч. тр. Моск. гос. ин-та иностр. яз. им. М.Тореза. – 1989. – Вып. 343.

Тарасова Е.В. Языковое поле как единица дидактической типологии: Учебн. пособ. Киев: УМК ВО, 1991.

Филипец Й. О конфронтации частных семантических систем в словарном составе двух разных языков // Языкознание в Чехословакии. М.: Прогресс, 1978.

Хидекель С.С. Семантическое взаимодействие производных слов с единицами номинации других уровней // Сб. науч. тр. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза. – 1980. – Вып.164.

Юсупов У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики. Ташкент: Фан, 1980.

Ярцева В.Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков // Проблемы языкознания: Докл. и сообщ. сов. ученых на X Междунар. конгрессе лингвистов. М.: Наука, 1967.

**ДЕРИВАЦИОННЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СЕРБСКИМ,
ХОРВАТСКИМ И БОШНЯЦКИМ ЯЗЫКАМИ
(ПРЕЛИМИНАРИУМ¹)**

0. Между сербским, хорватским и бошняцким² языками (далее С, Х, Б) существует большое число совпадений и сходств, но и определенные различия. Об этом существуют противоположные мнения: одни утверждают, что они являются минимальными, другие считают что они очень выражены. Никто не сомневается в том, что сходства являются большими, но спорным является то, насколько велики различия. Чтобы получить реальное представление о тождестве, сходстве и различии в системе словообразования, необходимо рассмотреть: 1) степень изученности словообразования данных языков, 2) уровень изученности деривационных различий, 3) наличие различий в деривационной терминологии, 4) стандартизацию словообразовательных явлений, 5) отношение предписанной и реализованной нормам, 6) стилистический, особенно функционально-стилистический характер словообразовательных различий, 7) возможность проверки в электронных корпусах, 8) суть деривационных различий.³ В настоящей работе мы сможем рассмотреть только первый и второй аспекты.

1. Изученность словообразования. Из 289 отдельных изданий, которые мы исследовали, лишь девять (3%) относятся к словообразованию. Из них 56% написаны сербскими лингвистами, а 44% хорватскими. Что касается периодики, мы рассмотрели 387 работ по словообразованию и пришли к выводу, что 56% относится к сербской лингвистике, 42% к хорватской и 2% к бошняцкой. Их основная часть посвящена отдельным словам (34%), суффиксам и суффиксации (31%), следуют общие проблемы словообразования (16%) и его соотношение с ономастикой (10%). В небольшой части работ рассматриваются приставки и префиксация (5%), сложные слова (4%) и моция (3%). Остальные вопросы представлены всего двумя процентами.

¹ Так мы называем анализ, имеющий предварительный характер, в основе которого находится более широкое исследование в рамках какого-либо научного проекта, монографии и т. п.

² Этот язык является одним из преемником бывшего сербохорватского языка. Боснийский язык имеет еще одно название – „бошняцкий“, которое предпочитают почти все сербы и многие хорваты.

³ Все это является предметом научного исследования „Различия между боснийским/бошняцким, хорватским и сербским языками“ (Грац, 2006-2007). Его основная задача – выявить существенные соотношения между указанными языками, в первую очередь расхождения.

2. **Уровень изученности деривационных различий.** Пока нет ни одной отдельной работы, посвященной различиям между С, Х и Б. Из-за этого основательные выводы можно сделать лишь после тщательных и глубоких исследований. О различиях больше всего говорится в хорватской литературе, причем как правило при рассмотрении конкретных вопросов. Очень часто в таких работах указывается на то, что речь идет о сербизме и что поэтому не рекомендуется его использовать. Это особенно характерно для Степана Бабича. Так, в анализе моционных существительных он пишет: „Pravilo za osnove na **-telj** vrijedi samo za hrvatski književni jezik jer u njemu samo iznimno dolaze imenice sa **-teljka**. U srpskom je **-teljka** normalno, a **-teljica** samo iznimno. To je jedna od tvorbenih razlika između ta dva književan tipa.“ (BABIĆ 1995a, 126)¹. В хорватском языке используются существительные с суффиксом **-teljka** типа: *natjecateljka, čitateljka, osiguravateljka, trepteljka, učiteljka, dobročiniteljka, spasiteljka, roditeljka, žiteljka, buteljka, braniteljka* [Кро-Корп1]. Утверждение, будто в сербском языке существительные для обозначения лиц женского пола на **-teljica** являются исключением, не подтверждается нашими данными, а именно 74 примерами: *braniteljica, buditeljica, čitateljica, darovateljica, davateljica, dobročiniteljica, domoupraviteljica, gledateljica, gojiteljica, goniteljica, graditeljica, hraniteljica, iskupiteljica, izbaviteljica, izjednačiteljica, izmiriteljica, izumiteljica, krotiteljica, kućepaziteljica, ljubiteljica, miriteljica, moliteljica, mučiteljica, nadahniteljica, nadzirateljica, nastojateljica* и т.д., включенными в Обратный словарь сербского языка [NIKOLIĆ 2000, 215-216]. Поэтому вряд ли стоит называть исключением то, что представлено целым набором примеров. Здесь лучше говорить о том, насколько употребляются такие лексемы, какая их частота и как они в реальной практике сосуществуют со словами, имеющими суффикс **-teljka**. В упомянутом словаре оказалось почти в одинаковом количестве (78) существительных с этим суффиксом: *braniteljka, buditeljka, čitateljka, darovateljka, davateljka, dobročiniteljka, domostrojiteljka, domourpaviteljka, gajiteljka, gledateljka, gojiteljka, goniteljka, graditeljka, hraniteljka, isceliteljka, iskupiteljka* и т.д.. Далее Бабич утверждает: „Ako osnovna imenica završava na **St**, tada u srpskom književnom jeziku dolazi samo **-kinja** (*maturatkinja, studentkinja*), a u hrvatskom **-ica** i **-kinja** (*maturantica, studentica..., feministkinja, komunistkinja...*), dubletno (*biciklistica – biciklistkinja, konkurentica – konkurentkinja...*).“ [BABIĆ 1995a: 131] Но это тоже является

¹ На другом месте С. Бабич критически рассматривает позицию М. Стевановича, который писал: „Ove imenice [*roditelj, prijatelj, učitelj...* – В. Т.) su građene prema ruskom ili starocrkvenom jeziku (istakao S. B.), zato ih je kod starijih pisaca bilo znatno više. Kod njih nalazimo i: *gonitelj, i krčitelj, i istrebitelj, i preporoditelj, i čitatelj* i dr. Ali ove reči ne odgovaraju prirodi našeg jezika (istakao S. B.), već se mesto njih upotrebljavaju imenice na **-lac**: *gonilac, krčilac* itd.“ [BABIĆ 1968, 69-70].

спорным: в сербском языке существуют целая группа слов (50) типа: *agentica, altistica, apsolventica, apstinentica, artistica, bahantica, cirkusantica, scenaristica, slavistica, solistica, sopranistica, statistica, stažistica, stenotipistica, stipendistica, studentica, suplentica, telefonistica, vještica* и под. [NIKOLIĆ 2000].

На позицию С. Бабича „А најважније је нагласити да нема ни једне именце са **-kinja** која данас не би могла тај суфикс лако замијенити са **-ica**“, отреагировао писатељ Слободан Новак, сказав што ест много таких слов. С етим Бабич согласилсја и одветил, што он имел в виду тољко существительные на **-ant, -ent, -ist** [BABIĆ 1999b: 198].¹ В словаре Ђосипа Матешича мы нашли 36 существительных на **-antkinja**: *bahantkinja, bakanantkinja, cirkusantkinja, debitantkinja, defraudantkinja, demonstrantkinja, denuncijantkinja, diletantkinja, diplomantkinja, diskutantkinja, maturantkinja, praktikantkinja, prenumerantkinja, prevarantkinja, projektantkinja, protestantkinja, reflektantkinja, reprezentantkinja, špekulantkinja, trafikantkinja* и под., 19 существительных на **-entkinja**: *pacijentkinja, petentkinja, pretendentkinja, referentkinja, regentkinja, repetentkinja, studentkinja, suplentkinja*² и под. и 195 существительных на **-istkinja**: *enciklopedistkinja, epizodistkinja, esejistkinja, esperantistkinja, fabulistkinja, fakturistkinja, fašistkinja, fatalistkinja, federalistkinja, feljtonistkinja, feministkinja, filatelistkinja, finalistkinja, folkloristkinja, formalistkinja, futuristkinja, germanistkinja, gimnazistkinja, gitaristkinja, grecistkinja, harfistkinja, horistkinja, klerofašistkinja, klinicistkinja, kokainistkinja, kolaboracionistkinja, kolonistkinja, komercijalistkinja, komponistkinja, komunistkinja, kongreganistkinja, kongresistkinja, konjunkturistkinja, kontoaristkinja, konzervatistkinja, konzervatoristkinja, kopistkinja, koristkinja, kriminalistkinja, kroatistkinja, kubistkinja, kupletistkinja, kursistkinja, laburistkinja, stipendistkinja, sufražistkinja, telefonistkinja, telegrafistkinja, teroristkinja, tradicionalistkinja, traktoristkinja, trockistkinja, turistkinja, unanimistkinja, unionistkinja, unitaristkinja, urbanistkinja, verbalistkinja, veristkinja, viliončelistkinja, violinistkinja, violistkinja, violončelistkinja, zboristkinja, zenitistkinja, žirondistkinja, žurnalistkinja* и под. [MATEŠIĆ 1965-1966]. Далее Бабич утверждае: „Суфикс је **-lica** normalan i plodan суфикс, а **-alica** samo izniman.“ [BABIĆ 2002: 111]. Но лексем на **-alica** довољно много в

¹ Бабич критически относится к тем, которые, на его взгляд, не очень хорошо разбираются в данном вопросе: „[...] neki krivo shvaćaju hrvatsko-srpski odnos *doktorica – doktorka, profesorica – profesorka, studentica – studentkinja* smatajući da je **-ica** hrvatski суфикс, а **-ka, -kinja** srpski па настоје наметнути **-ica** i тамо гдје му по хрватском е језичном е суставу није мјесто. Тако су нам недавно неки покушали наметнути ликове као *novinarica, sinoptičarica, sudica* i sl. Smetnuli su s uma ili nikada nisu ni znali da su суфикси мочијске творбе **-ica, -ka, -kinja, -inja** једнако хрватски као и српски, а разликују се само расподјелом, хрватска је нешто друкчија од српске.“ [BABIĆ 1999a, 109].

² В обратном словаре сербского языка приводятся 23 существительных на **-entkinja** [NIKOLIĆ 2000].

словарях Матешича 1965-1966 (220 примеров) и Николича 2000 (281). В заключение Бабич пишет: „Na raspodjelu utječe i to što između hrvatskoga i srpskoga jezika na ovom području postoje i sustavne i tendencijske razlike (podvukao БТ), kao što se vidjelo iz dosadašnjeg izlaganja.“ (BABIĆ 1995a: 131) Однако, если наши приведенные данные являются точными, то они опровергают такой вывод. К сожалению, Бабич не останавливается на этом. Он продолжает: „Ima velik broj veoma čestih riječi mocijske tvorbe koje u hrvatskom književnom jeziku imaju **-ica**, a u srpskom **-ka** ili **-kinja**: *autorica – autorka, doktorica – doktorka, hraniteljica – hraniteljka, partnerica – partnerka, profesorica – profesorka, slikarica – slikarka, maturantica – maturantkinja, studentica – studentkinja...*“ [BABIĆ 1995a, 132]. Но слова на **-rica** представлены и в Обратном словаре сербского языка [NIKOLIĆ 2000]. Например: *arhivarica, autorica, bačvarica, badnjarica, bedinerica, berberica, bibliotekarica, bojarica, bravarica, brdarica, brodarica, bubnjarica, cicvarica, čigrica, cimerica, pretrgarica, profesorica, pudarica, purgarica, rektorica, salatarica, sekretarica, senatorica, serdarica, šiparica, slastičarica, slikarica, služarica, smokvarica, šnajderica, sobarica, šogorica, spikerica, spletkarica, sprinterica, starica, stazarica*. Трудно представить, что в сербском языке можно использовать суффикс **-ka, -kinja** вместо **-ica** в словах типа *pušačica, navijačica, rukometašica, odbojkašica*. Кроме того, в хорватском языке существует целая группа слов на **-rka** [Kro-Korp1]: *analitičarka, atletičarka, bolničarka, dijabetičarka, dramatičarka, frizerka, gimnastičarka, grafičarka, guvernerka, instalaterka, instrumentarka, inženjerka, jedriličarka, juniorka, keramičarka, kozmetičarka, krtičarka, ljevičarka, maserka, mističarka, mjesječarka, montažerka, narkomanka, novinarka, parlamentarka, pionirka, poklisarka, političarka, povjesničarka, premijerka, recepcionarka, rekorderka, reporterka, revolucionarka, seniorka, smečarka, tehničarka, vratarka*.¹

В другой работе этот автор занимает умеренную позицию и утверждает, что некоторые, стремясь увеличить различия между хорватским и сербским языками, чересчур стараются и делают насилие над хорватским языком,² и что проблема является не простой, чтобы ее решить

¹ Правда, Степан Бабич пишет о таких случаях.

² В частности он пишет: „Neki u nastojanju da hrvatski jezik pohrvate, čine jednako tako veliki grijeh, ako ne i veći, kao da su upotrijebili srbizam. Katdaka pohrvaćenje ide do komičnosti. Tako nas jedan novinar upozorava da se na turističkoj stranici Vjensika pojavila riječ *krstarenje*, a malo zatim kaže *križarenje* Nilom, a drugi u istom broju Vjesnika na zalet drugoga novogovornika koji je umjesto *srednji vijek* napisao ‘u ranom srednjem Stoljeću’. Treći novinar pišući o požaru u neboderu u Novome Zagrebu, prenosi riječi *stanarke* u čijem je stanu izbio požar, i kaže da je ona *stanarica* (отметил БТ).“ [BABIĆ 2004, 182]. Он дает следующий комментарий: „Za popravljjanje hrvatskoga jezika nije dovoljno rodoljublje, nego treba i znanja. Tko za stanarku kaže da je *stanarica*, taj ne samo da ne zna dovoljno hrvatski jezik nego ni zoologiju. Znanje o pticama stanarimama i selicama ide u opću naobrazbu [...] Tko dakle želi hrvatski jezik pohrvaćivati, a nije potpuno siguran, neka prije

политически и сказать, что **-ica** является хорватским суффиксом, а **-kinja** сербским [Babić 2004, 181].

С связи с существительными с суффиксом **-ba** Бабич констатирует, что некоторые из них используются только в хорватском, а другие на всей хорватско-сербской территории, причем синонимы на **-ba** являются более частотными в хорватском языке [BABIĆ 1995a: 137]. Здесь он повторяет то, что сказал в работе, опубликованное в 1964 году: при наличии двух существительных – отглагольного и не глагольного, надо предпочитать второе [BABIĆ 1963/64, 68]. Отметим, что данная работа имела название „O uklanjanju hrvatsko-srpskih jezičnih razlika“ („Об устранении хорватско-сербских языковых различий“). Но сегодня Степан Бабич является одним из самых ярых сторонников удаления хорватского от сербского, к чему он, по собственному признанию, стремится. Позиция в исследовании структуры языка, основанная не на научных позициях, а на политических, общественных, идеологический или личных, всегда вызывает подозрение.¹

В различных работах С. Бабич рассматривает ряд конкретных слов по их отношению к сербскому языку. В связи с вопросом, что является правильным *dioničko* или *dioničarsko društvo*, Бабич утверждает: „Srpski se to kaže *akcionersko društvo*, čemu je u hrvatskom adekvatno *dioničarsko društvo*.“ [BABIĆ 1989a, 26]. Но это противоречит фактам: в сербском языке используется и прилагательное *deoničko/dioničko*, *deoničarsko/dioničarsko*. В качестве доказательства приведем лишь следующий пример: Комитет по стандартизации сербского языка принял Решение № 3 „*Akcionarsko, deoličko ili deoničarsko društvo*“, в котором написано: „Od tri istoznačna izraza u javnom optičaju najpogodnijim se može smatrati *deoničarsko društvo*.“ [Srpski jezik 2006, 77-78]. В принятом решении указывается на то, что все три прилагательных являются правильными. Бабич также утверждает: „[...] zanimljivo je pripomenuti da hrvatski i srpski naziv ne bi mogli biti isti ni kad bi Hrvati uzeli tuđicu *akcija* ni kad bi Srbi preuzeli hrvatsku riječ *dionica*. U prvom slučaju hrvatski naziv bio bi *akcionarsko društvo*, a srpski *akcionersko društvo*, a u drugom hrvatski *dioničko društvo*, a srpski *deoničko društvo*.“ [BABIĆ 1989a, 26]. Это тоже не соответствует тому, что приводится в указанном сербском решении.

В связи с словами *dobrovoljac* и *dragoljovac* Степан Бабич пишет, что есть много примеров для обоих слов и в хорватском и в сербской

dobro provjeri svoje inovacije ili neka pohrvaćivanje prepusti znalcima. Jezik je nježno tkivo i nije za grube ruke pa bile i rodoljubne“.

¹ Его взгляды являются часто противоречивыми. Например, на одном месте он утверждает „Najbolje je kad se opravdane promjene zbivaju neprimjetno, postupno, kako se u jeziku često i zbiva, но сказу добавляет: „osim ako ne dođe do prijelomnih razdoblja kao što je ovo naše.“ [BABIĆ 1995a, 143]. В 1964 году он писал, что „u rješavanju spornih riječi ne bismo smjeli polaziti odatle da li se koja riječ više upotrebljava u Srbiji ili Hrvatskoj“ [Babić 1963/64: 63].

литературе [Babić 1996].¹ Он считает, что в хорватском языке преобладает *polovica*, а в сербском *polovina*, хотя нельзя говорить о четкой поляризации, а о тенденции [BABIĆ 2000, 154]. С. Бабич отмечает, что в некоторых пособиях утверждается, что слово *polovina* является сербским, а *polovica* хорватским, „но я считаю, что они не заслуживают особого внимания, хотя такое мнение является характерным“ [BABIĆ 2000, 153]. Он считает, что в сербском языке более обычным является *polovina*, а в хорватском *polovica*. „Mislim da se ipak ne može govoriti o jasnoj hrvatsko-srpskoj polarizaciji tih riječi nego samo težnji za takvom polarizacijom.“ [BABIĆ 2000, 154].² „Razliku treba dakle tražiti na području upotrebe i na semantičkom planu.“ [BABIĆ 2000, 154]. Что касается слов *sjedalo* и *sjedište*, Бабич пишет, что нельзя утверждать, что в хорватском языке используется только *sjedalo* в значении ‘место для сиденья’. [BABIĆ 1985, 154].³ По отношению к выражению *Djed Božićnjak* (является ли правильной заменой „коммунистического“ *Djeda Mraza* и „сербского“ *Božić-Bata* выражением *Djed Božićnjak* („zamjena za komunističkoga Djeda Mraza ili srpskoga Božić-Batu“), Бабич выступает против названия *Djed Božićnjak*, так как, по его мнению, речь идет о насильственном изменении коммунистического *Дед мороза*, Кроме того, „našoj djeci darove za Božić donosi Mali Isus (a na nekačav Djed, pa niti Djed Božićnjak)“ [BABIĆ 1993, 63].⁴ Бабич констатирует, что в последнее время появилось много тех, которые придумывают новые слова (для них он использует название „tvorbenjak“).⁵

3. Одним из первых, кто попытался разобраться в сербском и хорватском характере глаголов **-isati** и **-irati**, был Петр Скок (SKOK 1955-1956). Он указывал на разницу в употреблении таких глаголов на западной

¹ „Ne može se dakle govoriti da je jedna hrvatska, a druga srpska.“ [BABIĆ 1996, 34]. „Obje su dakle riječi hrvatske, a što je *dragoljovac* danas u izrazitoj prednosti, to je zato što nestručniji primjenjuju u načelu neprihvatljivo pravilo: ako je od dva sinonima jedan rjeđi, taj je hrvatski. To pravilo u konkretnome rješavanju nekih problema nije dobro.“ [BABIĆ 1996: 34].

² Об этих двух словах см. также [BABIĆ 2001].

³ Илья Протуджер различает *sjedalicu*, *sjedalo* и *sjedište* [PROTUĐER 1988, 112].

⁴ Степко Тежак предлагает слово *Božićnjak* заменить словом *Božićko* [Težak 2000, 139]. См. также [BIĆANIĆ 1993].

⁵ „Javilo se više tvorbenjaka, uglavnom laika, koji pokušavaju zamijeniti mnoge, često ustaljene tuđice, a neki nastoje i sve, jasno, bez uspjeha, ali su zanimljive neke njihove tvorbe: *akademija – znanište, alarm – bun, alt – dubik, amortizer – ublaženik, ampula – sudak, Ande – Velegorje, bomba – krhotnica, rasprsnica, dok – brodovište, kompresor – tlačilo, kongruencija – sukladba, separator – odvojniki, sintagma – skupnica, snajper – točnozor, šljem – tjemenac, glavoštinitnik, tromblon – izbačnica...*“ [BABIĆ 1998, 113]. Для новых „словотворцев“ (novi jezički dušebrižnici) Степко Тежак использует название *gledenazočništvo*, *gledenazočnici* (*gledenazočništvo*, *gledenazočnici*) [TEŽAK 1991, 116].

и восточной частях сербохорватского языка: „Sufiks **-isati** nalazio se prvobitno samo na istoku našeg velikog područja.“ [SKOK 1955-1956, 37].¹

4. Среди других авторов заслуживают внимания взгляды Марьяна Крмпотича (KRMPOTIĆ 2001). На одном месте он предупреждает: „POZOR! Srbi kažu *lasta*, Hrvati *lastavica* i ne osjećaju tu riječ kano umanjenicu. Srbi kažu samo *ljubičica*, što je u hrvatskom umanjica i znači samo *ljubica*, pa Hrvati riječ *ljubica* ne osjećaju uvećanicom.“ (KRMPOTIĆ 2001: 144). Но в Serb-Korp мы нашли 23 слов *lastavica*. Далее он пишет: „Obćenito, hrvatski često ima različite dočetke od srbskoga za tvorbu izvedenica koje znače zanimanje, osobinu ili činitelja neke radnje u mužkome rodu ili različite riječi. Srbi često rabe i tuđice ili za njihovu tvorbu tuđe dočetke.“ В списке около 100 слов Крмпотич приводит и такие (на его взгляд) сербские слова: *njorac* (вообще нет примеров в Korp-Serb, „хорватское“ *ronilac* 49, *gnjurac* 3) *gnjurač* (в Korp-Serb 0), *poručioc* (вообще нет примеров в Korp-Serb, *poručilac* упоминается в нем только один раз, а также *naručilac*), *varalac* (в Serb-Korp 19, „хорв.“ *varalica* 38), *zaveštač* (в Serb-Korp 1, „хорв.“ *oporučitelj* 0), *zavisnik* (в Serb-Korp 41, „хорв.“ *ovisnik* 10), *gajitelj* (в Serb-Korp 0, „хорв.“ *uzgajitelj* 1). Очень странным является тот факт, что к сербским словам М. Крмпотич относит неправильные формы типа *prenosioc* (по отношению к хорватскому *prenosnik*), *predvodioс* (*predvodilac*), *poručioс* – (*naručitelj*), *varioc* (*zavarivač*), *zavodioс* (*zavodnik*). Сербскими формами он считает также *armiski* (в хорватском: *armijski*), *hemiski* (в хорватском: *kemijski*), *istoriski* (в хорватском: *historijski*), *kaliski* (в хорватском: *kalijski*), *lutriski* (в хорватском: *lutrijski*), *preriski* (в хорватском: *prerijski*), *sudiski* (в хорватском: *sudijski*), *šumadiski* (в хорватском: *šumadijski*), *teoriski* (в хорватском: *teorijski*) [KRMPOTIĆ 2001, 189]. Насколько все это спорно, свидетельствует следующий пример: в качестве эквивалента для хорватского выражения *zadnji tjedan u ožujku* или *zadnja nedjelja u ožujku* он приводит *poslednja n e đ e l j a u martu* [подчеркнул Б. Т.] – [KRMPOTIĆ 2001, 193]. Этот автор утверждает, что сербы всегда используют предлог *sa*, однако в сербском так часто появляется предлог *s*, что при нашей попытке перенести в Word все примеры, обнаруженные нами в Korp-Serb, программа зависла.² Далее Крмпотич утверждает: „U

¹ Он продолжает: „Glagolski sufiks na zapadnu je književni sufiks, koji je u raponskoj Hrvatskoj prodr'o i u narodni govor.“ [SKOK 1955-1956: 39]. „Maretić je tvrdio da -isati nije nimalo srpskije od -irati.“ [SKOK 1955-1956, 41]. „Kod nekih glagola se već stvorio izvjestan uzus u Beogradu na -isati, a kod drugih u Zagrebu na -irati.“ [SKOK 1955-1956, 43].

² Критически рассматривая позицию Иво Праньковича, Божо Чорич также указал на неоправданность исключения предлога *s* из сербского языка: „Površna konstatacija da u srpskom 'imamo gotovo uvijek *sa* i *ka*, za razliku od hrvatskog koji ima *s* i *k*, osim kad prijedlozi dolaze ispred istih ili posve sličnih suglasnika i suglasničkih skupina (usp. *s njima* – *sa njima*, *s prijateljem* – *sa prijateljem* [...])' predstavlja eklentatan primjer obmanjivanja javnosti netačnim predstavljanjem činjenica. U svim gramatikama, nezavisno

hrvatskom rabimo ženski rod imenica za oznaku zanimanja žena. Srbi govore o ženama u muškom rodu.“ [KRMPOTIĆ 2001, 150]. Следовательно: в сербском языке нет другой возможности. На одном месте он слово *čivutana* упоминает как сербское, хотя в настоящее время оно вышло из активного употребления и поэтому его вообще нет в Korp-Serb.¹ Он также констатирует, что „Srbski ima **za-**, hrvatski **u-**, на пр.: *zamoren = umoran*“, хотя прилагательное *umoran* встречается в Serb-Korp очень часто (580). Спорным является и следующее утверждение: „Srbski ima **sa-**, hrvatski **pri-** ili **do-**, на пр.: *sačekati = pričekati dočekati* [KRMPOTIĆ 2001, 171], так как *pričekati* встречается в Serb-Korp 104 раза, а *dočekati* Serb-Korp 142. М. Крмпотич также предупреждает: „POZOR! Kako Srbi ne imaju zbornih imenica: *gledateljstvo, slušateljstvo, čitateljstvo*, onda mjesto *gledateljstvo* rabe rieč *gledalište*, а *gledalište* u hrvatskom znači ‘prostor za gledateljstvo’. PRIMJERICE: ‘Gledalište Hrvatskoga narodnoga kazališta u Zagrebu može primiti brojno gledateljstvo’. Tako, Srbi moraju pozdraviti: ‘*Dragi slušaoci!*’ i ‘*Dragi gledaoci!*’ i ‘*Poštovana čitalačka publiko!*’, služeći se pravilom vukovaca iz srbskoga kako muški rod kao neobilježen odjel može biti i zastupnikom obaju spolova. Hrvatskom to ne treba. Hrvati za to imaju svoje zbirne imenice koje obuhvaćaju i mužkarce i žene: ‘Štovano gledateljstvo!’ ili ‘Veleštovano slušateljstvo!’ ili ‘Cijenjeno čitateljstvo!’ i t. d.“ [KRMPOTIĆ 2001, 144].² В глагольных формах *preporučam* и *preporučujem*. Марьян Крмпотич не находит хорватско-сербское различие, а хорватскую региональную дифференциацию.³

5. Илья Протуджер является еще одним хорватским лингвистом, который занимается словообразовательными различиями между хорватским и сербским языками [PROTUĐER 1998]. Он не интересуется теоретическими вопросами словообразования, а конкретными нормативными проблемами. Этот автор указывает в частности на то, что *uputstvo* является сербизмом, а *naputak* представляет собой старое хорватское слово.⁴ Протуджер выступает за равномерное использование

od mjesta štampanja, ova dva predloga navode se u dvama likovima: s(a) i k(a).“ [ĆORIĆ 1998, 555].

¹ „Tako i u srbskom ima imenica s dočekom **-na**; primjerice: *čivutana (geto)*.“ [KRMPOTIĆ 2001, 152].

² В целях унификации мы и здесь использовали маркировку слов при помощи курсива и убрали кавычки, а для выделения аффиксов – полужирный шрифт.

³ По отношению к паре *preporučam – preporučujem* Степко Тежак различает восточную и западную часть Хорватии: „Moglo bi se tvrditi da je za istočni dio hrvatskog jezičnog područja *preporučam* zastarjelo, ali se to za zapadni dio teško može reći, iako lektori taj lik marljivo trijebe.“ [TEŽAK 1991, 115].

⁴ „*Uputstvo* je srbizam, а *naputak* je stara hrvatska riječ.“ [PROTUĐER 1998, 10]).

izvješće и *izvještaj*.¹ Он рекомендује виброшити слово *ponaosob* и *naosob*,² а такође выступает против слова *kičma*.³ Вместо *telefaks* он предлагае *dalekoumnoživač*, вместо *teleperinter* – *dalekopisač*, *telefoto* – *dalekoslikač* [PROTUĐER 1998, 62]. По его мненју из шести названий *ratar*, *težak*, *zemljoradnik*, *poljoprivrednik*, *poljodjelatnik*, *poljodjelac* слово *zemljoradnik* является более сербским, а в хорватском больше всего используется *poljodjelac* и *poljodjelatnik*. „*Zemljoprivreda* i *zemljoprivrednik* djelomice su u duhu srpskoga, a hrvatskome jeziku ostali nazivi [*ratarstvo*, *zemljoradnja*, *zemljotežništvo*, *poljoprivreda*, *poljodjelstvo* – В. Т.]“ [Protuder 1998, 68]. Прилагательное (*ne*)*zavistan* считает не только сербским, но и хорватским.⁴

6. Список примеров Петра Губерины, который одним из первых написал отдельную статью о словообразовательных различиях между хорватским и сербским языками, во многом не соответствует современному состоянию и требует осторожности при использовании [GUBERINA 1941].

7. В стремлении все слова, которые считаются сербизмами, заменить сугубо хорватскими, появляется одно значительное препятствие, которое мы называем блокированной деривацией. Под этим мы подразумеваем случаи, когда в принципе можно образовать определенное слово, но этому мешает то, что уже существует такое слово с другим значением. В сербском-хорватских словообразовательных корреляциях попадают часто такие случаи. С этой проблемой сталкиваются особенно те, которые во что бы то ни стало стараются заменить слово, которое является на их взгляд сербизмом. Например, в хорватском языке *крест* гласит *križ*, а в сербском *krst*. Но в хорватском нельзя сказать *križariti*, а *krstariti*, так как глагол *križariti* занят другим значением. *Крылатая ракета* на сербском называется *krstareća raketa*, но в хорватском языке нельзя употребить *križna* или *križareća raketa*. Некоторые слова, от которых нельзя образовать хорватскую лексему, приводит сам Бабич, скажем *krstarica* ‘крейсер’, так как *križarica* имеет значение ‘žena križara’ [BABIĆ 2004, 193]. Определенные хорватские слова можно

¹ „*Izvješće* ne treba potiskivati *izvještaj*, kako se to sada posljednjih pet-šest godina činilo, jer se obje riječi uklapaju u hrvatski rječotvorni sustav. *Izvještaj* ima prednost, a može imati značenje: kraći *izvještaj*.“ [PROTUĐER 1998: 104].

² „Priloge *ponaosob* i *naosob* treba odstraniti iz hrvatskoga jezika koji su mu u posljednjih sedamdeset godina na silu nametnuli i nemaju nikakva uporišta u hrvatskoj jezičnoj tradiciji.“ [PROTUĐER 1998, 59].

³ „Riječ *kraljeznica* i *kralješnica* rabit ćemo u biološkome i medicinskome nazivlju, a ne riječ *kičma* jer ona tim dijelom pripada srpskome jeziku.“ [PROTUĐER 1998, 54].

⁴ „Svojedobno sam se prepirao (polemizirao) u novinama s cijeljenim jezikoslovcem o tome kako riječ (*ne*)*zavistan* nije samo srpska, kako je on tvrdio, nego je i hrvatska, kako sam ja dokazivao. Naravno, nismo se složili, a ja i dalje mislim da su riječi *zavisan*, *nezavisan*, *zavisiti* i sl. hrvatske riječi, iako predlost dajem riječima *ovisan*, *neovisan*, *ovisiti* i sl.“ [PROTUĐER 1998, 71].

образовать только от *krst*: *krstokljun* (птица), *raskrstiti s kime* (прекратить отношения, разойтись с кем-нибудь), *krstariti* (делать круиз, быть в круизе): *krstarenje brodom* (круиз). Существует целый ряд таких примеров в терминологии, скажем *pauk krstaš* (*Araneus diadematus*)¹, так как *križar* обозначает человека. Некоторые слова при этом меняют оттенки значения лексем *krstarenje*, напр., *križanje*, *kružna plovidba*. Бабиц указывает на то, что хорватскими словами являются и *križ* и *krst*, так как хорваты используют слово *krst* в выражениях типа *krst Ivanov*, *Jedna vjera! Jedan krst!* Он указывает и на семантическую разницу в некоторых случаях: предложение *Dijete se križa*. значит ребенок правой рукой делает знак креста на себе, а предложение *Dijete se krsti*. обозначает церковный обряд крещения ребенка, когда ему дают имя, поэтому тогда используется слово *krst*, *kršćenje*, *krstitke*. Тот, который крестит, называется *krstitelj* (ср. *Ivan Krstitelj*), тот, кого крестят – *krštenik*, имя которое дают – *krsno ime*, место и посуда – *krstionica*, а „нас называют“ *kršćani*. Бабиц предупреждает, что не надо бороться со словами, которые по сути дела являются хорватскими.² Блокировка существует особенно тогда, когда от типично хорватского слова нельзя образовать прилагательное (напр., от *vlak* – **vlačni red*), поэтому используется *vozni* от *voz*, что связывается с сербским языком.³ По отношению к разнообразию, которые является основой любой коммуникации, Степан Бабиц занимает очень рестриктивную позицию.⁴

8. В сербской лингвистике не наблюдается большой энтузиазм в изучении словообразовательных различий, и нам неизвестны специальные работы на эту тему. В последнее время в сербском языкознании усиливается тенденция к пересмотру статуса иностранных слов. Некоторые при этом занимает радикальную позицию. Она порой относится и к хорватскому языку. Так Миле Медич пишет: „U Hrvatskoj nema nikakvih ‘srbizama’. U Hrvatskoj su sve riječi srpske. Sve su one srbizmi.“ [MEDIĆ 2004, 113]. Критическую позицию по отношению к хорватским толкованиям различий высказал Божо Чорич. Он подчеркивает, что не только уменьшительно-ласкательный суффикс *-će*, но и *-ić/-čić* принадлежат сербскому языку [ĆORIĆ 1998, 558]. Чорич занимает критическую позицию к „искусственному“ созданию различий между сербским и хорватским языками: „Kad nema dovoljno razlika unutar postojećeg standardnog jezika onda se razlike vještački proizvode. One su

¹ Некоторые предлагают название *ukrasni pauk*.

² „Jezik je složen organizam, zato u jezičnim ocjenama valja biti oprezan da ne bismo krivo sudili, a posebno da ne bismo zbog nerazumjevanja hrvatsko-srpskih jezičkih odnosa progonili hrvatske riječi.“ [BABIĆ 2004, 193]

³ В качестве решения Степан Бабиц предлагает использовать слово *voznica* [BABIĆ 1995b, 119].

⁴ „[...] ako za isti pojam imamo u jeziku dvije riječi koje se potpuno podudaraju i u logičkom i u afektivnom značenju, jedna je od njih suvišna, balast.“ [BABIĆ 2004, 195]

‘rezultat najnovijega službenoga i/ili neslužbenoga arhaiziranja, novoteorenja i uopće razjednačavanja u hrvatskome sšandardu, npr.: *šport – sport, pristupnik – kandidat, suosnik – koaksijalni kabel, predočnik – ekran, perilica – mašina za pranje veša, glavnjak – džekpot, mamutnjak – džambodžet, limunika – grapefruit (sic), odmoridba – turizam, igralica – igračka, samovrtjelica ili zrakomlat – helikopter* itd.’ U kojoj mjeri i kojom brzinom će se ova ‘novotvorenja’ uključiti u jezičku praksu Hrvata, ostaje da se vidi. Trenutno stvari stoje ovako: u jednom razgovoru na hrvatskoj televiziji (13. aprila 1998) rektor Zagrebačkog sveučilišta govori o prijemu i upisu *pristupnika* na fakultete, a TV-novinarka sve vreme govori o *kandidatima* za prijem i upis.“ [ĆORIĆ 1998, 559]. Чорич также критически рассматривает взгляды австрийского языковеда Хелмута Вайнбергера [ĆORIĆ 2003, 212-219].

9. Что касается позиции бошняцких лингвистов, она пока сильно не проявляется. Здесь выделяется работа Наилы Валевац, в которой сравниваются языки Боснии и Герцеговины (боснийский, сербский и хорватский) и выделяются следующие своеобразия: 1) боснийская и хорватская норма предусматривает только существительные на **-ist** (*lingvist*), 2) в сербском норме допускается и **-ista** (*lingvista*), 3) боснийская и сербская нормы допускают дублиеты *diplomat/diplomata*, 4) существительные с суффиксом **-telj** господствуют в хорватском языке (*čitatelj*), а боснийском используется и суффикс **-lac** (*gledalac*), 5) в хорватском языке существительные на **-ba** (*izvedba, provedba*) вытеснили существительные на **-nje** (*izvođenje, provođenje*), в то время как в боснийском языке более частотным и обычным является второй суффикс, а сербский язык придерживается старых словообразовательных моделей (*nagodba, pogodba* но *izvođenje, provođenje*). [VALJEVAČ 2005, 85-86]

Литература:

BABIĆ 1963/64: Babić S. Uklanjanje hrvatsko-srpskih jezičnih razlika // Jezik. – Zagreb. – Br. 10/3. – S. 63 – 71.

BABIĆ 1968: Babić S. Sporni sufiks **-telj** // Jezik. – Zagreb. – God. 15. – S. 113 – 116.

BABIĆ 1985: Babić S. O *sjedištu* i *sjedalu* kao nedovoljno objašnjenom problemu // Jezik. – Zagreb. – Br. 32/4. – S. 121 - 123.

BABIĆ 1989a: Babić S. *Dioničko* ili *dioničarsko društvo* // Jezik. – Zagreb. – Br. 37/1. – S. 26 – 27.

BABIĆ 1989b: Babić S. Hrvatska jezikoslovna čitanka. – Zagreb. – Globus. – 322 s.

BABIĆ 1993: Babić S. *Djed Božičnjak* // Jezik. – Zagreb. – God. 40. – S. 45.

BABIĆ 1995a: Babić S. Rješenja u tvorbi riječi // Babić Stjepan. Hrvatski jezik jučer i danas. – Zagreb. – Školske novine. – S. 121–149.

Babić 1995b: Babić S. *Vozna karta – voznica* // Jezik. – Zagreb. – Br. 42/4. – S. 119.

BABIĆ 1996: Babić S. O riječi *dragovoljac* // Jezik. – Zagreb. – Br. 44/1. – S. 34.

BABIĆ 1998: Babić S. x // Jezik. – Zagreb. – Br.

BABIĆ 1999a: Babić S. Dva tvorbeno normativna problema // Jezik. – Zagreb. – Br. 46/3. – S. 104 – 112.

BABIĆ 1999b: Babić S. Prezicnije o sufiksima **-kinja, -ica** // Jezik. – Zagreb. – Br. 46/5. – S. 198.

BABIĆ 2000: Babić S. *Polovica ili polovina* kao pitanje // Jezik. – Zagreb. – Br. 47/4. – S. 152 – 155.

BABIĆ 2001 dodati: Babić S. Još malo o *polovici* i *polovini* // Jezik. – Zagreb. – Br. 48/14. – S. 40.

BABIĆ 2004: Babić S. Hrvanja hrvatskoga: Hrvatski u koštacu sa srpskim i u klinču sa engleskim. – Zagreb. – Školska knjiga. – 262 s.

BIĆANIĆ 1993: Bićanić N. *Djed Božićnjak* // Jezik. – Zagreb. – Br. 41/2. – S. 63.

ĆORIĆ 1998: Ćorić B. Anatomija naopake hrvatske politike // Srpski jezik. – Beograd. – Br. 3/1-2. – S. 554 – 559.

ĆORIĆ 1998: Ćorić B. Lingvoalhemijari // Srpski jezik. – Beograd. – Br. 8/1-2. – S. 209 – 220.

GUBERINA 1941: Guberina P. Razlike između hrvatskih i srpskih jezičnih oblika. Tvorba riječi // Hrvatski narod. – Zagreb. – Br. 3/95. 18. svibnja. – S. 12.

KRMPOTIĆ 2001: Krmpotić M. Hrvatski jezični priručnik. – Kloštar Ivanić. – Agapa. – 453 s.

MATEŠIĆ 1965-1967: Matešić J. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen: I-II. – Wiesbaden. – Otto Harrassowitz.

MEDIĆ 2004: Medić M. Obmane i zablude branitelja stanih riječi. – Ruma: Srpska knjiga. – 180 s.

NIKOLIĆ 2000: Nikolić M. Obratni rečnik srpskoga jezika. – Novi Sad – Beograd: Matica srpska – Institut za srpski jezik SANU – Palčić. – 1394 s.

PROTUĐER 1998²: Potuđer I. Pravilno govorim hrvatski 2: Praktični jezični savjetnik. – Split: Naša ognjišta (Tomislavgrad) – Vlastita naklada. – 223 s.

SKOK 1955-1956: Skok P. O sufiksima **-isati, -irati, -ovati**. – Jezik. – Zagreb. – God. 4. – S. 36 – 43.

SRPSKI JEZIK 2006: Srpski jezik u normativnom ogledalu: 50 odluka Odbora za standardizaciju srpskog jezika / Pripremili Branislav Brborić, Jovan Vuksanović, Radojko Gačević. – Beograd. – Beogradska knjiga. – 442 s.

TEŽAK 2000²: Težak S. Hrvatski naš osebnosti. – Zagreb. – Školska knjiga. – 316 s.1

TEŽAK 1991: Težak S. Hrvatski naš svagda(š)nji. – Zagreb. – Školske novine. – 195 s.

VALJEVAC 2005: Valjevac N. Standardna novoštokavština i jezička situacija u Bosni i Hercegovini // Standardna novoštokavština i bosanskohercegovačka jezička situacija. – Radovi Instituta za jezik. – Sarajevo. – Knj. XVII. – S. 4 – 111.

WEINBERGER 2003: Weinberger H. Hrvatski i srpski // Komparacija i funkcionowania współczesnych języków słowiańskich 1: Slowotwórstwo/Nominacja. – Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Univerzytet Opolski, Instytut Filologii Polksiej. – Opole. – S. 171 – 179.

Источники:

Kro-Korp1: Hrvatski nacionalni korpus: [http:// www.hnk.ffzg.hr/](http://www.hnk.ffzg.hr/). – Состояние 10. ноября 2006.

Serb-Korp: Korpus savremenog srpskog jezika na Matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu: [http:// ww.korpus.matf.bg.ac.yu/prezentacija/korpus.html](http://ww.korpus.matf.bg.ac.yu/prezentacija/korpus.html). – Состояние 10. ноября 2006.

КОМПОЗИТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ И ТИПОЛОГИЯ СТАРОРУССКОЙ ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ

Известно, что наименование предмета появляется как результат сложной речемыслительной деятельности человека, направленной на объективацию знаний о мире. В процессе номинации с помощью слова из всех возможных качеств предмета выделены его существенные свойства, он отнесен к определенной категории [ЛУРИЯ 2000, 401]. Все это делает предметное имя исключительно важной формой выражения смысла, своего рода средством связи человека и окружающей действительности, когнитивной моделью интерпретации ее явлений [ПЕТРУХИНА 2001, 195].

Производное наименование появляется и как результат познания свойств предмета, установления его признаков и выделения среди них одного главного, который и становится мотивом при именовании. Давая имя предмету, человек относит его к определенной категории однородных, одновременно эксплицируя знания о его свойствах. Такая деятельность языковой личности по объективации явлений действительности и дискретизации окружающего мира определяет ономасиологическую структуру производного наименования (ОСПН), состоящую из ономасиологического базиса (ОБ) и ономасиологического признака (ОП).

ОП как понятие о замеченных и признанных главными вообще или в процессе именовании качествах предмета может быть использован как типологизирующий параметр при установлении типов номинативных единиц. Понятийная сущность ОП делает возможной процедуру его структурирования, состоящую в движении от общих понятий к частным. ОСПН показывает, что ОП может быть представлен как признак обобщенный (ООП), конкретизированный (КОП) и частный (ЧОП). Это детализирует сведения о мотивах появления наименований и сущности номинативной деятельности вообще.

Опираясь на характер ОП, можно провести типологизацию не только производных однословных, но и неоднословных субстантивно-атрибутивных словосочетаний, ономасиологическая структура которых изоморфна. Указанные виды наименований находятся в состоянии амбивалентного взаимодействия, укрепляющего позиции их комплексного рассмотрения. Для сферы старорусской предметной номинации такой подход исключительно продуктивен, поскольку учитывает ее специфику.

Предметные наименования, зафиксированные старорусским деловым языком, возникали чаще всего с опорой на признак по действию, объекту, принадлежности, числу, времени, месту. Устанавливаемые агентивный,

объектный, посессивный, нумеральный, темпоральный и локативный типы являются продуктивными и образуют типологию предметных имен [ТРОФИМОВИЧ 2003].

Стройность предложенной типологии, охватывающей подавляющее большинство старорусских предметных наименований, нарушает существование композитных единиц. Изучение их ономаσιологической структуры и установление типологической принадлежности представляет особый интерес. Это изучение обнаруживает присутствие в ней двух ономаσιологических признаков: *винокур* – *тот, кто курит вино*; *одноколка* – *то, что имеет одно колесо*; *рудознавец* – *тот, кто знает руду* и т.д. Можно ли в таком случае установить степень важности выявленных признаков, ранжировать их? Нам представляется, что нет. Оба эти признака важны, они дополняют друг друга, способствуют успешному решению номинативной задачи. Именно эти признаки предметов замечены, выявлены как главные вообще или в процессе именования.

Из сказанного следует, что композитные наименования представляют собой единицы синкретичных типов, а деривационными средствами при возникновении наименований в таких типах является основосложение и суффиксация (в чистом виде или в сочетании). Оказывается, что сочетание двух ономаσιологических признаков в рамках старорусской предметной номинации ограничивается рамками агентивно-объектных отношений, агентивно-субъектных, нумерально-объектных, нумерально-темпоральных и атрибутивно-объектных отношений.

Агентивно-объектные признаки проявляются в целом ряде наименований, в которых актуализовано основосложение и суффиксация. Характер глагольных основ мог сказываться на морфонологических явлениях. Так образованы немногочисленные в деловой письменности универбы типа *винопродавец*, *древодолец*, *кровоприсяжец*, *кровопивец* – *кровопиец*, *кровопроливец* – *кровопролиец* – *кровопролитец*, *лихоимец*, *заимодавец*, *миропродавец* (*предает общину*), *мздоимец*, *рудознавец*, *самовидец*, *самолюбец*, *самоубивец* – *самоубиец* – *самоубийца*, *самохвал*, *самоучка*, *хлебоедец* и др. Подобные наименования эксплицируют в своем составе не только связь с действием, но и с его объектом. Оставляя за рамками настоящего анализа происхождение используемых деривационных средств, отметим их разнообразие, а также то, что в данном случае в качестве мотивирующего подразумевается действие, естественно, выполняемое поименованным лицом, назван субъект этого действия.

Так, *рудокопец* – *рудокопщик* оказался названным так потому, что *копал руду*. В процессе номинативной деривации в таких случаях оказывались замеченными некий объект и действие. Действие, следовательно, важно не само по себе, а только в связи с упомянутым объектом. Это дает основания относить такие названия к агентивно-

объектным. К ним также принадлежат единицы типа *рудознавец* (тот, кто распознает руду), *древделец* – *древделя* – *древдел* (работает с деревом, обрабатывает его), *древлазец* (бортник), *дровносец* (носит дрова), *дровосечец* – *дровосек* (рубит дрова), *дрововоз*, *железоковец* (кузнец), *сенокос*, *сеножать*, *сенокосец*, *свинопас*, *медовар* – *медоварец*, *земледелец* – *земледельник* – *земледеля*, *землемер*, *землепашец*, *водовоз* – *водовозник*, *водонос* – *водоносец* – *водоносило*, *винопродавец*, *винопивец*, *винокур*, *винокурня*, *мошнорезец* – *мошнорез* (вор, срезающий мошны), *пивовар*, *пивоварня* и др. Приведенные наименования могут называть лиц, земельные угодья, помещения. Их мотивация очевидна и подтверждается многочисленными текстовыми данными. Например: *Винокуры, пивовары, сторожи, бочкари, которые вина курят и пива варят... Кот., 97. Всего у него один дрововоз, и тотъ возитъ беспрестанно и одному дровъ возити не успеть. АИ,2, 53.*

Особую группу наименований составляют композитные единицы с компонентом *сам-* (*само-*). Этот компонент, восходящий к древнему местоимению *самъ* является средством экспликации в производном слове разнообразных смыслов и их оттенков. Значительная часть зафиксированных номинаций выражает идею о том, что действие производит само лицо или предмет: *самовидетель* – *самовидец* – *самовидица* (*очевидец*), *самодетель* – *самоделатель*, *самодержец* – *самодержитель*, *самозритель*, *самозванец*, *самолюбец* – *самолюб*, *самопал* – *самопалец* (*оружие*), *самосек* (*меч*), *самоубиец*, *самоучка*, *самосожженец* и др. В меньшей части единиц *сам-* (*само-*) указывает на то, что действие выполняется единолично: *самоборец* (*единоборец*), *самовластец* – *самовластник* и под. Данные русских народных говоров подтверждают продуктивность подобного способа экспликации смыслов: *самобой* (*кнут*), *самоброска* (*жнейка*), *самовар*, *самовейка*, *самовидец* – *самовидчик* – *самовидица* – *самовидка*, *самовяз* – *самовязец* (*галстук*) и т.д. [СРНГ, 36, 78 – 84]. Полагаем, что подобная группа наименований может быть квалифицирована как агентивно-субъектная. При этом следует заметить, что в композитных наименованиях субъектность эксплицирована при помощи элемента *сам-* (*само-*), в то время как в чисто агентивных единицах она присутствует имплицитно. Ср.: *самозванец* и *косец*.

Нумерально-объектные признаки обнаруживаются в наименованиях типа *пятибежжик* (*лицо, получившее в собственность поместье в пять бежж*), *пятероженец* (*женатый в пятый раз*), *двоеженец* – *двоженец* (*два раза женатый*), *второженец* (*второй раз женатый*), *четвероженец* (*в четвертый раз женатый*), *одnodворец* (*владел двором без крестьян*).

Приведенные названия лиц тоже показывают высокую значимость такого способа номинативной деривации, как основосложение + суффиксация. Абстрактность названий чисел и ограниченные возможности их использования в качестве производящих слов приводили к тому, что

потребности в именовании удовлетворялись указанным способом. Так появились универбы типа *пятиобезжник, однодворец*, а также те, которые называли мужчин в зависимости от того, сколько раз они вступали в брак (*четвероженец, пятероженец, двоеженец – двоженец, втроженец*). Ограниченность этой группы определялась действовавшими законодательными нормами. Официально разрешено было только три брака, четвертый и последующие категорически запрещались. В процедуре материального обеспечения жен и детей принимались во внимание только первые три брака. Все последующие жены и рожденные в этих браках дети после смерти мужа и отца не могли претендовать на наследование оставленного им имущества. В Новоуказных статьях 1676 г. читаем: *Будет кто сворует, женится на четвертой жене, и приживет с нею детей, и после его той его четвертой жене и детям, которых детей он с нею четвертою женою, поместья и вотчин им не давать. НС.* Это объясняет не только факт существования приведенных выше универбов, но и функционирования в качестве терминологических неоднословных наименований типа *вторая, третья, четвертая, пятая жена. А будет ... после того же умершего останется другая или третья жена да дети, которых он приживет с первою или с другою, или с третьею женою...* Ул.1649 г., XVII, 5.

Наименования нумерального и нумерально-объектного типа использовались для называния некоторых типов построек: *семерня, семерик (дом, постройка из семи срубов, соединенных переходами), двойня, двоенка (строение из двух срубов), четверик (четырёхугольное сооружение или строение из четырех срубов), шестерик, восьмерик, пятистенок*. В охваченных нами памятниках письменности подобные названия построек используются нечасто. Говоры фиксируют довольно обширную группу таких нумеральных дериватов, как однословных, так и неоднословных. При этом показательно, что исчислению в процессе номинации подвергались и подвергаются самые разные особенности построек: количество стен, углов, соединенных частей и т.д. Так, например, однокамерная постройка, дом из одного помещения с сенями или без них в русских говорах может именоваться единицами *одноколок, одинарка, изба на одну стопу, одностопка, четыреххатенка*; постройка с внутренней капитальной стеной или стенами – *пятистенок, дом из пяти углов, шестистенок, шестистенный дом*; постройка из двух срубов под общей крышей – *двойня, двоенка, изба-двойня*. В зависимости от количества этажей дома могли получать такие наименования: *одножирка, одножирный дом, двужира, двужирка, двужирная изба, двужилая изба, двужирный дом, дом о двух жилах* и другие [ПРОГРАММА 1994, 216]. По понятным причинам мы подробно не анализируем ход деривационных процессов, приведших к возникновению перечисленных названий. Важно, что сама идея количественной характеристики строений оказывалась

значимой и эксплицировалась в производных универбах, возводя их к наименованиям чисел.

Нумеральный и объектный признаки могли быть положены в основу некоторых наименований вещей и предметов: *однорядка – однорядок (верхняя одежда без подкладки), одноколка (экипаж с одной осью), одновытная – одновытка (вид документа), одновеселка (лодка), однобычная (телега)*. Значимость количественной характеристики предмета и ее экспликация в наименовании подтверждают диалектные названия: *двоеводие (место слияния двух рек), двоедан (двуличный человек), двоежен (вторично женатый), двоепарок (дважды вспаханное поле под пар), двоерожки (вилы), двоеруб (топор), двоеручник (рубанок)* [СРГС, 21 – 22; 37 – 38], *двоеушка (корзина с двумя ручками), двуколок (повозка на двух колесах), двурядка (рукавицы, связанные в две нитки)* [СРГК, 427] и подобных им, которых в говорах много.

Нумерально-темпоральные композитные единицы тоже представлены в системе старорусской предметной номинации. Они использовались для называния животных, когда возникала необходимость указать на их возраст: *семилеток, двоелеток – двулеток, одногодок, однолеток, селеток*. В хозяйственной деятельности человека возникала необходимость учесть возраст животного, однако, судя по выявленным наименованиям, чаще всего во внимание принимались первые четыре года его жизни. Поскольку в большинстве случаев промышленной и хозяйственной ценности быки, коровы, лошади достигали к году, среди указанных универбов больше всего связано с понятием один год: *одногодок, однолеток, селеток*. В перечисленных универбах наблюдается конкуренция темпоральных основ *год – лето*. Указание на возраст животных могло осуществляться и описательно: *Явил... Сидор Семенов сын Костин мерин гнед семи лет на осмое грива направо... ПЮН-ТК, 142. Явил масковская ямщик... мерин гнед лета срослы. ПЮН-ТК, 204.*

Данные русских и белорусских народных говоров подтверждают наши наблюдения о значимости нумерально-темпорального признака в наименованиях животных в зависимости от их возраста. Так, названия лошади в начальные периоды ее жизни были многочисленными и содержали корни *-лет-* и *-год-*: *селеток, оселеток, сеголеток, летник, летняк, летошник, летошняк, леташок, летошек, однолеток, перволеток, двухлеток, двухлетка, двухлетник, двухлетошник, второлеток, трехлеток, техлетка, третьелеток, троелеток, трелеток, трехлетник*. С корнем *-год-* известно примерно столько же сходных наименований [ДАРЯ 1996, с.193]; [АРНГ, карта 217]. Следует отметить, что использование нумерального признака наблюдается и при именовании крупного рогатого скота в начальные периоды жизни. Так, теленок до года в русских говорах обозначается словами *годовик, годовичка, годовушка, летошник, одногодок, однолеток, первогодок* и другими, подобными приведенным названиям лошади

[ПРОГРАММА 1994, 155]. В белорусских говорах соответственно находим: *гадавік, гадунец, гадун, сяголетак, аднагодак, адналетак* [ЛАБНГ, 1, карта 42]. Весеннего теленка называют *сёлетак, селетнік, сігалетак, сяголетнік* [ЛАБНГ, 1, карта 34]. В последующие годы жизни животные именовались при помощи универбов *двоегодок, двугодок, двугодник, двулеток, третьячиха, третьячка, трехгодник, третьяк, трехлетка, третьяга, третьяха, третьянка, третуха, четвертака* [ПРОГРАММА 1994, 156]. При всем многообразии средств именования животных очевидным оказывается значимость числовых и темпоральных понятий. В составе анализируемых наименований присутствуют корни числительных, а также корни *-год-, -лет-*. Все составляющие наименования морфемы восходят к древним праславянским словам. Не останавливаясь на этимологии соответствующих этих корням слов, а она до конца не выяснена [ФАСМЕР, 1, 426; 2, 488], укажем, что на определенном этапе отмечена конкуренция в употреблении слов *год* и *лето* 'год'. Постепенно *лето* 'год' перестает употребляться, это заметно уже в XVII в. [ПОРОХОВА 1969, 166].

Атрибутивно-объектные отношения отражены в названиях жителей: *белорусец (Белая Русь), клещеполец (Клещево поле), маслозерец (Масло озеро), порьегубец (Порье-губа), белозерец (Белое озеро), белоомутец (Белый Омут), великопермец (Великая Пермь), новоторжец (Новый Торж), красноселец (Красное Село), старорушанин (Старая Руса), чернослободец (Черная Слобода) и др.*

Особого внимания заслуживают предметные наименования, образованные с использованием понятия половины. Само слово *половина*, как известно, является не числительным, а существительным. В древнерусском языке оно выступало в виде *поль* (<*pǫlŭs) и соотносилось с числительным, обозначавшим одну вторую. Позже появляется слово *половина*, которое могло использоваться самостоятельно для обозначения одной второй части чего-либо и служило базой для возникновения других наименований. Так, читаем: *Он же гсдрь Василеи ... дву козачьих половиницков Безсонова ... с кореня згонил ... и записи у них крепостные почему ане с ними на половинах жили отнем передал. ПЮН-ЧР, 52.494.* Здесь *половина* – место проживания и владения, *половиницк* – человек, живущий на такой *половине*. В сфере старорусских предметных наименований дериваты с компонентом *пол-/ полу-* использовались для называния разнообразных явлений окружающей действительности. Если предмет представлял собой половину какого-то другого предмета, в процессе номинации задействованным оказывалось это понятие, заключающее в себе количественную характеристику.

Производные наименования анализируемого типа были наиболее широко представлены среди старорусских названий мер веса, площади, объема сыпучих тел: *пол-аршина, полбатмана, полберемани, полбезмена,*

полберковеска, полведра, полверевки, полверсты, полвершка, полвоза, полволоки, полгалины, полдесятины – полудесятина, полдолони, полдюжины, полукадье, полунива – полнива – полнивы, полуосмина, полуосмак, полспудие, полчетверик, полчетверика, полчетвертины, полшеста, полшага, полштуки, полфунта, полгривна, полуполтина, полубелка, полувыть, полудесятина, полутретник, полубочка, полубочек, полуведро, полуваря, полкипы, полкосяка, полкринки, полкружки, полполицы, полпуда, полрешета, полсужень, полсвины, полусело, полнасыпки, полтуши. Продуктивность наименований с компонентами *пол-/полу-* объясняется тем, что «способ определения величины путем деления исходной меры пополам весьма прост, удобен и обычно не требует специальных сложных приемов» (НОВОСЕЛОВА 1999, 99). В системе метрологических старорусских наименований присутствуют образования, в которых части *пол-/полу-* могут повторяться два, три раза: *полтретник, полполтретник, полполполтретник, полчетверик – полполчетверик – полполполчетверик* и подобные. Например: *И перед 111-м годом прибыло четверть и пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети, а денег двадцать три алтына три деньги. ПКМНМ. И поборы с живущего с полполчети выти с мирскими людьми. Поручная 1646 г.*

Довольно обширной была группа единиц, называвших виды тканей: *полуаксамит, полубархат, полуатлас, полубайка, полубарбарель, полубрюкит, полукармазин, полукамка, полукисея, полукушачье, полушарлат, полушелковица.* В этих наименованиях понятие половины реализовывалось особым образом. «Половинность» поименованного предмета состояла в том, что названные ткани были похожи по свойствам и качеству на те, которые обозначали исходные имена. Ход номинативного процесса можно в этом случае определить так: *полубархат* – не бархат, но похожая на него материя, наполовину бархат. По сравнению с исходными единицами, дериваты с формантом *полу-* называли, как правило, ткань более низкого качества. Например, *полукушачье – ткань, хуже, чем кушак* [СлРЯ 18, 269].

Остальные группы наименований немногочисленны, но разнообразны по сфере именования. Это названия объектов владения (*пол-амбара, полбани, полварницы, полдеревни, полулавка, пол-участка, полишалаша*); пошлин и их размеров (*полуворота – одна вторая пошлыны за пользование двором, полувытное; полудвор, полдвора – пошлына за пользование жильем*); единиц натурального обложения (*полбарана, полбелки, полбобра, полборова, полвыти, полцрена*); временных отрезков (*полгода, полчаса, полугодие*); предметов одежды (*полушуба – полушубок, полукафтан, полушалок*); утвари определенного вида или объема (*полубочка – полубочье – полубочек, полуведерник, полумех, полумиска – полумисок – полумисье, полумера – полумерник – полумерье, полуситок, полустопье*); номинала денежных единиц (*полгривенка, полгривны, полденьга, полуполтинник*); лиц (*полубоярин,*

полувытчик, полуголова, полудворник, полумастер, полуполковник); транспортных средств (судов, повозок) (*полубарка, полубусье, полукакета, полукаторгина, полукорабелье*).

Все универбы с элементами *пол-/полу-* с точки зрения современного русского словообразования считаются сложными существительными с опорным компонентом, равным самостоятельному слову. При этом *пол-* признается первым компонентом таких дериватов, представляющим собой усеченное слово *половина* [РГ 1980, 1, 243]. С позиций исторических указанные слова представляют собой лексикализованные словосочетания, построенные по модели *И.п. ед.ч. сущ. полъ + сущ. в Р.п. ед.ч. (полъ бани)* или *Р.п. ед.ч. полу + сущ. в И.п. ед.ч. (полу шуба)*.

Универбальные образования с *пол-/полу-* имеют своеобразную ономаσιологическую структуру. Если применить предложенный нами способ конструирования номинативного суждения [ТРОФИМОВИЧ 2003, 36 – 37], то окажется, что оно таково: *X – это то, которое составляет половину чего-то*. Опорный компонент в виде самостоятельного слова сочетает в себе функции ономаσιологического признака и ономаσιологического базиса.

Ономаσιологический анализ, как известно, подразумевает не только установление мотивов возникновения производных наименований, но и того, какие деривационные средства при этом использовались. Мы уже отмечали продуктивность осново- и суффиксации. Есть основания считать, что часть единиц возникла при помощи суффиксации в результате семантической конденсации, т.е. свертывания мотивирующего атрибутивно-субстантивного словосочетания. Например, *однорядка < однорядная одежда, одноушка < одноушная шайка, двоеколка < двоеколесная повозка* и т.д. Такой путь возникновения названий возможен, однако лишь наряду с другими. Это подтверждают данные текстов и словарей. Например, фиксируются прилагательные *двоерожный, двоерубный, двоеручный, двоесошный* и под. и не фиксируются ожидаемые существительные **двоеруб, двоерог, двоеручник, двоесошник* и под. Мы не зафиксировали словосочетание *одноушная шайка*, хотя *шайка одноушка* встречается: *Под крыльцом в пивной стойке бочурка винная да шесть шаек одноушек. АЮБ, 3, 463*. Все это позволяет сделать вывод о том, что множественность мотивации, а значит и множественность способов образования при возникновении композитных единиц тоже наблюдались. Следовательно, *одновеселка* – это не только *одновесельная лодка (суффиксация)*, но и *лодка с одним веслом (осново- и суффиксация)*.

Предпринятое нами рассмотрение композитных предметных наименований, зафиксированных языком старорусской деловой письменности, позволило сделать несколько выводов. 1. Композитные наименования образуют сложные (синкретичные) типы производных

предметных номинаций, создаваемых с использованием основосложения и суффиксации. 2. Если признать, что основополагающими в номинативных процессах старорусского периода были понятия действия, объекта, числа, времени, места, принадлежности, то композитные наименования актуализировали сочетание вполне определенных, а не любых признаков: агентивно-субъектного, нумерально-темпорального, нумерально-объектного, атрибутивно-объектного. 3. Подавляющее большинство композитных единиц в системе старорусской предметной номинации являются наименованиями лиц, затем следуют названия построек, животных, одежды.

Сокращения:

Кот. – Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М.: Росспэн, 2000; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров. В. 1 – 36. СПб., 1965 – 2002; **НС** – Новоуказные статьи о поместьях 1676 г. // Российское законодательство X – XX вв.: В 9 т. – М.: Юр. лит., 1986. – Т. 4. – С. 231 – 260; **Ул. 1649 г.** Соборное уложение 1649 года. – Л.: Наука, 1987; **Программа 1994** – Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров. Научно-методическое пособие: В 2 ч. / Отв. ред. И.А.Попов. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. – Ч. 2; **ДАРЯ** – Диалектологический атлас русского языка: Центр европейской части СССР: В 3 вып. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р.И.Аванесова, С.В.Бромлей. – М.: Наука, 1986. – Вып. 1 – 3; **АРНГ** – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р.И.Аванесова. – М.: Изд-во АН СССР, 1957; **ЛАБНГ** – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: У 5 т. / Акад. навук Беларусі. Ін-т мовазнаўства імя Я.Коласа; Пад рэд. М.В.Бірылы, Ю.Ф.Мацкевіч. – Мінск: Фонд фундам. даслед. РБ, 1993-1998. – Т. 1 – 5; **ПКМНМ** – Приходная книга Московского Новодевичьего монастыря (1603 –1604) // Источники по социально-экономической истории России XVI – XVIII вв.: Из архива Московского Новодевичьего монастыря: В 2 ч. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; М.: Ин-т истории СССР, 1985. – Ч. 1. – С. 81 – 151. **ПЮН-ТК** – Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / Отв. ред. С.И.Котков. – М.: Наука, 1982; **ПЮН-ЧР** – Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. – М.: Наука, 1993; **СлРЯ** – Словарь русского языка XI – XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова; Гл. ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1975 – 2002; **СРГС** – Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И.Федорова. – Новосибирск: Наука, 1999 – 2001. – Т. 1 – 2; **СРГК** – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 5 вып. / Гл. ред. А.С.Герд. – СПб.: Изд-во СПб. ун-

та, 1994. – Вып. 1 – 5; **Программа 1994** – Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров. Научно-методическое пособие: В 2 ч. / Отв. ред. И.А.Попов. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. – Ч. 2; **РГ** – Русская грамматика: В 2 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз.; Редкол.: Н.Ю.Шведова (гл. ред.) и др. – М.: Наука, 1980. – Т. 1 – 2.

Литература:

ЛУРИЯ 2000: Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. – Москва.

НОВОСЕЛОВА 1999: Новоселова О.И. Метрологическая лексика старорусского языка в ономаσιологическом аспекте (по деловым документам Подвинья) // Русская региональная лексикология и лексикография: Межвуз. сб. науч. тр. / Вологод. гос. пед. ун-т; Отв. ред. О.И.Новоселова. – Вологда. – С. 92 – 104.

ПЕТРУХИНА 2001: Петрухина Е.В. Русское производное слово как когнитивная модель интерпретации явлений действительности // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы междунар. конгресса исследователей русского языка, Москва, 13-16 марта 2001 г. – Моск. гос. ун-т. – С. 195 – 196.

ПОРОХОВА 1969: Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей XVII века. – Ленинград. – Наука.

ТРОФИМОВИЧ 2003: Трофимович Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. – Минск. – УИЦ БГПУ. – 2003.

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Важнейшую роль в раскрытии принципов системной организации лексики, неотъемлемой частью которой являются производные слова, составляющие подавляющее большинство словесных знаков, играет разработанная в дериватологии система основных понятий словообразования. Включая единицы различного строения и различной степени сложности, эта система в разных ее вариантах (М.Докулил, И.И.Ковалик, И.С.Улуханов, Р.С.Манучарян и др.), представляет собой «многомерную иерархическую организацию, формируемую сложной сетью оппозиций различных единиц и структур» [ЗЕМСКАЯ 1979, 37] и ориентирована на отражение связей лексических единиц (непосредственных и опосредованных), основанных на исходных регулярно устанавливаемых мотивационных отношениях. Фундаментом данной, и что важно подчеркнуть, иерархически структурированной систематизации выступает противопоставление производящих баз и производных, а доминирующими признаками выстраивающихся в системе словообразования оппозиций становятся лексико-грамматические и лексико-семантические свойства их членов. Не случайно, по-видимому, то обстоятельство, что длительное время общие и частные словообразовательные значения производных разных частей речи мыслились прежде всего как двухчастные структуры [ср. СОБОЛЕВА 1970], а лексико-семантическая категоризация производных тесно связывалась с номинационно-классификационными функциями (значениями) деривационных средств. Характеризация же функциональных параметров – продуктивности и активности словообразовательных типов, полей, парадигм и других единиц в словообразовательных иерархиях, установление роли социальных, прагматических, системных факторов в словообразовательных процессах привели к созданию широкой картины возможностей, выбирая которые говорящие успешно реализуют свои коммуникативные намерения, с одной стороны, и к квалификации богатой палитры связей, формируемых в лексической системе языка, с другой.

Однако какой бы разветвленной ни была эта система, она охватывает далеко не все многочисленные и разнородные релевантные для организации лексического состава языка линии и типы отношений, возникающие как результат регулярных словообразовательных процессов. С установлением важнейшего типа связей между лексическими единицами – связей мотивационных формируется база для многих других типов системных связей, которые благодаря **регулярной** природе

словообразовательных процессов **либо закрепляют те или иные системные отношения между лексическими единицами, либо формируют новые.**

Так, важный тип семантической связи между производными устанавливается вследствие тождества семантического отношения, зачастую весьма обобщенного, который устанавливается между соединяемыми величинами, т.е. вследствие тождества ономаσιологической связки. *Горбатый* и *горбун*, *носатый* и *носач*, *бородатый* и *бородач*, при всех своих лексико-грамматических и лексических различиях, объединяются значением possessивности, *филфаковский* и *филфаковец* объединяются значением принадлежности, *снежный* – *снеговик*, *медовый* – *медовуха*, *камышовый* – *камышит*, *железный* – *железяка* разделяют значение «сделанный из», *змеиный* – *змеевик*, *змеиться* и другие – значение подобия и т.д. Эти типы отношений связывают воедино не только однокоренные слова, семантическая близость которых закрепляется к тому же семантической идентичностью производящих баз, но целые словообразовательные типы, выстраивая тем самым надирархическую сеть взаимодействия производных разных частей речи. Словообразовательные парадигмы, о которых в свое время писала Е.А.Земская [ЗЕМСКАЯ 1978], образуют лишь часть, по-видимому, незначительную, данных объединений.

О значимости, грамматикализованной природе и обобщенности ономаσιологических связей, их ограниченном числе и универсальности в лингвистической литературе написано немало. Хотелось бы подчеркнуть, однако, единство указанных типов отношений между компонентами производных единиц в разных частях речи, с одной стороны, и их общность для разных способов словообразования (суффиксации, префиксации, словосложения), с другой. Реконструируемые в семантике производных предикаты типа *Have, Make, Cause, Use, Be, In, For, From, About, Resemble* [см. их список в работах BEARD 1995, SZCYMANEK 1988 и др.] могут различаться лишь эксплицитностью/имплицитностью своего выражения и теми модификациями, которым они подвергаются в производных разного типа. Благодаря им семантически связанными оказываются разные способы словообразования и, более того, вследствие изоморфизма с типами синтаксических отношений словообразование и синтаксис. Возможно, тождество устанавливаемых отношений, которое имеет другую, не связанную с распространенными, имеющими иерархическую природу построениями, не столь очевидно, потому что оно глобально, и как подсказывает материал разных языков, по-видимому, универсально.

В аспекте системных связей, устанавливаемых в результате словообразовательных процессов, интересны также отношения синонимические, антонимические, причем не только синонимическая,

антонимическая и т.д. вариативность, создаваемая за счет вариативности словообразовательных средств (например, *брат, братик, братец, братишечка, братушечка, братан*), но и отраженная синонимия и отраженная антонимия. Словообразование в производных как бы повторяет типы отношений, сложившиеся между производящими базами, или же, как можно наблюдать наиболее явно в случае отраженной антонимии, несколько видоизменяет значимость членов антонимических рядов, порождая сеть модификаций на градуируемой шкале соответствующих признаков. Ср. *легкий – трудный – нелегкий – нетрудный; чистый – грязный – нечистый – грязноватый* и т.д.

Благодаря регулярности образования производных того или иного типа изменяются и отношения в соответствующих объединениях слов, в которые входят производные единицы. Так, вместо парадигматического ряда (по Филлмору [ФИЛЛМОУР 1983, 47]) типа *король – королева*, различающихся только одним признаком – признаком пола, возникают таксономические, или гиперо-гипонимические триады-объединения типа *учитель – учительница*. В них имя существительное мужского рода (в данном примере *учитель*) выступает в двух значениях: 1) значении наименования лица по профессии (безотносительно к полу), в котором данное существительное является суперординатой, или гиперонимом гиперо-гипонимического ряда, и 2) значении наименования лица мужского пола. В этом значении слово *учитель*, равно как и слово *учительница* занимают места гипонимов данного гиперо-гипонимического ряда. Ср. также таксономии *волк – волчица, лев – львица* и др. Остановимся на этом типе системных отношений подробнее.

Когда моя внучка спрашивает меня, кем я работаю, я не задумываясь отвечаю, что *я учитель*, или *профессор*, или *доктор*, но не *учительница, профессорша, докторша*, хотя такие употребления наряду с некоторыми другими также возможны. Женщина-поэтесса гордо утверждает, что она – *поэт*, а актриса – что она *актер* и т.д. и т.п. (Аналогичная тенденция отмечается и в современном английском языке, в котором имеются пары типа *actor – actress, poet – poetess*, что, конечно, противоречит устремлениям английских феминисток, настаивающих на указании женского пола лица). Употребление имен существительных мужского рода, когда речь идет о женщинах, происходит совсем не потому, что женщины забывают о том, что они – женщины, а потому, что в лексической системе русского языка под влиянием продуктивности словообразовательных моделей имен существительных-лиц женского пола, обусловленной социальными причинами: широким вовлечением женщин в сферу труда и превращением целого ряда ранее сугубо мужских профессий в преимущественно женские – произошли, как мне думается, системные изменения. Они коснулись семантики существительных мужского рода и повлекли за собой возникновение сложных системных

конфигураций в категории наименований лиц. (Мы оставляем в стороне часто обсуждаемую в лингвистической литературе проблему о словообразовательных моделях имен существительных мужского и женского рода, корреляции членов соответствующих словообразовательных рядов и наблюдаемых в них лакунах).

Отражая соответствующие семантические свойства производных слов – имен существительных мужского рода с суффиксами *-ец, -лец, -ик, -ник, -чик, -тель, -щик* и др., Русская грамматика характеризует их как своеобразную подгруппу наименований носителей процессуального признака, а именно как наименования лиц, производящих действие (названия по профессии или временному занятию), таким образом фиксируя в первую очередь внеполовое обобщенное значение лица имени существительного мужского рода [РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1980, 142 – 150]. Имена существительные с модификационным значением женскости типа приведенных выше названий лиц женского пола трактуются в Русской грамматике как образования, мотивированные названиями лица. (Порою авторы стараются уйти от указания семантики производящих, указывая на установление мотивационных связей с именем существительным мужского рода (без уточнения выражаемых ими значений [РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1980, 201]. Этот же принцип сохраняется и при описании модификационных значений женского пола для названий самок животных (*слониха, зайчиха, дельфиниха; верблюдица, волчица, буйволица*) как производных от существительных мужского рода – внеполовых названий животных, т.е. общих наименований вида [РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1980, 202]. Необходимо, однако, признать возможность употребления существительных мужского рода, как простых, так и производных, не только в обобщенном значении лица или внеполовом обозначении животного, но и их употребление в качестве наименований лиц мужского пола или соответственно названий самца животного. Например, *В класс вошли пожилая учительница и молодой учитель. И тяжело рычала львица, в пещеру загнанная львом.* В таком случае и возникает вопрос, от каких значений существительных мужского рода образованы производные слова со значением женскости: обобщенных значений лица (или животного) или же от обозначений лиц мужского пола (мужских особей животных). Ответы, предлагаемые авторами Русской грамматики, равно как и трактовка, предложенная Н.А. Янко-Триницкой [ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 1968, 192], а также лексикографические описания [см., например, ОЖЕГОВ 1990, ОЖЕГОВ и ШВЕДОВА 1997, СЛОВАРЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА] акцентируют внимание на обобщенном значении лица у данных слов, что отвечает все более расширяющейся тенденции использования существительных мужского рода для обозначения как мужчин, так и женщин. При этом отмечается продуктивность образования коррелятов женского пола.

Думается, однако, что анализ этих примеров с точки зрения их системной конфигурации может привести к несколько иной точке зрения, а именно, мотивированности названий лиц женского пола обозначениями лиц мужского пола. Во-первых, в системе словообразования русского языка активно поддерживается противопоставление наименований лиц мужского и женского пола: *принц – принцесса, король – королева, драчун – драчунья, Петрович – Петровна* и т.д., которые, образуя словообразовательные пары, с точки зрения собственно семантических связей формируют определенный тип структуры соответствующего семантического поля – парадигму (в терминах Ч.Филлмора), т.е. группу слов, «имеющих один общий семантический признак и отличающихся друг от друга другими признаками, каждый из которых участвует в различении более чем одной пары слов» [ФИЛЛМОР 1983, 47]. Д.А.Круз называет их пропорциональными сериями (proportional series) [CRUSE 1986, 118 – 120]. Заметим, что совокупность словообразовательных пар, репрезентирующих какой-либо словообразовательный тип, – идеальная часть пропорциональных серий, которые включают, однако, и простые лексические единицы, связанные регулярным однотипным противопоставлением: например, *корова – бык, конь – кобыла* и др.

Вторым и главным аргументом в пользу предлагаемой трактовки оказывается то, что семантические отношения, наблюдаемые между существительными мужского и женского рода в парах типа *актер – актриса, волк – волчица* не соответствуют горизонтальным отношениям пропорциональной серии. Это вертикальные, иерархические семантические отношения **гиперо-гипонимического**, или таксономического типа между обобщенным (внеполовым) наименованием лица/животного и наименованием лица/животного женского пола, называющим определенный подкласс или подмножество, вычленяемое на основании полового признака. Простейшие тесты на гиперо-гипонимию, предлагаемые Д.Крузом [CRUSE 1986, 110], подтверждают данный вывод. Утверждение «*Учительница – это обязательно учитель*» верно, но утверждение «*Учитель – это обязательно учительница*» – неверно. Аналогичным образом верным является утверждение «*Волчица – это волк*» и неверным «*Волк – это обязательно волчица*». Множество не может члениться только на одно подмножество. На этом же основании должно быть выделено еще одно подмножество: наименования лиц/животных мужского пола, тем более что контекстов употреблений имен существительных в этом значении достаточно много. Логичным поэтому представляется семантическая интерпретация анализируемых слов как таких семантических триад, в которых имя существительное мужского рода выступает в двух значениях и соответственно ролях – обобщенном значении лица по профессии независимо от его пола (гипероним, или суперордината) и значении профессии лица мужского пола (гипоним по

отношению к первому значению и эквоним к наименованию лица женского пола). Возможность трактовать значение существительного мужского рода как плеонастическое, равно как интерпретация данной таксономии как асимметричной кажутся мне мало перспективными вследствие достаточно частых контекстуальных противопоставлений обозначений лиц/животных мужского и женского пола. Можно, конечно, постулировать семантический синкретизм имени существительного мужского рода, но это в принципе не меняет нашего признания семантической триады отношений между анализируемыми единицами.

Более того. Аналогичные лексические таксономии с включенными в них пропорциональными сериями в лексическом классе животных убедительно демонстрируют, что гиперонимами могут быть не только существительные мужского рода, но и существительные женского рода. Например: *свинья* в значении вида домашнего животного – гипероним по отношению к словам *кабан* ‘самец домашней свиньи’ и *свинья 2* ‘самка данного вида животных’. Аналогичные отношения наблюдаются и в группах слов *овца – баран, овца; лошадь – конь, кобыла; курица – курица, петух; собака – кобель, сука*.

Следствием предложенной интерпретации производных типа *учитель* может стать вывод о том, что мотивирующее и мотивированное в анализируемых словообразовательных парах обоюдно маркированы: существительное мужского рода, обозначающее лицо мужского пола, – существительное женского рода, обозначающее лицо женского пола. На этом основании возможен и вывод о том, что соотношение, характерное для системы русского языка в XIX веке [ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 1968, 192] сохраняется и в настоящее время. Возникает ли оно как результат сужения значения лица или имеет место расширение значения (от значения лица мужского пола к обобщенному значению лица) – вопрос в данной ситуации непринципиальный. Ответ на него зависит от конкретной пары лексических единиц, и возможны, по-видимому, оба направления семантического развития существительных мужского рода.

Любопытно в этом плане результаты небольшого психолингвистического эксперимента относительно половой принадлежности лиц, обозначаемых такими словами, как: *толстяк* – словарное значение ‘толстый **человек**’, *телятник* ‘работник, занимающийся уходом за телятами’, *скотник* ‘работник, занимающийся уходом за скотом’, *мерзавец* ‘подлый, мерзкий **человек**, негодяй’. Испытуемые предпочитают их семантическую трактовку как лиц мужского пола, вероятно, под влиянием наличия коррелятов-обозначений лиц женского пола типа *толстуха, телятница, скотница, мерзавка* и других.

Главное, однако, в другом. Каковы бы ни были интерпретации дериватологами направления мотивационных связей данных лексических

единиц, очевидно становление под влиянием словообразовательных процессов определенного типа регулярных и потому системных (в данном случае таксономических) семантических связей, организующих достаточно большое число лексических единиц в определенным образом структурированные гиперо-гипонимические и иные множества.

Литература:

ЗЕМСКАЯ 1978: Земская Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании. // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения 1 –У111. – Москва. – С. 63 – 77.

ЗЕМСКАЯ 1979: Земская Е.А. О строении системы синхронного словообразования. В: Словообразование и фразообразование. Тезисы докладов научной конференции. – Москва. – МГПИИЯ им. М.Тореза. – С. 37 – 38.

ОЖЕГОВ 1990: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Москва.

ОЖЕГОВ и ШВЕДОВА 1997: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1980: Русская грамматика. Т.1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – Москва.

СОБОЛЕВА 1970: Соболева П.А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. Автореферат дисс. доктора филол. наук. – Москва.

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. – Москва-Ленинград.

ФИЛЛМОР 1983: Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре. В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып.Х1У. Проблемы и методы лексикографии. – Москва. – С. 23 – 60.

ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 1968: Янко-Триницкая Н.А. Превращение маркированных членов противопоставления в немаркированные. В: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. – Москва. – С. 191 – 214.

BEARD 1995: Beard R. Lexeme-Morpheme Base Morphology. A General Theory of Inflection and Word Formation. – N.Y.

CRUSE 1986: Cruse D.A. Lexical Semantics. – Cambridge, L., N.Y., New Rochelle, Melbourne, Sydney.

SZYMANEK 1988: Szymanek B. Categories and Categorization in Morfology. – Lublin.

СОВРЕМЕННАЯ СЛАВЯНСКАЯ ДЕРИВАТОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ И СЛОВАРНЫЕ ТИПЫ

Изучение имеющейся обширной научной литературы по проблемам славянской дериватологии и дериватографии показывает, что исследователи указанных проблем отдают явное предпочтение дериватологической проблематике, уделяя значительно меньшее внимание нерешенным вопросам славянской дериватографии. Чем иным, как не малочисленностью публикуемых метадериватографических работ, можно объяснить крайнюю неразработанность славянской дериватографической терминологии. Наиболее показательным в этом отношении является охват дериватологической и дериватографической терминологии в существующих словарях словообразовательных терминов. К примеру, «Краткий словарь словообразовательных терминов» В.Н. Немченко (Москва, 1984) содержит свыше тысячи терминологических единиц, но только 7 терминов в реестре данного словаря относятся к области дериватографии (указанные термины приводятся ниже в алфавитном порядке: *деривационный словарь, морфемный лексикон, морфемный словарь, морфемный словарь алфавитный, словарь морфемной членимости слов, словообразовательный словарь, словообразовательный словарь гнездовой* [НЕМЧЕНКО 1984, 178 – 249]).

Еще одним свидетельством недостаточного внимания исследователей к проблемам славянской дериватографии является крайняя немногочисленность научных конференций, посвященных указанным проблемам. В частности, можно назвать буквально считанные конференции с такой проблематикой, проведенные в бывшем СССР и в пришедших ему на смену новых независимых государствах: одно дериватографическое заседание самаркандской конференции по актуальным проблемам русского словообразования [АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 1972, 159 – 189], посвященное обсуждению книги А.Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка» (Самарканд, 1971), и три дериватографических конференции во Владивостоке [ДЕРИВАТОЛОГИЯ 1984; АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ 1986; ДЕРИВАТОГРАФИЯ 1989].

Для сравнения, количество проведенных только в бывших советских республиках и в новых независимых государствах научных конференций по чисто дериватологической проблематике исчисляется многими десятками названий. К примеру, только в одном белорусском городе Гродно за последние два десятилетия проведено около десятка дериватологических конференций с общим названием «Словообразование

и номинативная деривация в славянских языках». Приведенные сравнения и примеры не ставят под сомнение целесообразность проведения такого множества дериватологических конференций на советском и постсоветском пространстве, а лишь подчеркивают недостаточное внимание к проблемам развития славянской дериватографии, главной задачей которой является формирование информационной базы для проведения исследований в области словообразования славянских языков.

Известно, что современная славянская дериватография (или деривационная лексикография) берет свое начало в практике издания 1) одноязычных словарей корней (в качестве примера словарей данного типа назовем опубликованный адмиралом А.С. Шишковым в 1828 г. «Опыт словаря по корням, иначе называемом словопроизводством») [КУТИНА, ФАЙНШТЕЙН 1984, 120]; 2) корневых словарей этимологического типа (к словарям такого типа относится, к примеру, «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или этимологический лексикон русского языка» Ф. Рейфа (Санкт-Петербург, 1835 – 1836); 3) словопроизводных словарей [АСТАХИНА 2002, 16]; 4) многоязычных сравнительных словарей-корнесловов (в качестве примера словарей данного типа можно назвать изданный Ф.С.Шимкевичем в 1842 г. «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками»). По мнению украинского исследователя Н.Ф. Клименко, среди морфемных словарей славянских языков и сегодня встречаются «словари-корнесловы с гнездовым принципом упорядочения родственных слов» [КЛИМЕНКО 1989, 33]. В свою очередь, российский дериватограф А.И. Кузнецова приводит в качестве примера современного многоязычного словаря-корнеслова сравнительного типа изданный в США «A dictionary of slavic word families» Л.Дж. Германа (Колумбия и др., 1975), в котором содержится несколько сот корневых морфем русского, польского, чешского и сербско-хорватского языков [КУЗНЕЦОВА 1986, 15]. Перечисленные выше разновидности деривационных словарей были достаточно распространенными словарными жанрами в конце XVIII-начале XIX веков, когда активно формировалось и развивалось сравнительно-историческое языкознание.

Насколько широко отечественными лексикографами использовался алфавитно-гнездовой или словопроизводный принцип организации языкового материала в словарях указанного периода, наглядно показывает тот факт, что даже первый многотомный толковый «Словарь Академии Российской» (Санкт-Петербург, 1789 – 1794), по справедливому замечанию историка русской лексикографии Р.М. Цейтлин, «является так называемым словопроизводным словарем, т.е. он построен по алфавиту основных, коренных слов, под которыми помещаются все производные от них. Словарь 1789 – 1794 гг. так часто и называют: «словопроизводный» (в

отличие от алфавитного словаря 1806 – 1822 гг.» [ЦЕЙТЛИН 1958, 32]. Активно использовал алфавитно-гнездовой принцип при создании своего «Толкового словаря живого великорусского языка» (Санкт-Петербург; Москва, 1863 – 1866) и В.И. Даль, лучший российский лексикограф XIX века.

Новый толчок лексикографическое описание деривационных отношений между исходными и производными знаками славянских языков получило в XX в., о чем свидетельствует формирование целого ряда разных лексикографических направлений, в рамках которых описывается славянская деривационная семантика. В частности, российскими исследователями Б.И. Бартковым, С.Ю. Крицкой и другими выделяется такое направление, как дериватография или деривационная лексикография. При этом Б.И. Бартков дает следующее, весьма спорное, на наш взгляд, определение дериватографии: «это раздел лексикологии, занимающийся графической фиксацией всей информации о деривационных моделях и средствах, накопленной дериватологией» [БАРТКОВ 1989, 3]. Спорным данное определение является потому, что графическую фиксацию информации о деривационных моделях и средствах в создаваемых ею линейных текстах (научных статьях, монографиях, учебных пособиях и др.) осуществляет и сама дериватология. А вот представлением указанной информации весьма специфическим способом в нелинейных текстах (разнотипных словарях и справочниках) занимается дериватография – пограничная научная дисциплина, сформировавшаяся на стыке лексикографии и дериватологии. Последнее косвенно признает и сам Б.И. Бартков, когда высказывает в своей работе следующую мысль: «Структура статьи дериватария формировалась в ходе развития лексикографии и дериватологии. Так, впервые сведения о деривационных аффиксах в виде специальных статей стали приводить в толковых словарях английского языка» оксфордской серии [БАРТКОВ 1989, 3]. Чтобы уточнить приоритет первичных описаний деривационных аффиксов в виде отдельных словарных статей, приведем информацию А.И. Кузнецовой о том, что «в «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном II Отделением Имп. Академии Наук» (1847, т. I, с. 190), можно найти префиксы *вы-*, *возь-* и др.» [КУЗНЕЦОВА 1986, 13].

В свою очередь, Г.П. Цыганенко в докладе на дериватографической конференции 1989 г. во Владивостоке дал обзор лексикографии служебных морфем русского языка, используя в этом обзоре и такое название данного лексикографического направления, как морфемография [ЦЫГАНЕНКО 1989, 94 – 113]. Использует термин *морфемография* в своих работах и упоминавшийся выше Б.И. Бартков [БАРТКОВ 1982, 27 – 55].

Наконец, известный российский дериватолог и дериватограф А.Н. Тихонов считает, что «раздел лексикографии, к ведению которого

относятся словообразовательные словари, удобнее всего называть деривационной (словообразовательной) лексикографией» [ТИХОНОВ 1989, 88]. При этом, однако, в названии своей статьи А.Н. Тихонов ограничился использованием только термина *словообразовательная лексикография* [ТИХОНОВ 1989, 85], подчеркнув этим самым его приоритетность перед другими близкими по значению терминами.

Дальнейшее изучение содержательно-структурных характеристик перечисленных выше лексикографических направлений показывает, что в рамках каждого выделяемого лексикографического направления постепенно формируются и свои специфические словарные типы. К примеру, в рамках дериватологии в качестве основного словарного типа чаще всего называются дериватарии (см. работы Б.И. Барткова, М.Г. Лебедько, М.Д. Степановой и других исследователей). При этом данному словарному типу Б.И. Бартковым дается следующее определение: «...упорядоченное собрание статей со всесторонним качественным и количественным описанием словообразовательных формантов (морфем, элементов), а также моделей и типов словообразования, называется дериватарием» [БАРТКОВ 1989, 3].

В свою очередь, к области морфемологии чаще всего относятся различные типы и виды морфемных словарей или словарей морфем. При этом в разных национальных лексикографических традициях сформировались свои определения и типологии таких морфемных словарей. К примеру, в энциклопедии «Українська мова» (Киев, 2000) Н.Ф. Клименко дает следующие определение и классификацию морфемных словарей: «Морфемный словарь – словарь, который описывает морфемы преимущественно путем выделения их в составе слова. Существует несколько разновидностей морфемных словарей в зависимости от единиц реестра и способов их упорядочения. В морфемных словарях по алфавиту подаются: 1) слова, поделенные на морфемы (это словарь морфемного строения слова); 2) морфемы в алфавитном порядке с частотными характеристиками использования – это частотный (прямой или обратный) словарь морфем; 3) морфемы с их валентными и частотными характеристиками – частотно-валентностный словарь морфем; 4) корни с общекорневыми словами, поделенными на морфемы - гнездовой морфемный словарь» [КЛИМЕНКО 2000, 345]. В частности, к числу словарей морфемного строения слова Н.Ф. Клименко относит двухтомный справочник «Морфемний аналіз. Словник-довідник» И. Яценко (Киев, 1980-1981), к числу частотно-валентностных – «Словник афіксальних морфем української мови» Н.Клименко, Е. Карпиловской, В. Карпиловского и Т. Недозим (Киев, 1998). Наконец, «Морфемний словник» Л. Полюги (Киев, 1983), по мнению исследователя, является комплексным словарем, поскольку он объединяет в себе словарь морфемного строения слова и словарь морфем [КЛИМЕНКО 2000, 345].

Несколько иную классификацию морфемных словарей предлагает А.И. Кузнецова в их кратком обзоре, опубликованном в предисловии к «Словарю морфем русского языка» А.И. Кузнецовой, Т.Ф. Ефремовой (Москва, 1986). Так, А.И. Кузнецова выделяет следующие типы и виды морфемных словарей: 1) словари морфемного состава слова (к ним она относит «Школьный словообразовательный словарь» З.А. Потихи (2-е изд. – Москва, 1964), «Марфемны слоўнік беларускай мовы» А.М. Бордовича и Л.М. Шакуна (Минск, 1975), «Retrogradni morfematicky slovník cestiny s pripojenými inventárními slovníky českých morfemů korenových – prefixálních a sufixálních» Э. Славичковой (Прага, 1975) и др.; 2) собственно словари морфем, которые подразделяются ею на два подтипа.

Первый подтип – это корневые словари морфем, которые можно, в свою очередь, разбить, по мнению А.И. Кузнецовой, на следующие три группы: **первая группа** – словари корней или словари-корнесловы одного языка с элементами толкования корней (например, «Roots of the Russian language. An elementary guide to Russian wordbuilding» Дж. Патрика (Нью-Йорк, 1938), «Handbook of Russian roots» К. Волконской и М. Полторацкой (Нью-Йорк, 1961), «Russian derivational dictionary» Д. Уорта, А. Козака и Д. Джонсона (Нью-Йорк, 1970), «Russian root list, with a sketch of word formation» Ч. Гриббла (Кембридж, 1973) и другие словари корневых морфем); **вторая группа** – это сравнительные словари корневых морфем нескольких языков (например, «A dictionary of slavic word families» Л.Дж. Германа (Колумбия и др., 1975) и др.); **третья группа** – это частотные словари корневых морфем (например, «Морфемы русского языка. Частотный словарь» Зд.Ф. Оливериуса (Прага, 1976), «Алфавитно-гнездовой перечень корней с указанием частот их производных», который прилагается к книге «Образование употребительных слов русского языка» под ред. Л.Н. Засориной (Москва, 1979) и другие частотные словари корневых морфем.

Наконец, ко второму подтипу собственно словарей морфем А.И. Кузнецова относит словари служебных морфем (например, «Частотный словарь суффиксов и префиксов русского языка» А.И. Кузнецовой и О.А. Лавреновой в книге «Исследования по структурной и прикладной лингвистике» (Москва, 1975), «Словарь служебных морфем русского языка» Г.П. Цыганенко (Киев, 1982) и другие словари аффиксов) [КУЗНЕЦОВА 1986, 12-15].

В существующей металексикографической литературе выделяются и другие типы морфемных словарей. В числе не названных в классификациях Н.Ф. Клименко и А.И. Кузнецовой типов и видов морфемных словарей можно упомянуть и другие словари (например, «Частотный морфемарий болгарского языка» [ЯНАКИЕВ 1976, 105 – 109]; справочник «Марфемная дыстрыбуцыя ў беларускай мове» В.В. Мартынова, П.П. Шубы и М.И. Ярмош (Минск, 1967), «Словарь греко-

латинских терминологических элементов», опубликованный в третьем томе «Энциклопедического словаря медицинских терминов» (Москва, 1984), «Словник інтернаціональних терміноелементів грецького та латинського походження в сучасній термінології» И.М. Гнатишеной и Т.Р. Кияка (Киев, 1996), многочисленные словари калек, сокращений, паралексов, фонетико-морфологических вариантов, инверсионные и обратные словари и т.п.), а также целый ряд еще только проектируемых типов морфемных словарей (например, предлагаемые Н.Ф. Клименко для создания словаря морфов; словари морфемной структуры слова с указанными границами его конечных составляющих; словари морфем, содержащие списки аффиксов, полуаффиксов, корней; инвентари морфемных цепочек [КЛИМЕНКО 1989, 33-37]; выделяемые российскими исследователями В.Н. Немченко и М.С. Михайловой словари морфемной членимости слов, толковые словари аффиксальных морфем [НЕМЧЕНКО 1984, 218; МИХАЙЛОВА 1998, 505 – 507] и др.).

Наконец, в рамках словообразовательной лексикографии разрабатываются различные типы словообразовательных словарей. Наиболее полную классификацию таких словарей, на наш взгляд, дал А.Н. Тихонов в своей статье «Взгляд в будущее словообразовательной лексикографии» [ТИХОНОВ 1989, 85 – 94]. В частности, им выделяются следующие типы и виды словообразовательных словарей: 1) гнездовые словообразовательные словари. К ним можно отнести, к примеру, «Школьный словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова (Москва, 1978), «Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т.» А.Н. Тихонова (Москва, 1985), «Словообразовательный словарь на съвременния български книжовен език» под ред Й. Пенчева (София, 1999), первую часть «Словаўтваральнага слоўніка беларускай мовы» М.А. Авласевича и Т.И. Якубович (Могилев, 2002), «Шкільний словотвірний словник сучасної української мови» Е.А.Карпиловской, Н.Ф. Клименко и Л.П. Кислюк (Киев, 2005) и др.; 2) алфавитные словообразовательные словари. Словарями данного типа являются «Українсько-російський словотворчий словник» З.С. Сикорской (Киев, 1985), «Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы» А.М. Бордовича, М.М. Круталевича и А.А. Лукашанца (Минск, 2000) и др.; 3) словари словообразовательных типов; 4) словари словообразовательных категорий; 5) словари словообразовательных парадигм; 6) словари словообразовательных цепочек. Словари последних четырех типов еще только предлагаются А.Н. Тихоновым для разработки [ТИХОНОВ 1989, 92 – 94].

Конечно, тезисно изложенная нами дериватографическая система лексикографических направлений и соответствующих им словарных типов в реальной словарной практике не выглядит такой строгой и упорядоченной. Отдельные исследователи порой не разграничивают перечисленных выше лексикографических направлений и словарных типов

между собой и нередко используют их названия в своих работах как синонимы: *деривационная (словообразовательная) лексикография* (А.Н. Тихонов), *морфемография (дериватография)* (Б.И. Бартков) и т.д. *Морфемные словари* порой называются их авторами *словообразовательными словарями* (А.Н. Потиха, Д. Уорт, А. Козак, Д. Джонсон) или *дериватариями* [СТЕПАНОВА 1989, 83]), либо для их названия образуются даже новые сложносоставные термины: *морфемно-словообразовательные словари* [ДУБИЧИНСКИЙ 1994, 19]. Основанием для создания последнего термина, очевидно, послужила информация о сдаче в печать «Словаря словообразовательных морфем современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова [УЛУХАНОВ 1996, 210].

Отмеченные выше случаи некодифицированного использования дериватографических терминов создают определенные проблемы для металексикографов, которые готовят монографии и учебные пособия по общей и аспектной лексикографии. На наш взгляд, из перечисленных выше терминов наиболее широким по своему понятийному объему является термин *дериватография*, поэтому именно его нужно использовать в качестве обобщающего названия тех лексикографических направлений, которые разрабатывают вопросы деривационной семантики славянских языков. Более того, нужно чаще проводить совместные конференции дериватологов и лексикографов для выработки единого дериватографического узуса.

Это тем более необходимо, что в последние десятилетия наблюдаются тенденции, во-первых, ко все большей специализации лексикографических описаний деривационных отношений между исходными и производными знаками славянских языков, а во-вторых, ко все большему взаимообогащению дериватографии, с одной стороны, и общей и аспектной лексикографии, с другой стороны. В частности, современная словарная практика дает многочисленные примеры появления новых типов словарных изданий в результате тесного взаимодействия дериватографии и различных направлений аспектной лексикографии. Так, на стыке белорусской дериватографии и диалектной лексикографии созданы справочники «Народная лексіка і словаўтварэнне» П.В. Стецко (Минск, 1972) и «Народнае вытворнае слова: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны» Г.Ф.Юрченко (Минск, 1981). В свою очередь, такие комплексные словари русского и украинского языков, как «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Е. Ефремовой (Москва, 2000), «Тлумачно-словотвірні словник okazіоналізмів» Ж.В. Колоиз (Кривой Рог, 2003) и «Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 37000 слов русского языка, объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования» И.А. Ширшова (Москва, 2004), стали результатом объединения возможностей дериватографии и толковой лексикографии. Наконец, при создании

“Кореневого гніздового словника української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями” Е.А. Карпиловской (Киев, 2002) использовались приемы и способы описания языкового материала, разработанные в рамках украинской дериватографии и омографии.

Причем отмеченные выше случаи использования представителями одного лексикографического направления приемов, способов и достижений другого лексикографического направления имеют характер двухстороннего, взаимовыгодного сотрудничества. Иными словами, не только дериватографы пользуются существующими методами и приемами общей и аспектной лексикографии, но и лексикографы активно используют наработки дериватографии. К примеру, параметр гнездовой организации словарного материала был разработан в рамках толковой лексикографии, но дериватографы существенно усложнили его структуру, предложив “при каждом исходном слове в скобках ... указывать количество производных слов в гнезде, т.е. дополнить словарь параметром, определяющим словообразовательную активность, точнее – мощность гнезда” [ТИХОНОВ 1989, 91].

Даже, казалось бы, такое базовое лексикографическое понятие, как *вокабула* или *лемма*, т.е. реестровая словарная единица, сегодня постепенно пересматривается с учетом дериватографической практики. Вот что, к примеру, пишет по данному поводу профессор Иерусалимского университета А. Соломоник: «...в лексикографии давно идет спор о том, что представляет собой лингвистическая конструкция, открывающая статью в словарях. Одни исследователи называют ее лексемой, другие – словоформой (в обоих случаях само собой разумеется, что такая единица – не слово в его обычном смысле; вернее, и оно, и не совсем оно. Я предложил обозначить ее «словоморфемной комбинацией», так как в современных словарях заглавным элементом статьи может стать либо отдельное слово в его традиционном смысле (без разбивки на морфемы), либо отдельная морфема, не совпадающая со словом (суффикс, префикс или даже окончание). В большинстве же случаев это – словоморфемная комбинация (и слово со своим значением/значениями, и морфемная база для образования многочисленных словоформ парадигмы). Когда-то словарная статья посвящалась исключительно слову в его традиционном понимании (отсюда и названия словарей во всех языках: «словарь», «slownik», «Worterbuch» и др.). С развитием языкознания все коренным образом изменилось. Современная лексикография оперирует данными лексикологии, грамматики и фонетики конкретных языков, а для окончательного определения словарной единицы – и данными лингвистики в широком плане» [СОЛОМОНИК 1995, 352].

Как результат реализации указанных выше тенденций, постепенно усложняется и структура существующих лексикографических направлений в области дериватографии. Так, помимо общей дериватографии, сегодня

развиваются различные направления частной дериватографии: дериватография украинского языка [БАРТКОВ 1986а, 8 – 58], дериватография латинского языка [КРИЦКАЯ 1989], дериватография германских, романских и славянских языков [БАРТКОВ 1986б, 3 – 35], а также различные направления аспектной дериватографии: количественная дериватография [БАРТКОВ 1984, 145 – 164], терминологическая дериватография [ЩЕРБИН 2003, 215], дериватография литературной нормы и научного стиля [ДЕРИВАТОЛОГИЯ И ДЕРИВАТОГРАФИЯ 1984] и др. В свою очередь, в рамках морфемологии сегодня выделяются такие лексикографические направления, как межъязыковая, сопоставительная (русско-украинская и др.) морфемология [ЦЫГАНЕНКО 1989, 111], количественная морфемология [БАРТКОВ 1982, 27 – 55] и др.

Таким образом, современную славянскую дериватографию характеризует наличие ряда нерешенных проблем, а также ряда специфических лексикографических направлений и словарных типов, которые активно взаимодействуют с многочисленными направлениями общей, частной и аспектной лексикографии, сформированными в рамках разноязычных лексикографических традиций. Чтобы славянская дериватография успешно развивалась и далее, необходимо как методологически (путем обмена наработками и методами), так и организационно (путем проведения совместных научных конференций) укреплять взаимодействие дериватологов, дериватографов и лексикографов разных славянских стран. Постановка именно этой проблемы была главной целью данной статьи.

Литература:

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ 1986: Актуальные вопросы дериватологии и дериватографии. – Владивосток.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 1972: Материалы обсуждения книги А.Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка» (Самарканд, 1971) //Актуальные проблемы русского словообразования. – Вып. 2. – Самарканд. – С. 159 – 189.

АСТАХИНА 2002: Астахина Л.Ю. К семидесятипятилетию Древнерусской рукописной картотеки //Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе. – Москва. – С. 16 – 23.

БАРТКОВ 1982: Бартков Б.И. Количественная морфемология (дериватография) английского, немецкого, французского и русского языков (научный стиль и литературная норма) //Основосложение и полуаффиксация в научном стиле и литературной норме. – Владивосток. – С. 27 – 55.

БАРТКОВ 1984: Бартков Б.И. Деривационный статус и количественная дериватография конверсификсов современного английского языка //Словосочетания и сложные слова в терминосистемах и литературной норме. – Владивосток. – С. 145 – 164.

БАРТКОВ 1986а: Бартков Б.И. Дериватография украинского языка и квантитативный дериватарий 100 аффиксов научного стиля и литературной нормы //Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. – Владивосток. – С. 8 – 58.

БАРТКОВ 1986б: Бартков Б.И. Дериватография германских, романских и славянских языков: состояние и перспективы //Актуальные вопросы дериватологии и дериватографии. – Владивосток. – С. 3 – 35.

БАРТКОВ 1989: Бартков Б.И. Дериватография и дериватарий конверсификсов английского языка (-away, -back, -down, -in, -off, -on, -out, -over, -up, etc.) //Дериватография и деривационная лексикография: Сб. науч. трудов. – Владивосток. – С. 3 – 28.

ДЕРИВАТОГРАФИЯ 1989: Дериватография и деривационная лексикография: Сб. науч. трудов. – Владивосток.

ДЕРИВАТОЛОГИЯ И ДЕРИВАТОГРАФИЯ 1984: Дериватология и дериватография литературной нормы и научного стиля. – Владивосток.

ДУБИЧИНСКИЙ 1994: Дубичинский В.В. Искусство создания словарей. – Харьков.

КЛИМЕНКО 1989: Клименко Н.Ф. Словарь морфем украинского языка //Дериватография и деривационная лексикография: Сб. науч. трудов. – Владивосток. – С. 33 – 37.

КЛИМЕНКО 2000: Клименко Н.Ф. Морфемний словник //Українська мова. Енциклопедія. – Київ. – С. 345.

КРИЦКАЯ 1989: Крицкая С.Ю. Дериватография латинского языка //Дериватография и деривационная лексикография: Сб. науч. трудов. – Владивосток. – С. 141 – 146.

КУЗНЕЦОВА 1986: Кузнецова А.И. Принципы морфемного анализа и построение словаря морфем //Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка: Ок. 52000 слов. – Москва. – С. 3 – 19.

КУТИНА, ФАЙНШТЕЙН 1984: Кутина Л.Л., Файнштейн М.Ш. Александр Семенович Шишков. 1754-1841 //Русская речь. – № 4. – С. 120.

МИХАЙЛОВА 1998: Михайлова М.С. Словообразовательные словари //Русский язык. Энциклопедия. – 2-е изд. – Москва. – С. 505 – 507.

НЕМЧЕНКО 1984: Краткий словарь словообразовательных терминов //Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. – Москва. – С. 178 – 249.

СОЛОМОНИК 1995: Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – Москва.

СТЕПАНОВА 1989: Степанова М.Д. Вопросы лексикографии в словообразовании //Дериватография и деривационная лексикография: Сб. науч. трудов. – Владивосток. – С. 80 – 84.

ТИХОНОВ 1989: Тихонов А.Н. Взгляд в будущее словообразовательной лексикографии //Дериватография и деривационная лексикография: Сб. науч. трудов. – Владивосток. – С. 85 – 94.

УЛУХАНОВ 1996: Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – Москва.

ЦЕЙТЛИН 1958: Цейтлин Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка). – Москва.

ЦЫГАНЕНКО 1989: Цыганенко Г.П. Служебные морфемы русского языка, отражение их в словарях //Дериватография и деривационная лексикография: Сб. науч. трудов. – Владивосток. – С. 94 – 113.

ШЧЭРБІН 2003: Шчэрбін В.К. Традыцыйныя і новыя напрамкі сучаснай славянскай тэрмінаграфіі //Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з'езд славістаў (Любляна, 2003). Даклады беларускай дэлегацыі. – Мінск. – С. 210 – 228.

ЯНАКИЕВ 1976: Янакиев М. О количественном основании лингвистических классификаций //Использование математических моделей и электронных вычислительных машин в лингвистике. – София. – С. 105 – 109.

МНОЖНАСЦЬ МАТЫВАЦЫІ ФЕМІНАТЫВАЎ

Адной з важных праблем беларускага словаўтварэння з’яўляецца пытанне множнасці матывацыі, канчатковае вырашэнне якога чакае яшчэ свайго часу. Справа ў тым, што пры неадзінасці матывацыі, калі слова мае некалькі матывавальных (а такія выпадкі нярэдка. – І.Я.), магчымы розныя віды семантычных адносін паміж матываваным і матывавальным словамі. Аднак даволі часта гэты факт неадзінасці матывацыі не ўлічваецца пры канкрэтным акце дэрывацыі, вынікам чаго з’яўляюцца “словаўтваральныя” неадкладнасці ў падачы моўнага матэрыялу ў адпаведных лексікаграфічных крыніцах. “Лексічныя значэнні матывавальных тосных; рознае толькі часцінамоўнае значэнне. Семантычны кампанент, які складае “рознасць” паміж значэннем матываванага і значэннем матывавальнага, прыпадае на долю фарманта. Такія суадносіны выступаюць пры матывацыі словамі, звязанымі адносінамі словаўтваральнай транспазіцыі” [БЕСЦЕННАЯ 1989, 107 – 108]. Семантыка слоў з некалькімі матывавальнымі можа быць апісана на аснове іх суадносін з кожным матывавальным. Разнастайнасць відаў семантычных адносін паміж матываваным і матывавальным словамі з’яўляецца семантычнай асновай з’явы множнасці матывацыі.

На сённяшні дзень у беларускім мовазнаўстве адсутнічаюць даследаванні, у якіх разглядалася б множнасць матывацыі дэрыватаў тых ці іншых канкрэтных лексіка-граматычных разрадаў. Артыкул прысвечаны пытанню неадзінасці матывацыі назоўнікаў са значэннем асобы жаночага полу – фемінінатываў.

Дзеля справядлівасці адзначым, што гэта група назоўнікаў ужо з’яўлялася аб’ектам некаторых навуковых прац. Так, напрыклад, пытанні станаўлення і развіцця фемінінатываў вырашаў П.В. Вярхоў. У дысертацыі У.Ц. Піскуна даследуюцца некаторыя разрады гэтых назваў, у прыватнасці асабовыя назоўнікі спартыўнай сферы, на лексічным узроўні. Словаўтваральная катэгорыя ‘суб’ектыўнай ацэнкі’ назоўнікаў жаночага роду ў беларускай мове вывучалася Я.А. Суэцінай. Аднак відавочна, што ў сучаснай навуковай літаратуры па словаўтварэнню застаецца яшчэ не вырашаным пытанне аб утварэнні мадыфікацыйных намінацый са значэннем ‘жаночасці’.

Існуюць самыя розныя погляды на характар матывавальнай асновы ў асабовых назоўнікаў жаночага роду. Некаторыя даследчыкі (напрыклад, А.І. Маісееў) лічаць, што такога тыпу дэрываты нельга суадносіць з назоўнікамі мужчынскага роду, паколькі і першыя, і апошнія маюць агульнае, а не матываванае адно другім значэнне [МОИСЕЕВ 1987, 85 – 105]. Іншыя лінгвісты (напрыклад, Я.А. Левашоў, І.А. Пугачоў)

лічаць, што асабовыя фемінінатывы матывуюцца асновамі назоўнікаў мужчынскага роду, паколькі жаночым намінацыям не характэрна ўтварэнне непасрэдна ад неадусаўлёных назоўнікаў [ЛЕВАШОВ 1968; ПУГАЧЁВ 1987]. На нашу думку, у разрад мадыфікацыйных назваў са значэннем ‘жаночасці’ варта ўключыць і тыя назоўнікі, якія і семантычна, і структурна выступаюць як матываваныя не толькі ад асноў адпаведных намінацый мужчынскага роду, але і ад слоў іншых граматычных разрадаў. Матывавальнымі для іх часцей за ўсё выступаюць субстантывы мужчынскага роду, з якімі фемінінатывы ўтвараюць карэлятыўныя пары.

“Мадыфікацыйнае словаўтваральнае значэнне жаночасці зачастую цягне за сабой стылістычную мадыфікацыю, якая добра прасочваецца на фоне матывавальнага мужчынскага імя. Стылістыка матываванага фемінінатыва складваецца пад уплывам сацыяльных фактараў: яна своеасабліва адлюстроўвае таксама і ўмовы функцыянавання асабовага наймення жаночага роду. Але найбольш значнымі ў фарміраванні стылістычнай афарбоўкі жаночай намінацыі з’яўляюцца словаўтваральныя сродкі – матывавальная і фармантная часткі, галоўным чынам – фармантная” [НАРКЕВИЧ, КАРПОВИЧ 1989, 200 – 201].

У дэрываталогіі апошніх гадоў стала амаль правілам лічыць матываваныя адушаўлёныя назоўнікі жаночага роду дэрыватамі ад адпаведных назваў мужчынскага роду, што знайшло сваё адлюстраванне і ў лексікаграфічнай практыцы, напрыклад: *беспрытульніца* (1 зн.) ‘Жан. да беспрытульнік’¹, *булачніца* (1 зн.) ‘Жан. да булачнік’, *бяздольніца* (1 зн.) ‘Разм. Жан. да бездольнік’, *вартаўніца* (1 зн.) ‘Жан. да вартаўнік’, *вяскоўка* (1 зн.) ‘Жан. да вясковец’, *дыпломніца* (разм.) (1 зн.) ‘Жан. да дыпломнік’, *кляўзніца* (1 зн.) ‘Разм. Жан. да кляўзнік’, *паскудніца* (1 зн.) ‘Разм. груб. Жан. да паскуднік’, *сардэчніца* (разм.) (1 зн.) ‘Жан. да сардэчнік’ (у 1 зн.)’, *сукватарантка* (1 зн.) ‘Жан. да сукватарант’ і інш.² Аднак трэба адзначыць, што шэраг падобных матываваных жаночых намінацый не мае адпаведных базавых слоў мужчынскага роду, параўн.: *кудзельніца*, *праля* і іншыя, паколькі працу, якой яны займаюцца, выконваюць толькі жанчыны. Да таго ж некаторыя назоўнікі жаночага роду самі выступаюць як матывавальныя для адпаведных мужчынскіх

¹ Тут і далей значэнні слоў прыводзяцца з Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы ў 5-ці тамах (6 кнігах) (Мн., 1977 – 1984).

² Матэрыял для даследавання ўзяты з наступных лексікаграфічных крыніц: Слоўніка беларускай мовы пад рэд. М.В. Бірылы (Мн., 1987), Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы ў 5-ці тамах (6 кнігах) (Мн., 1977 – 1984) (у артыкуле – ТСБМ), Словаўтваральнага слоўніка беларускай мовы / А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец (Мн., 2000), Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы (Мн., 2002) (у артыкуле – ТСБЛМ). Пры аналізе намінацый жаночага роду разглядаліся словы нейтральнай, размоўнай і спецыяльнай лексікі. Гістарызмы і архаізмы пад увагу не браліся.

намінацый: *удава* → *удавец*. Большасць мужчынскіх і жаночых намінацый могуць разглядацца як паралельныя

ўтварэнні – т.зв. кадэрываты: *ткаць* $\begin{cases} \text{ткач} \\ \text{ткалля} \end{cases}$ *ласы* $\begin{cases} \text{ласун} \\ \text{ласуха} \end{cases}$

[СЦЯЦКО 1989, 89]. Але варта падкрэсліць, што “толькі фармальны паказчык матываванасці (калі гэтаму не прэчыць семантыка) можна лічыць вызначальным крытэрыем таго, што ад чаго ўтворана: намінацыя жаночага роду ад назвы мужчынскага роду ці наадварот. Бо менавіта форма заключае ў сабе пэўны змест і з’яўляецца яго выразнікам” [СЦЯЦКО 1989, 89].

У беларускай мове феміннае ўтварэнне карэлятыўнымі мадэлямі не абмяжоўваецца. Словаўтваральнае значэнне карэлятаў жаночага роду разглядаецца як мадыфікацыйнае. Для яго выражэння ў мове выкарыстоўваецца рад словаўтваральных фармантаў, прадуктыўнасць якіх дастаткова розная, як унутры сістэмы, так і ў міжсістэмных адносінах. Розная прадуктыўнасць таксама і ў аднаго і таго ж суфікса.

Як паказала даследаванне, фемінінатывы ў беларускай мове ў сваёй большасці маюць адно значэнне. Напрыклад: *князёўна* (1 зн.) ‘незамужняя дачка князя’, *леснікоўна* (1 зн.) ‘Разм. дачка лесніка’, *сяброўка* (1 зн.) ‘дзяўчынка, дзяўчына або жанчына, якая сябруе з кім.-н. // Пра каханую жанчыну’, *царэўна* (1 зн.) ‘дачка цара’, *чыноўніца* (1 зн.) ‘жонка чыноўніка (у 1 зн.)’ і інш.

Зафіксаваны і мнагазначныя фемінінатывы, аднак іх няшмат. Напрыклад: *манашка* (2 зн.) ‘1. Жан. да манах. 2. Начны матыль з чорнымі палосамі на крылах і брушку, вусень якога з’яўляецца шкоднікам раслін.’, *анучніца* (2 зн.) ‘1. Жан. да анучнік. 2. Разм. Жанчына, якая захапляецца ўборамі, строямі’ і некат. інш.

Трэба адзначыць, што ў тлумачальных слоўніках беларускай мовы назіраецца несуднаснасць у адлюстраванні адназначнасці / мнагазначнасці асабовых назоўнікаў са значэннем жаночага полу, што, у сваю чаргу, выклікае шэраг цяжкасцей суб’ектыўнага характару. Так, напрыклад, фемінінатыў *манашка*, названы вышэй, у ТСБЛМ мае адно значэнне: **манах** ‘член царкоўнай абшчыны, які даў абяцанне весці аскетычны спосаб жыцця. || ж. **манашка**...’.

Зыходзячы з таго, што ў сучаснай беларускай мове назоўнікі са значэннем ‘жаночасці’ ўтвараюцца ў асноўным суфіксальным спосабам, у якасці аб’екта даследавання былі выбраны суфіксальныя фемінінатывы [ЛУКАШАНЕЦ 2001].

Так, у сучаснай беларускай мове значэнне ‘асоба жаночага полу’ прадстаўлена значнай колькасцю дэрыватаў, хаця мае вельмі вузкі дыяпазон граматычнай рэалізацыі [ЛУКАШАНЕЦ 1999, 87]. Як паказваюць назіранні, з’ява множнасці матывацыі атрымала найбольшае

пашырэнне сярод асабовых назоўнікаў са значэннем ‘жаночасці’, утвораных шляхам далучэння фармантаў **-іц(а)/-ыц(а), -ніц(а), -льніц(а), -аўніц(а)/-оўніц(а)**. Фемінінатывы ўтвараюцца ад матываваных назоўнікаў мужчынскага роду з суфіксамі **-ік(-ык), -нік, -льнік, -чык/-шчык, -аўнік/-оўнік**, напрыклад: *беспрытульніца* (*беспрытуль/нік/-(Ø)* → *беспрытуль-ніц(а)*) і *беспрытульн/ік/-(Ø)* → *беспрытульн-іц(а)*, *булачнік* (*булач/нік/-(Ø)* → *булач-ніц(а)*) і *булачн/ік/-(Ø)* → *булачн-іц(а)*, *бяздольніца* (разм.) (*бяздоль/нік/-(Ø)* → *бяздоль-ніц(а)*) і *бяздольн/ік/-(Ø)* → *бяздольн-іц(а)*, *вартаўніца* (*варт/аўнік/-(Ø)* → *варт-аўніц(а)*) і *вартаў/нік/-(Ø)* → *вартаў-ніц(а)*, *дыпломніца* (разм.) (*дыплом/нік/-(Ø)* → *дыплом-ніц(а)*) і *дыпломн/ік/-(Ø)* → *дыпломн-іц(а)*, *кляўзніца* (разм.) (*кляўз/нік/-(Ø)* → *кляўз-ніц(а)*) і *кляўзн/ік/-(Ø)* → *кляўзн-іц(а)*, *завяшчальніца* (*завяшча/льнік/-(Ø)* → *завяшча-льніц(а)*) і *завяшчальн/ік/-(Ø)* → *завяшчальн-іц(а)*, *заклінальніца* (*закліна/льнік/-(Ø)* → *закліна-льніц(а)*) і *заклінальн/ік/-(Ø)* → *заклінальн-іц(а)* і інш.

Прыведзеныя вышэй прыклады сведчаць, што ўтварэнне такога тыпу поліматываваных фемінінатываў даволі часта суправаджаецца множнасцю словаўтваральнай структуры.

Поліматываванае зафіксавана і сярод фемінінатываў з фармантам **-к(а)**. Асабовыя назоўнікі жаночага роду з названым суфіксам, як і зыходныя словы, характарызуюць асоб паводле іх заняткаў, прафесіі, схільнасцей, асаблівасцей характару, адносін да навакольнага асяроддзя і г.д. Пэўная колькасць такіх найменняў суадносіцца з матываванымі асновамі назоўнікаў мужчынскага роду на **-ак(-як), -ец, -овец** і прэфіксальных субстантываў мужчынскага роду, напрыклад: *вяскоўка* (*вяск/овец/-(Ø)* → *вяск-оўк(а)*) і *вясков/ец/-(Ø)* → *вяскоў-к(а)*, *манаш-к(а)* (*манах/-(Ø)*) і *манаш/ак/-(Ø)*, *сукватарантка* (*сукватарант/-(Ø)*) → *сукватарант-к(а)* і *кватарантк(а)* → *су-кватарантк(а)*.

Як відаць з гэтых прыкладаў, множнасць матывацыі асабовых назоўнікаў такога тыпу часта суправаджаецца множнасцю словаўтваральнай структуры. Толькі ў адзінкавых выпадках словаўтваральная структура застаецца нязменнай, напрыклад: *сябр-оўк(а)* (*сябр(а)*) і *сябр/ава/-(ць)*, *манаш-к(а)* (*манах/-(Ø)*) і *манаш/ак/-(Ø)*. Поліматываванае назіраецца пры ўтварэнні фемінінатываў, якія адносяцца да нейтральнай ці размоўнай лексікі³.

З’ява множнасці матывацыі зафіксавана і сярод жаночых намінацый, утвораных пры дапамозе менш прадуктыўных фармантаў, такіх як **-еўн(а)(-эўн(а)) / -оўн(а)/-ёўн(а), -н-**, напрыклад: *князеўна* (*князеў/-(Ø)*) → *князеў-н(а)* і *князь/-(Ø)* → *князь-ёўн(а)*, *леснікоўна* (разм.) (*леснікоў/-(Ø)*) →

³ Трэба падкрэсліць, што стылістычная памета ў асабовых намінацый можа быць адзначана толькі ў адным са слоўнікаў, адкуль быў узяты фактычны матэрыял.

леснікоў-н-(а) і ляснік-(Ø) → леснік-оўн-(а), царэўна (цар/эвіч/-(Ø) → цар-эўн-(а) і царэв/іч/-(Ø) → царэў-н-(а).

Пэўны пласт лексікі складаюць назоўнікі жаночага роду, утвораныя ад нематываваных асноў: *акрабатка, акулістка* (разм.), *артыстка, багачка, бузацёрка* (разм.), *гультайка, дэлегатка, дэспатка* (разм.), *жыхарка, знахарка, паэтка* (разм.), *студэнтка, суседка, юрыстка* (разм.). Аднак субстантывам такога тыпу множнасць матывацыі не характэрна.

Такім чынам, праведзенае даследаванне паказала, што для назоўнікаў са значэннем асобы жаночага полу – фемінінатываў характэрна такая моўная з’ява як множнасць матывацыі, якая, у сваю чаргу, можа суправаджацца множнасцю словаўтваральнай структуры. Відавочна, што такі аспект вывучэння беларускага словаўтварэння вельмі важны, паколькі ад вырашэння звязаных з гэтым пытанняў залежыць аб’ектыўны навуковы погляд на тыя ці іншыя дэрывацыйныя працэсы, характэрныя для сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Літаратура:

БЕСЦЕННАЯ 1987: Бесценная Е.Д. О множественности мотиваций (на материале суффиксов -щик и -ник). // АПРС, Ч.П. – Ташкент. – Укитувчи. – С. 107 – 108.

МОИСЕЕВ 1987: Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном литературном языке. – Ленинград. – ЛГУ. – 1987. – С. 85 – 105.

ЛЕВАШОВ 1968, Левашов Е.А. Название лиц по местности в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Москва. – 243 с.

ПУГАЧЁВ 1987: Пугачёв И.А. Структура словообразовательной парадигмы названий лиц в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. – Москва. – 13 с.

НАРКЕВИЧ, КАРПОВИЧ 1989: Наркевич А.И., Карпович М.П. Стилистическая модификация личных фемининативов в русском и белорусском языках. // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. // Тез. докл. III респ. конф. Ч. II. – Гродно. – С. 200 - 201.

СЦЯЦКО 1989: Сцяцко П.У. Маскулінатыўная дэрывацыя ў сучаснай беларускай мове. // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. // Тез. докл. III респ. конф. Ч. II. Гродно.

ЛУКАШАНЕЦ 2001: Лукашанец А.А. Словаўтварэнне і граматыка. – Мн.: Права і эканоміка. – 252 с.

ЛУКАШАНЕЦ 1999: Лукашанец А.А. Семантыка-словаўтваральная катэгорыя персанальнасці ў беларускай мове. // Białostocki przegląd kresowy / Pod red. I.F. Nosowicza. – Białystok. – Т. VII.

**МОЦИОНА ТВОРБА ДАНАС
(ЗВАЊА, ЗАНИМАЊА И ТИТУЛЕ ЖЕНСКОГ РОДА)**

Проучавање тзв. моционе творбе има у србистици дугу традицију. Први се њоме бавио у првој половини прошлог века проф. Радосав Бошковић и то у оквиру својих компаративно-историјских истраживања суфиксације у јужнословенским језицима [БОШКОВИЋ 1936]. Та је тема, и касније, заокупљала пажњу других дериватолога, како са системсколингвистичких, тако и са социолингвистичких позиција. И сам сам се овим питањима раније бавио, написавши једну књигу и читав низ чланака. Подстицај да о томе опет пишем, додуше из нешто друкчијег угла него раније, дошао је из актуелне расправе о равноправности полова која се води на врло широком друштвеном плану, укључујући коначно и језик. Изрази типа *сексизам у језику, сексистичка употреба језика, андроцентризам и језик, феминистичка лингвистика* и сл., релативно су нови у србистици, а срећу се у јавним наступима припадница женских покрета и стручним прилозима појединих лингвисткиња. Истакнуто место међу примерима језичке дискриминације (сексизма у језику) заузимају облици *звања, титула, занимања, дужности, послова* и сл. кад их *имају, обављају* или *врше* жене. Како у овим семантичким категоријама значајно место има и тзв. *именичка моција*, дакле - творбени феномен, сматрао сам корисним да изнесем нека своја запажања из дискусије која се водила и води у српској јавности у вези са наведеном семантичком категоријом. Искористио бих ову прилику да, узгредно, представим појмовно-терминолошки апарат којим се у овој области служи србистика.

*

Категорија *звања, титула, занимања, дужности* и сл., кад се односе на особе женског пола, познаје, најмање, три типа номинације: А) неизведена/изведена именица *граматичког* мушког рода неутрализована с обзиром на пол (*доцент/уредник*); Б) изведена именица маркирана с обзиром на пол (*доценткиња/уредница*); В) аналитичка форма¹ (*жена доцент/жена уредник*).²

За дериватологе је, наравно, у овом случају, најзначајнији тип (Б), будући да је за њега карактеристична деривација (извођење). У србистици се овакав тип извођења именица женског рода назива *именичком моцијом*

¹ Односно - аналитичка моција. Овај тип номинације познат је и у другим језицима, као у руском, на пример [НЕЩИМЕНКО 2004, 91].

² Забележен је и пример плеонастичке форме: „Но данас је све мање жена-падобранки.” (Југославенска ревија Свијет, 9.11.1987). Такве форме користе се, и то често, и у руском, нпр. *женщина-террористка* [НЕЩИМЕНКО 2004, 91].

(моционом творбом, мовирањем).¹ Термин *именичка моција* први је, код нас, употребио проф. Радосав Бошковић у првој половини прошлог века [БОШКОВИЋ 1936]. И сам сам га користио у својим радовима о овом типу именичке деривације [ЋОРИЋ 1982].

Именичку моцију карактерише *суфиксни творбени начин*. Суфикси који учествују у *именичкој моцији* називају се *моциони суфикси*. Функцију мовирања врши десетак суфикса, али се продуктивношћу, у српском, издвајају *-ица*, *-ка*, *-иња* и *-киња*. Само је овај последњи, *-киња*, везан искључиво за моцију.

Моциони суфикси често чине са суфиксима мушког назива (кад је овај изведен) *корелативне суфиксне парове*.

Резултат *моционе творбе* (мовирања) је *мовирани фемининум* (*доценткиња/уредница*). Мотивациони смер је од именице са значењем „лице уопште” ка именици са значењем „лице женског пола” (*доцент* → *доценткиња*, *уредник* → *уредница*). *Мовирани фемининум* и корелативна именица са значењем „лице уопште” чине тзв. *моциони пар* (*доцент* / *доценткиња*, *уредник* / *уредница*). У неким случајевима „женски” члан одсуствује или пак није уобичајен: *водич*, *бранич*, *гонич*; *писац*, *купац*, *борац*, *зналац*, *гњурац*, *стрелац*, *слушалац*, *ловац* итд. Свог моционог пара обично немају ни именице на *-лог* (*психолог*), а кад га ипак добију јавља се колебање у избору суфикса (*биолог* → *биологиња* / *билошкиња* / *биологица*).

*

Широка употреба - условно речено - „мушких” назива звања, занимања, титула, дужности и сл. за лица женског пола оцењује се у неким круговима као *сексистичка*, односно као вид неравноправности, неједнакости, дискриминације према женама. Оваква оцена није нова, нити је карактеристична само за словенске језике. Још пре више од две деценије публикована је књига индикативног назива - *Das Deutsche als Männersprache* [PUSCH 1984]. А у вези са овом темом и атмосфером око ње илустративан је и наслов чланка, објављеног у једној новијој бугарској публикацији, који гласи: *Жените на „мъжка” територия* (Жене на „мушкој” територији). Чланак је посвећен појавама „језичког андроцентризма” и „говорног сексизма” [ПРОЙКОВА 2004].

У расправама које се тренутно воде у српским медијима на једној страни доминира следећа теза: називи типа *доцент*, *стручњак*, *граматичар*, *уредник*, *спикер* итд. нису маркирани, неутрални су у погледу пола и не могу, као такви, бити потврда језичке дискриминације, тј. ти називи имају *генеричку функцију*.² Друга страна, међутим, одбацује ову тезу следећом тврдњом: граматике су писали мушкарци, они су прописали

¹ У немачкој дериватологији употребљавају се слични називи: *Motion*, *Movierung*, *movirte Bildung* [BUSSMANN 2002].

² Који имплицирају и мушко и женско.

правило, то правило је давало одређене резултате, а онда се ти резултати припишу структури језика. Тачно јесте да су већину граматика, на српскохрватском језичком простору, писали мушкарци. Поставља се, ипак, питање да ли би било друкчије да је било обрнуто, тј. да су граматике писале граматичарке. У колективу аутора *Хрватске граматике* нашле су се четири жене, па ипак правила у овој сфери нису мењана, тј. у амбивалентност назива звања, занимања, титула мушког граматичког рода није дирано [БАРИЋ 1995].

Питање облика назива за занимања кад их врше жене и потреба присуства одговарајућих назива у језичкој пракси појачано је у Србији последњих месеци у оквири шире расправе која се водила и води у вези са *Законом о равноправности полова*. У одређеним друштвеним круговима у центру расправе наша су се сасвим одређено језичко питање: могућност доследног именовања назива занимања, звања и титула за особе женског пола коришћењем творбених могућности језика (а то, у крајњој линији, значи ширење употребе *мовираног фемининума*).

Досадашња социолингвистичка истраживања показала су да се међу факторима који утичу на већу или мању употребу мовираног фемининума налазе друштвени положај жена, социокултурна средина, језичка политика, врста штампе, говорна ситуација, а међу факторима који начелно не утичу на фреквенцију „женских” форми - ниво образовања говорника, узраст и пол [ЋОРИЋ 1990, 107].¹

Материјал за анализу узиман је (и узима се) из медија (првенствено штампаних, али и електронских), што је, онда, дало повода да се међу медијима, као значајним изворима и узорима језичке културе изврши одређена диференцијација. Критеријум поделе био је - фреквенција употребе генеричких и маркираних форми именовања лица у анализираној категорији. Тако су једни медији оцењени као традиционални (шира употреба генеричких форми), а други као прогресивни (шира употреба маркираних форми). Чини се, ипак, да је ова подела преурањена: и површно праћење прилика у медијима указује на висок степен шаренила. Често у истом тексту (чланку) аутор користи обе форме, што ћемо илустровати свежим примером из једног дневног листа: - *Портпарол суда Миленка Сливар рекла је...*

- *Портпаролка суда је изјавила...* (Политика, 3.10.2006).²

Није спорно да српски језик (као и сви други словенски језици) поседује творбене могућности за прављење полно маркираних форми, није

¹ Могуће је да би новија истраживања показала да чланице женских покрета, макар у одређеним језичким ситуацијама, у најновије време чешће користе мовирани фемининум него генеричку форму.

² Додуше, у овим примерима значајну улогу игра и окружење: уз име које јасно казује пол особе долази генеричка, а кад име изостане – мовирани фемининум (који преузима функцију ознаке пола).

спорно ни то да су у разним функционалним стиловима те форме присутне (нарочито у разговорном стилу), али је спорно то – до које мере језик може поднети притисак заговорника најшире могуће примене моционих творбених модела. Наиме, постоје у језику одређена ограничења у употреби маркираних форми. Говорићу овде управо о неким од таквих ограничења, полазећи углавном од примера који су навођени у дискусији која се води ових месеци у српским медијима, на интернету и у српској јавности уопште.

*

1. Уникатна употреба генеричке и маркиране форме

Оба члана лексичког пара *секретар/секретарица* узимају се као примери језичке дискриминације (сексизма у језику), сваки на свој начин. Занимљиво је међутим да и једну и другу лексему карактерише уникатна употреба, иако је генетска (формална) веза међу њима веома јака. Постоји сасвим јасна семантичка дистинкција међу њима, како у обиму посла, тако и у позицији у пословној и друштвеној хијерархији, али и на плану пола: секретар је немаркиран с обзиром на пол, обављају га и лица женског и лица мушког пола (чешће овог другог) и, начелно, никада се не изводи именица женског рода, односно мовирања нема. (Било је, додуше, предлога да се прихвати изведеница *секретарка*, али је одзив био слаб). Именица *секретарица*, напротив, иако творбено транспарентна, синхронно посматрано, није семантички мотивисана именицом *секретар*. (Сасвим идентичну слику даје хрватски калк *тајница : тајник*.) До које мере се очувала традиционална представа о пословима које обавља *секретарица* види се понајбоље по реакцији језика на појаву посебне врсте телефона – *телефонској секретарици*, па се каткада занемарује атрибут телефонски и просто се каже: „Ако нисам код куће, остави поруку на секретарици”. (Слична релација међу овим лексемама постоји и у другим језицима, рецимо немачком где према *Sekretär* стоји *Sekretärin* са истим семантичким дистинкцијама. Занимљиво је да је у српском именица *секретарица* потврђена још у првој половини 19. века, а у немачком почетком 20. века.)¹ Да именица *секретарица* има специфичну позицију показује и њена творбена структура: она доследно има суфикс *-ица*, за разлику од других именица са завршетком на *-р*, које, по правилу, имају суфикс *-ка*, односно дублетне творбене ликове типа *професорка / професорица*. Било је настојања да се уведе у употребу и облик *секретарка*, али је одзив био слаб. (Додуше, неке ТВ-станице, прозападне оријентације, за функцију коју обавља Кондолизе Рајс користе синтагму *државна секретарка*.)

Употреба назива *секретар/секретарица* с разлогом се сврставају у примере језичке дискриминације, али је немогуће, бар засад, наћи несексистично решење. Уникатну употребу и генеричке и маркиране

¹ Исп. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, München 72004.

истокорене форме произвела је њихова семантичка асиметрија узрокована социолингвистичким разлозима.¹

2. Суженост значења маркиране форме

Генерички назив, по својој функцији, није у свим контекстима заменљив маркираном формом, ма колико она била обична и раширена. Иако, на пример, моциони пар *глумац – глумица* има дугу традицију у језику, ипак именица *глумац* задржава своју генеричку функцију у одређеним контекстима: бирање *најбољег глумца*, начелно, односи се на особе оба пола, док избор *најбоље глумице* има сужено значење.

3. Необичност гласовне структуре изведенице (неологизма)

Новину у мовирању представљају облици мотивисани именицама на *-лог*, чија се појава може протумачити управо као последица пуристичких настојања да се по сваку цену створе женски облици, без обзира на њихову необичност [KALOGJERA 1981, 49].² Као необични су означени сви потенцијални ликови мовираних фемининума мотивисаних споменутих генеричким називима: *психолошкиња, психологиња, психологица*.³ (У једној говорној емисији на ТВ-у једна од учесница се обратила другој са -колегиница *психолошкиња*, на шта је ова реаговала констатацијом: „Можда ви јесте *психолошкиња*, али ја сам *психолог*.”) Назив *боркиња* такође је неологизам, а употребљава се у сасвим одређеној социокултурној средини: користе га представнице невладиних организација (исп. нпр. *боркиња за људска права, боркиња за равноправност жена* и сл.). Ова изведеница скована је по творбеном моделу који није обичан. Прво, од двосложних именица на *-а/ц* ретко се и прави мовирани фемининум, а с друге стране суфиксна корелација *-а/ц*: *-киња* је ретка у српском језику.

4. Појава хомонимије

Новији мовирани фемининуми се својим ликом могу каткада поклопити се већ постојећим лексемама, чиме се сужава могућност шире

¹ Нешто друкчији обим асиметрије уочавамо у лексичком пару *чистач/чистачица*. Нема сумње да је *чистачица* мотивисана именицом *чистач*, али на семантичком плану су оне несиметричне: именица *чистач*, по правилу, значи особу која чисти јавне површине (улице и сл.), а *чистачица* женску особу која ради у установама и по кућама, што говори о другачијем положају мушкараца и жена у друштву.

² Исп: „Dosljednu upotrebu ženskog roda imenica koje označavaju zvanje kad ga vrši žena propisuju puristi u hrvatskoj standardnoj varijanti srpskohrvatskog dijasistema i tako, istini za volju nenamjerno, slijede pravac koji bi ženski pokret pozdravio. Oni time sankcioniraju težnju, vrlo živu u razgovornom jeziku i koja lako ulazi u pisani standard, tako da imamo potvrda za imenice ženskog roda kao što su *atašeica, mecenatkinja, sutkinja* itd.” Ови примери потврђени су крајем седамдесетих година прошлог века и за то време вероватно су били веома необични. Данас углавном нису необични).

³ Овај последњи је најпроблематичнији. Прво, зато што се очекује аломорфна основа (исп. бог – божица, херцег – херцегинја, па би се очекивало биоложица), а друго – зато што суфикс *-ица* наводи на асоцијацију о деминуцији.

употребе. Присталице феминистичког покрета у српском парламенту инсистирају на лику *посланица* (према *посланик*), уз противљење друкчије оријентисаних колегиница. Наиме, *посланица* значи службену поруку владара или црквеног поглавара и стога до ове године практично није прављен мовирани лик према *посланик*. Тренутно је парламенту седе жене које себе сматрају *посланицима* и друге које себе зову и траже да им са обраћају други као *посланицама*. Као примери хомонимних форми спомињу се и: *тренерка* (женско према *тренер*, али и *спортска одећа*) *заменица/замјеница* (према *заменик/замјеник*, али и *граматички термин*), *саобраћајка* (према *саобраћајац*, али и универб од *саобраћајна несрећа*, у разговорном језику). У хрватском стандарду према називу *прометник* готово је немогућ мовирани фемининум *прометница*, будући да таква реч већ постоји за *улицу*, *цесту*. Наравно, хомонимија не мора бити препрека увођењу ових форми будући да се контекстом лако елиминишу могући неспоразуми.

5. *Компликован изговор мовиране форме*

У ређим случајевима маркирану форму карактерише тежак изговор што је чини инфериорном у односу на генеричку форму. У дискусији се као пример наводила именица *архитекткиња*, где се додавањем суфикса доиста ствара тешко изговорљива консонантска скупина. Ово је, наравно, екстремни случај и не мора бити аргумент против мовираних фемининума уопште.

6. *Двосмисленост деривата*

И двосмисленост неких изведеница од исте основе умањује шансе за ширење мовиране форме. Тако је *министарка* – министрова жена, али и жена министар, *генералица* – генералова жена, али и жена генерал. Први назив се већ одомаћио у значењу *жена министар*, али не и ова друга. Бар засад.

7. *Неекономичност*

Залагање за доследну употребу мовираног фемининума стоји каткад у супротности са језичком економијом. У административној сфери неких социокултурних средина полна равноправност доследно је спроведена употребом моционих парова, што показује следећи пример: *Akademijско vijeće*: 1. donosi Statut Akademije natpolovičnom većinom ukupnog broja članova; 2. bira **dekana/dekanicu** i **prodekane/prodekanice**; 3. provodi izbore za **člana/članicu** i **zamjenika/zamjenicu člana/članice** Senata Sveučilišta; 4. provodi izbore za **članove/članice** i **zamjenike/zamjenice članova/članica** 5. imenuje **predstojnike/predstojnice** odsjeka, **pročelnike/pročelnice** katedara, ispitna povjerenstva i **mentore/mentorice**; 6. razmatra i prihvaća godišnje izvješće **dekana/dekanice**; 7. predlaže **kandidate/kandidatkinje** za **rektora/rektoricu** Sveučilišta u Zagrebu. (Скинуто са интернета. Истицање моје.)

Међутим, овакви примери доследног, симетричног спровођења језичке равноправности сасвим су ретки и више служи као изузетак који потврђује правило. Да би се избегла гломазна напоредна навођења мушке и женске форме, предлажу се у писаној форми нешто краћа графичка решења типа: *декан/ка, декан/ица, пензионер/ка, професор/ка, професор/ица* и сл. И један и други начин применљив је, наравно, у текстовима, формуларима, документима и сл. У говору се симетрија постиже углавном приликом обраћања у каквим јавним наступима: *колегинице* и *колеге, студенти* и *студенткиње, грађани* и *грађанке, адвокати* и *адвокаткиње* и сл.

*

Тип в), тзв. аналитичка моција, представља побочну варијанту именовања женске особе, користи се у оним познатим примерима када је моциони пар немогућ: *жена пилот, жена писац, жена руководица* и сл., али и у случајевима кад је мовирани фемининум могућ, нпр. *жена гувернер*, уместо *гувернерка*. С једне стране аналитичка моција у словенским језицима је плеонастичка, будући да именица жена овде преузима функцију моционог суфикса, а с друге стране начин именовања женске особе каткада може изазвати нејасноћу, каква је, на пример, потврђена у једном дневном листу:

„Кори Удовички знамо као прву жену гувернера Народне банке Србије.”¹

Из наведене формулације може се разумети и то да је гувернер Народне банке Србије два пута био ожењен, а да му је прва жена била Кори Удовички. Наравно, да је реченица гласила друкчије *Кори Удовички је била прва жена гувернер НБС*, такав семантички неспоразум био би избегнут. Очито је да при употреби оваквих конструкција треба бити опрезан, посебно онда кад се неки падежни облик може двојачко тумачити.

*

Тешко је бити објективан у расправама ове врсте. Мушкарци у њима ретко учествују, а кад се то ипак деси – углавном су за статус кво. Женски део популације је благо поларизован: за сада већина жена не мисли да је у језику дискриминисана тиме што се за њих користе двојачке форме – генеричка и маркирана, док мања група жена захтева такву језичку политику која би, у највећој могућој мери, омогућила симетричну употребу назива за мушкарце и назива за жене (мовираних фемининума). Ако бих морао дати свој поглед на расправу о употреби облика *звања, занимања, титула, дужности и послова* за особе женског пола, рекао бих, укратко, да број ограничавајућих фактора није заправо велик и не може бити кључна препрека ширењу маркираних форми. Сигурно је да се одговарајућом језичком политиком фреквенција мовираних фемининума

¹ Политика, 16. јул 2006.

може увећати у сферама где их је било недовољно, али је такође сигурно да је коегзистенција обају типова номинације лица женског пола реалност како из системских разлога, тако и због снажно присутне свести о престижности генеричке форме.

Литература:

BARIĆ 1995: Barić E., Lončarić M., Malić D., Pavešić S., Peti M., Zčević V., Znika M. – Hrvatska gramatika. – Zagreb.

БОШКОВИЋ 1936: Бошковић Р. Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници. – Београд.

BUSSMANN 2002: Bussmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart.

KALOGJERA 1981: Kalogjera D. О језику и spolu. // Delo XXVII. – Br. 4. – S. 37 – 52.

НЕЩИМЕНКО 2004: Нещименко Г.П. О некоторых тенденциях в развитии современного славянского словообразования. // Проблемы теории і гісторії славянскага словаўтварэння. – Мінск. – С. 85 – 97.

ПРОЙКОВА 2004: Пројкова М. Жените на ”мъжка” територия. // Тенденции и процеси в българския език. – Шумен.

PUSCH 1984: Pusch E.L. Das Deutsche als Männersprache. – Frankfurt am Mein.

ЂОРИЋ 1982: Ђорић Б. Моциони суфикси у српскохрватском језику. – Београд.

ЋORIĆ 1990: Ћorić B. Sociolingvistički status naziva za osobe ženskog pola u srpskohrvatskom jeziku. // Fluminensia II. - Br. 1-2. – Rijeka. – S. 103 – 108.

VÍCESLOVNÉ ODBORNÉ NÁZVY V ČEŠTINĚ (SE ZAMĚŘENÍM NA LÉKAŘSKOU TERMINOLOGII)

1. Úvod

Analýza typů odborných názvů a jejich tvoření, které vychází z pojmenovacích potřeb příslušné odborné oblasti, může pro jazykovědu přinést cenné teoretické i praktické poznatky. Svou proměnlivou stálostí i tíhnutím k systémovosti jsou totiž právě tyto názvy zvláště výhodné. Dlouhodoběji zkoumáme odborné lékařské názvy a vzhledem k tomu, že se z hlediska onomaziologického jeví důležité vyhledávat všeobecné zákonitosti, snažíme se na základě jejich rozboru (formálního i obsahového) charakterizovat odborné pojmenovací typy. Vycházíme z excerptce současných psaných odborných lékařských textů v konfrontaci s odbornými (výkladovými i překladovými) lékařskými slovníky. V tomto příspěvku podáme stručný přehled dosavadního zpracování typologie víceslovných odborných názvů (obecně kolokací), a to především v české, příp. anglo-americké lingvistice, a s využitím excerptovaného materiálu naznačíme problematiku jejich delimitace a zapojení v textu. Pro ilustraci uvedeme základní (modelové) strukturní typy víceslovných odborných názvů – pro úspornost se omezíme jen na nominální kolokace.

2. Pojetí a typologie víceslovných odborných názvů (kolokací)

Víceslovné odborné názvy jakožto kombinace (jednoslovných) lexémů představují jeden z nejdůležitějších typů ustálených pojmenování (tradičně často označovaných jako sdružená pojmenování) [HAUSER 1980; FILIPEC – ČERMÁK 1985; KUCHAR 1963; MACHAČ 1967; HORECKÝ 1956 aj.] a lze je označit termínem kolokace¹, nověji užívaným zejména v anglo-americké (a především korpusové) lingvistice². Ve smyslu Sinclairova pojetí jakožto smysluplné kombinace *jakéholi* typu se kolokací chápe [FONTENELLE 1992] idiosynkratická syntagmatická kombinace lexikálních jednotek, nezávislá na slovní třídě nebo syntaktické struktuře. Hausmann [HEID 1994] charakterizuje kolokace jako „polární“ kombinace, skládající se z báze (jednotka, která nese svůj lexikální význam zcela) a kolokátu (s modifikovaným nebo redukováným lexikálním významem). Hausmann nazývá kolokace „polotovary“ jazyka („semi-finished products“).

Vznik kolokací je, jak uvádí např. Čermák [ČERMÁK 1994, 208] podmíněn jejich vzájemnou kolokabilitou, a tedy i kompatibilitou.

¹ V české lingvistice použil termín kolokace již Mathesius [MATHESIUS 1975], při srovnávání lexikálních kolokací (kombinací) v češtině a v angličtině; jeho výzkum mj. prokázal, že analytická angličtina má (na rozdíl od syntetické češtiny) nejasné hranice mezi kompozitem a kolokací.

² Jak uvádí Heid [HEID 1994], kolokace jsou ústřední pro lexikografy, korpusové lingvisty a terminology.

Onomaziologicky je lze (spolu s derivací, kompozicí, polysémií a kombinací) považovat za typ interní nominace. Jejich podstatným znakem je nerozložitelnost [POŠTOLKOVÁ 1979]. Podle funkce je Machač [MACHAČ 1967] rozlišuje na slovní spojení: 1. s nominativní funkcí (tj. víceslovné lexikální jednotky), 2. s nominativní funkcí redukovanou (konvenční společenské formule), 3. gramatická a gramatizovaná spojení slov. Současná anglická gramatická teorie [Longman Grammar of Spoken and Written English, 1999] doporučuje (v angličtině) rozlišovat mezi víceslovnou lexikální jednotkou (multi-word lexical unit) a kolokací (collocation). Víceslovný lexém se chápe jako lexikalizovaný sled slovních forem, který funguje jako jeden gramatický celek,¹ na rozdíl od kolokace, která se skládá ze samostatných (nezávislých) slov, která mají tendenci vyskytovat se společně. V české lingvistice se obvykle tento rozdíl nečiní, kolokace se chápou ve smyslu slovních spojení.² Víceslovné odborné názvy lze tedy nazvat termínové kolokace – [ČERMÁK 1994 a dále]. (Obě označení zde nadále užíváme paralelně.)

V kolokacích se spojení slov lexikalizuje - z pohledu syntaktických vztahů to vyjádřil např. Kopečný [KOPEČNÝ 1958, 27]: „Rozlišení součástí a povědomí vztahu liší výraz rozvitý od sousloví (tj. výrazu už lexikalizovaného, kde se mezislovní vztah už nepocítuje).“ Naopak převážně sémanticky posuzuje lexikalizaci [KOCOUREK 1979] fráze i slovo, jímž ji lze zcela nahradit, patří do téže sémantické třídy.

Podle Kuchaře [KUCHAŘ 1963] je závislost víceslovných názvů na textu tak silná, že lze těžko určit, která konkrétní slovní spojení jsou pojmenovací jednotkou a která označením rozčleněného pojmu. Přestože není podle autora hranice pojmenování in concreto a in abstracto přesně jasná, lze nicméně určit jisté indicie, které některá slovní spojení (a struktury těchto spojení) pro funkci pojmenování předurčují. Jsou to indicie mimojazykové (zda a do jaké míry je označovaný obsah členem pojmoslovného systému, např. terminologického) i jazykové (např. je-li dominujícím výrazem spojení slovní druh primárně syntakticky nezávislý nebo je-li spojení formálním ztvárněním obsahové struktury analogické v pojmenováních jednoslovných). Man [MAN 1965] ukazuje, že závislost slova na kontextu je tím větší, čím menší je jeho autonomnost jako termínu; důraz na kontext je tedy třeba klást hlavně u slov, která dostávají terminologický význam sémantickým přenesením.³

¹ „A multi-word lexical unit is a sequence of word forms which functions as a single grammatical unit. The sequence has become lexicalized.“ [tamtéž, s. 58]

² Srov. např. vymezení kolokace v Encyklopedickém slovníku češtiny [KARLÍK – NEKULA – PLESKALOVÁ 2002, 218]: „Kombinace, syntagma jazykových prvků lexikální povahy; dříve též spojení slov.“

³ Autor dále připomíná, jak se úloha kontextu projevuje i při překladu z cizího jazyka. Je-li terminologické sousloví chápáno jako kontextové spojení, dochází při překladu k nepřesnostem, každý doslovný překlad cizího souslovného termínu vlastně vychází z kontextové souvislosti, nepřihlíží k tomu, že je třeba cizí termín vyjádřit termínem z příslušného terminologického systému.

Pojetí kolokací z širšího (obecně-lingvistického a konfrontačního) hlediska přináší řadu jejich dalších aspektů a rysů. Zároveň se nabízejí otázky, např. do jaké míry by se měly kolokace nazírat typologicky; je např. obtížné vidět rozdíly v kritériích a přístupech mezi kolokacemi a kompozity, neboť jsou v podstatě téhož charakteru.¹ Typologie a analýza slovních spojení je ovlivněna i charakterem příslušného jazyka, zejména sémantickými vlastnostmi jeho lexikálních jednotek a způsobem vyjadřování syntaktických závislostí.

3. Statut, delimitace a rozsah kolokací

Důležitým kritériem pro delimitaci kolokací (syntakticky jde o nominální skupiny²) je z formálního hlediska jejich strukturovanost (tj. především syntaktický, příp. slovnědruhový typ struktury). I zde najdeme vedle nepochybných znaků některé otevřené otázky [ČERMÁK 2000], např. jak je k vymezení (identifikaci) kolokace důležitá její délka, rozsah (počet slov), stejně jako její (nepřerušovaný) kontinuální charakter apod. Co do rozsahu je většina kolokací v češtině (cca 90 %) tvořena jedním až třemi členy. Důležité je dále např. pořadí jednotlivých částí (členů) kolokací – jejich ustálenost a závaznost. Jak poukázal např. Horecký [HORECKÝ 1956], kolokace jsou z hlediska motivace i významu dvoučlenné a vztahy uvnitř nich jsou dány vždy významově.

Termínové kolokace jsou (na rozdíl od netermínových) častěji fráze nominální než slovesné [ČERMÁK 1998³] a nejčastěji bývají složeny z adjektiva a substantiva nebo ze dvou substantiv (v nominativu, v nominativu + instrumentálu). Z autorova průzkumu (tamtéž) vyplývá, že nejčastější kolokační typy (jím zkoumaného materiálu, tj. korpusu SYN2000) představují následující struktury: 1. N+N (propria), 2. Adj+Adj (termíny), 3. Adj+Adv (frazémy), 4. Adj+N (termíny), 5. Adv+Adj (termíny). Potvrzuje se tak převažující nominální charakter termínových kolokací.

V termínových nominálních strukturách bývají adjektivní komponenty postaveny v postpozici (na rozdíl od uzuální antepozice shodného přívlastku u volných spojení slov nebo u jiných typů ustálených slovních spojení). Užívání názvů s obráceným slovosledem je však v češtině vhodné a opodstatněné jen v nomenklaturách některých vědních oborů, kde byla vzorem pro vytváření nomenklaturního systému latina. Slovosled termínových kolokací odráží

¹ Kompozita pronikala do češtiny především díky slovtvornému vlivu němčiny, v terminologii též latiny a řečtiny. Navzdory své nosnosti se v terminologii užívají mnohem méně než víceslovná pojmenování, ač se v nich sama uplatňují, a nevyžívají se ani ve stejné míře jako odvozeniny. Zastoupení víceslovných termínů v terminologiích obecně se odhaduje na 77 % [MASÁR 2000, 35].

² Sémantické, valenční a funkční vlastnosti nominálních skupin viz podrobněji Skladba češtiny [GREPL – KARLÍK 1998, 175-209].

³ Autor zde mj. zmiňuje, že by bylo lingvisticky velmi důležité porovnat statistické údaje z více jazyků, aby se dalo usoudit o existenci nějaké obecné tendence.

strukturaci obsahu pojmenovaného pojmu; tak např. u nominálních struktur (typu *subakutní masivní plicní embolie, celotělová pozitronová emisní tomografie, vodní tryskový skalpel*) každý předcházející přívlastek postupně vyjadřuje další znak omezující rozsah nadřazeného pojmu.

Slovosled uvnitř termínových kolokací v češtině souvisí s dichotomií *langue – parole* (tj. jejich postavení v odborném slovníku a užití v textech); pevné, ustálené pořadí má nepochybně význam v některých terminologických soustavách (tak např. změna inverze může zrušit terminologickou platnost víceslovného spojení, srov. např. *skok vysoký x vysoký skok*). V takových případech je pořadí na textovém užití (kontextu) nezávislé. Pořadí však nemusí být vždy neměnné, důvodem slovosledné inverze v textu je např. kontrast, důraz nebo výčet. Obecně je to možné jen tehdy, není-li slovosled slovotvorný („termínotvorný“), neexistuje-li tedy dvojice terminologických a neterminologických (tj. volných) spojení slov lišících se pouze pořadím svých členů. Taková užití termínových kolokací (lišících se vnitřním pořadím svých členů) by bylo možné označit jako slovosledné varianty téhož víceslovného odborného názvu (viz dále), přičemž za jeho základní podobu by bylo vhodné považovat podobu „slovníkovou“, danou metodikou zpracování slovníku (např. u subordinálních nominálních frází s abecedním řazením podle řídicího substantiva – srov. *dutina břišní, zlomenina s uvolněním epifýzy spirální, zánět rtů angulární*) a zároveň odrážející pojmové (především hierarchické) vztahy mezi označovanými denotáty.

4. Víceslovné odborné názvy ve slovníku a v textu (návrh terminologického rozlišení)

Jako zásadní se pro delimitaci víceslovných odborných názvů jeví jejich ohraničení, tzn. rozlišení odborného pojmenovacího prostředku (jakožto jednotky systémové, slovníkové) a textového spojení takových prostředků (jednotky textové). Z formálně-syntaktického hlediska je např. nejasná hranice mezi víceslovným názvem založeným na pojmovém vztahu koordinace mezi členy (*bratr a sestra*)¹ a slučovací spojencím dvou názvů (které jako celek není termín, např. *on-pump a off-pump operace = on-pump operace a off-pump operace*). K takovému „stažení“² více odborných názvů dochází v textech především z důvodu ekonomie vyjádření a často se tak spojují i odborné názvy

¹ Struktury založené na vztahu koordinace za pojmenování jednoho (rozčleněného) pojmu považuje např. Kuchař [KUCHAŘ 1963]. Jako důvody uvádí: a) ekvivalentní vyjádření jejich obsahu jednoslovným pojmenováním (*otec a matka = rodiče*), b) uplatňování koordinačního vztahu v jednoslovných pojmenovacích strukturách, kompozitech (*opočlověk*). Obsahová ekvivalence však bývá zpochybnitelná, hyponymický výčet složek pojmu nemusí být úplný pro všechna hyperonyma, viz např. nejednoznačnost výše uvedené interpretace pojmu *rodiče* s ohledem na možnost zahrnout také adoptivní rodiče nebo rodiče téhož pohlaví; obdobně také rozčlenění pojmů hyperonym jako *sourozenci, víkend, přístroj, končetiny* apod.

² Encyklopedický slovník češtiny [KARLÍK, NEKULA, PLESKALOVÁ 2002, 232] tuto koordinační skupinu (jakožto výsledek členské koordinace) vykládá transformačně jako fúzi.

samy o sobě vícečlenné (*chromozomální, skeletální a kostní abnormalita, mateřský nebo otcovský genový imprinting*).

Vzhledem k důležitosti a k případné nejednoznačnosti delimitace víceslovných odborných názvů v textu i vzhledem k jejich postavení v systému příslušné terminologie pokládáme za výhodné a terminologicky přesnější rozlišovat u termínových kolokací languové a parolové pojmy dvojicí termínů: 1. *víceslovný termín* (= systémová jednotka - jazyková, slovníková), 2. *vícečlenné terminologické spojení* (= textová jednotka, výsledek řečové činnosti, textové spojení termínů).¹ Srov. dvojice pojmenování z lékařských textů: *vena safena magna x endoskopický odběr vena safena magna, plicní embolie x subkutní masivní plicní embolie s echokardiografickým nálezem rozsáhlého provazcovitého trombu* apod. V uvedených dvojicích lze vzhledem k terminologické platnosti prvních pojmenování (v langue i parole, tj. termínových kolokací) chápat druhá pojmenování jako (dvoučlenná i vícečlenná) terminologická spojení, tedy vůči výchozím („střechovým“) termínovým kolokacím jako termínové kolokace druhého nebo vyššího řádu, které v kontextu vystupují jako celek (pojmenovávají jeden pojem).

Podle gramatické závislosti jednotlivých částí těchto termínových kolokací lze rozlišovat kolokace se strukturou lineární (bezpředložkové - *lokální anestézie, předložkové - krvácení do míchy*) a nelineární (bezpředložkové - *polycystická choroba ledvin, předložkové - kýla s neprůchodností bez gangrény*). Podle směru determinace lze rozlišit linearizaci levostrannou (*cyklická kontinuální ambulantní peritoneální dialýza, povrchový hluboký šikmý břišní sval*), pravostrannou (*čidlo tlaku krve, křeč svalstva brady*) nebo jejich kombinace (*odběr vzorku kostní dřeně, růstové zóny dlouhých kostí, úplné ochrnutí obou končetin*). V termínových kolokacích (především složitějších) se poměrně často vyskytují předložkové pády. Na rozdíl od netermínových kolokací se v nich někdy pomocí předložek dociluje systémovosti (srov. např. názvy onemocnění s předložkou „s“, která znamená přítomnost další, zpravidla průvodní choroby, poruchy, bolesti apod. (*chřipka se zánětem plic, zlomenina s uvolněním epifýzy*)).

5. Strukturní typy

Terminologickou platnost lékařských názvů jsme posuzovali především podle jejich textového hodnocení; za odborný název jsme považovali definované slovo nebo sousloví, vyznačující se pojmovostí a opakovaným užíváním (bez ohledu na to, že mimo oblast odborného vyjadřování může přestat být odborným názvem). Nejednoznačné se mnohdy jeví např. rozlišení (vícečlenné) termínové kolokace a explikační (definiční) fráze - především ve slovníkových heslech nebo v odborných výkladových či učebních textech.

¹ Tzn.: *termín* = jednoslovná jednotka systémová i textová, *termínová kolokace* = víceslovná jednotka systémová i textová, *víceslovný termín* = víceslovná jednotka systémová, *vícečlenné terminologické spojení* = víceslovná jednotka textová.

Pro ilustraci vybíráme subordinační nominální termínové kolokace s řídicím substantivem. Jejich strukturním základem je řídicí substantivum blíže determinované jedním nebo více atributy, a to shodným(i) i neshodným(i), tj. vyjádřeným(i) adjektivem nebo substantivem (nominální skupinou). Nejjednodušší stavbu mají kolokace dvoučlenné, které se navzájem liší: typem atributu, jeho slovnědruhovým obsazením a morfologickými vlastnostmi a potenciální možností změny slovosledu (tzn. inverzním tvořením slovosledných variant). Tříčlenné a vícečlenné kolokace zpravidla rozšiřují tyto uvedené strukturní typy dvoučlenných kolokací – dochází v nich ke zmnožování syntaktických vztahů¹. Jako součást do nich vstupují (podobně jako členy do dvoučlenných kolokací) hotové kolokace (minimálně jedna); tyto kolokace se někdy označují jako prefabrikáty.² Základním syntaktickým principem je rozvíjení, a to ve smyslu postupné determinace³, realizované v různých slovosledných variantách (jejich možnosti souvisejí s počtem členů, a to zpravidla ve vztahu nepřímé úměry).

Při zaznamenávání lékařských termínových kolokací jsme vycházeli ze slovosledných zásad platných v anatomické nomenklatuře - v atributivních kolokacích jako základní slovosled adjektivum + substantivum, tj. pořadí v souladu s pravidly českého slovosledu. Zejména v heslech terminologických slovníků nebo v (abecedních) rejstřících odborných textů však většinou bývají substantiva uváděna na prvním místě (protože představují určované a významově důležitější složky názvů - tyto slovníkové podoby uvádíme jako slovosledné varianty.⁴

V mnoha případech je obtížné jednoznačně vymezit posloupnost (hierarchii) determinace uvnitř kolokací - i u strukturně shodných typů se může lišit, a to nejen podle pojmových vztahů pojmenovaných jevů, ale i podle ustáleného (tradičního) vnímání nebo postavení v soustavě lékařských termínů. Rozhodnout tedy většinou může pouze odborník-lékař. Především u nominálních kolokací s oboustrannou determinací (tedy minimálně tříčlenných) lze často připustit interpretaci ve smyslu dvojí (paralelní) determinace, viz např. *zhoubný nádor sítnice* [$At_{sh}^1 \rightarrow (N \leftarrow N_{gen}) // (At_{sh} \rightarrow N) \leftarrow N_{gen}$], podobně *šedý zákal při cukrovce*, *vazivový prstenec kolem pupku* atd. Častější však bývá determinace podle první naznačené posloupnosti, tzn. jako kolokát 1. řádu (prefabrikát) vstupuje substantivum + jeho determinace zprava (neshodný,

¹ Bečka [BEČKA 1992, 152] je označuje jako dvojmo, příp. trojmo složená pojmenování.

² Srov. [ERMANN, WARREN 2000, 31] prefabrikát jako kombinace nejméně dvou slov, které dává rodilý mluvčí přednost před alternativní kombinací, jež by mohla být ekvivalentní, kdyby konvencí nebyl prefabrikát.

³ O rozšiřování syntaktické struktury u víceslovných termínů viz např. Machač [MACHAČ 1967].

⁴ Slovosledné varianty se v podstatě u paralelních struktur víceslovných (tj. minimálně tříčlenných) názvů opakují; uvnitř daných strukturních typů kolokací zůstávají stejné možnosti slovosledných inverzí i tehdy, vstupují-li samy do víceslovných názvů jako prefabrikáty.

substantivní atribut) do (druhé, sekundární) determinace zleva (shodný, adjektivní atribut), a vzniká tak kolokát 2. řádu; srov. např. *spontánní krvácení do kloubů* - *spontánní* → (*krvácení do kloubů*) [$At_{sh} \rightarrow (N \leftarrow_{\text{praep}} N_{\text{gen}})$]. Někdy může rozlišení posloupnosti a závislosti členů uvnitř kolokace napomoci její zkratka (zkratkové pojmenování), viz např. *celotělová pozitronová emisní tomografie (PET)*.

V následujícím přehledu symbolicky zaznamenáváme vzorcem strukturu těchto kolokací: slovnědruhovému obsazení jejich členů a jejich relevantní morfologické, příp. sémantické kategorie, směr determinace a slovosledné varianty; závorky naznačují hierarchické vztahy uvnitř kolokace (tj. posloupnost prefabrikátů).

DVOUČLENNÉ KOLOKACE

I. $At \rightarrow N$ // $N \leftarrow At$

1. $At_{sh} \rightarrow N$

kontralaterální končetina, hemodynamická nestabilita, Douglasův prostor; nechápavost chorobná, unavitelnost chorobná, krvácení pruhovité, krvácení tečkovité, krvácení zubní

II. $N^1 \rightarrow N^2$ // $N^2 \leftarrow N^1$

II. a) $N_{\text{gen}}^{\text{PROP}} \rightarrow N$ // $N \leftarrow N_{\text{gen}}^{\text{PROP}}$

2. $N_{\text{gen}} \rightarrow N$

2.1.1. Glissonského pedikl; *syndrom Noonanové, syndrom Harkavého*

II. b) $N_{\text{nom}}^{\text{PROP}} \rightarrow N$ // $N \leftarrow N_{\text{nom}}^{\text{PROP}}$

3. $N_{\text{nom}} \rightarrow N$

syndrom Hartnup, syndrom Akureyri

II. c) $\text{praep}N^{\text{INTERN}} \rightarrow N$ // $N \leftarrow \text{praep}N^{\text{INTERN}}$

4. $\text{praep}N^{\text{INTERN}}/\text{Adv} \rightarrow N$

in situ biopsie; tumor in situ

III. $N^1 \leftarrow N^2$

III. a) $N \leftarrow N_{\text{gen}}$

5. $N \leftarrow N_{\text{gen}}$

lokalizace tumoru, syndrom špitálního

III. b) $N \leftarrow N_{\text{instr}}$

6. $N \leftarrow N_{\text{nstr}}$

pouštění žilou, porod kleštěmi

III. c) $N \leftarrow \text{praep}N$

7. $N \leftarrow_{\text{praep}} N_{\text{gen}}/\text{dat}/\text{loc}/\text{instr}$

krvácení z jícnu, krvácení do míchy, rezistence k penicilinu, krvácení v žaludku, blouznění s třesem

III. d) $N^1 \leftarrow N^2$

8. $N^1 \leftarrow N^2$

sval napínač, sval přivraccč¹

IV. N ← Adv

9. N ← Adv

poloha vleže

TRÍČLENNÉ KOLOKACE

I. At → (N) // (N) ← At

1.1. At¹_{Sh} → (At²_{Sh} → N) // (At¹_{Sh} → N) ← At²_{Sh} // (N ← At¹_{Sh}) ← At²_{Sh}

miniinvazivní intervenční metody, otevřená tepenná dučej, pluripotentní kmenové buňky, vodní tryskový skalpel; buňky čichové zadní, zákal šedý částečný, selhání renální chronické

1. 2. At_{Sh} → (N ← N_{gen}) // (N ← N_{gen}) ← At_{Sh}

akutní infarkt myokardu, rozštěp páteře částečný, vylučování žluči zvýšené

II. (At) → N // N ← (At)

2. (Adv → At_{Sh}) → N // N ← (Adv → At_{Sh})

hormonálně dependentní karcinomy, protivirově ošetřené preparáty; citlivost kvalitativně změněná;

III. N¹ ← (N²)

III. a) N ← (N_{gen})

3.1. N ← (At_{Sh} → N_{gen}) // N ← (N_{gen} ← At_{Sh})

index tělesné hmotnosti, syndrom bolestivého ramene, zánět nosohltanové mandle; tepna krajiny hýžd'ové

3.2. N ← (N¹_{gen} ← N²_{gen})

čidlo tlaku krve, křeč svalstva brady

III. b) N ← (N_{instr})

4. N ← (At_{Sh} → N_{instr})

otrava mořskou potravou

III. c) N ← (praepN)

5.1. N ← (At_{Sh} → praepN_{gen/dat}) // N ← (praepN_{gen/dat} ← At_{Sh})

krvácení do oční koule, čidlo pro vnější podněty; krvácení do dutiny břišní

5.2. N ← (praepN_{gen/akuz} ← N_{gen})

syndrom ze ztráty hmotnosti, čidlo pro vnímání tepla

5.3. N ← (praepN^{INTERN} /Adv → N_{gen})

program in vitro fertilizace

IV. (N¹) ← N²

IV. a) (N) ← praepN

6. (N ← N_{gen}) ← praepN_{dak}

¹ Interpretaci syntaktického vztahu uvnitř kolokace jako jednostranné determinace (viz např. Skladba češtiny) podporuje existence paralelních termínů v kolokacích typu *napřimovač páteře*, utvořených ustáleným eliptickým vyjádřením (srov. lat. *musculus erector spinae*). Mluvnice češtiny III přiřazuje tato spojení ke koordinaci a hodnotí je jako typ adordinace.

reakce štěpu proti hostiteli

V. N ← (Adv)

7.1. N ← (Adv ← Adv)

poloha vleže nznak

7.2. N ← (Adv ←_{praep}N_{loc})

poloha vleže na břicho, poloha vleže na boku

ČTYŘČLENNÉ KOLOKACE

I. At → (N) // (N) ← At

At³_{Sh} 1.1. At¹_{Sh} → (At²_{Sh} → (At³_{Sh} → N)) // ((N ← At¹_{Sh}) ← At²_{Sh}) ←

ascendentní retikulární aktivační systém, chronická obstrukční plicní nemoc; nekróza renální kortikální akutní

1.2. At¹_{Sh} → (At²_{Sh} → (N ← N_{gen}))

systémová zánětová odpověď organismu

1.3. At¹_{Sh} → (N ← (At²_{sh} → N_{gen})) // (N ← (At¹_{sh} → N_{gen})) ← At²_{Sh}

vazivový prstenec obratlové destičky, globální insuficience kostní dřeni

1.4. At_{Sh} → (N ← (N¹_{gen} ← N²_{gen}))

cystická choroba dřeni ledvin

1.5. At_{Sh} → (N ← (At_{sh} →_{praep}N_{gen/loc}))

krevní výron do mozkových komor, karcinomatózní rozsev v kostní dřeni

1.6. At_{Sh} → (N ← (praepN_{acuz} ← N_{gen}))

sérologický screening na přítomnost HBSAG

II. (At) → N // N ← (At)

At²_{sh} **II. a) (praepN/Adv → At¹_{Sh}) → (At²_{Sh} → N) // (N ← At¹_{sh}) ← (Adv →**

At²_{sh}) 2. (praepN^{INTERN}/Adv → At¹_{Sh}) → (At²_{Sh} → N) // (N ← At¹_{sh}) ← (Adv →

intermitentně pozitivní jaterní test, autosomálně dominantní polycystické ledviny, in situ polymerázová řetězová reakce; čelist horní nadměrně vyvinutá

II. b) (Adv → At_{Sh}) → (N ← N_{gen}) // (N ← N_{gen}) ← (Adv → At_{Sh})

3. (Adv → At_{Sh}) → (N ← N_{gen}) // (N ← N_{gen}) ← (Adv → At_{Sh})

metabolicky podmíněné onemocnění jater

III. N¹ ← (N²)

III. a) N ← (N_{gen})

4.1. N ← (At¹_{sh} → (At²_{Sh} → N_{gen})) // N ← (At¹_{sh} → (N_{gen} ← At²_{sh}))

syndrom benigní intrakraniální hypertenze, stadium pokročilé renální nedostatečnosti; primomanifestace ischemické choroby srdeční

4.2. N ← ((At¹_{Sh} + At²_{sh}) → N_{gen})

karcinom vzestupného a sestupného tračníku

4.3. N ← ((At_{Sh} → N¹_{gen}) ← N²_{gen})

syndrom dechové tísně dospělých

4.4. $N \leftarrow (At_{Sh} \rightarrow (N^1_{gen} \leftarrow N^2_{gen}))$

syndrom nepřiměřené sekrece ADH

4.5. $N \leftarrow (N^1_{gen} \leftarrow (At_{Sh} \rightarrow N^2_{gen}))$

syndrom afekce kyčelních kloubů, topografie orgánů malé pánve

4.6. $N \leftarrow ((N^1_{gen} \leftarrow N^2_{gen}) \leftarrow N_{instr})$

syndrom poškození plodu alkoholem

III. b) $N \leftarrow (N_{instr})$

5.1. $N \leftarrow (At^1_{sh} \rightarrow (At^2_{sh} \rightarrow N_{instr}))$

léčba kontinuálními mimotělními metodami

5.2. $N \leftarrow (N_{instr} \leftarrow (At_{sh} \rightarrow N_{gen}))$

onemocnění virem lidské imunodeficiencie

III. c) $N \leftarrow (praepN)$

6.1. $N \leftarrow (At^1_{sh} \rightarrow (At^2_{sh} \rightarrow praepN_{gen}))$

nádor ze dvou zárodečných listů

6.2. $N \leftarrow (praepN_{gen} \leftarrow (At_{sh} \rightarrow N_{gen}))$

syndrom z vysazení hormonální léčby

6.3. $N \leftarrow (praepN^{INTERN}/Adv \rightarrow (At_{sh} \rightarrow N_{gen})) // N \leftarrow (At_{sh} \leftarrow (praepN^{INTERN}/Adv \leftarrow N_{gen}))$

metoda in situ fluorescenční hybridizace (metoda fluorescenční in situ hybridizace)

IV. $(N^1) \leftarrow (N^2)$

IV. a) $(N) \leftarrow (N_{gen})$

7. $(N \leftarrow At^1_{sh}) \leftarrow (N_{gen} \leftarrow At^2_{sh}) // (N \leftarrow At^1_{sh}) \leftarrow (At^2_{sh} \rightarrow N_{gen}) // (At^1_{sh} \rightarrow N) \leftarrow (At^2_{sh} \rightarrow N_{gen})$

nádor nezhoubný plen mozkových; buňka mateřská bílých krvinek, buňka mateřská krevních destiček; růstové zóny dlouhých kostí

IV. b) $(N) \leftarrow (N_{instr})$

8. $(N \leftarrow N_{gen}) \leftarrow (N_{instr} \leftarrow At_{sh})$

zaprášení plic křemičitanem hořečnatým

IV. c) $(N) \leftarrow (praepN)$

9.1. $(N \leftarrow At^1_{sh}) \leftarrow (praepN_{gen/instr} \leftarrow At^2_{sh}) // (N \leftarrow At^1_{sh}) \leftarrow (At^2_{sh} \rightarrow praepN_{gen/instr})$

nádor nezralý z pojiva hlenového; plynatost hrudní s čirou tekutinou

9.2. $(N \leftarrow N_{gen}) \leftarrow (At_{sh} \rightarrow praepN_{loc})$

kolekce tekutiny v pleurální dutině

PĚTIČLENNÉ KOLOKACE

I. $At \rightarrow (N) // (N) \leftarrow At$

I. a) $At^1_{sh} \rightarrow (At^2_{sh} \rightarrow (At^3_{sh} \rightarrow (N))) // (((N) \leftarrow At^1_{sh}) \leftarrow At^2_{sh}) \leftarrow At^3_{sh}$

1. $At^1_{sh} \rightarrow (At^2_{sh} \rightarrow (At^3_{sh} \rightarrow (At^4_{sh} \rightarrow N))) // (((N \leftarrow At^1_{sh}) \leftarrow At^2_{sh}) \leftarrow At^3_{sh}) \leftarrow At^4_{sh}$

povrchový hluboký šikmý břišní sval, cyklická kontinuální ambulanti peritoneální dialýza

I. b) $At^1_{Sh} \rightarrow (N \leftarrow (At^2_{Sh} \rightarrow (N_{gen})))$

2. $At^1_{Sh} \rightarrow (N \leftarrow (At^2_{Sh} \rightarrow (At^3_{Sh} \rightarrow N_{gen})))$

T-dependentní zóny sekundárních lymfatických orgánů

I. c) $At^1_{Sh} \rightarrow (N \leftarrow (At^2_{Sh} \rightarrow (N_{instr})))$

3. $At^1_{Sh} \rightarrow (N \leftarrow (At^2_{Sh} \rightarrow (At^3_{Sh} \rightarrow_{praep} N_{instr})))$

diseminovaný nádor s neznámým prvotním ložiskem

II. $(At) \rightarrow (N)$ // $(N) \leftarrow (At)$

4. $(Adv \rightarrow At^1_{Sh}) \rightarrow (At^2_{Sh} \rightarrow (At^3_{Sh} \rightarrow N))$

akrálně lokalizované erytematózní symetrické hyperkeratózy

III. $(N^1) \leftarrow (N^2)$

III. a) $(N) \leftarrow (N_{gen})$

5.1. $((N \leftarrow At^1_{sh}) \leftarrow At^2_{sh}) \leftarrow (At^3_{Sh} \rightarrow N_{gen})$

nádor nezhoubný epitelový bradavčitého uspořádání

5.2. $(N \leftarrow At^1_{sh}) \leftarrow ((N^1_{gen} \leftarrow (N^2_{gen} \leftarrow At^2_{Sh}))$

nádor nezhoubný ostrůvků slinivky břišní

IV. $N^1 \leftarrow (N^2)$

IV. a) $N \leftarrow (N_{gen})$

6.1. $N \leftarrow (At^1_{Sh} \rightarrow (At^2_{Sh} \rightarrow (At^3_{Sh} \rightarrow N_{gen})))$

syndrom pravého dolního břišního kvadrantu

6.2. $N \leftarrow (At^1_{Sh} \rightarrow (At^2_{Sh} \rightarrow (N_{gen} \leftarrow_{praep} N_{acuz})))$

syndrom systémové zánětlivé odpovědi na infekci

6.3. $(N \leftarrow (At_{Sh} \rightarrow N^1_{gen})) \leftarrow (praep N \leftarrow N^2_{gen})$

kolekce mozkomíšního moku v záhlaví plodu

6.4. $N \leftarrow (At^1_{Sh} \rightarrow (N^1_{gen} \leftarrow (At^2_{Sh} \rightarrow N^2_{gen})))$

syndrom nepřiměřené sekrece antidiuretického hormonu

6.4.1. $N \leftarrow (At_{Sh} \rightarrow (N^1_{gen} \leftarrow (Adv-At_{Sh} \rightarrow N^2_{gen})))$

princip pomalejší replikace DNA-inaktivního X-chromozomu

6.5. $N \leftarrow (N_{gen} \leftarrow (At^1_{Sh} \rightarrow (N_{gen} \leftarrow At^2_{Sh})))$

syndrom komprese krčních kořenů míšních

6.6. $N \leftarrow (N^1_{gen} \leftarrow (At_{sh} \rightarrow (N^2_{gen} \leftarrow N^3_{gen})))$

poruchy složení bazální membrány tubulů

IV. b) $N \leftarrow (praep N)$

7.1. $N \leftarrow (praep N_{acuz} \leftarrow (N^1_{gen} \leftarrow (N^2_{gen} \leftarrow N^3_{gen})))$

kanál pro šlachy ohybačů prstů ruky

7.2. $N \leftarrow (At^1_{Sh} \rightarrow (praep N_{loc} \leftarrow (At^2_{Sh} \rightarrow N^2_{gen})))$

krvácení v měkkých plenách ústředního nervstva

VÍCEČLENNÉ KOLOKACE

I. $At \rightarrow (N)$

1. $At^1_{Sh} \rightarrow (N \leftarrow (At^2_{Sh} \rightarrow (N^1_{gen} \leftarrow (At^3_{Sh} \rightarrow N^2_{gen}))))$

zadní větev levé komory vnější krčnice

II. $N^1 \leftarrow (N^2)$

II. a) $N \leftarrow (N_{\text{gen}})$

2. $N \leftarrow (N^1_{\text{gen}} \leftarrow ((At^1_{\text{Sh}} \rightarrow N^2_{\text{gen}}) \leftarrow (At^2_{\text{Sh}} \rightarrow N^3_{\text{gen}})))$

syndrom šílenství duševní zvrácenosti třetího stupně

II. b) $N \leftarrow (\text{praep}N)$

3. $N \leftarrow (\text{praep}N_{\text{gen}} \leftarrow (At^1_{\text{Sh}} \rightarrow (N^1_{\text{gen}} \leftarrow (At^2_{\text{Sh}} \rightarrow N^2_{\text{gen}}))))$

nádor z buněk medulární trubice ústředního nervstva

III. $(N^1) \leftarrow (N^2)$

III. a) $(N) \leftarrow (N_{\text{gen}})$

4. $(At^1_{\text{Sh}} \rightarrow (N \leftarrow N^1_{\text{gen}})) \leftarrow ((Adv \rightarrow At^2_{\text{Sh}}) \rightarrow N^2_{\text{gen}})$

polycystická choroba ledvin autozomálně dominantního typu

III. b) $(N) \leftarrow (\text{praep}N)$

5. $(N^1 \leftarrow N^1_{\text{gen}}) \rightarrow ((N_{\text{instr}} \leftarrow (At^1_{\text{Sh}} \rightarrow \text{praep}N^2_{\text{gen}})) \leftarrow \text{praep}N_{\text{oc}})$

záněť plic s rozsevem drobných ložisek v plicích

6. Závěr

V tomto příspěvku jsme předložili vybrané strukturní typy víceslovných odborných názvů a poukázali na jejich textové začleňování do vícečlenných terminologických spojení. Pokusili jsme se tím zároveň ilustrovat vhodnost užívání pojmu kolokace a pro termínové kolokace jsme navrhli rozlišovat víceslovné termíny a víceslovná terminologická spojení. Tato široká problematika zahrnuje mnoho dalších důležitých, jednoznačných, ale také sporných aspektů. Tak např. vedle determinačních (subordinačních) struktur existují struktury založené (obdobně jako u koordinační kompozit) na vztahu koordinace (viz např. *krev a vzduch v dutině pleurální = hemopneumotorax*), jejichž platnost coby termínových kolokací není mezi lingvisty jednoznačně uznávána.¹ Nejednoznačné je dále také slovnědruhovému pojetí termínových kolokací - ačkoli jejich analýza dokazuje převažující nominální charakter, terminologickou platnost vykazují i některé kolokace založené na slovesu (*vakcinovat pacienta, prolongovat období růstu*), příp. adverbium. Nejčastěji zastoupené jsou struktury s řídicími substantivy, jejichž sémantika je v souladu se šíří označovaných skutečností značně rozmanitá. Pozornost si zaslouží sémantická analýza termínových kolokací - pojmenovávají se jimi jevy z jednotlivých oblastí medicíny (tzn. fyziologické a patologické anatomie, diagnostiky a histologie). Těmto otázkám se podrobněji věnujeme jinde.

Literatura:

BOZDĚCHOVÁ 2003: Bozděchová I. Relační (desubstantivní) adjektiva v odborné lékařské terminologii. NŘ 86. – S. 71 – 81.

¹ Srov. např. [KUCHAŘ 1963; MACHAČ 1967; VLKOVÁ 1976].

BOZDĚCHOVÁ 2004: Bozděchová I. Syndromy v medicíně i jinde (k tvoření víceslovných termínů). In: Život s morfémou. Sborník studií na počest Zdenky Rusínové. Masarykova univerzita v Brně. – Brno. – S. 19 – 28.

BOZDĚCHOVÁ 2004: Bozděchová I. Proměny odborné slovní zásoby českého jazyka (na materiálu lékařské terminologie). In: Konstanty a proměny v českém jazyce a literatuře XX. století. Sborník referátů z mezinárodní konference konané 15. - 16.5.2003 ve Walbrzychu. Red. M. Balowski – J. Svoboda. – Ostrava. – S. 35 – 39.

BOZDĚCHOVÁ 2006a: Bozděchová I. Morbus professionalis (K motivovanosti českých názvů nemocí). NŘ 89. – S. 113 – 122.

BOZDĚCHOVÁ 2006b: Bozděchová I. Terminology and Its Roots (On the International and Figurative Aspects of Czech Medical Terms). In: Přednášky z XLIX. běhu Letní školy slovanských studií. FF UK. – Praha. – S. 35 – 46.

BOZDĚCHOVÁ 2006c: Bozděchová I. Terminological Collocations in (Czech) Medical Texts. In: HERMENEUS, N° 8, Soria. – Universidad de Valladolid. – S. 67 – 84.

ČERMÁK 1998: Čermák F. Types of Language Nomination: Universals, Typology and Lexicographical Relevance. In: Fontenelle, Th. – Hiligsmann, P. – Michiels, A. (Eds.): Actes EURALEX '98 Proceedings. Liege: Université de Liege. – S. 237 – 247.

ČERMÁK 2000: Čermák F. Combination, Collocation and Multi-Word Units. In: Heid, U. – Evert, S. – Lehmann, E. (Eds.): Proceedings of the Ninth Euralex International Congress EURALEX 2000. Stuttgart. – S. 489 – 495.

ČERMÁK 1994: ČERMÁK F. Jazyk a jazykověda. Pražská imaginace. – Praha.

ČERMÁK 1998: Čermák F. Linguistic Units and Text Entities: Theory and Practice. In: Fontenelle, Th. – Hiligsmann, P. – Michiels, A. (Eds.): Actes EURALEX '98 Proceedings. Liege: Université de Liege. – S. 281 – 290.

ČERMÁK 2001: Čermák F.: Syntagmatika slovníku: typy lexikálních kombinací. In: Čeština - univerzália a specifika 3, ed. Z. Hladká - P. Karlík. – Brno. – S. 223 – 232.

DANEŠ – GREPL – HLAVSA 1987: Daneš F., Grepl M., Hlavsa Z. (eds.): Mluvnice češtiny III. Skladba. – Praha.

ERMANN, WARREN 2000: Ermann B., Warren B. The idiom principle and the open choice principle. Text, , sv. 20, č. 1. – S. 29 – 62.

FONTENELLE 1992: Fontenelle Th. Collocation Acquisition from a Corpus or from a Dictionary: a Comparison. In: Proceedings Euralex-92. – S. 221 – 228.

FONTENELLE – HILIGSMANN – MICHIELS 1998: Fontenelle Th., Hiligsmann P., Michiels A. (Eds.) Actes EURALEX '98 Proceedings. Liege: Université de Liege. – S. 281 – 290.

GREPL – KARLÍK 1998: Grepl M., Karlík P. Skladba češtiny. Votobia. – Praha.

HEID 1994: Heid U. On Ways Words Work Together – Topics in Lexical Combinatorics. In: Euralex-94 Proceedings. – Amsterdam. – S. 226 – 257.

HORECKÝ 1956: Horecký J. Základy slovenskej terminológie. SAV. – Bratislava.

KARLÍK – NEKULA – PLESKALOVÁ 2002: Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds.) Encyklopedický slovník češtiny. Nakladatelství Lidové noviny. – Brno.

KOCOUREK 2001: Kocourek R. Essais de linguistique française et anglaise. Mots et termes, sens et texts. Essays in French and English Linguistics. Words and Terms, Meanings and Texts. Éditions Peeters, Louvain – Paris – Sterling, Virginia.

KOCOUREK 1979: Kocourek R. Lexical phrases in terminology. Travaux de terminologie, No. 1. – S. 123 – 153.

KOPEČNÝ 1958: Kopečný F. Základy české skladby. – Praha.

KUCHAŘ 1963: Kuchař J. Základní rysy struktur pojmenování. SaS 24. – S. 105 – 114.

LONGMAN GRAMMAR 1999: Longman Grammar of Spoken and Written English (Douglas Biber, Stig Johansson, Geoffrey Leech, Susan Conrad, Edward Finegan). Pearson Education Limited.

MACHAČ 1967: Machač J. K lexikologické problematice slovních spojení. SaS 28. – S. 137 – 149.

MAN 1965: Man O. Termín a kontextové vztahy. Československý terminologický časopis, IV. – S. 80 – 84.

MASÁR 2000: Masár I. Ako pomenúvame v slovenčine. Kapitoly z terminologickej teórie a praxe. Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV. – Bratislava.

MASÁR 1981: Masár I. Sémantická stránka termínu. Jazykovedné štúdie 16. – S. 207 – 209.

MATHESIUS 1975: Mathesius V. A Functional Analysis of Present-Day English on a General Linguistic Basis. Academia. – Prague.

POŠTOLKOVÁ 1980: Poštolková B. K špecifičnosti významu termínů. SaS 41. – S. 54 – 56.

POŠTOLKOVÁ 1979: Poštolková B. K terminologizaci slovní zásoby v češtině. SaS 40. – S. 11 – 18.

POŠTOLKOVÁ 1984: Poštolková B. Odborná a běžná slovní zásoba. Academia. – Praha.

SINCLAIR 1991: Sinclair J. Corpus Concordance Collocation. Oxford: Oxford U.P.

VLKOVÁ: Vlková V. Charakteristika slovní zásoby odborného stylu z hlediska kvantitativního. SaS 37, 197

DERYWATY W RYWALIZACJI Z GRUPAMI IMIENNYMI

W rozważaniach słowotwórczych związki z systemem składniowym podkreślane są bardzo mocno. Derywat traktowany jest jako „zwinięcie” konstrukcji składniowej, skondensowanie jej w jeden leksem. Zdecydowana większość klasyfikacji słowotwórczych opiera się właśnie na porządku składniowym, nawet wtedy, gdy porządek ten mocno nasycony jest semantyką (mam tu na myśli funkcjonującą w polskiej literaturze klasyfikację opartą na Fillmor’owskich rolach semantycznych (GRAMATYKA 1998)). Moja propozycja traktuje reguły składniowe nie jako instrument interpretujący słowotwórstwo i jako wzorzec dostarczający ram klasyfikacyjnych, ale jako poziom oferujący konstrukcje, które w **tekstach** funkcjonują jako odpowiadające, równoległe derywatom środki językowe, por. *jedwabna sukienka* wobec *sukienka z jedwabiu*, *wilczy apetyt* wobec *apetyt jak u wilka*, *bardzo miła dziewczyna* wobec *przemila dziewczyna*. W artykule stawiam pytania: Jakie klasy derywatów najczęściej wymieniają się z grupami syntaktycznymi? Jakie konsekwencje dla ewolucji języka może mieć rywalizacja między wskazanymi jednostkami?

Zagadnienie współfunkcjonowania derywatów z odpowiadającymi im konstrukcjami składniowymi można poddać obserwacji w układzie synchronicznym; wydaje się, że studia takie mogą dać ciekawe rezultaty. Skupienie uwagi na jednostkach derywacyjnych traktowanych jako elementy systemowe sprawia, że badacze słowotwórstwa rzadko sięgają do tekstów, a jeżeli nawet tak czynią, robią to w celu sprawdzenia sposobu rozumienia badanych jednostek. Moja propozycja zmierza do sprawdzania, jak użytkownicy języka korzystają z oferty słowotwórczej wobec innych środków komunikowania danej treści. Czy częściej wybierają konstrukcję syntaktyczną (deskrypcję), czy też wolą posłużyć się uniwerbizmem; czy częściej mówią *zapach miodu, kwiatów* czy *zapach miodowy, kwiatowy*, czy częściej posługują się grupą składniową *kredyt mieszkaniowy* czy *kredyt na mieszkanie, szalenie* czy *człowiek szalony*. Do takich badań trzeba by wypracować odpowiednie procedury badawcze. Mogą tu być pomocne odpowiednio przygotowane ankiety, obiecujące wydaje się sięgnięcie po materiał do internetowych korpusów tekstów, można także skorzystać z wyszukiwarek internetowych, np. *Google*.

Procedury badawcze mające na celu wykazanie preferencji użytkowników języka wymagają przemyślanego sposobu postępowania, aby poświęcony czas był współmierny do wyników. Moja bardzo skromna próba sondażowa wykazała np. że jeśli chodzi o dookreślenie rodzaju obuwia, Polacy zdecydowanie preferują środki słowotwórcze, *buty* są zatem: *damskie, męskie* (najwięcej poświadczeń), *dziecięce, młodzieżowe, dziewczęce* (to wskazanie

grup społecznych) albo: *sportowe, ślubne* (najwięcej poświadczeń), *wyjściowe, wizytowe, wieczorowe, treningowe, motocyklowe, piłkarskie*, a nawet: *erotyczne* (!). Rzadko się zdarza sięganie po środki składniowe; odnotowano jedynie: *buty dla pań, dla kobiet, do ślubu, na wieczór, na spotkanie, na halę*. Nawet ta skromna próba wykazała interesujące zjawisko. Pojawiły się środki składniowe *buty dla pań, buty dla kobiet* jako konkurencyjne dla *buty damskie*. Przymiotnik *damski* ma w polszczyźnie ograniczony zakres użycia (mówimy: *bielizna, rower, obuwie damskie*) i współfunkcjonuje z przymiotnikami: *kobięcy (kobieca intuicja), żeński (chór), niewieści (urok)*. Ciekawe, że choć *buty damskie* to wyrażenie o najwyższej frekwencji, właśnie dla niego pojawiły się konkurencyjne grupy z przydawką przyimkową. Widzimy, że nawet tak skromny sondaż ujawnił pewne zjawisko językowe – niwelowanie z zasobu słownikowego elementów archaicznych.

Inny cel konfrontacji współfunkcjonowania tworów syntaktycznych z odpowiadającymi im derywatami przyświeca autorce niniejszego tekstu. W artykule interesować nas będą **diachroniczne** skutki napięć między poziomem słowotwórczym a składniowym. Wiadomo, że zmianom ulegają oba poziomy, a repertuar czynników stymulujących ewolucję języka jest szeroki, co więcej – nawet fakty jednostkowe (mam tu na myśli konkretne derywaty) rzadko prezentują prostą relację przyczynowo-skutkową i zazwyczaj uwikłane są w cały wachlarz różnorodnych czynników sprawczych (świadczy o tym dobitnie wielość lingwistycznych interpretacji). Rywalizacja między derywatem a konstrukcją syntaktyczną to tylko jeden z czynników stymulujących owe zmiany. Warto postawić pytania: Jak zespolone są zmiany na obu poziomach? W jakim zakresie zmiany syntaktyczne wpływają na przemiany słowotwórcze? W jakim zakresie zmiany słowotwórcze stymulują ewolucję składni? Czy zdarza się zespolenie (kontaminacja) obu typów zmian?

Mam świadomość, że postawione pytania mają szeroki zakres i nie da się odpowiedzieć na nie bez głębokich, wieloletnich studiów. W artykule znajdują się raczej propozycje dla interpretacji zjawisk językowych, choć oczywiście pokazywać będę problem na konkretnych przykładach ilustrujących metodę badawczą i zarazem jej efekt.

Na początku warto zastanowić się, jakie derywaty najczęściej wchodzą w rywalizację z konstrukcjami syntaktycznymi. Jeśli chodzi o rzeczowniki i przymiotniki, predyspozycje do takich układów mają słowoformy powstałe na bazie grup nominalnych, zatem: *samochód bagażowy* → *bagażówka*, *sok z jabłek* → *jabłkowy (sok)*, *dawca krwi* → *krwiodawca*. Wracamy tym samym do początków dyskusji na temat struktury głębokiej derywatów. Przyjmuję znany, choć nie przez wszystkich akceptowany podział na derywaty powstałe na bazie zdań oraz derywaty ufundowane przez grupę nominalną¹. W prowadzonych tu

¹ Bogatą literaturę slawistyczną na temat uniwerbizacji przywołuje E. Szczepańska w swej monografii (SZCZEPAŃSKA 1994). Omówienie tej literatury znaleźć można na s. 10–16.

rozważaniach rzecz wydaje się istotna nie ze względu na coś, co można by nazwać „strukturą głęboką” derywatu, a ze względu na odwracalność procesu. Derywaty predykatywne (tzn. ufundowane przez zdania) w tekstach rzadko pojawiają się jako odpowiedniki bazowych struktur. Owszem, wykorzystujemy te konstrukcje, gdy budujemy parafrazy słowotwórcze (por. *wędrowiec = ten, kto lubi wędrować; płacliwe dziecko = dziecko, które często płacze czy dziecko, które jest skłonne do płaczu*), ale parafraza słowotwórcza to wyrażenie metajęzykowe. W autentycznych tekstach rzadko się zdarza użycie konstrukcji *ten, kto gra na pianinie* zamiast *pianista*; *to, czym się zaciska* zamiast *zacisk*. Natomiast od indywidualnych skłonności zależy, czy np. relacja przynależnościowa będzie wyrażona zestawieniem z przymiotnikiem odrzeczownikowym (*nogi stołowe*) czy rzeczownikiem w odpowiednim przypadku (*nogi stołu*), czy też wyrażeniem przyimkowym (*nogi od stołu*). Raz powiemy *buty skórkowe*, innym razem *buty ze skóry*, tę sama wartość ma *sos pieczarkowy*, jak i *sos z pieczarek*.

Z punktu widzenia diachronii istotny jest fakt, że podczas gdy nowo powstały derywat staje się elementem systemu (jednostką leksykalną), konstrukcja składniowa jest prymarnie jednostką tekstu, a dopiero sekundarnie, wskutek skostnienia, stać się może jednostką leksykalną (ale nie musi)¹. Nie dziwi zatem, że zmian w takich konstrukcjach jest wiele. Wystarczy, aby lekko zmieniło się znaczenie jednego ze składników grupy nominalnej, a wyrażenie przestaje być bazą dla derywatu (np. *jedwabny robak* wobec *jedwabnik*). Wystarczy, aby wyrażenie wyszło z użycia, a derywat „traci grunt” (por. staropolskie: *gotowe pieniądze* wobec dzisiejszego *gotówka*). Zdarza się i tak, że grupa nominalna pozostaje, a z obiegu wypada derywat, czego przykładem niech będą staropolskie: *czas waleczny* (dziś: *czas walki*), *przysięgła lawica* lub *przysiężna lawica* (dziś *ława przysięgłych*), *miesiąc pełny* (dziś *księżyc w pełni*), *jaja miękkie* (dziś: *jajka na miękko*), *dni głodne* (dziś *dni głodu*). Czy są to fakty całkowicie przypadkowe, czy też w jakimś stopniu uporządkowane? Na postawione pytanie można odpowiedzieć jedynie wówczas, gdy analizie poddany zostanie większy materiał językowy, co umożliwi dostrzeżenie tendencji językowej rozumianej jako kierunek, w którym zmierza ewolucja języka w szerokiej perspektywie czasowej. Na razie pragnę jedynie zwrócić uwagę na fakt, że ewolucja systemu słowotwórczego w pewnym zakresie uwarunkowana jest współfunkcjonowaniem derywatów z odpowiadającymi im grupami syntaktycznymi na poziomie tekstu. Efektem tych napięć między poziomem słowotwórczym a składniowym może być:

- wygaśnięcie sposobu słowotwórczego dla wyrażania sensu na korzyść konstrukcji składniowej;

¹ Mam tu na myśli zarówno idiomatyczne związki frazeologiczne typu *biały kruk*, *ośła lawka*, *prawa ręka* ‘najbardziej zaufany podwładny’), jak i skostniałe, choć nie idiomatyczne wyrażenia typu: *ciastko z kremem* (= *kremówka*), *woskowa cera*, *woda mineralna*, *kwiaty doniczkowe*.

- wygaśnięcie sposobu składniowego, którego funkcja stabilizuje się na poziomie słowotwórczym.
- zmiana na obu poziomach przez sprzężenie sposobów sygnalizowania danego znaczenia;

Może się też zdarzyć, że wahania w doborze słowoformy obok środka syntaktycznego przejawia się przez całą historię, co oczywiście nie zwalnia z refleksji nad taką sytuacją. Historyczna stabilność środków językowych wobec nieustannych przewartościowań jest tak samo warta refleksji, jak i zmiana językowa¹.

W dalszym ciągu artykułu pokażę na kilku przykładach związki między zmianami na poziomie słowotwórczym i zmianami składniowymi. Rzeczą bardzo trudną okazało się orzekanie, co w pokazywanych procesach jest przyczyną, a co skutkiem – czy zmiana składniowa stymuluje proces słowotwórczy, czy przekształcenia słowotwórcze zdecydowały o przemianach w składni. Mając świadomość trudności, w niektórych wypadkach decyduję się rozstrzygnięcie kwestii. Czy moje argumenty są wystarczające, pozostawiam ocenie Czytelnika.

1. Zdarza się, że konstrukcja składniowa „rzeczownik + rzeczownik” poprzez etap „rzeczownik + przymiotnik odrzeczownikowy” daje w efekcie mocno skondensowany rzeczownik, funkcjonujący w tekstach na równi z derywacyjnymi poprzednikami, zatem: *wóz na węgiel* → *węglowy wóz* → *węglarka*; *chata z gliny* → *gliniana chata* → *glinianka*. Z chwilą, gdy z jakichś powodów związek składników grupy nominalnej ulega rozpadowi, uniwerbizm zaczyna funkcjonować w sposób niezależny od swego podłoża. Szukamy wtedy zastępczej motywacji, dokonujemy aktu reinterpretacji słowotwórczej, czego efektem jest najczęściej zmiana statusu derywatu: formacja powstała na bazie grupy nominalnej zaczyna być pojmowana jako derywat predykatywny (powstały na bazie zdania). Oto przykłady:

– Rzeczownik *prawnik* powstał na bazie zestawienia *prawny człowiek*. Dziś leksem *prawnik* motywowały jest rzeczownikiem *prawo*, a skutkiem tej zmiany jest rozszerzenie pierwotnego sufiksy *-ik* o konektyw *-n-* (*praw+nik*).

– U podstaw leksemu *sypialnia* leżała grupa nominalna *sypialna komora*. Dziś *sypialnia* pojmowana jest jako pomieszczenie, gdzie się *śpi/sypia*, wydzielamy w związku z tym sufiks *-alnia*².

– Na bazie wyrażenia *czarowna niewiasta* zbudowany został za pomocą formantu *-ica* uniwerbizm *czarownica*. Dziś wyraz rozumiany jest jako derywat

¹ Problemu tego dotyczył referat nt. *Na straży niezmienności modeli słowotwórczych*, wygłoszony przeze mnie 15 IX 2006 roku na LXIV Zjeździe Polskiego Towarzystwa Językoznawczego w Szczecinie.

² O genezie sufiksu *-alnia* pisał B. Kreja (B. Kreja: *Nazwy pomieszczeń na „-alnia” w języku polskim*. „Język Polski” 1967, s. 182–193).

od *czarownik*, *czarować* albo *czary*, w związku z tym w derywacie *czarownica* wydzielamy albo formant *-nica*, albo *-ownica*.

Już pokazane przykłady unaocniają, że efektem niestabilności grup nominalnych są nowe, rozszerzone o morfemy przymiotnikowe sufiksy, jak np.: *-nica* (*kierownica*, *chłodnica*), *-alnia* (*umywalnia*, *sypialnia*), *-arnia* (*graciarnia*, *księgarnia*), *-nik* (*przemytnik*, *sojusznik*), *-awica* (*rękawica*, *ślizgawica*), *-awka* (*ściągowka*, *strzykawka*), *-owisko* (*kretowisko*, *targowisko*), *-anka* (*zgadywanka*, *leżanka*), *-ówka* (*średniówka*, *prasówka*) itd. (KLESZCZOWA 1998, 15 – 18).

2. Skromną klasę stanowią dziś derywaty przymiotnikowe mieszczące w swej strukturze semantycznej **relację przyczyny** między dwoma wyrażeniami predykatywnymi: mieszczącym się w derywacie przymiotnikowym i w stojącym obok rzeczowniku, zatem: *choroby cywilizacyjne* (= *choroby spowodowane przez cywilizację*); *dolegliwości nerwicowe* = *dolegliwości z powodu nerwicy*; *zniszczenia wojenne* = *zniszczenia spowodowane wojną* (KALLAS 1998: 426). Więcej takich tworów spotkamy u progu polszczyzny, por. *zmyślny grzech* ‘grzech spowodowany przez zmysły, tj. przez zdolność do odbierania wrażeń, bodźców’ (SSTP), *żałobny płacz* (dziś powiedzielibyśmy: *płacz z powodu żałoby*) (SSTP), *śmierć obiecana* ‘śmierć na szubienicy’ (L), *zazdrościwe uwłoczenie* ‘obelga z powodu zazdrości’ (SSTP). Jednak nie te przykłady są dziwne dla współczesnego Polaka. Archaicznie brzmią konstrukcje rzeczownikowo-przymiotnikowe, w których jeden z członów wyrażony jest rzeczownikiem konkretnym, zatem argumentem wyzerowanego predykatu, por. *cielny grzech* ‘od ciała wychodzący’ (SSTP); *pańska krzywda* ‘krzywda dokonana przez pana’ (SSTP); *ranne pieniądze* ‘kara za zabicie’; (SSTP); *kamienna śmierć* ‘śmierć przez ukamieniowanie’ (*Bluznierca od śmierci kamiennej ginął* (L)); *mieczowa rana* (L) = dzisiejsze: *rana od miecza*; *śmierć postronkowa* ‘śmierć na szubienicy’ (L).

Gdy spojrzeć na poziom syntaktyczny, okaże się, że relacja przyczyny należy – po pierwsze – do bardzo rozbudowanych pod względem możliwości syntaktycznych, po drugie – do relacji, które w układzie diachronicznym uległy w polszczyźnie znacznym przekształceniom. Zaginęły kazualne okoliczniki wyrażane narzędnikiem, celownikiem i dopełniaczem¹; obok wyrażen z przyimkami pierwotnymi (*dla*, *od*, *z* + dopełniacz, *ku* + celownik, *na*, *o*, *prze*, *przez* + biernik, *pod*, *przed*, *za* + narzędnik; *pod*, *przed*, *za* + narzędnik; *nad*, *pod*, *przed*, *za* + miejscownik)², pojawiły się w polszczyźnie przyimki wtórne

¹ Np. *Wszyscy strachem uciekli*; *mrą głodu* ‘z głodu’; *A nie był im syn temu* *że Elżbieta była nieplodna*. Przykłady podają za: PASOŃ 1976: 9 – 18.

² Por. *Dziecię chrzczono [...] dla nagłości śmierci*; *Od silnego strachu umrzeć musimy*; *Z dobroty ukrócił ludzkie kłopoty*; *Ku głosu syna bożego wstać skora była*; *Na jego jedno słowo padli wszyscy na ziemię*; *Rychło zeszli się prze lichotę* *swoję*; *pod chytróścią* *działasz*; *Gore*

(dzięki, względem, wobec, z przyczyny, z powodu, z uwagi (na), ze względu (na), w związku (z), skutkiem, w skutku, wskutek, na skutek, w następstwie, w wyniku, w rezultacie, w efekcie).

Na obecnym etapie badań trudno powiedzieć, czy przekształcanie się syntaktycznych sposobów dla wyrażania przyczyny było jakoś skorelowane z poziomem słowotwórczym, ale Anna Pason, autorka książki o ewolucji składni, bardzo mocno podkreśla wysoki stopień komplikacji semantycznej relacji przyczynowo-skutkowej, z tym wiąże potrzebę uwyrażnienia środków składniowych (*pragnieniem umierali* lub *umierali z pragnienia*, wobec klarownego: *umierali z powodu pragnienia*). Nadmierne skondensowanie treści w przymiotniku odrzeczownikowym mogło być powodem wygasania konstrukcji słowotwórczych (PASON 1976). Dodatkowym argumentem jest fakt, że w pierwszym rzędzie wycofały się przymiotniki powstałe na bazie rzeczowników konkretnych, zatem argumentu przedmiotowego zdarzenia przyczynowego (*mieczowa śmierć x-a = Z¹* (przyczyna): ‘ktoś użył **miecza**’ → *Z²* (skutek): ‘x poniósł **śmierć**’). Mniej skomplikowane są konstrukcje z dwoma argumentami zdarzeniowymi (*wojenne zniszczenia = Z¹* (przyczyna): ‘wojna’ → *Z²* (skutek): ‘zniszczenia’) i właśnie ślady takich konstrukcji zachowały się do dnia dzisiejszego, por. *cudowne ocalenie = ocalenie dzięki cudowi*, *głodowa śmierć = śmierć z powodu głodu*.

3. Bardzo wyraziście jawi się w historii języka polskiego wypieranie przez konstrukcje składniowe przymiotników dzierżawczych (dawniej: *biskupia puszcza*, *siostrzana chusta*, *kmieciowa żona*, dziś Polak powiedziałby: *puszcza biskupa*, *chusta siostry*, *żona kmiecia*). Proces ten widać szczególnie wyraźnie wśród przymiotników dzierżawczych budowanych na bazie nazw własnych za pomocą formantów *-ow-* i *-in-* (*Maciejowe pole*, *Zosina bielizna*)¹. Dziś przymiotniki dzierżawcze fundowane przez nazwy pospolite dalej funkcjonują w polszczyźnie, obok drugiego środka językowego, tzn. rzeczownika w dopełniaczu (*dom ojca*), znacznie jednak rzadziej, zatraciły też swoją specyfikę formalną; relację dzierżawczości wyrażają formanty obsługujące także inne kategorie semantyczne². Tak więc relacja dzierżawczości, charakterystyczna dla wczesnej polszczyzny historycznej, choć pozostała, funkcjonuje w skromnym zakresie, jako jedna z wielu, nie jest już nacechowana specjalnymi środkami formalnymi.

Czy ta zmiana ma to jakiś związek z przemianami poziomu składniowego? Wydaje się, że tak. Widziałabym tu dwa argumenty. Pierwszy to kurczenie się zakresu semantycznego przypadku dopełniacza. Genetivus w

mi twarz przed wstydem; Za moim przybyciem twarz jej się zarumieniła; Rzucił się w przystępie szału z okna. Przykłady podaję za: PASON 1976: 21 – 29.

¹ Problem został w sposób wnikliwy opracowany przez S. Szlifersztejnową (SZLIFERSZTEJNOWA 1960).

² Oto przykłady takich przymiotników dzierżawczych: *ojcowski*, *rodzinny dom*, *siostrzana*.

prasłowiańszczyźnie i we wczesnej dobie polszczyzny miał zakres szerszy niż obecnie. Obok powszechnej w całej Słowiańszczyźnie funkcji dzierżawczej mógł wyrażać porównanie (*zęby bielsze mleka* SSTP), mógł określać cechę obiektu (por. dzisiejsze: *uczony światowej sławy*), mógł oznaczać ruch oddalania (ablativus, por. *odjechać kogoś*) (KEMPF 1978, 87 – 92). Być może zanik tych innych znaczeń wzmocnił, uwybraźnił funkcję dzierżawczą, to zaś spowodowało osłabienie środka słowotwórczego¹.

Warto też w tym miejscu podnieść sprawę fleksji. Otóż odosobowe przymiotniki dzierżawcze dłużej niż inne przymiotniki trzymały odmianę prostą, por. dawne: *z domu panowa, od lica nieprzyjacielowa, imię Gospodnowo, z ręki nieprzyjacielowy*. Być może właśnie ta odmiennosc decydowała o preferowaniu synonimicznego, prostszego środka, tzn. wyrażenia z dopełniaczem: *z domu pana, od lica nieprzyjaciela, imię Gospodna, z ręki nieprzyjaciela*.

4. Przykładem na ewolucyjne zespolenie poziomu słowotwórczego ze składniowym może być polska kategoria stopnia. Choć kwestia statusu tej kategorii dla współczesnej polszczyzny jest wciąż otwarta, jedni traktują ją jako fleksyjną, inni wolą widzieć stopniowanie na poziomie słowotwórczym², nie ulega wątpliwości, że obecny stan jest efektem przekształceń na poziomie słowotwórczym oraz na poziomie syntaktycznym (KLESZCZOWA 2004).

U progu polszczyzny sufiks *-szy* oraz prefiks *na(j)-* nie były ze sobą zespolone, nie były także związane ze specjalnymi konstrukcjami syntaktycznymi, jak dzisiaj. Oba afiksy miały przede wszystkim wartość elatywną³, o czym świadczyć może wykorzystywanie formacji z tymi afiksami w funkcji przydawki, por. *zorza światlejsza, przemilszy Jezus, cięższe zgrzeszenie, nachwalebniejsi apostołowie*. Odnotowano też wiele przykładów, w których formant *na-* pojawia się jako morfem niezwiązany z przyrostkiem *-szy* (*nadostojny, naprzykry, nasilny*). O elatywnej funkcji afiksów *-szy* i *na-* świadczą również liczne substantywizacje, np. *bliższy, więcszy, mniejszy* w funkcji rzeczownika. Ważne i to, że brak w staropolszczyźnie typowych dla współczesnej polszczyzny układów składniowych towarzyszących przymiotnikom z sufiksem *-szy* i prefiksem *na-*: *x jest starszy od y-a/niż y, x jest najstarszy z/spośród* np. *braci*. Jeśli chodzi o porównawcze konstrukcje składniowe, było ich więcej niż obecnie (GRESZCZUK 1988). Funkcjonujący do dziś w języku rosyjskim dopełniaczowy comparativus (*он больше тебя*) w języku polskim odnotowany jest tylko w najstarszych zabytkach⁴. Częściej

¹ Można rzecz interpretować także inaczej, że wzmocnienie dzierżawczości zdecydowało o gaśnięciu innych funkcji. Co skutkiem, a co przyczyną, trudno orzec. Częste to w interpretacjach lingwistycznych.

² Tradycyjnie stopniowanie zalicza się do fleksji, choć w strukturalizmie polscy językoznawcy opowiadali się za słowotwórczym charakterem form typu *lepszy, najlepszy* (GRAMATYKA 1998: 502–506).

³ Szerokie omówienie i bogatą literaturę na ten temat odnajdziemy w FAŁOWSKI 1984.

⁴ Por. *Rowien oćcu podług bostwa; zęby jego bielsze mleka* (cytuje za: KEMPF 1972: 127).

sięgano po konstrukcje z przyimkiem, zatem: znane też dzisiaj: *bielszy od mleka*, także wygasłe: *słodszy nad miód*; *nikt nie był świętszy przed nim*; *ziemia naprzeciw wodzie jest sucha* itd.

Zakończenie

Celem moim było pokazanie rywalizacji słowoform z konstrukcjami syntaktycznymi jako jednego z czynników wpływających na ewolucję języka. Mniejszy akcent położony został na czynnik słowotwórczy jako stymulator przemian składniowych, co zasadne jest z teoretycznego punktu widzenia; jest to jednak zadanie dla badacza ewolucji systemu składniowego¹. Mam nadzieję, że przekonałam słuchaczy, że w badaniach przemian wybranego poziomu języka warto obserwować funkcjonowanie jednostek tego poziomu w tekście, warto przy tej okazji obserwować także inne środki językowe, inne techniki oferowane przez język dla komunikowania tej samej treści.

Literatura:

FAŁOWSKI 1984: Fałowski A., *Kształtowanie się kategorii superlatywu przymiotników w tekstach staroruskich i starorosyjskich XI–XVII w.* Wrocław.

GRAMATYKA 1998: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Red. R. Laskowski, R. Grzegorzycowa, H. Wróbel. Warszawa.

GRESZCZUK 1988: Greszczuk B., *Konstrukcje porównawcze i ich rozwój w języku polskim*. Rzeszów.

KALLAS 1998: Kallas K., *Przymiotnik*. W: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Red. R. Laskowski, R. Grzegorzycowa, H. Wróbel. Warszawa, s. 469 – 523.

KEMPF 1978: Kempf Z., *Próba teorii przypadków*. Część I. Opole.

KLESZCZOWA 1998: Kleszczowa K., *Staropolskie kategorie słowotwórcze i ich perspektywiczna ewolucja. Rzeczowniki*. Katowice.

KLESZCZOWA 2003: Kleszczowa K., *Staropolskie derywaty przymiotnikowe i ich perspektywiczna ewolucja*. Katowice.

KLESZCZOWA 2004: Kleszczowa K., *Kategoria stopnia staropolskich przymiotników*. W: *Studia Linguistica Danutae Wesołowska oblata*, red. H. Kurek, J. Labocha, s. 85–92;

KOWALIK-KALETOWA 1981: Kowalik-Kaletowa Z., *Staropolskie nazwy osobowe motywowane przez nazwy miejscowe*. Wrocław.

KREJA 1967: Kreja B.: *Nazwy pomieszczeń na „-alnia” w języku polskim*. „Język Polski”, s. 182–193).

KURYŁOWICZ 1987: Kuryłowicz J., *Podstawowe struktury języka. Grupa i zdanie*. W: Kuryłowicz J.: *Studia językoznawcze*. Warszawa, s. 191 – 198.

¹ Mogę tu jedynie przytoczyć przykład onomastyczny, mianowicie stary typ nazewniczy *Jan z Białej* → *Jan Bielski*, *Jan z Wiślicy* → *Wiśliczka*, *Jan ze Skawiny* → *Jan Skawinka* (KOWALIK-KALETOWA 1981).

- L: Linde S. B.: *Słownik języka polskiego*. T. 1–6. Lwów 1854–1960.
- PASOŃ 1976: Pasoń A., *Syntaktyczne sposoby wyrażania przyczyny w historii języka polskiego*. Wrocław.
- SSTP: *Słownik staropolski*. Red. S. Urbańczyk. T. 1–11, Kraków 1953 – 2002.
- SZCZEPAŃSKA 1994: Szczepańska E., *Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim*. Kraków.
- SZLIFERSZTEJNOWA 1960: Szlifersztejnowa S., *Przymiotniki dzierżawcze w języku polskim*. Wrocław.

METAFORA W SŁOWOTWÓRSTWIE

0. Problem metafory w słowotwórstwie wydaje się wart uwagi przynajmniej z dwóch powodów: Po pierwsze, znacząca część innowacji słowotwórczych to derywaty, w których występuje metaforyczne połączenie treści składników morfemicznych¹. Po drugie, problem metafory w słowotwórstwie jest sygnalizowany w opisach słowotwórczych, ale jak dotąd nie doczekał się uporządkowanej analizy na podstawie spójnych kryteriów². I wreszcie, po trzecie, ale nie ostatnie, metafora (pojęta jak niżej) zdaje się stwarzać podstawy do spójnego tłumaczenia semantycznej istoty derywatów o tzw. funkcji paradygmatycznej formantu, które są szczególnie predysponowane, a wręcz przeznaczone do pełnienia funkcji relacyjnej w tekście³, a w szczególności do wyrażania relacji autora (personaży) tekstu do elementów jego treści.

Praca ta stanowi wstępną próbę opracowania modelu opisu derywacji metaforycznej z punktu widzenia struktury semantycznej derywatu – jej składników i relacji między nimi. Jako materiał do wstępnego rozpoznania problemu posłużyły derywaty przytaczane w literaturze przedmiotu i derywaty pochodzące ze Słownika gwary młodzieżowej (Słownik 2003⁴).

1. Proponowany model wychodzi z następujących podstawowych założeń:

1.1. Istnieje izomorfizm między strukturą zdania i strukturą leksemu jako jednostek językowych. Inaczej mówiąc, te same reguły kombinatoryczne (relacje) rządzą konkurencją leksemów w zdaniu i morfemów w leksemie pochodnym [por. BALTOVA-KAROLAK-MALDJIEVA 2003]. Założenie to wiąże się z rozumieniem słowotwórstwa jako składni morfemicznej.

1.2. Strukturę semantyczną (pojęciową) i strukturę formalną jednostek językowych (zarówno zdania, jak i leksemu) cechuje względna autonomia przejawiająca się w braku jednoznacznej odpowiedniości między tymi strukturami. Założenie to pociąga za sobą wymóg niezależnego opisu formy i treści, po którym dopiero możliwe jest ich wzajemne przyporządkowanie, czyli ustalenie repartycji sensów. W przypadku badania słowotwórczego postulat ten

¹ Tak na przykład wstępne badanie derywatów rzeczownikowych w slangu młodzieżowym w języku polskim i czeskim wykazało, że 41,3% rzeczowników pochodnych w języku polskim i 23,6% w języku czeskim to tzw. derywaty asocjacyjne (wyniki statystyki z pracy magisterskiej Agnieszki Matuszak pt. *Charakterystyka porównawcza czeskiego i polskiego slangu młodzieżowego (na przykładzie derywatów rzeczownikowych)*, Instytut Filologii Słowiańskiej UMK, Toruń 2004).

² Por. np. w literaturze polskiej [MORFOLOGIA 1998, 371, NAGÓRKO 1987, 117-122, NAGÓRKO 2000, 173-175].

³ Funkcja relacyjna rozumiana jest w myśl pracy [MOSKALSKAJA 1981].

⁴ Przykłady pochodzące z tego źródła opatrzone zostały górnym indeksem ^s.

zakłada konsekwentne rozgraniczanie rezultatów derywacji semantycznej i derywacji formalnej.

1.3. Struktura semantyczna (pojęciowa) zarówno zdania, jak i leksemu jest strukturą predykatowo-argumentową, czyli jest połączeniem pojęć, w którym jedno z nich jest nadrzędne (konstytutywne) dla struktury, zaś pozostałe są mu podporządkowane na mocy implikacji pozycji dla określonych treści lub przyłączenia. Charakterystyka pozycji implikowanych zależy od cech selektywnych predykatu i wyznacza jego zakres [por. KAROLAK 1984, KAROLAK 2002]. Pojęcie konstytutywne pełni w strukturze funkcję predykatu, pojęcia wypełniające implikowane przezeń pozycje pełnią funkcje argumentów, natomiast pojęcia przyłączone to predykaty dodane. Te ostatnie związane są z predykatem nadrzędnym wymaganiem przynajmniej jednej wspólnej cechy selektywnej, a zatem relacje między nimi można określić jako dalszą implikację.

1.4. Derywacja w ogólnym rozumieniu to relacja wyprowadzalności jednego wyrażenia językowego od drugiego, której towarzyszy większy stopień złożoności struktury wyrażenia derywowanego w porównaniu ze strukturą wyrażenia wyjściowego (podstawowego). Derywacja może dotyczyć formy lub treści, przy czym derywacja semantyczna nie pociąga za sobą z konieczności derywacji formalnej i vice versa. Przykładem derywacji semantycznej, której nie towarzyszy derywacja formalna może być derywacja leksykalna¹ (w odróżnieniu od słowotwórczej).

1.5. Derywację semantyczną można najogólniej zdefiniować w kontekście powyższych założeń jako przekształcenie polegające na wypełnianiu – w tym także blokowaniu – pozycji dla argumentów implikowanych przez predykat oraz na dodawaniu predykatów wraz z implikowanymi przezeń pozycjami dla argumentów (odpowiednio wypełnianych / blokowanych). Istotne dla tematu tej pracy jest to, że pojęcia uzupełniające (argumenty) lub przyłączone (predykaty dodane) mogą być kompatybilne lub niekompatybilne z predykatem nadrzędnym, czyli mogą być zgodne lub niezgodne z jego cechami selektywnymi (więcej o tym niżej).

1.6. W myśl powyższych założeń znaczenie słowotwórcze derywatu to struktura predykatowo-argumentowa, której składnikami są pojęcie konkretne (wyrażone przez temat) i co najmniej jedno pojęcie ogólne (wyrażone przez formant i/lub niewyrażone)². Ustalenie treści pojęcia ogólnego wymaga odniesienia do znaczenia leksykalnego derywatu po uprzednim ścisłym

¹ Derywacja leksykalna rozumiana jest w tym miejscu jako relacja wyprowadzalności między różnymi wartościami referencjalnymi (znaczeniami) tego samego zbioru form wyrazowych. Zgodnie z popularną w leksykologii opinią taki wypadek niejednoznaczności formy określa się jako polisemię leksemu i w tym sensie da się ona interpretować jako wynik derywacji semantycznej, choć z konsekwentnie synchronicznego punktu widzenia różnica między polisemią i homonią byłaby różnicą w konwencji opisu tych samych faktów niejednoznaczności [por. GROCHOWSKI 1982, 80-81].

² Z tym założeniem nie wiąże się przywiązanie stałej funkcji (predykatu czy argumentu) tych składników w strukturze [por. BALTOVA-KAROLAK-MALDJIEVA 2003].

odgraniczeniu znaczenia leksykalnego, jako znaczenia globalnego, od znaczenia słowotwórczego, jako znaczenia sumarycznego, i ustalenia relacji między nimi¹. W tej pracy przyjmuje się, że korelacja tak pojmowanego znaczenia leksykalnego i znaczenia słowotwórczego jest dwustronna. Z jednej strony treść pojęcia ogólnego jest wyprowadzalna: a. z cech selektywnych predykatu konstytutywnego² i/lub b. z relacji treściowych między argumentami³. Z drugiej strony treść pojęcia ogólnego: a. jest równoznaczna z ogólną cechą semantyczną charakteryzującą otwartą klasę substytucyjną, do której należy derywowany leksem⁴ i/lub b. jest wyprowadzalna z typu relacji treściowej między składnikami znaczenia leksykalnego (definicji leksykalnej)⁵ [por. MALDJIEVA, w druku).

2. O metaforze jako o mechanizmie słowotwórczym mówi się w kontekście tzw. derywatów asocjacyjnych, czyli tam, gdzie wykładnik pojęcia konkretnego (podstawa) nie wchodzi do definicji leksykalnej derywatu (jest niedefinicyjny) [por. np. MORFOLOGIA 1998, 370; NAGÓRKO 2000, 173].

2.1. Upatrywanie u podłoża wszystkich derywatów asocjacyjnych „nieostrej metafory” jako mechanizmu nazwotwórczego [NAGÓRKO 2000, 173] zakłada dosyć szerokie rozumienie metafory jako różnego rodzaju przeniesienia:

a. przeniesienie jednej z cech (wiązki cech) złożonego pojęcia na całość, np. *lipiec* (miesiąc, którego jedną z cech jest, że wtedy kwitną lipy), ale też *ręcznik* (kawałek materiału, który służy do wycierania m. in. rąk);

b. przeniesienie (przez porównanie) na podstawie podobieństwa:

b.a. jednej z cech (wiązki cech) innego pojęcia, np. *wieżowiec* (blok wysoki i wąski jak wieża, tj. podobny do wieży co do wysokości i szerokości), *falowiec*, *kurtynowiec* (blok podobny do kurtyny / fali co do kształtu);

b.b. bez wyróżnienia jednej z cech (wiązki cech) innego pojęcia („z całości na całość”), np. *dziewczyńkowaty* (*chłopak*) ((chłopak,) który wygląda, zachowuje się, mówi itd. jak dziewczyna, tj. we wszystkim podobny jest do dziewczyny), *mrowiskowiec* (duży blok, w którym ludzie są tak liczni i żyją tak, jak mrówki w mrowisku, tj. we wszystkim podobny jest do mrowiska). Warto na marginesie zauważyć, że choć z formalnego punktu widzenia nazwa cechy

¹ Podobna konieczność sygnalizowana jest np. w pracach [MELCZUK 1972] i [MANUCZARJAN 1999]; por. też [MALDJIEVA, w druku].

² Przykładem takiej wyprowadzalności może być derywat *pis-arz*, w którym predykat konstytutywny ‘pisanie’ implikuje pozycję dla argumentu z cechą ‘człowiek’ (*ktoś pisze*).

³ Tego typu wyprowadzalność obserwujemy np. w derywacie *ryb-ak*, dla którego na podstawie możliwych relacji między treściami argumentowymi ‘ryba’ i ‘człowiek’ można wywnioskować ogólną treść ‘działać, robić’ (*ktoś robi coś z rybą*).

⁴ Tak na przykład ogólną cechą semantyczną dla klasy leksykalnej, do której należą leksemy *pisarz*, *rybak* i pod., jest ‘człowiek’.

⁵ Przykładem takiej wyprowadzalności może być leksem *tapicernia*, w którym znaczenie jednego z pojęć ogólnych ‘miejsce’ da się wyprowadzić ze znaczenia leksykalnego (szkicowo: ‘zakład, pracownia tapicerska’).

jest niedefinicyjna (por. wyżej), to sama cecha semantyczna wyeksponowana przez pojęcie konkretne może być w różnym stopniu istotna dla znaczenia leksykalnego. Pod tym względem wyodrębnione grupy a. i b. różnią się w sposób zasadniczy – cechy wyeksponowane w drugiej grupie są składnikami znaczenia leksykalnego (np. *wieżowiec* to właśnie ‘wysoki wąski blok’).

2.2. Do celów badania metafory jako mechanizmu derywacyjnego można przyjąć definicję o węższym zakresie i dość ostrych granicach. W myśl założeń tej pracy (p.1.) metaforę można uznać za mechanizm derywacji semantycznej fundowany na predykcje relacyjnym podobieństwa, przy którym pozycje argumentowe wypełnione są pojęciami niezgodnymi pod względem ich cech selektywnych.

2.2.1. Predykat ‘podobny’ – jako relacyjny predykat drugiego rzędu¹ – otwiera dwie pozycje dla argumentów propozycjonalnych i konstytuuje strukturę predykatowo-argumentową ‘ $P(x_1/p_1)$ tak jak (jest podobne do) $Q(x_2/p_2)$ ’. Pozycje argumentowe P i Q mogą być wypełnione predykatami zarówno pierwszego, jak i drugiego rzędu, które implikują odpowiednio argumenty przedmiotowe lub propozycjonalne². Treści predykatywne w pozycjach dla argumentów propozycjonalnych przy predykcje nadrzędnym mogą być tożsame – wtedy wspólny predykat będzie podstawą do porównania (*tertium comparationis*) (por. ‘ $R(x_1/p_1)$ tak jak (jest podobne do) $R(x_2/p_2)$ ’)³. Może nią być zarówno predykat pierwszego jak i drugiego rzędu. W tym drugim przypadku obiektami porównania są sytuacje, natomiast w pierwszym - rzeczy (nie-sytuacje)⁴. Pojęcia zajmujące pozycje argumentowe przy predykcje relacyjnym oraz pojęcia przyłączone mają swoje cechy selektywne. Pod względem zgodności tych cech mogą one być kompatybilne (jeśli taka zgodność występuje) lub niekompatybilne (jeśli tej zgodności brak). Wtedy właśnie powstają połączenia wyrażen określane jako metaforyczne⁵.

2.2.2. Już w tym miejscu warto zaznaczyć, że składniki struktury predykatowo-argumentowej relacji podobieństwa (w tym także metaforycznego) odznaczają się różnym stopniem eksplicytacji zarówno na poziomie wyrażenia

¹ Terminy *predykat (relacyjny, pierwszego i drugiego rzędu)*, *argument (przedmiotowy i propozycjonalny)*, *wyrażenie predykatywne i argumentowe* używane są według [KAROLAK 1984].

² Tę właśnie możliwość oddaje zapis (x_1/p_1) i (x_2/p_2) . W konkretnych porównaniach występują wszystkie kombinacje z predykatami pierwszego i drugiego rzędu w jednej i drugiej pozycji. Przykładem jednej z nich byłoby porównanie *Śpiew Jana jest jak ryk osła* (dwa predykaty pierwszego rzędu), kolejnej – porównanie *Myśli Leca są jak nieuczesane włosy* (predykat pierwszego i predykat drugiego rzędu) i t.p.

³ Por. np. *Jan śpiewa jak (śpiewa) prawdziwy śpiewak operowy*.

⁴ Pojęcia *sytuacja* i *rzecz* rozumiane są w sensie ogólnym - jako pojęcia epistemologicznie pierwotne. Do sytuacji tak pojętej zalicza się wszelkie zdarzenia, stany i relacje między nimi; rzeczami w tym rozumieniu są obiekty sytuacji.

⁵ Podobne rozumienie metafory zob. np. [EJO 1995].

zdaniowego, jak i na poziomie wyrazu pochodnego. W szczególności opuszczane bywają wykładniki treści predykatywnych (por. przykłady niżej).

3. Z przyjętego rozumienia metafory wynika, że o derywacie metaforycznym sensu stricto można mówić wtedy, kiedy pojęcie konkretne i pojęcie ogólne będące składnikami znaczenia słowotwórczego derywatu są niezgodne pod względem przynajmniej jednej swojej cechy. Dalszy podział derywatów możliwy jest na podstawie tego, czy pojęcia te mają jakąś cechę wspólną (jakieś cechy wspólne).

3.1. Kiedy pojęcie konkretne i pojęcie ogólne (i/lub implikowane przez nie pojęcia) mają cechę wspólną (wiązkę cech wspólnych) i to ona właśnie jest podstawą do porównania, zachodzi relacja, która w składni zdaniowej bywa określana jako porównanie rzeczywiste, tj. takie, które podlega ocenie prawdziwościowej¹. Pobieżne obserwacje materiału językowego i literatura przedmiotu [por. NAGÓRKO 1987, 118] wskazują na to, że jest to najczęściej cecha związana z wyglądem zewnętrznym (wysokość, szerokość, kolor, kształt, funkcja, zachowanie się i pod.) i z reakcjami psychicznymi – w przypadku istot żywych. Obecność predykatu podobieństwa w strukturze semantycznej derywatu mogłoby oddawać w szkicowej parafrazie znaczenia słowotwórczego takiego derywatu² wyrażenie *tak samo (taki sam, taka sama ...) jak*. Por. np.:

szczeniara ('młoda, niedojrzała dziewczyna'): szczenię [Anim] – kobieta [Hum] → 'kobieta młoda i niedojrzała tak, jak młode i niedojrzałe jest szczenię';

mrowiskowiec ('wielki blok mieszkalny'): mrowisko ('miejsce, w którym żyją mrówki [Anim]) – budynek ('miejsce, w którym żyją ludzie' [Hum]) → 'miejsce, w którym ludzie żyją, takie jak miejsce w którym żyją mrówki';

patykowaty (*ktoś*) ('wysoki i chudy'): patyk [Concr] – człowiek [Hum] → 'człowiek wysoki i cienki tak, jak wysoki i cienki jest patyk';

kurczakować^s (*ktoś*) (= panikować) ('działać pod wpływem niepokonanego strachu'): kurczak [Anim] – człowiek [Hum] → 'człowiek, który zachowuje się pod wpływem strachu tak, jak zachowuje się pod wpływem strachu kurczak'.

Podobne co do swojej struktury semantycznej są derywaty typu *maupować, baranieć, papugować, byczyć się*.

3.2. Kiedy pojęcie konkretne i pojęcie ogólne (i/lub implikowane przez nich treści) nie mają cechy wspólnej (wiązki cech wspólnych), która

¹ Por. np. semantycznie poprawne (sensowne) zdania: *Prawdą jest, że wieżowiec jest bardzo wysoki; Prawdą jest, że ten blok jest wysoki tak samo jak wieża.*

² Jeśli znaczenie słowotwórcze uznać za morfemiczną strukturę predykatowo-argumentową (por. 1.6.), wtedy każdy derywat ma takie znaczenie, zaś parafraza (słowotwórcza) tego znaczenia to rozbudowane analityczne wyrażenie oddające wszystkie jego składniki. Rozróżnienie między *parafrazą* i *peryfrazą słowotwórczą* (por. Morfologia 1998:370-371) ma uzasadnienie tylko w kontekście postulatu, że pojęcie konkretne (znaczenie podstawy) jest składnikiem struktury znaczenia leksykalnego derywatu.

stanowiłaby podstawę do porównania, zachodzi relacja, która w składni zdaniowej bywa określana jako porównanie nierzeczywiste, czyli takie, które podlega ocenie prawdziwościowej¹. Struktura takiego porównania jest bardziej skomplikowana, bo pozycje dla argumentów propozycjonalnych przy predykacie podobieństwa wypełnione są pojęciami, które nie są tożsame treściowo i zakresowo (pod względem swoich implikacji), a więc przynajmniej jeden z argumentów jednego predykatu nie może wypełniać pozycji przy drugim. Obecność predykatu podobieństwa w strukturze semantycznej derywatu mogłoby oddawać wtedy w szkicowej parafrazie znaczenia wyrażenie *tak (taki, taka ...) jakby*. Por. np.:

kaszlak^s ('stary samochód'): kaszle ktoś [Hum] – rzecz, maszyna [Mach] → 'maszyna, która wydaje dźwięk taki, jakby człowiek kaszlał'; por. też *rzęch*^s ('stary zniszczony samochód') od *rzęzić*;

naprany^s (*ktoś*) ('pijany'): pierze ktoś, coś [Concr] – człowiek [Hum] → 'człowiek, który jest w stanie takim, jakby ubrania w praniu';

lampić się^s 'wypatrywać': lampa [Concr] – działanie człowieka [Hum] → 'człowiek, który robi coś (oczami?) tak, jakby świeciła się lampa'

bezbazie^s ('niezdolność do skupienia się'): baza czegoś [Concr] lub [Sit] ('podstawa, punkt oparcia dla jakiegoś przedmiotu; ośrodek obsługujący jakąś działalność') – stan człowieka [Hum] → 'stan człowieka taki, jakby przedmiot bez punktu oparcia lub działanie bez ośrodka obsługującego'.

W niektórych derywatach tego typu trudno zrekonstruować niewyrażone w strukturze formalnej derywatu pojęcia, zajmujące pozycje dla argumentów propozycjonalnych przy nadrzędnym predykacie podobieństwa. Można by powiedzieć, że porównanie oparte jest na wszystkich predykatkach, dla których pojęcie konkretne (wyrażone przez temat) może być potencjalnym argumentem. Inaczej mówiąc, pojęcie konkretne wzięte jest w całości, jako nierozczłonkowane – ze wszystkimi swoimi cechami. Por. np.:

plastykowo^s ('o sytuacji: nieprzyjemnie, niewyraźnie'): plastikowe coś (coś z plastyku) [Concr] – sytuacja (w odczuciu nadawcy) [Sit] → sytuacja odczuwana tak, jakby przedmiot z plastyku (który jest sztuczny, nieprzyjemny w dotyku, trudny do utrzymania, wyslizgujący się z rąk itp.)².

3.3. Jak widać z przykładów, struktury semantyczne derywatów ufundowane na predykacie podobieństwa odznaczają się różnym stopniem skomplikowania. W tym miejscu zostały podane tylko wstępne, szkicowe parafrazy, które pozwalają na wyróżnienie ogólnych typów w pierwszym przybliżeniu. W niektórych derywatach bowiem można się dopatrywać całych „łańcuchów” metaforyzacji. Por. np.: *pościelowa*^s ('nastrojowy, romantyczny utwór muzyczny').

¹ Por. np. semantycznie niepoprawne (anomalne) zdanie: **Prawdą jest, że stary samochód kaszle*; **Prawdą jest, że ten samochód wydaje taki sam dźwięk jak dźwięk kaszlu*.

² W pewnym sensie właśnie w takich derywatach można mówić o skojarzeniach (asocjacjach).

4. Analiza pozostałych derywatów zaliczanych w literaturze do derywatów asocjacyjnych pokazuje, że pojęcie konkretne i pojęcie ogólne, będące składnikami znaczenia słowotwórczego derywatu, są zgodne pod względem swoich cech.

4.1. W części tych derywatów zachodzi metonimia cechy, którą desygnat rzeczywiście posiada. Por. wyżej przykład w 2.1.a.:

lipiec ('siódmy miesiąc roku' [Per] – pora, kiedy kwitną lipy [Per])

por. też:

dzwoniasty^s ('hipis' [Hum] – ubiera się często w spodnie „dzwony” [Hum]);

spuściportek^s ('skate; słuchający muzyki hip hop' [Hum] – nosi opuszczone spodnie [Hum]);

dresiarz^s ('słuchający techno/disco' [Hum] – ubiera się często w dres [Hum]);

Por. jeszcze *kichawa*^s ('nos'), *pałker*^s ('perkusista'), *pikawa*^s ('serce'), *wytrzeszcz*^s ('człowiek z dużymi oczami') i pod.

4.2. Inna część derywatów asocjacyjnych ma strukturę semantyczną fundowaną na predykcje podobieństwa, przy czym zachodzi porównanie rzeczywiste. Ilustracją tego typu są przykłady podane w 2.1.b.

5. Pozostaje pytanie, czy i w jaki stopniu szerszej pojmowane badanie metafory w słowotwórstwie powinno uwzględniać także derywację od podstaw już zmetaforyzowanych, która jest licznie reprezentowana w innowacjach słowotwórczych. Metafora nie jest tutaj elementem semantycznej derywacji słowotwórczej, bo nie towarzyszy derywacji formalnej. Podstawą do derywacji formalnej i semantycznej (niemetaforycznej) w tym wypadku są jednostki leksykalne – tak monosegmentalne (leksemy), jak i polisegmentalne (np. związki frazeologiczne) – które można rozpatrywać jako powstałe w wyniku metaforycznej derywacji leksykalnej¹, por. np.:

dółski^s ('smutny, przygnębiający') : *dolek* ('stan smutku i przygnębienia');

drewniak^s ('mało towarzyski człowiek') : *być jak drewno* ('być sztywnym, nie reagować na sytuację');

kanalasty^s ('nieefektywny, nieciekawy') : *kanal* ('nieciekawa sytuacja');

kaszana^s ('nieuporządkowana, kłopotliwa sytuacja') : *kasza* ('zamęt, zamieszanie, kłopot');

przekomarować^s ('przenocować kogoś') : *ciąć komara* ('spać') i pod.

Temat ten wychodzi jednak poza ramy zadania, które stawia sobie ta praca.

Proponowany w tej pracy model otwiera dalsze możliwości badania metafory na szerszym materiale w kierunku na przykład ustalenia typów predykatów występujących w pozycji dla argumentów propozycjonalnych

¹ Por. wyżej przyp. 5.

(stanowiących podstawy do porównania metaforycznego), typów metafor występujących w derywacji słowotwórczej i porównania z metaforami poza nią¹.

Indeks symboli

Cechy selektywne predykatów:

[Anim] – zwierzę

[Concr] – przedmiot

[Hum] – człowiek

[Mach] – maszyna

[Mat] – materiał

[Per] – okres czasu

[Sit] – sytuacja (stany i zdarzenia)

Literatura:

BALTOVA-KAROLAK-MALDJIEVA 2003: J. Baltova, St. Karolak, V. Maldjieva. Projekt VIII tomu GKBP: Słowotwórstwo. Wybrane zagadnienia [w:] *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie*, t. VII. Przewodnik po akademickiej Gramatyce konfrontatywnej bułgarsko-polskiej. – Warszawa.

GROCHOWSKI 1982: Maciej Grochowski. *Zarys leksykologii i leksykografii. Zagadnienia synchroniczne*. – Toruń.

EJO 1995: *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. – Warszawa.

KAROLAK 1984: Stanisław Karolak. *Składnia wyrażeń predykatywnych*, [w:] *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Tom I. Składnia*. – Warszawa.

KAROLAK 2002: Stanisław Karolak. *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*. – Warszawa.

MANUCZARJAN 1999: P.C. Манучарян. *Лексические и словообразовательные группировки* [w:] *Renate Beleschnikow Neue Wege der slavistischen Worbildungsforschung. Новые пути изучения словообразования славянских языков*. – Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften. – Frankfurt am Main.

MALDJIEVA, w druku: Вяра Малджиева. *За отношението между лексикалното и словообразователното значение на дериватите*, [w:] *Semantika i konfrontacija jazykova. Tom III, SOW*. – Warszawa.

MELCZUK 1972: I. Melczuk. *O określaniu większej/ mniejszej złożoności semantycznej wyrazów przy różnych relacjach słowotwórczych*, [w:] *Słownik i semantika*. – Warszawa.

MORFOLOGIA 1998: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Tom II. Morfologia, wyd. II*. – Warszawa.

¹ W tym miejscu pragnę serdecznie podziękować dr Zofii Rudnik-Karwatowej za wnikliwą lekturę tekstu i użyteczne uwagi i podpowiedzi.

MOSKALSKAJA 1981: Г. Москальская. Грамматика текста. – Москва.

NAGÓRKO 1987: Alicja Nagórko. Zagadnienia derywacji przymiotnika. – Warszawa.

NAGÓRKO 2000: Alicja Nagórko. Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem). – Warszawa.

SŁOWNIK 2003, Słownik gwary młodzieżowej. – Toruń.

**MIEDZY ANALITYZMEM A SYNTETYZMEM W
SŁOWOTWÓRSTWIE WSPÓŁCZESNYCH JEZYKÓW
SŁOWIAŃSKICH (struktury typu pol. *biopaliwo, ekoprodukt,*
eurodeputowany, ros. биогель, рок-еженедельник, экспресс-опрос)**

W ciągu ostatniego piętnastolecia, tj. po przełomowym roku 1989, w językach słowiańskich lawinowo wzrosła seria struktur złożeniowych typu pol. *biopaliwo, ekoprodukt, eurodeputowany, seksnowość, telewidownia, wideоууро́жyuczalnia*, ros. *бизнес-справочник, биогель, рок-еженедельник, телесобытие, шоп-туризм, экспресс-опрос*. Wśród językoznawców nie ma zgodności co do statusu tego rodzaju struktur z członami: *eko-, euro-, bio-, wideo-, бизнес-, рок-, экспресс-* itp. Różnice podejścia odzwierciedla terminologia stosowana w pracach słowotwórczych. Przegląd stanowisk w tej kwestii przedstawiła szczegółowo w swojej książce K. Waszakowa [WASZAKOWA 2005, 48 – 65]. Nie wdając się w szczegóły, warto w tym miejscu przypomnieć główne stanowiska. Część językoznawców traktuje rozpatrywane struktury jako typ złożeń (por. określenia w języku polskim: *złożenia, composita, złożenia jednostronnie motywowane, złożenia z członem związanym (niesamodzielnym), złożenia bezafiksalne (zrosty), złożenia z członem uciętym (zintegrowanym)*, w języku czeskim: *kompozita, složeniny*, w rosyjskim: *сложные слова, композиты, сложносокращенные слова, биномы* i inne). Odmienny sposób ujęcia reprezentują badacze, którzy struktury z elementami paralelnymi do polskich *bio-, eko-, euro-, tele-* itp. włączają do derywacji prefiksальной lub sytuują je między derywacją a kompozycją (tę drugą postawę oddają np. określenia: *złożenia z członem afiksoidalnym/afiksoidem, quasi-złożenia, kompozita/ složeniny afixoidálnoho/prefiksoidálnoho typu*). Określenia tych elementów: *prefiks, afiks, prefiksoid, afiksoid, poloprefiks, префикс, аффикс, префиксoid, аффиксoid, преморфема* wskazują bezpośrednio albo pośrednio na przypisanie im funkcji zbliżonej do tej, jaką mają formanty. Tradycyjne użycia ogólnych terminów *człon, komponent, element* lub w najnowszych polskich pracach *częstka* spotyka się zwykle u badaczy traktujących te elementy słowotwórcze jako człony złożeń.

Poza tradycyjne ujęcie wychodzą badacze, którzy dostrzegają różnice strukturalne i funkcjonalne między interesującymi nas strukturami i złoženiami. Określają te struktury jako *сочетания (с определяющим словом, с аналитом), словосочетания* [ЗЕМСКАЯ 1992, 59; 1997, 190 – 191; ЗЕМСКАЯ, ЕРМАКОВА, РУДНИК-КАРВАТ 1998, 308], tj. *połączenia wyrazowe z określającym przymiotnikiem, z przymiotnikiem analitycznym; определительные словосочетания, составные слова (zestawienia), изафеты* [КОСТОМАРОВ 1996, 216] i *struktury złożeniowe* [RUDNIK-

KARWATOWA 2000; 2003, 199 i n.]. Stanowiska te zostaną przedstawione niżej w pracy.

W języku polskim i rosyjskim, podobnie jak w innych językach słowiańskich, wyraźny wzrost aktywności rozpatrywanych w tej pracy struktur ma związek z intensywnym procesem zapożyczania leksyki innojęzycznej – najczęściej angloamerykańskiej, nierzadko o charakterze internacjonalizmów, a także przejmowania obcych modeli strukturalnych [WASZAKOWA 1994; 1995; 2001; 2005; ЗЕМСКАЯ 1997; RUDNIK-KARWATOWA 2000; 2003]. Przykładowo, zapożyczone z języka angielskiego struktury: *videoclip* i *sex shop* (które przeszły następnie drogę adaptacji poprzez różne etapy spolszczania: *videoklip*, *wideoklip*,

sex-shop, *sexshop*, *seks-shop*), *cyberspace*, *cyberwar* (zaadaptowane w postaci kalk *cyberprzestrzeń*, *cyberwojna*) stały się podstawą do tworzenia już na gruncie polskim struktur analogicznych z powielanym seryjnie członem: *wideoimpreza*, *wideowypożyczalnia*, *seksoferta*, *seksnowość*, *cyberportret*, *cyberspołeczność*.

Człon pierwszy przytoczonych struktur jest członem określającym, a człon określany jest w postpozycji. Zwraca uwagę to, że w przywołanych strukturach słowotwórczych języka polskiego szyk członów jest odmienny od pozycji przydawki przymiotnej i przydawki rzeczownej względem określanego rzeczownika w synonimicznych wyrażeniach analitycznych: *wypożyczalnia wideo* i, dokładniej, *wypożyczalnia kaset wideo*, *oferta seksualna*, *społeczność cybernetyczna*. Zgodnie z obowiązującą w polszczyźnie regułą w analitycznych wyrażeniach nazwowych (zestawieniach, np. *Parlament Europejski*, *telewizja kablowa*, i nierównorzędnych binominach, np. *artysta malarz*), jak i w ogóle w grupach imiennych, opartych na relacji determinatywnej, człon określany jest w prepozycji względem członu określającego (dla jasności opisu nie wspominam o możliwości przesunięcia przydawki gatunkowej na prepozycję ze względów konstrukcyjnych bądź stylistycznych, por. w związku z tym [BUTTLER 1973, 394 – 398]). Język polski różni się od pozostałych języków słowiańskich, a także od języków germańskich, szykiem członów w grupach syntaktycznych i zestawieniach wyrazowych. We wszystkich tych językach (oprócz polskiego) człon określający, zarówno relacyjny, jak i jakościowy, jest w prepozycji, człon określany w postpozycji, np. ros. *кабельное телевидение*, *телексная связь*. Ta prawidłowość sprzyja adaptacji i produktywności omawianego modelu słowotwórczego w całej Słowiańszczyźnie.

Nieuzasadnione jest traktowanie rozpatrywanych tu struktur jako złożeń sensu stricto, jako wyrazów złożonych w sensie przyjętym i stosowanym od dawna w językoznawstwie. Podstawowym sposobem tworzenia endocentrycznych złożeń rzeczownikowych w językach słowiańskich tradycyjnie jest kombinacja dwóch (rzadko – trzech) komponentów (podstawowych morfemów rdzennych) z pomocą formantów słowotwórczych. Niewielką podgrupę, do której można by się tu ewentualnie odwołać, stanowią

wyrazy złożone składające się z członów reprezentowanych przez tematy: przymiotnikowe i, rzadko, rzeczownikowe (pierwszy człon), rzeczownikowe (drugi człon). Człony te powiązane są interfiksem -o-, jedynym i wystarczającym formantem: gwiazd-o-zbiór ← zbiór gwiazd.

W odróżnieniu od compositów rozpatrywane w tej pracy struktury tworzone są bez użycia afiksu czy dodatkowych środków afiksalnych. Relacja determinatywna między komponentami struktury złożeniowej nie wyraża się typowymi środkami słowotwórczymi. Tego rodzaju wyrażenia wykazują zewnętrzną bliskość z grupami syntaktycznymi, a zwłaszcza z zestawieniami. W języku rosyjskim, a także w innych językach słowiańskich (oprócz polskiego), komponent określający występuje w prepozycji względem komponentu określanego: *Горбачевский фонд* (możliwe są również wyrażenia z przydawką rzeczowną w postpozycji: *Фонд Михаила Горбачева*), *телексная связь* i w nowych strukturach złożeniowych: *Горбачев-фонд*, *телекс-связь*. W przeszłości takie „agramatyczne” konstrukcje były znane tylko w sferze nauki i techniki, np. terminy: *крекинг-процесс*, *блуминг-стан*, *альфа-частицы*, *Х-лучи* [КОСТОМАРОВ 1994, 202]. Podobną sytuację odnotowujemy w polszczyźnie, lecz tu zakres zjawiska jest mniejszy, por. terminy medyczne: *DNA-wirusy*, *RNA-wirusy*, *Rh-niezgodność/konflikt serologiczny*, *Rh-dodatni*, *Rh-ujemny*, ale *czynnik Rh* i inne. Nie występują w polszczyźnie alternatywne „potrójne” postaci terminów, analogiczne do opisywanych przez F. Daneša w języku czeskim [DANEŠ 1985, 176].

W języku polskim szyk członów w połączeniach wyrazowych różni się od szyku w strukturach złożeniowych. Normatywna jest w grupach składniowych i w zestawieniach postpozycja członu określającego (oznaczającego cechy stałe i tworzącego z określanym rzeczownikiem relację determinatywną): *Institut Lecha Wałęsy*, *serial telewizyjny*, *wypożyczalnia kaset wideo*, natomiast w strukturach złożeniowych szyk członów jest odwrotny: człon określający występuje w prepozycji, a człon określanym w postpozycji: *teleserial*, *wideowypożyczalnia* itp.

Cechą struktur złożeniowych, która różni je od luźnych grup imiennych i zestawień wyrazowych, jest akcent. W strukturach złożeniowych (podobnie jak w wyrazach złożonych) występuje akcent główny i akcent poboczny, natomiast w innych konstrukcjach każdy z członów zachowuje swój akcent, a także cechy gramatyczne (m. in. odmianę i rodzaj).

Co do cech gramatycznych, to w strukturach złożeniowych zwraca uwagę unieruchomienie fleksyjne ich pierwszego członu: *test-mecz*, *test-meczu*, *test-meczowi* itd. (przykład podaję za J. Miodkiem: Miodek 1983: 67), który tę strukturę, szerzącą się w środowisku dziennikarzy sportowych na początku lat 80., uznał za niepoprawną), *seksfala*, *seksfali* itd., *gazrura* pot. `rurociąg gazowy, który Rosja i Niemcy planują przeprowadzić po dnie Bałtyku’, *gazrury*, *gazrurze* itd., np. *Miesiąc temu państwa skandynawskie, bez udziału Polski wypowiedziały wojnę gazrurze pod Bałtykiem* (wywiad, Radio Zet, „Życie

Warszawy”, 21.12.2005), por. znany i rozpowszechniony wyraz złożony *gazociąg*: *W obecności prezydenta Putina oraz kanclerza Schrödera Rosja i Niemcy podpisały wczoraj porozumienie o budowie gazociągu podbałtyckiego*. (komentarz polityczny, „Życie Warszawy”, 9.09.2005). Konstrukcja *gazrura* inaczej profilowana niż *gazociąg*, jest ekspresywna, używa się jej w języku potocznym i środowiskowym, w mediach. Por. też inną strukturę utworzoną według obcego polszczyźnie modelu: *rurabomber* w przykładach: *Procesu „rurabombera” dzień piąty*. („Gazeta Wyborcza”, 14.07.2000). *Mariuszek miał mieć święty spokój – tłumaczył wczoraj stryj „rurabombera”, dlaczego nikt z rodziny nie zwrócił uwagi, nie przerwał śmiercionośnego hobby 18-latka*. („Gazeta Wyborcza”, 14.07.2000). Obcość struktur podkreśla unieruchomiona postać fleksyjna członu określającego *gaz-* i *rura-*. Z punktu widzenia systemu, gdyby chodziło o wyrazy złożone, poprawne byłyby formy *gazorura* i *rurobomber*; por. przykład z prasy: *Politycy z opozycji wprost sugerują, że akcja gejobombera była prowokacją*. („Dziennik”, 31.11.2006).

Podobne zjawisko obserwuje się w nowych strukturach złożeniowych w języku rosyjskim: *джаз-фестиваль, джаз-фестиваля, джаз-фестивалю* itd., *томат-паста, томат-пасты, томат-пасте* itd. Przy porównaniu w obu badanych językach struktur złożeniowych z prepozycyjnym członem określającym zakończonym na spółgłoskę uderza ich duża produktywność w ruszczyźnie na tle nielicznych przykładów w języku polskim. W zebranych przeze mnie materiale polskim tylko kilka struktur było poświadczonych ponad 10 razy, w tym z pierwszym członem *seks-* ponad 30 poświadczeń, z członem *cyber-* – mającym zasięg środowiskowy, rozpowszechnionym wśród użytkowników Internetu – ponad 80; zbliżone dane, precyzyjniejsze i pełniejsze, przynosi praca K. Waszakowej [WASZAKOWA 2005]. Obserwacja materiału języka rosyjskiego pozwala na stwierdzenie nie tylko większej liczebności prepozycyjnych członów zakończonych na spółgłoskę, ale także aktywności poszczególnych serii struktur powstałych w efekcie powielania tych członów. Wyrazem tego jest np. seria produktywnych w języku rosyjskim struktur z członami odnoszącymi się do muzyki rockowej i jazzowej: *рок-*, *джаз-* i seria struktur z członem *экспресс-*, który ma znaczenie ogólne związane z terminowym, szybkim, ekspresowym wykonywaniem usług, zadań: *экспресс-диагностика* (struktura po raz pierwszy zarejestrowana w НСЗ-70-ые, 1973), kolejne struktury pojawiły się dopiero w latach 1980, przed 1985 r.: *экспресс-прогнозист, экспресс-прибор, экспресс-пункт, экспресс-изделие, экспресс-служба, экспресс-комментарий, экспресс-новость* (przykłady pochodzą ze słownika neologizmów: НРЛ СМ-80 – НРЛ СМ-84), w ostatnim dwudziestoleciu: *экспресс-анализ, экспресс-издание, экспресс-информация, экспресс-курс, экспресс-лаборатория, экспресс-опрос, экспресс-поставки, экспресс-почта, экспресс-прогноз, экспресс-ресторан, экспресс-сборка*, a także *экспресс-костюм* (который шьют очень быстро’, przykład podają za: [ЗЕМСКАЯ 1997, 191]. Fakt, że w języku rosyjskim przymiotnik *роковый*

odnotowany został po raz pierwszy w słowniku ТСРЯ z metryką 1990 r. (*Звучали роковые обработки классических произведений Э. Грига, П. Чайковского, С. Прокофьева* («Смена», 26.12.1990)), a

przymiotnika *экспрессный /*экспрессовый dotąd nie zarejestrowano, przemawia za tym, że struktury złożeniowe reprezentują inny model niż struktury uniwersalizowane typu *демблок, соцреализм*.

Szereg neologizmów: zapożyczeń właściwych (cytatów), kalk i tych, które powstają prawdopodobnie już na gruncie rodzimym, traktowanych jest przez użytkowników języka rosyjskiego jako struktury z uciętym członem określającym, czyli tzw. *сложносокращенные слова* (określenie *зłożeniowce* zaproponowała dla nich H. Satkiewicz [SATKIEWICZ 1973, 98]; reprezentują one specyficzny dla ruszczyzny model słowotwórczy, bardzo ekspansywny po rewolucji 1917 r., nadal aktywny współcześnie, lecz w mniejszym zakresie). Sugestię taką co do obecnych zachowań językowych Rosjan wysunęła znana pisarka rosyjska Tatjana Tołstoj [cytuje za: КОСТОМАРОВ 1994, 203 – 204]. Podzielając tę opinię, językoznawca rosyjski W. Kostomarow stwierdził, że takie struktury, jak: *Горбачев-фонд, бизнес-справочник, гей-тусовка*, seria: *шоп-тур, шоп-туризм, шоп-турист* tworzą nowy typ konstrukcji określających (można się domyślać na podstawie podanych przykładów, że autorowi chodzi o związek determinatywny), lub połączeń wyrazowych, które umownie można nazwać *izafetami*, odnoszącymi się pierwotnie do konstrukcji w językach tureckich i [КОСТОМАРОВ 1996, 216].

Wydaje się, że bliskość zewnętrzna struktur złożeniowych i złożeniowców mogła być jednym z czynników decydujących o zaakceptowaniu przez użytkowników polszczyzny nowej struktury *speckomisja*, będącej uniwersalizowaną postacią analitycznego wyrażenia nazwowego *komisja specjalna* [szerzej o tym: RUDNIK-KARWATOWA, w druku]. W tym wypadku aprobatę zyskała struktura niezgodna z polską tradycją słowotwórczą, zapewne w oczach użytkowników bliska strukturom złożeniowym, por. „*Seksmisja*” (tytuł polskiego filmu), *cyberprawo, europoseł*.

Już wyżej przedstawiłam argumenty przemawiające za koniecznością odrębnego traktowania struktur złożeniowych. Struktury złożeniowe są zewnętrznie podobne do złożzeń (wyrazów złożonych), tzw. złożeniowców (*сложносокращенных слов*) oraz zestawień wyrazowych (połączeń wyrazowych), lecz nie należy ich utożsamiać. Przy głębszej analizie materiału językowego rysuje się wyraźna różnica funkcjonalna między złożeniowcami, które są tworzone jako nazwy wtórne w celu kondensacji, skrótu bardziej rozbudowanych, analitycznych wyrażen nazwowych stanowiących ich podstawy (*демократический блок* → *демблок*) [KALISZAN 1986], a strukturami złożeniowymi, które powstają jako nominacje jeszcze nienazwanych przedmiotów, zjawisk itp. (*рок-клуб* `клуб рок-музыки', *секс-туризм* potoczne, ironicznie `туризм, целью которого является удовлетворение сексуальных запросов, связанных с национальными культурами',

pornoprezydent okazjonalne, o prezydencie Kwaśniewskim: `prezydent, który zawetował ustawę antypornograficzną'). Przytoczone wyżej przykłady struktur *рок-клуб*, *секс-туризм*, *pornoprezydent* mają rozbudowane definicje, których nie można interpretować jako połączenia wyrazowe stanowiące bazę rzekomych uniwerbizmów.

W wielu wypadkach struktury złożeniowe nie mają korelatów w postaci ustabilizowanych połączeń wyrazowych. Podstawowej nazwy analitycznej nie ma *cyberpop* `elektroniczna muzyka pop/muzyka popowa', *cyberportret* `portret znajdujący się na stronie internetowej'. Rozczłonkowane wyrażenie nazwowe jeszcze się nie ustabilizowało, nie wiadomo, czy będzie taka potrzeba komunikacyjna. Struktury typu *cyberportret*, *cyberklient*, *cyberprzyjaźń* o zasięgu środowiskowym są lansowane przez użytkowników Internetu. Mają synonimiczne wyrażenia analityczne będące nazwami, niezwiązane jednak z nimi słowotwórczo, por. *cybersklep* i *sklep internetowy*, *cyberklient* i *klient internetowy*, *cyberzakupy* i *zakupy internetowe* i inne. Bliskość znaczeniową segmentu *e-* i *cyber-*, czego wyrazem są pary synonimów *e-hazard* i *cyberhazard*, *e-sklep* i *cyber-sklep*, odnotowuje K. Waszakowa [WASZAKOWA 2005, 151].

Aktualne pozostaje pytanie o technikę tworzenia struktur złożeniowych. Przy tworzeniu takich struktur do dyspozycji jest pewien gotowy zbiór komponentów (oczywiście, zbiór ten jest otwarty w tym sensie, że może być powiększany w miarę potrzeb komunikacyjnych), pozwalający na proste i szybkie operacje. Operacje te sprowadzają się do „sklejania”, łączenia elementów określających z jednostkami, które w opisywanych strukturach złożeniowych są w ten sposób określane, nie powodując żadnych zmian morfonologicznych na styku łączonych elementów. Komponenty typu *bio-*, *seks-*, *wideo-* itp. są proste, semantycznie i formalnie rozpoznawalne, wyraziste. Stanowią rodzaj przymiotników analitycznych (*аналитические прилагательные*), w sensie użytym przez M. Panowa, które każdorazowo powiela się przy tworzeniu nowego wyrazu. Badacz określił tym terminem przymiotniki typu *авиа*, *радио-*, *хаки*, stanowiące odrębną część mowy, realizującą swoje właściwości gramatyczne tylko kontekstowo (syntaktycznie), za pomocą szyku składników. Już wtedy uznano to za przejaw tendencji do nasilenia się w systemie morfologicznym ruszczyzny cech typowych dla języków analitycznych [ПАНОВ 1960; 1971]. Dotychczas najpełniej problem analityzmu w słowotwórstwie rosyjskim przedstawiła E. Ziemska [ЗЕМСКАЯ 1992; 1997. Zob. także ГОЛАНОВА 1998].

Istnieje możliwość „doklejania” kolejnych jednoznacznych, monosemantycznych elementów, również prefiksów, np. *superautokazja* (reklama komisum samochodowego, także ogłoszenie prasowe), ros. *экоевроландшафт* (z prasy).

Analityzm i aglutynacyjność występowały od dawna w strukturach, które tradycyjnie przyjęło się określać jako typ lub podtyp *compositów* (złożenia

jednostronnie motywowane) albo jako quasi-złożenia [np. GWJP 1998, 464]. Elementy *bio-*, *eko-*, *socjo-* itp. i ich rosyjskie ekwiwalenty proveniencji greckiej, rzadko łacińskiej, uczestniczyły w tworzeniu struktur według utrwalonego w językach europejskich modelu. Podobieństwo formalne tych struktur do rodzimych złożzeń ze względu na postać członu określającego zakończony na samogłoskę *o*, która przypomina interfiks, mogło być – obok takich zalet jak: prostota i jednocześnie precyzyjność – czynnikiem podtrzymującym ich produktywność.

W ciągu ostatnich piętnastu-dwudziestu lat w badanych językach wystąpiły zjawiska i tendencje, które są znakiem zmian systemowych i typologicznych. Uaktywniły się struktury złożeniowe, analogiczne do przedstawionych wyżej, ale przejmowane z innego obszaru językowego: angloamerykańskiego. Zapożyczone struktury typu *business plan*, *cyberspace*, *sex shop* adaptują się w języku rosyjskim i polskim, najczęściej jako kalki, stanowiąc wzorzec do tworzenia już na gruncie rodzimym struktur analogicznych z powielanym seryjnie członem, przy czym człon określający – jak w angielskim prototypie – występuje w prepozycji wobec członu określanego. Proces ten zachodzi szybciej i w znacznie szerszym zakresie w języku rosyjskim, uwidacznia się przy tym wzrost analityzmu i aglutynacyjności. W języku polskim w związku z różnicą systemową dotyczącą szyku wyrazów opisywana tendencja słowotwórcza wymaga większych przeobrażeń w uzusie i zmian normatywnych. Wyrazem zmian w uzusie jest produktywność serii struktur z elementem *seks-*, *cyber-*, *biznes-* i innych. Takie struktury złożeniowe, jak np. *biopaliwo*, *europoseł* (synonimiczne *eurodeputowany* i *europarlamentarzysta*, jak się wydaje, mają – za względów strukturalnych, formalnych – coraz niższą frekwencję tekstową i w przyszłości mogą zostać zastąpione przez wyrażenie krótsze), *infolinia*, złamały „monopol” środowiskowy i są w obiegu ogólnym. Żywiołowe tworzenie według wzoru angloamerykańskiego konstrukcji analogicznych, jak *seksfala*, *seksliteratura*, *seksnowości*, *seksafera*, ros. *экспресс-опрос*, *экспресс-поставки*, *экспресс-почта*, *экспресс-ресторан*, *экспресс-сборка* ogranicza użycie przymiotników we wszystkich formach fleksyjnych oraz osłabia derywację przymiotnikową z udziałem afiksów sufiksalnych. Nie oznacza to jednak, że badane języki przestają być językami syntetycznymi.

Literatura:

ГОЛАНОВА 1998: Голанова Е.И. О «мнимых сложных словах» (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке). In: Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской, отв. ред. М.Я. Гловинская. – Москва. – С. 31 – 39.

ЗЕМСКАЯ 1992: Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – Москва.

ЗЕМСКАЯ 1997: Земская Е.А. Активные тенденции словопроизводства. In: Русский язык, red nauk. E. Širjaev. – Opole – S. 167 – 201, zwłaszcza 186 – 191.

ЗЕМСКАЯ, ЕРМАКОВА, РУДНИК-КАРВАТ 1998: Земская Е.А., Ермакова О.П., Рудник-Карват З. Активные процессы в словообразовании славянских языков (на материале русского и польского языков). In: Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации, отв. ред. О.Н. Трубачев. – Москва. – 1998. – С. 296 – 310.

КОСТОМАРОВ 1994: Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – Москва.

КОСТОМАРОВ 1996: Костомаров В.Г. «Изафет» в русском синтаксисе словосочетания? In: Словарь. Грамматика. Текст, отв. ред. Ю.Н. Караулов, М.В. Ляпон. – Москва. – С. 212 – 217.

ПАНОВ 1960: Панов М.В. О частях речи в русском языке. // „Научные доклады высшей школы. Филологические науки”. – № 4. – С. 3 – 14.

ПАНОВ 1971: Панов М.В. Об аналитических прилагательных. // Фонетика, фонология, грамматика. – Москва.

BUTTLER 1973: Buttler D. [rozdz.] Składnia . In: D. Buttler, H. Kurkowska, H. Satkiewicz, *Kultura języka polskiego*. – Warszawa.

Daneš 1985: Daneš F. Faktor Rh // Rh-faktor // Rh faktor. – „Naše řeč” 68. – Č. 4. – S. 176 – 182.

GWJP 1998: Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. [Cz. 2], pod red. R. Grzegorzycykowej, R. Laskowskiego, H. Wróbla. – Warszawa.

KALISZAN 1986: Kaliszan J. Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке. – Poznań.

MIODEK 1983: Miodek J. Rzecz o języku. Szkice o współczesnej polszczyźnie. – Wrocław.

RUDNIK-KARWATOWA 2000: Rudnik-Karwatowa Z. Jeszcze o tendencjach rozwojowych w słowotwórstwie języka polskiego i rosyjskiego końca XX wieku (struktury typu wideoimpresa, seksnowość oraz видеозапись, секс-культура). In: Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. Opis, konfrontacja, przekład, pod red. L. Pisarek i J. Sokołowskiego. – Wrocław. – S. 193 – 201.

RUDNIK-KARWATOWA 2003: Rudnik-Karwatowa Z. O najnowszych tendencjach w słowotwórstwie słowiańskim (na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego). In: Procesy innowacyjne w językach słowiańskich, red. nauk. Z. Rudnik-Karwatowa. – Warszawa. – S. 199 – 210.

RUDNIK-KARWATOWA (w druku): Rudnik-Karwatowa Z. Słowotwórstwo bez granic (o speckomisji i strukturach analogicznych).

SATKIEWICZ 1973 –Satkiewicz H. [rozdz.] Słowotwórstwo. In: D. Buttler, H. Kurkowska, H. Satkiewicz, Kultura języka polskiego. – Warszawa. – 1973.

WASZAKOWA 1994: Waszakowa K. Tendencje rozwojowe w słowotwórstwie polszczyzny końca XX wieku. In: Przemiany współczesnej polszczyzny, red. nauk. S. Gajda, Z. Adamiszyn. – Opole. – S. 53 – 60.

WASZAKOWA 1995: Waszakowa K. Dynamika zmian w zasobie leksykalnym najnowszej polszczyzny. – „Poradnik Językowy”. – Z. 3. – S. 1 – 12.

WASZAKOWA 2001: Waszakowa K. [rozdz.] System słowotwórczy. In: Język polski, red. nauk. S. Gajda. – Opole. – (Seria: Najnowsze Dzieje Języków Słowiańskich). – S. 88 – 107.

WASZAKOWA 2005: Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. – Warszawa.

Źródła (słowniki, czasopisma, gazety):

НПЛ СМ-1980 – НПЛ СМ-1984: Новое в русской лексике. Словарные материалы-80 – Словарные материалы-84, под ред. Н.З. Котеловой. – Москва, 1984-1989.

НСЗ-70-ые: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов, под ред. Н.З. Котеловой. – Москва, 1984.

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения, гл. ред. Г.Н. Складчиков. – Санкт-Петербург, 1998.

„Dziennik”

„Gazeta Wyborcza”

„Rzeczpospolita”

„Życie Warszawy”

POKOLENIOWOŚĆ - JEDEN Z CZYNNIKÓW RÓŻNICUJĄCY SŁOWOTWÓRSTWO JĘZYKA MIESZKAŃCÓW WSI

Podstawową przesłanką metodologiczną dialektologii jest – jak wiadomo – terenowe lokalizowanie analizowanego materiału. Przesłanka ta leży u podstaw wszelkiego mówienia o geograficznym zróżnicowaniu języka etnicznego. Z drugiej strony niejako akceptująco przyjmuje się założenie, że gwara konkretnego punktu jest swoistym monolitem językowym. Tym samym milczącym tego potwierdzeniem jest posługiwanie się pojęciem „przeciętnego użytkownika gwary”, od którego to pozyskany materiał jest powszechnie uznawaną reprezentacją języka całej populacji badanej wsi. Założenie takie w pewnym stopniu było uprawomocnione w czasie, kiedy wieś charakteryzowała znikoma migracja i praktyczne odizolowanie (językowe, kulturowe) od świata zewnętrznego. Z drugiej strony jednak należy przyjmować, że nawet i w takich warunkach powinniśmy potwierdzać różnice językowe chociażby w przedziałach międzypokoleniowych. Trudno mówić o monolicie językowym wsi zgadzając się jednocześnie z twierdzeniem o ogólnej ewolucji języka. Zastrzeżenie to w jednakowym stopniu dotyczy języka ogólnego jak i gwar.

Przystępując do badania dynamiki zmian języka mieszkańców wsi należy pamiętać, że gwary nie mają tradycji pisanej; szczególnym ich wyróżnikiem jest brak normatywizujących gramatyk. Cały proces porozumiewania się zasadniczo oparty jest na tradycji oralnej, na przekazywaniu systemu językowego z pokolenia na pokolenie. Niemniej jednak sygnały świadczące o zmianach zachodzących w tym środowisku językowym napotykałyśmy w każdej niemal sytuacji; informatorka urodzona w roku 1932 poproszona o podanie znaczenia wyrazu *chlew* mówi:

1. *chlew*¹ ... *no bo teraz mówią ... tam gdzie świnie przebywają to mówią chlew ... a kiedyś mówili świniarnia ... rok pracuje w świniarni ... nie ... bo tam gdzie świnie ... a teraz mówią wszystko chlew ... na to chlewnia ... żeby to ... moim zdaniem żeby to lepiej wyglądało ...* (Chrzypsko Wielkie, pow. Międzychód);

Tego typu sądy są często notowane przez dialektologów. Najnowsza praktyka badawcza dowodzi, że na terenie współczesnej wsi mamy do czynienia z różnymi minisystemami językowymi poszczególnych jej mieszkańców.

¹ Na użytek tego szkicu przyjmuję zapis materiału terenowego zgodnie z zasadami ortograficznymi języka polskiego. Przy analizie zjawisk leksykalnych i słowotwórczych dokładność fonetyczna nie jest konieczna.

Powszechnie akceptowane twierdzenie o ewolucji języka tej populacji (mówi się o zaniku gwar) nakazuje wręcz badanie języka mieszkańców wsi metodami *stricte* socjolingwistycznymi. Zważywszy na to, że mamy tu jeszcze do czynienia praktycznie z w miarę jednorodnym systemem przygotowania zawodowego (rolnictwo), podstawowym czynnikiem różnicującym jest tu przynależność pokoleniowa badanych respondentów.

Ogląd wewnętrznego zróżnicowania języka wsi jest ostatnio coraz częściej podejmowany przez środowisko dialektologiczne. Jednoznacznie w ten nurt wpisują się prace zamieszczone w niedawno wydanym tomie *Gwary dziś*. 3. *Wewnętrzne zróżnicowanie języka wsi* [GWARY 2006]. Są tu jednak prace opierające się na różnych przesłankach metodologicznych, w różnym stopniu bazujące na dotychczasowej metodologii badań terenowych.

Prezentowane niżej uwagi wpisują się w całokształt badań języka mieszkańców współczesnej wsi prowadzonych w Zakładzie Dialektologii Polskiej UAM. Założenia metodologiczne przedstawione zostały w odrębnych opracowaniach [SIEROCIUK 2001, SIEROCIUK 2003], tu zatem skoncentruję się na kilku wybranych kwestiach szczegółowych. Podnoszone tutaj zróżnicowanie pokoleniowe jest postrzegane inaczej niż przez niektórych autorów posługujących się tym samym parametrem w badaniach dialektologicznych [PELCOWA 2006].

Podstawowym założeniem metodologicznym jest potrzeba spojrzenia na język mieszkańców wsi jako na konstrukt niezależny od języka ogólnego – tu też sygnalizowana już konieczność przestrzegania podstawowych założeń dyscypliny zajmującej się terenowym rozprzestrzenieniem zjawisk językowych; konsekwencją powyższego jest konieczność wypracowania swoistych dla tego typu postępowania metod badawczych.

Przystępując do zestawiania korpusu materiałowego – czego konsekwencją było podjęcie systematycznej akcji dokumentowania materiału w terenie – zakładaliśmy konieczność wyodrębnienia kilku grup pokoleniowych, których reprezentanci w jednakowym stopniu poddawani będą obserwacji. Zatem dla potrzeb badawczych opieramy się na następującym podziale pokoleniowym [SIEROCIUK 2003]:

- I. – urodzeni przed rokiem 1920;
- II. – urodzeni w latach 1921 – 1945;
- III. – urodzeni w latach 1946 - 1970;
- IV. – urodzeni w latach 1971 – 1995;
- V. – urodzeni w roku 1996 i później.

Tak pozyskiwany materiał doskonale nadaje się do śledzenia między innymi kierunków zmian zachodzących w języku mieszkańców współczesnej wsi. Przedstawiane uwagi są ilustracją wykorzystania możliwości stwarzanych przez powyższe założenia. Dodajmy jednak, że jest to metodologicznie inne podejście niż obserwowane w podejmowanych próbach opisu samych zmian –

głównie fonetycznych - zachodzących w gwarach [SMOCZYŃSKI 1964, SOBIERAJSKI 2004], gdzie autorzy koncentrują się zasadniczo na zestawianiu materiału pozyskiwanego w różnych przedziałach czasowych, zazwyczaj też od różnych respondentów.

Odrębny problem to zmiany wywołane przeobrażeniami natury gospodarczej – zanikiem tradycyjnych desygnatów i tradycyjnych metod pracy; te jednak uzewnętrzniają się szczególnie na płaszczyźnie leksykalnej. Wpływ tych przeobrażeń na system słowotwórczy zasadniczo jest ograniczony.

Przyjrzymy się jednak kilku przykładom ilustrującym interesujące nas zjawisko. Materiał pozyskany został od czterech osób reprezentujących różne pokolenia jednej rodziny we wschodniej Wielkopolsce (Tulizków, pow. Turek). Poszczególne poświadczenia opatrzone są inicjałami określającymi płeć informatora (k – kobieta, m – mężczyzna) oraz rokiem jego urodzenia. Są to fragmenty dłuższych rozmów z członkami jednej rodziny, praktycznie reprezentującymi trzy pokolenia, których daty urodzin pokrywają się z granicami przynależności pokoleniowej przyjętych w badaniach. Mamy zatem wypowiedzi dziadków (dlatego nie zawsze uzyskiwano odpowiedzi od każdej osoby), matki – tu w znacznej części badanie zostało powtórzone (daje to możliwość obserwowania stabilności systemu idiolektalnego) - oraz najmłodszego interlokutora. Do ilustracji wybrano przykłady pozwalające przyjrzeć się różnym aspektom funkcjonowania podobnego zjawiska – nazwy lokatywne i formacje utworzone formantami poświadczanymi w tej kategorii. Podstawą obserwacji jest materiał pozyskany za pomocą specjalnego kwestionariusza słowotwórczego zawierającego około 1200 pytań (numeracja przytaczanych niżej przykładów nie odpowiada numeracji pytań w kwestionariuszu).

2. ‘miejsce, gdzie przechowuje się wozy’:

K (1920) : szopa ...

M (1925): *my kiedyś po chłopsku mówili szopa ... a teraz się mówi garaż*

...

K (1948) I: wozownia ...

II: *w szopie ... albo w stodole na klepisku ... [pytanie dodatkowe: A wozownia?] wozownia to była u dziedziców ...*

M (1969): *jakaś wozownia ...*

3. ‘miejsce, gdzie nocują konie’:

K (1920): - - -

M (1925): stajnia

K (1948) I: w stajni ...

II: stajnia ... *bo tam stoi koń* ...

M(1969): stadnina *przeważnie ... nie stadnina tylko stajnia ...*

4. ‘miejsce, gdzie nocują owce’:

K (1920): - - -

M (1925): owczarnia ...

K (1948) I: w kierdłu ...

II: kierdel ...

M (1969): *nazwy gdzie nocują owce to nie znam ... w oborze ...*

5. Co to jest gęsiarnia?

K (1920): - - -

M (1925): gęsiarnia to gęsiarnia ... bo kurnik do kurów był ... a to kurnik ... a gęsiarnia do ... gęsiarnia się nazywa ...

K (1948) I: *nie wiem ... nie miałam gęsi ... nie wiem jak to tam jest ...*

II: *nie mieliśmy gęsi ... nie wiem ...*

M (1969): *może to być ... miejsce gdzie się trzyma gęsi ... gdzie mogą nocować gęsi ...*

6. 'miejsce, gdzie stoją cielęta':

K (1920): *to też było takie odgrodzenie żeby krowy tam nie doszły ... no nie wiem jak to nazwać ...*

M (1925): - - -

K (1948) I: *może cielętnik ... nie wiem ...*

II: *chyba cielętnik ...*

M (1969): *w oborze ...*

Przytoczone fragmenty odpowiedzi respondentów poza dokumentacją żywotności interesujących tu nas derywatów wskazują jednocześnie na konteksty codziennego ich użycia. W szerszej perspektywie uzyskujemy możliwość badania mechanizmów wykorzystywania konkretnych środków słowotwórczych, ale także ograniczenia w stosowaniu tychże mechanizmów.

Gwarowe nazwy lokatywne – o stosunkowo dużym stopniu stabilności w porównaniu z innymi kategoriami semantycznymi – wykazują tu wyraźne niewątpliwe uzależnienie od przynależności pokoleniowej respondenta. Przyjmując nawet nieobecność – w najbliższym otoczeniu rozmówcy - samego desygnatu zastanawia często poświadczany brak konstrukcji słowotwórczej. Oczekiwane derywaty lokatywne współtworzą przecież podstawowy zasób leksyki gwarowej. Zapisane odpowiedzi pozwalają zatem nie tylko mówić o żywotności poszczególnych nazw; dają podstawy do dalszych studiów nad ogólną preferencją procesów słowotwórczych gwarowego słowotwórstwa. Pozwalają wskazać nie tylko TO, CO JEST ale także TO, CZEGO NIE MA w lokalnym języku. Pojawiające się w niektórych wypadkach wątpliwości – lub formy wątpliwe (? , wykolejenia ?) – mogą być sygnałem dalszych przeobrażeń w obrębie struktury semantycznej formantów wykorzystywanych do tworzenia nazw lokatywnych. Szczególnie zaskakuje brak powszechnej (w przekroju pokoleniowym) żywotności lokatywnych konstrukcji z – typowym dla tej kategorii – formantem *-arnia* (*owczarnia, gęsiarnia*). Czy możemy tu mieć do

czynienia z wpływem jakichś innych uwarunkowań – na obecnym etapie badań trudno rozstrzygnąć; niemniej samo zjawisko zasługuje na odnotowanie.

Dokładnych studiów – szczególnie w aspekcie geograficznym – wymaga też semantyka formantu *-nik* poświadczonego w typie *cielętnik*. Formant ten bowiem może wchodzić w opozycję semantyczną z *-isko* tworząc nazwy pomieszczeń ograniczonych przestrzennie, *-isko* zaś specjalizuje się w nazywaniu desygnatów tego ograniczenia pozbawionych (por. zależności typu: *śmietnik* – *śmietnisko*, zob.: [SIEROCIUK 1996, 119-120]. Dodatkowym problemem jest też możliwość sygnalizowania zmian natury gospodarczej, gdzie *cielętnik* może być kojarzony z hodowlą wielkotowarową oznaczając specjalnie wydzielone miejsce dla cieląt.

Formant *-isko* w nazwach miejsc jest jednym z podstawowych środków słowotwórczych zarówno w języku ogólnym jak i w gwarach. Obok tej funkcji wykorzystywany jest też w nazwach augmentatywnych. Ta okoliczność w wielu wypadkach jest przyczyną przesunięć semantycznych.

7. Co to jest *wozisko*?

K (1920): *wozisko* no to jest stare ... stary wóz ...

M (1925): - - -

K (1948) I: *wozisko* to jakiś stary wóz ... albo duży ... ale ja nie wiem na co to się mówiło ... to by raczej było na takie byle jakie *wozisko* ...

II: taki stary wóz ... chyba ...

M (1969): można powiedzieć stary rozwalony wóz ... albo duży ... ale *wozisko* ...

8. Co to jest *zębisko*?

K (1920): - - -

M (1925): to szczęka po zębach ...

K (1948) I: kiel ... ząb ...

M (1969): duży ząb ...

Podobnie jak w kontekstach przytoczonych wyżej, tak i tu obserwujemy oznaki wahań dotyczących semantyki konkretnych form. W kontekście obszernego materiału odpowiedzi te nie powinny być zaskoczeniem, potwierdzają bowiem ogólnie obserwowaną tendencję stopniowej wymienności obecnych w języku mieszkańców wsi jednostek językowych. W niektórych wypadkach dotyczy to tylko substytucji elementów morfologicznych (nie zawsze tylko formantów słowotwórczych, także części leksykalnych) w innych obserwujemy zastępowanie całości leksykalnej (np. *szopa*) konstrukcją słowotwórczą (np. *wozownia*). W przykładzie 8. przedstawiciel starszego pokolenia wyraźnie identyfikuje lokatywną funkcję formantu *-isko* najczęściej tworzącego właśnie nazwy miejsc, na których coś rosło lub było (*zębisko* – *szczęka po zębach* ...). Przesunięcie semantyczne – tylko nieco innej natury – ilustrują też przykłady z grupy 7. Wyraźnie sygnalizowane znaczenie

pejoratywne przez najstarszą informatorkę (*stary wóz*) zaczyna być zastępowane przez funkcję augmentatywną w odpowiedziach osób młodszych, gdzie dodatkowym sygnałem osłabienia wyrazistości semantycznej formantu są leksykalnie wyrażane wątpliwości tychże informatorów.

Wiele informacji dostarczają też synonimiczne określenia przywoływane przez poszczególne osoby:

9. Co to jest *nosisko*?

K (1920): *nochol* ...

M (1920): *nos ... albo kluga mówią ... ale masz te klugę dużą ...*

K (1948): *to nie wiem ... coś to się na tym nosi ... ale co? ...*

M (1969): *może kinol? ... nos ...*

Różnica w zasobie językowym poszczególnych rozmówców jest aż nadto widoczna. Mimo wszystko jednak przytaczane przykłady należy traktować jedynie jako ilustrację żywszych tendencji, nie zaś jako dowody rozstrzygające. Tendencje do przesunięć semantycznych odnajdujemy i przy innych formantach:

10. Co to jest *psina*?

K (1920): *to jest raczej młody piesek ... młody czy mały ... psina ... może taki chudy bo nie ma co jeść ...*

M (1925): *psina ... albo szczenię mówią ...*

K (1948) I: *malutki piesek ... psina ... taka marna psina ...*

M (1969): *malutki piesek ...*

Odnosi się wrażenie, że mamy tu do czynienia z zawężaniem znaczenia wyrażanego zmiennym zestawem towarzyszących rzeczownikowi przymiotników – od: *młody, mały, chudy* po (wyłącznie): *malutki*. Przywołana synonimia (*psina – szczenię*) też jednoznacznie określa semantykę formantu *-ina* w idiolekcie starszego informatora.

Przywołane tu przykłady niewątpliwie uzasadniają potrzebę bliższego przyjrzenia się wewnętrznemu różnicowaniu słowotwórstwa języka mieszkańców wsi warunkowanemu czynnikiem pokoleniowym. Jest oczywiste, że wymaga to zmodyfikowania dotychczasowego widzenia przedmiotu badań dialektologicznych. Jak już wspomniałem na wstępie, w tej sytuacji należy odejść od niejako klasycznego już zakreślania przedmiotu badań dialektologicznych skłaniając się ku stosowaniu metod wypracowanych przez socjolingwistykę. Czynnikiem pokoleniowym będzie tu tylko jednym z elementów różnicujących to środowisko językowe. Jest oczywiste – czego też należało się w tej sytuacji spodziewać – że wpływ może tu wywierać także położenie badanego punktu na językowej mapie większego obszaru. Dialektologia zna uwarunkowanie semantyki gwarowego formantu właśnie czynnikiem

geograficznym [SIEROCIUK 2003a], ale o wiele istotniejsze jest uwzględnianie parametru przestrzennego w nieco innym kontekście.

To, czy dana miejscowość leży w centrum zwartej obszaru językowego, czy też w pasie ścierania się dwu (lub więcej) elementów słowotwórczych (czy leksykalnych) znajduje lustrzane odbicie w języku jej mieszkańców [SIEROCIUK 1996]. Jeżeli jest to punkt położony w centrum występowania konkretnego zjawiska (lub daleko od granicy jego zasięgu) to możemy oczekiwać w miarę jednolitych potwierdzeń u wszystkich respondentów. W miejscowości położonej zaś na peryferiach dominacji jakiegoś typu słowotwórczego, położonej niejako w strefie przejściowej, z dużą dozą prawdopodobieństwa możemy oczekiwać poświadczenia różnych typów słowotwórczych. Dotychczasowa praktyka badawcza przekonuje nas, że zestawiając tylko te dwa parametry (wiek informatora i lokalizację przestrzenną punktu badawczego) możemy wskazywać kierunek (szczególnie w aspekcie geograficznym) ekspansji konkretnych zjawisk językowych. Przykłady pozyskiwane od najstarszych informatorów zawsze w takim wypadku są poświadczeniem ich wycofywanie się z użycia. Zagadnienie to wykracza jednak poza ramy tej konferencji, pozwalam sobie zatem je jedynie zasygnalizować.

Zaprezentowana tu problematyka nie jest w żadnym wypadku całościowym rozwiązaniem problemu; nie pretenduje to nawet do zarysu ukazującego jej złożoność. Szkic ten jest jedynie próbą wskazania problemu – i jako taki winien być też odbierany.

Literatura

GWARY 2006: Gwary dziś. 3. Wewnętrzne zróżnicowanie języka wsi, pod red. J.Sierociuka. – Poznań.

PELCOWA 2006: Pelcowa H. Pokoleniowość i sytuacyjność – dwa istotne czynniki różnicowania się języka mieszkańców współczesnej wsi, [w:] Gwary dziś. 3. Wewnętrzne zróżnicowanie języka wsi, pod red. J.Sierociuka. – Poznań. – S. 139 – 153.

SIEROCIUK 1996: Sierociuk J. Budowa wybranych formacji rzeczownikowych – szczególnie nazw miejsc – w gwarach między Wisłą a Wieprzem. – Lublin.

SIEROCIUK 2001: Sierociuk J. Założenia metodologiczne badań słowotwórstwa gwarowego, [w:] Gwary dziś. 1. Metodologia badań, pod red. J.Sierociuka. – Poznań. – S. 153 – 160.

SIEROCIUK 2003: Sierociuk J. Założenia metodologiczne badań języka wsi, [w:] Poznańskie Spotkania Językoznawcze, t. XI, pod red. Z.Krażyńskiej i Z.Zagórskiego. – Poznań. – S.131 – 136.

SIEROCIUK 2003a: Sierociuk J. Географический компонент в семантической структуре диалектного форманта, [w:] Proceedings of the

third International Congress of Dialectologists and Geolinguists, edit. S.Warchoł, vol. 2. – Lublin. – S. 289 – 297.

SMOCZYŃSKI 1964: Smoczyński P. O socjologicznym podłożu nowszych zmian w kaszubskim dialekcie wsi Kętrzyno, „Prace Filologiczne”, t. XVIII, cz. 3. – Warszawa. – S. 77 – 88.

SOBIERAJSKI 2004: Sobierajski Z. Zmiany pokoleniowe w gwarach wielkopolskich. 3. Gwara Sławna koło Konina w Wielkopolsce wschodniej, „Slavia Occidentalis”, r. 61ю – Poznań. – S. 51 – 59.

STRUKTURA IN UPORABNOST POSKUSNEGA ELEKTRONSKEGA BESEDNODRUŽINSKEGA SLOVARJA SLOVENSKEGA JEZIKA ZA IZTOČNICE B

1 Besedna družina in besednodružinski slovar

1.0 Besednodružinski slovar slovenskega jezika je zasnovan kot tip enojezičnega specialnega slovarja, ki prinaša podatke o tvorbeni povezanosti besed, kar pomeni, da so ob nemotivirani iztočnici v ustreznih tvorbenih povezavah prikazane vse tvorjenke s skupnim korenem, ki so dosledno členjene na podstavni in obrazilni del.

1.1 Za tako povezane besede velja v slovenščini poimenovanje *besedna družina*, po definiciji pa jo sestavljajo besede istega korena [TOPORIŠIČ 1992, 7; 1996, 89; 2000, 108, 116 in VIDOVIČ MUHA 2000, 107–108]. Opozoriti velja, da je v ustrezni ruski, češki, slovaški in bolgarski literaturi mogoče najti poimenovanja *slovoobrazovatel'nyje gnezdo* [TIHONOV 1985, 4], *slovotvorné hnízdo* [MČ 1 1986, 207–208], *slovotvorné hniezdo* [MISTRÍK 1993, 410] in *slovoobrazovatelno gnezdo* (Penčev 1999), medtem ko je v nemškem jezikovnem prostoru ustaljen izraz *die Wortfamilie*, uporabljen v naslovu besednodružinskega slovarja sodobnega nemškega jezika [Augst 1998].

V slovenistiki je smiselno ostati pri izrazu *besedna družina*, saj najdemo izraz v slovniškem izrazju z začetka 20. stoletja pri Janku BEZJAKU [1906, 194] in Petru KONČNIKU [1913, 23]. V novejšem času pa je uporabljen v monografiji *Besedna družina iz korena *god- v slovanskih jezikih* [ŠIVIC DULAR 1999], kjer gre za besedno družino, zasnovano na diahronih etimoloških merilih.

1.2 Besednodružinski slovar in slovar besedotvornih morfemov nista bila pogost cilj ne domače ne tuje leksikografske prakse. V vsej dolgi slovenski slovaropisni tradiciji je bil besednodružinski slovar le enkrat deloma uresničen, in to pri Urabanu Jarniku, ki je v naslovu slovar opredelil kot etimološki [JARNIK 1832], nekatere njegove prvine pa so se pojavljale še ob sestavi dvojezičnih slovarjev [MURKO 1833], ki so slovensko besedje prikazovali v t. i. besedotvornih gnezdih.

Na tujem so se ti slovarji vsekakor pojavljali, daljšo tradicijo imajo besednodružinski, zametki katerih segajo nekako že v 17. stoletje [AUGST 1990, 1145–1152], v sodobnosti pa so izdelani za ruščino [TIHONOV 1985, 4], francoščino, nemščino [AUGST 1998], bolgarščino [PENČEV 1999] in esperanto. Obstaja pa še primerjalni štirijezični besednodružinski slovar za ruščino, poljščino, češčino in srbohrvaščino [HERMAN 1975]. Slovarji besedotvornih morfemov so kot posebni tipi slovarjev relativno mladi, saj so nastajali praktično v osemdesetih letih 20. stoletja [LINK 1990, 1223–1230], in to prav tako le za štiri jezike: nemščino, angleščino, francoščino in ruščino.

2 Besednodružinski slovar v slovenistiki

2.1 Računalniški program Slovar.Red 2.0

Pri iskanju, kako najustrezneje prikazati besedno družino v slovarju, sta nastala dva modela, ki sta bila vezana na tehnično ureditev zbranega besedja. Prvi model [STRAMLJIČ BREZNIK 2001/02, 295–301] je izhajal iz t. i. ročnega strukturiranja besednih družin. Za ta model je bilo tipično, da je bilo razvrščanje tvorjenk znotraj besedne družine oprto na merila, ki so izhajala iz besedotvornih in besednovrstnih značilnosti tvorjenk. To je hkrati tudi pomenilo, da se je od uporabnika za uspešnejšo uporabo slovarja pričakovala tudi večja teoretična vednost, s čimer se je posredno ožil tudi krog potencialnih uporabnikov.

Z uporabo računalniškega programa Slovar.Red 2.0, 2003 Tomaža Seliškarja in Sekcije za terminološke slovarje z Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU je postal slovar za uporabnika prijaznejši, saj so se merila razvrščanja, prej temelječa na besedotvornih sistemskih lastnostih leksike, umaknila preprostejšemu abecednemu načelu in zapomnitvi povezave med položajem obrazila ob podstavi ter s tem povezano ustrezno besedotvorno vrsto tvorjenke. Hkrati pa se je povečala obvladljivost gradiva, ker je podatke mogoče preverjati po različnih kriterijih izpisa. Temeljna urejevalna načela tako strukturiranih besednih družin so: (a) hierarhičnost tvorjenk, (b) abecedna razvrstitev znotraj iste stopnje, (c) večkorenske tvorjenke so vselej prikazane na koncu besedne družine. Na kratko navajam le nekaj možnosti, ki jih ponuja uporabljen računalniški program.

Osnovna maska omogoča vnos več podatkov: zaporedno število iztočnice, iztočnico z vsemi slovničnimi in naglasnimi podatki, morebitne opombe vpisovalca ter vključitev pogostnostnih podatkov po obeh slovenskih besedilnih korpusih, tj. Fidi in Novi besedi. Z ustreznim vnosom tvorjenk, in sicer tako, da se vsakič določi ustrezna nadpomenka, se znotraj besedne družine oblikuje hierarhija, ki se prikaže s klikom na iztočnico. Natančno definiranje morfemov je pomembno zaradi nadaljnjih možnosti iskanja, ki ga program omogoča. Z vpisom ustreznega morfema se izpiše njegova vrsta, npr. *-ost* kot priponski morfem nastopa 413-krat. Klik na *-ost* pa omogoča pregled vseh tvorjenk, v katerih nastopa.

2.2 Struktura poskusnega slovarja in njegova uporabnost za pridobivanje podatkov o lastnostih zajetega tvorjenega besedja

2.2.0 Poskusni besednodružinski slovar slovenskega jezika za črko B (Stramljič Breznik 2004: 315–340) je sestavljen iz treh delov: (1) uvodno-teoretičnega, (2) besednodružinskega in (3) abecednega zaporedja vseh zajetih tvorjenk (213–318).

2.2.1 **Uvodno-teoretični del (7–67)** uporabnika seznanja s teoretičnimi izhodišči, obsegom in namenom slovarja, nato ga uvaja v zgradbo in uporabo slovarja tako, da predstavi temeljne prvine slovarske strukture, od slovarske

enote, besedne družine, do njenih sestavin (iztočnica, tvorjenke) in še posebej splošna načela o notranji organiziranosti in hierarhiji tvorjenk glede na posamezno besedotvorno vrsto.

Temu sledi kratek pregled slovenske besedotvorne teorije s predstavitvijo temeljnih in najpogostejših tvorbenih vzorcev, po katerih se v slovenščini tvorijo posamezne besedne vrste. Tak zgoščen pregled je namenjen zlasti uporabniku, ki ga zanimajo tudi teoretični okviri tvorbe.

2.2.2 Besednodružinski slovarski del (71–210) je trenutno sestavljen za iztočnice na B in obsega 666 besednih družin, v katerih je razvrščenih 11 136 enot vključno z napovedniki. Slovar je pri vključevanju gradiva zavestno in hote izčrpen z namenom, da bi se zajela vsa tvorbeno problematika in nakazale njene potencialne rešitve, ki bi lajšale nadaljnjo sestavo. Temeljni gradivni viri so bili: Slovar slovenskega knjižnega jezika (SSKJ), Besedišče slovenskega jezika (BSJ), Slovenski pravopis 2001 (SP) ter po referenčnem korpusu Fida paberkovalno zbrane nekatere besede črke B, manjkajoče v naštetih virih.

Velika prednost računalniške obdelave je možnost nenehnega posodabljanja in dopolnjevanja gradiva ter njegova takojšnja možnost preureditve iz knjižne v elektronski slovar, ki se lahko uporablja sočasno z drugimi slovenskimi elektronskimi slovarji (SSKJ, Besedišče slovenskega jezika, Odzadnji slovar in SP 2001). Uporaba posebej prilagojenega računalniškega programa je povečala obvladljivost gradiva, saj ga je mogoče urejati po različnih kriterijih. Nekateri izmed teh so predstavljeni v nadaljevanju.

2.2.2.1 Največji delež iztočnic pripada samostalniku (73,42 %), sledijo mu glagol (16,66 %), pridevnik (6,30 %), medmet (2,85 %), prislov (0,60 %) in povedkovnik s komaj petnajstino odstotka (0,15 %). Trenutna odsotnost predloga, veznika in členka je pogojena zgolj zaradi iztočnic na B, sicer so že bile predstavljene nekatere predložne in vezniške besedne družine (Stramljič Breznik 2001: 197–206), povedkovnik je zastopan zgolj z enim primerom.¹

2.2.2.2 Besednovrstna razvrstitev iztočnic posledično vpliva na besednovrstni delež tvorjenk samo pri povezavi med sorazmerno velikim deležem samostalniških iztočnic (73,42 %) in visokim delež samostalniških tvorjenk (48,93 %), glagol ohranja približno šestinski delež tako iztočnic (16,66 %) kot tvorjenk (15,42 %), medtem ko je pridevnik med iztočnicami zastopan s šestnajstino (6,30 %), pri deležu tvorjenk pa se povzpne skoraj na tretjino (32,22 %). Prislov (2,80 %), medmet (0,37 %), členek (0,20 %), predlog (0,02 %) in

¹ V tem primeru gre za besedo *bot*, ki je v SSKJ označena kot prislov, v SP 2001 pa kot povedkovnik. Novejše jezikoslovne raziskave (Žele: 2004, 33–42) ugotavljajo, da so povedkovniki pomenskoskladenjska in ne že besednovrstna kategorija, zato bi jih bilo v leksikografskem smislu ustrezneje prikazovati kot podiztočnice. Le majhno skupino navadno besednovrstno neopredeljenih besed, pri katerih je povedkovniška vloga primarna, pa bi bilo smiselno predstaviti kot samostojna povedkovniška gesla. Ista avtorica (n. m.) razvršča *bot* v skupino prislovnih povedkovnikov.

veznik (0,02 %) imajo skupno manj kot tri in pol odstotka tvorjenk. To pomeni, da imajo največjo moč generiranja v slovenščini prav imenske besedne vrste z veliko sposobnostjo tvorbe ne samo iz lastne, ampak tudi iz drugih besednih vrst, npr. samostalniki iz samostalnika, pridevnika, glagola, ali pridevnik iz pridevnika, samostalnika, glagola ipd.

2.2.2.3 Podatek o največjem deležu samostalnikov med iztočnicami in tvorjenkami verjetno ni presenetljiv, ker je ta splošno veljaven za večino slovanskih kot tudi drugih jezikov. Morda se zdi zanimiva razporeditev samostalniških tvorjenk po spolu: največ je (42 %) moško-, žensko- (38 %) in nato srednjespolskih (20 %).

2.2.2.4 Za najpogostejšo besedotvorno vrsto v slovenščini so že od nekdaj veljale izpeljanke. Kot prevladujoče jih je omenjal že Anton Breznik (1982: 315), ki je menil, da je zloženek v slovenščini manj kot v drugih slovanskih jezikih, posebej, ker niso produktivne in jih umetno tvorijo pisci za one predmete in pojme, za katere ljudski jezik nima izrazov. Zanimivo pa je, da je Breznik za primere zloženek poleg lastnoimenskega kot pogost vir zgledov navajal tudi terminološko gradivo.

Anton Bajec (1952: 81) se je čez desetletje že distanciral od dotedanje tradicije slovenskih slovnice, ki so poudarjale, da zloženske jeziku niso priljubljene. Ocenil je, da so slovanski jeziki glede na njihovo tvorbo sredi med germanskimi in romanskimi, vendar jih je že v Pleteršnikovem slovarju okrog šest odstotkov. To je razložil z dejstvom, da je pretežni del slovenskih zloženek umetnega, novoknjižnega in ne ljudskega izvora, vendar je med njimi še zmeraj veliko ljudskih in bo zato treba nekoliko spremeniti dotedanje odklanjajoče stališče slovničarjev: »Čeprav velja za vse slovanske ljudske govornice, da se rade izognejo kompoziciji s tem, da rabijo izpeljanke ali adjektivne opise, je vendar kompozicija eminentna potreba moderne kulture, ker pregnantno in jedrnato izraža pojme (saj smo tako prišli celo do kratic). Pri tem je razumljivo, da je tvorba često neslovanska, a potrebna.«

Če tovrstne ugotovitve starejših raziskovalcev slovenskega besedotvorja soočimo s sodobnim stanjem, potem danes lahko opazimo določene tvorbene premike v slovenski leksiki, ki so jih v svojih ocenah omenjeni avtorji že napovedovali. Novejše empirične besedotvorne raziskave slovenskega jezika namreč kažejo, da še zmeraj nastaja največji delež tvorjenk z izpeljavo (Stramljič Breznik 2004), prodornejši pa postaja tip medponskoobrazilnega zlaganja iz dveh samostalnikov, ki se širi pod vplivom angleščine, zlasti v publicistiki (Logar 2005) in izrazju novih tehnologij (Stramljič Breznik 2003).

V besedne družine z iztočnicami B strukturirane tvorjenke kažejo, da je še zmeraj najvišji odstotek izpeljank, tj. tvorjenk s priponskim obrazilom (82,48 %), sledijo jim zloženske, tj. tvorjenke s samo medponskim ali medponsko-priponskim obrazilom (12,90 %), sestavljenke, tj. tvorjenke z levim predponskim obrazilom (3,68 %), in nazadnje sklopi, tj. tvorjenke s sklopljenima najmanj dvema besedama (0,92 %).

2.2.2.5 Zanimive podatke nam lahko ponuja tudi morfemska struktura tvorjenk. Pozornost bomo usmerili le na pripone in priponska obrazila,¹ saj je delež izpeljank najvišji. Računalniški izpis nam glede na število pojavitev hierarhizira 322 pripon. Med njimi so zanimivi zlasti ekstremni primeri, saj lahko ugotovimo, da med njimi nastopa 32 takih, s katerimi je tvorjenih več kot 50 tvorjenk, hkrati pa jih je 131 s samo po eno tvorjenko. Prvih enaintrideset obrazil ima skupno 6069 tvorjenk, kar je 59,83 % delež. To lahko predstavimo tudi drugače: z manj kot desetimi odstotki obrazil (9,93 %) je tvorjenih skoraj šestdeset odstotkov zajetih tvorjenk. Prvih deset najpogostejših priponskih obrazil si sledi v naslednjem zaporedju: 1. *-en* (751), 2. *-ost* (413), 3. *-ski* (402), 4. *-anje* (374), 5. *-ec* (327), 6. *-ka* (318), 7. *-ica* (312), 8. *-o_{sam.}* (310), 9. *-n* (223), 10. *-ev* (192).

2.2.2.6 Nekoliko drugačne podatke o rodnosti obrazil dobimo, če izpostavimo deset najpogostejših za samostalnik, pridevnik in glagol. Deset najpogostejših samostalniških priponskih morfemov tvori več kot polovico (54,25 %) vseh samostalniških tvorjenk oz. dobro četrtno (26,53 %) zajetih tvorjenk sploh. Po zaporedju si sledijo: 1. *-ost* (413), 2. *-anje* (374), 3. *-ec* (327), 4. *-ka* (318), 5.

-ica (312), 6. *-o_{sam.}* (310), 7. *-enje* (181), 8. *-ik* (171), 9. *-ina* (147), 10. *-stvo* (133).

Pri pridevniku prvih deset obrazil tvori 2146 tvorjenk, kar je 65,80 % pridevniških tvorjenk in 21,20 % vseh zajetih tvorjenk: 1. *-en* (622), 2. *-ski* (395), 3. *-n* (217), 4. *-ev* (192), 5. *-oč* (155), 6. *-ast* (153), 7. *-ov* (132), 8. *-(š)ki* (107), 9. *-o_{prid.}*, 10. *-in* (82).

Pri glagolu prvih deset obrazil predstavlja slabo petino (19,53 %) vseh glagolskih tvorjenk oz. 3 odstotke vseh tvorjenk sploh: 1. *-iti* (100), 2. *-ati* (73), 3. *-irati* (48), 4. *-izirati* (24), 5. *-ovati* (17), 6. *-niti* (10), 7. *-eti* (11), 8. *-evati* (9), 9. *-ariti* (9), 10. *-kati* (4).

2.2.2.7 Tabela o stopenjski razvrstitvi tvorjenk kaže, da je v obdelanih besednih družinah šesta stopnja tvorbe najvišja možna. Na prvi stopnji tvorbe je tako zajetih 41,27 %, na drugi 36,67 %, na tretji 15,61 %, na četrti 5,27 %, na peti 1,04 % in na šesti 0,09 % vseh tvorjenk.

Visoko stopnjo tvorbe dosegajo le predmetnopomenske besedne vrste, medtem ko druge, npr. členek in veznik, le izjemoma dosegajo drugo stopnjo. Tako razvrstitev potrjuje tudi teoretično spoznanje, da tovrstne besedne vrste v glavnem nastajajo s konverzijo ali sklapljanjem neposredno iz drugih besednih vrst. Največji delež tvorjenk prvih petih besednih vrst iz razpredelnice je razporejen od prve do tretje stopnje, na nadaljnjih stopnjah število tvorjenk opazno upada. Pri samostalniku, pridevniku in glagolu je opazno zniževanje po stopnjah, v nasprotju s prislovi, kjer je tvorjenk na drugi stopnji več kot na prvi. Sicer pa je pri posameznih besednih vrstah opazen kar drastičen upad števila

¹ Pri tem upoštevamo pojavitve vseh priponskih obrazil tako pri izpeljankah, tvorjenkah iz predložne zveze kot pripon pri medpovsko-priponskih zloženkah.

tvorjenk pri višjih stopnjah tvorbe. Za primer vzemimo samostalnik in pridevnik: na prvi stopnji imata dober tretjinski oz. skoraj polovični delež tvorjenk (38,47 % oz. 42,65 %), na drugi stopnji ohranjata prav tako tretjinski delež (36,53 % oz. 34,37 %) na tretji stopnji pa se ta delež zmanjša na šestino vseh tvorjenk (16,52 % oz. 17,04 %), na četrti pa že na petnajstino oz. petindvajsetino vseh tvorjenk svoje besedne vrste (7,0 % oz. 4,66 %).

Ti podatki so lahko pomembni za leksikografijo, ker je s tem postavljeno eno izmed meril o vključevanju tvorjenk v slovar, ki ga seveda mora dopolnjevati še podatek o pogostnosti.

Tabela 1: Stopenjska razporeditev tvorjenk po besednih vrstah

Besedna vrsta	Št. tvorjenk	Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja	4. stopnja	5. stopnja	6. stopnja
Samostalnik	4951	489	38,47 %	36,53 %	16,52 %	7 %	1,35 %	0,1 %
Pridevnik	3261	42	42,65 %	34,37 %	17,04 %	4,66 %	1,10 %	0,15 %
Glagol	1561	111	47,02 %	41,83 %	9,73 %	1,28 %	0,12 %	
Prislov	284	4	31,69 %	43,30 %	19,36 %	5,28 %	0,35 %	
Medmet	38	19	89,47 %	10,52 %				
Členek	21		90,47 %	4,76 %				
Predlog	3		100 %					
Veznik	3		66,66 %	33,33 %				

2.2.2.8 Med prvimi osemnajstimi iztočnicami besednih družin, ki obsegajo najmanj sto tvorjenk, je 10 glagolov (55,55 %), 4 samostalniki (22,22 %), 4 pridevniki (22,22 %). V preglednici zajete glagolske besedne družine imajo 15,91 %, samostalniške 9,17 % in pridevniške 5,37 % vseh zajetih tvorjenk. Ugotovimo lahko, da imajo predstavljene glagolske besedne družine v povprečju 161 tvorjenk, samostalniške 232 in pridevniške 136 tvorjenk.

Na podlagi teh podatkov je mogoče z delnim zadržkom glede na obseg v slovar vključenega besedja posplošiti, da so v povprečju med najboljšežnejšimi v tem primeru vendarle samostalniške besedne družine. Najštevilnejša samostalniška (*bog*) v tem izboru predstavlja 8,34 %, najštevilnejša glagolska (*brati*) pa 6,86 % tvorjenk.

Tabela 2: Prvih deset najboljšežnejših besednih družin

Besedna družina	Skupaj	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja	4. stopnja	5. stopnja	6. stopnja
1. bog	406	180	155	52	17	2	
2. brati	334	25	59	152	82	16	
3. biti	298	42	99	78	56	19	4
4. beseda	260	88	101	49	21	1	
5. bel	167	80	46	31	10		
6. bosti	155	45	78	23	8	1	
7. brada	139	85	47	7			
8. buditi	136	23	68	31	11	3	
9. braniti	132	54	45	23	7	3	

10. blag	132	36	56	29	11		
----------	-----	----	----	----	----	--	--

2.2.3 Abecedni slovarski del prinaša abecedno razvrstitev vseh besed iz besednih družin, opremljenih s podatki o besedni vrsti, pogostnosti v korpusu Fida (F) in Nova beseda (NB) ter pripadnosti oštevilčeni besedni družini.

Frekvenčni podatki iz obeh korpusov so pridobljeni s t. i. avtomatskim štetjem. To pomeni, da program ni razlikoval homonimov in homonimnih oblik, tako so npr. pri samostalniku *bil* dejansko podani podatki za deležnik *bil*, kar kaže veliko število pojavitev (F: 204 956; NB: 220 540). Po Fidi, ki ima tudi najbolj izdelane mehanizme iskanja, dostopne slehernemu uporabniku, lahko ob tem primeru opazimo, da samostalnik *bil* ni opredeljen kot lema, marveč je lematizirana le oblika *bilka*, ki se pojavlja 472-krat, pri čemer so vključene tako občno- (*bilka*) kot lastnoimenske pojavitve (*Bilka*). Za Novo besedo velja, da ima vse besede iz Besedišča slovenskega jezika in SSKJ lematizirane, pri Fidi pa je po posredovanih podatkih za črko B lematiziranih 1925 besed, zato je bilo dodatno pregledano še 38 262 nelematiziranih besed, saj je avtomatsko preštevanje znotraj gradiva nelematiziranih besed zaznavalo pojavitve besede *le*, če je ta nastopala v osnovni obliki (npr. *bezljati* (7), ne pa tudi *bezlja* (10), *bezljajo* (8), *bezljajte* (1) *bezljal* (3), *bezljala* (1) *bezljale* (2), *bezljali* (5), *bezljata* (2)). Tako je bilo k prvotnemu podatku 7 prišteti še 32 pojavitve v različnih oblikah, kar znaša skupno frekvenco 39). Glede na pravkar omenjeno kaže na določen odstotek frekvenčnih podatkov v obeh korpusih gledati kritično, saj ne odražajo dejanskega stanja, ker niso bili uporabljeni zahtevnejši iskalni mehanizmi, ki bi podatke avtomatskega štetja ustrezno prečistili.¹ V ta odstotek manj zanesljivih frekvenčnih podatkov se namreč uvrščajo zlasti pojavitve besed, katerih oblike v oblikoslovni paradigmi sovpadajo z oblikami drugih besed, npr. imenovalnik ednine (*barva*) in dajalnik množine (*barvam*) samostalnika *barva* sovpada s tretjo osebo ednine (*barva*) in prvo osebo ednine (*barvam*) pri glagolu *barvati* ipd.

2.2.3.1 Zanimiv pregled najpogostejših besed daje razvrstitev po besednih vrstah. Pri tem sem upoštevala glede na število tvorjenk tri najpogostejše besedne vrste in se omejila na samostalnik, pridevnik in glagol, in sicer tako, da sem pri samostalniku in pridevniku upoštevala razvrstitveno listo prvih petih, pri glagolu in drugih besednih vrstah pa prve tri najpogostejše besede. Kot je že bilo opozorjeno, je avtomatsko štetje lahko zavajajoče zlasti v primerih, kjer prihaja do homonimije različnih paradigmatskih oblik oz. še drugih omenjenih posebnosti. Zato so sledeče pogostostne razvrstitve za samostalnik, pridevnik, glagol in druge besedne vrste narejene na podlagi dodatnih mehanizmov izločanja enakoizraznic in opozoril na nekatere t. i. korpusne šume ob pomoči

¹ Pogostostni podatki za oba korpusa, objavljeni v slovarju, so v dogovoru z lastniki zaenkrat ostali na ravni avtomatskega štetja. Pri tem sta pomagala Simon Krek (Fida) in Primož Jakopin (Nova beseda).

obeh posredovalcev frekvenčnih podatkov, hkrati pa so dodane tudi pojavitve avtomatskega štetja, kot so objavljene v slovarju.

Tabela 3: Pet najpogostejših samostalnikov, zajetih v BD z iztočnicami na B po korpusu Fida (F) in Nova beseda (NB)

Samostalnik	F x . 10 ³ februar 2005	F x . 10 ³ avtomatsko	Samostalnik	NB x . 10 ³ februar 2005	NB x . 10 ³ avtomatsko
1. beseda	61	61	1. beseda	46	119
2. banka	41	41	2. banka	39	124
3. bog	26	26	3. zbor	22	27
4. besedilo	22	28	4. odbor	22	26
5. bolezen	19	19	5. boj	19	54

Podatki iz obeh korpusov kljub različnemu številu pojavitve posameznih samostalnikov in s tem posledično tudi različno uvrstitvijo na lestvici prvih petih kažejo na prekrivnost prvih dveh najpogostejših samostalnikov (*beseda*, *banka*). V obeh korpusih se v izboru dvajsetih najpogostejših samostalnikov na različnih stopnjah lestvice skupno pojavljajo še: *zbor*, *bolezen*, *odbor*, *prebivalec* in *obramba*.

Tabela 4: Pet najpogostejših pridevnikov, zajetih v BD z iztočnicami na B po korpusu Fida (F) in Nova beseda (NB)

Pridevnik	F x . 10 ³ februar 2005	F x . 10 ³ avtomatsko	Pridevnik	NB x . 10 ³ februar 2005	NB x . 10 ³ avtomatsko
1. bel ¹	27	2	1.bel	18	71
2. bivši	11	11	2. britanski	11	83
3. obramben	11	11	3. bližnji	9	94
4. britanski	11	11	4. obramben	7	63
5. najboljši	10	10	5. bivši	7	61

Med prvimi petimi najpogostejšimi pridevniki so obema korpusoma skupni pridevniki *bel*, *bivši*, *obramben* in *britanski*. V razponu desetih najpogostejših pa je prekrivnost pridevnikov še večja, saj se skupno pojavljajo še: *bližnji*, *boljši*, *borzen* in *barven*.

Tabela 5: Trije najpogostejši glagoli, zajeti v BD z iztočnicami na B po korpusu Fida (F) in Nova beseda (NB)

Glagoli	F x . 10 ³ februar 2005	F x . 10 ³ avtomatsko	Glagoli	NB x . 10 ³ februar 2005	NB x . 10 ³ avtomatsko
1. biti	1000	738	1. biti	591	1277
2. izbrati	30	30	2. izbrati	14	25
3. bati (se)	17	0	3. bati se	11	22

¹ V slovarju je pri pridevniku *bel* zabeležen podatek pojavitve po F le za obliko *bel*, ki znaša 2223, medtem ko je za lemo *bel* 27 520 zadetkov.

Podatka o pojavitvah glagola *biti* in *izbrati* sta v obeh korpusih primerljiva. Zanimivo pa je, da pri glagolu *bati se* v slovarju ni pojavitve po Fidi, ker je lema le *bati* (17 478), pa še tu je všteti tudi samostalnik *boj*, medtem ko je po Novi besedi pojavitvev (22 480).

Tabela 6: Prve tri druge besedne vrste, zajete v BD z iztočnicami na B po korpusu Fida (F) in Nova beseda (NB).

Druge besedne vrste	F x . 10 ³	Druge besedne vrste	NB x . 10 ³
1. približno	28	1. približno	32
2. najbrž	13	2. najbrž	15
3. blizu	10	3. blizu	12

Pojavitve iz obeh korpusov za *približno*, *najbrž* in *blizu* so tudi z avtomatskim štetjem dokaj točne. Dejansko pa gre za v veliki meri členkovne izraze, s katerimi najpogosteje modificiramo stavke oz. njihove dele.

3 Funkcionalni aspekti slovarja

Poskusni besednodružinski slovar, izdelan za korenske besede s črko B v prvi vrsti uzavešča novo leksikografsko možnost urejanja slovenske leksike, saj je besedna družina le ena izmed naravnih sistemskih struktur leksikona slehernega jezika, kar je zaradi abecednega načela slovarske ureditve prepogosto prezrto dejstvo.

Slovar je v slovenskem prostoru prva aplikacija besedotvorne teorije v slovaropisju, temu pa je poskusno dodana nova kvaliteta, saj je gradivo opremljeno s podatki o pojavitvah v dveh besedilnih korpusih, ki so danes postavljeni v izhodišče vseh jezikoslovnih in slovaropisnih projektov. Prav zaradi pionirske narave tega dela je nemogoče pričakovati, da bi prinašalo idelane rešitve slehernega tvorbenega vprašanja oz. ponujalo trenutno zbrane korpusne podatke kot kazalce absolutnega jezikovnega stanja. V resnici slovar odpira večsmerno komunikacijo, ker potencialne uporabnike in zlasti jezikoslovce postavlja pred vprašanja, ki si jih pred tem verjetno še niso zastavljali, in ker neposredno opozarja na zagatnost oblikoslovnega označevanja slovenščine in pomanjkljivosti trenutno razpoložljivih postopkov jezikoslovnih analiz v obeh korpusih. Tovrstni izzivi pa lahko postanejo dobri temelji za morebitni projekt, v katerem bi posamezniki in inštitucije lahko sodelovali glede na svoje strokovne kompetence, ki bi vodile k čim večji objektivizaciji rezultatov takega raziskovalnega dela.

Dolgoročno gledano se zdi izdelava takega slovarja možna in dokaj realna, ker je podprta z ustrezno prilagojenim računalniškim programom, brez katerega v sodobni leksikografiji več ne gre. Po drugi strani pa edino tako zasnovan slovar lahko daje konkretne in preverljive podatke o ustroju slovenskega leksikalnega sistema, tj. o besednovrstnem deležu motiviranih in

nemotiviranih besed, o rodnosti posameznih besednih družin, o tvorbeni moči korenskih besed na različnih stopnjah tvorbe, o prevladujočih morfemskih prvinah in s tem posredno o besedotvornovrstni tipologiji tvorjenk. In edino tako zasnovan slovar lahko zelo konkretno odgovarja tudi na najpogosteje zastavljena vprašanja, katere besede in koliko jih predstavlja korensko jedro slovenščine ter kakšne spremembe doživlja slovenska leksika v času in prostoru.

Literatura:

BAJEC 1952: Bajer A. Besedotvorje slovenskega jezika III. Zloženke. – Ljubljana. – SAZU.

BEZJAK 1906: Bezjak J. Posebno ukoslovje slovenskega učnega jezika v ljudski šoli. – Ljubljana. – Slovenska Šolska Matica.

BREZNIK 1984: Breznik A. Zloženke v slovenščini. *Jezikoslovne razprave*. Ur. J. Toporišič. – Ljubljana. – Slovenska matica.

GORJANC 2003: Gorjanc V. Korpusi in jezikoslovje. *Jezik in slovstvo* 48/3 – 4.

KONČNIK 1913: Končnik P. Slovenska slovnica z naukom, kako se pišejo pisma in opravljeni sestavki. Dunaj: V cesarski kraljevi zalogi šolskih knjig.

KREK 2003: Krek S. Jezikovni priročniki in novi mediji. *Jezik in slovstvo* 48/3 – 4.

MISTRÍK 1993: Misnřík J. idr. Enciklopedia jazykovedy. – Bratislava. – Vydavateľstvo Obzor.

MLUVNICE ČEŠTINY I 1986: Mluvnice češtiny I. – Praha. – Academia.

JAKOPIN 2003: Jakopin P. Nekaj zanimivosti iz besedilnega korpusa Nova beseda. *Jezikoslovni zapiski* 9/2. – S. 145 – 159.

Nataša LOGAR, 2005: Filter vrečka ali filtervrečka, foto posnetek ali fotoposnetek, ISDN paket ali ISDN-paket?. *Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika*. Ur. M. Jesenšek. Maribor. – Slavistično društvo. – S. 222 – 239.

STRAMLJIČ BREZNIK 2000: Stramlič Breznik I. Besedna družina besede. *Jezikoslovni zapiski* 6. – S. 45 – 55.

STRAMLJIČ BREZNIK 2001: Stramlič Breznik I. Stramlič Breznik I. Besedne družine predlogov in veznikov v besedotvornem slovarju. *Jezikoslovni zapiski* 7/1–2. – S. 197 – 206.

STRAMLJIČ BREZNIK 2001/2002: Stramlič Breznik I. Nekaj podatkov iz Besedotvornega slovarja slovenskega jezika za črko B po SSKJ. *Jezik in slovstvo* 47/7–8. – S. 295 – 301.

STRAMLJIČ BREZNIK 2003: Stramlič Breznik I. Besedotvorna tipologija novonstalega besedja s področja mobilne telefonije. *Slavistična revija* 51/posebna številka. – S. 106 – 118.

STRAMLJIČ BREZNIK 2004: Stramlič Breznik I. O besedi s tvorbenega, izrazijskega in frazeološkega vidika. *Besedoslovne lastnosti slovenskega*

knjižnega jezika in narečij. Ur. M. Jesenšek. Zora 28. – Maribor. – Slavistično društvo Maribor. – S. 315 – 401.

TOPORIŠIČ 1992: Toporišič J. Enciklopedija slovenskega jezika. Ljubljana. – Cankarjeva založba. – S. 7.

TOPORIŠIČ 1996: Toporišič J. Toporišič J. – Maribor. – Založba Obzorja Maribor. – S. 89.

TOPORIŠIČ 2000: Toporišič J. Slovenska slovnica. Četrta, prenovljena in razširjena izdaja. – Maribor. – Založba Obzorja Maribor. – S. 108, 116.

VIDOVIČ MUHA 2000: Vidovič Muha A. Slovensko leksikalno pomenoslovje. Govorica slovarja. – Ljubljana. – Znanstveni inštitut Filozofske fakultete. – S. 107 – 108.

ŽELE 2004: Žele A. Povedkovnik v slovenščini. Jezikoslovni zapiski 10/1. – S. 33 – 42.

Slovarji in korpusni viri

Gerhard AUGST, 1990: Das Wörterbuch der Wortbildungsmittel. Wörterbücher/Dictionaries/ Dictionnaires. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1145–1152.

Gerhard AUGST, 1998: Wortfamilienwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.

Jay Louis HERMAN, 1975: A dictionary of Slavic word families. New York and London: Columbia University Press.

Uraban JARNIK, 1832: Versuch eines Etymologikons der slovenischen Mundart in Inner- Oesterreich. Celovec.

A. I. KUZNJECOVA, T. F. JEFREMOVA, 1986: Slovar' morfem ruskogo jazyka. Moskva: Ruskij jazik.

Elisabete LINK, 1990: Das Wörterbuch der Wortbildungsmittel. Wörterbücher/Dictionaries/ Dictionnaires. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1223–1230.

Anton MURKO, 1833: Slovensko-nemški ročni besednik. Gradec.

Jordan PENČEV, 1999: Slovoobrazovaten rečnik na s'vremennija b'lgarski knižoven ezik: a–ja. Sofija.

Slovar slovenskega knjižnega jezika z Odzadnjim slovarjem slovenskega jezika in Besediščem slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki: Elektronska izdaja na plošči CD-ROM. Ljubljana 1998.

SLOVENSKI PRAVOPIS, 2001: Ur. J. Toporišič. Ljubljana: SAZU in ZRC SAZU.

Miloslava SOKOLOVÁ, Gustáv MOŠKO, František ŠIMON, Vladimír BENKO, 1999: Morfematický slovník slovenčiny. Prešov: Náuka Prešov.

M. D. STEPANOVA, 1979: Slovar' slovoobrazovatel' nyih elementov nemeckogo jazyka. Moskva: Ruskij jazik. 164–165.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2004: Besednodružinski slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek za iztočnice na B. Zora – Priročniki 1. Maribor: Slavistično društvo Maribor.

Alenka ŠIVIC-DULAR, 1999: Besedna družina iz korena *god- v slovanskih jezikih. Pomenoslovna razčlemba v kulturološkem kontekstu. Ljubljana: Založba ZRC SAZU.

Aleksander Nikolajevič TIHONOV, 1985: Slovoobrazovatel'nyj slovar ruskogo jazyka. Moskva: Ruskij jazik.

KORPUS FIDA: <http://www.fida.net/slo/index.html>

KORPUS NOVA BESEDA: <http://bos.zrc-sazu.si>

TVORBA MOTIVIRANA GERMANIZMIMA U HRVATSKOME STANDARDU I KAJKAVSKOME KNJIŽEVNOM JEZIKU

0. Prilagodivši se, fonološki, morfološki, semantički, sintaktički i stilski, sustavu jezika primatelja, posuđenice često počinju sudjelovati u njegovim tvorbenim procesima, odnosno postaju motivirajuće riječi.

Tesch (1978: 129) govoreći o prilagodbi posuđenica, zaključuje: «Eine weitere Stabilisierungsfunktion kommt der Bildung eines semantischen Bezugssystems mittels Derivata und Komposita zu.»

Analiza tvorenicama motiviranih posuđenica pruža dodatne informacije o integraciji importiranih leksičkih jedinica, ali može ukazati i na razvojne tendencije, kao što su više ili manje produktivni tvorbeni načini, u samome jeziku primatelju. Smatramo stoga korisnim u dodirnojezikoslovna i rječotvona istraživanja uključiti i ovo gledište.

Našu smo analizu paralelno proveli na dvama korpusima: tvorenicama motiviranim germanizmom u kajkavskome književnom jeziku i onima u suvremenome hrvatskom standardu. Težište su činila tri aspekta: brojnost takvih tvorenicama, tvorbeni načini kojima su oblikovane te njihova frekventnost i stilska vrijednost.

1. Kajkavski književni jezik¹ je polifunkcionalni, normirani, stilistički diferencirani idiom čiju organsku osnovicu čini zagrebački gradski govor, a koji je funkciju standardnoga jezika imao na području triju županija središnje Hrvatske – zagrebačke, varaždinske i križevačke – od druge polovice 16. st. do formiranja hrvatskoga književnog jezika štokavske osnovice². Zbog intenzivnih gospodarskih, političkih i kulturnih veza austrijskih zemalja i dijela kontinentalne Hrvatske, germanizmi³ su u književnoj kajkavštini vrlo česti i pripadaju brojnim semantičkim područjima, kao što su administracija i državna uprava (*konceptpraktikant*⁴ «hist. pripravnik u vrsti administrativne službe u

¹ Jezik kojim su pisali stariji kajkavski autori u literaturi se različito naziva. D. Stolac (1995: 331) je proučavajući novije i starije izvore prikupila sljedeće nazive: **kajkavski dijalekt**, **kajkavski književni dijalekt**, **kajkavski govor**, **kajkavski književni jezik**, **kajkavski standardni jezik**, **kajkavski književnojezični tip**, **književni jezik stiliziran na kajkavskoj osnovici**, **hrvatskokajkavski jezik**, **hrvatskokajkavski književni jezik**, **književna kajkavština** i **hrvatski kajkavski književni jezik**.

² O kajkavskome književnom jeziku v. Šojat (1969), Jembrih (1997), Duličenko (1982), Lewis i Štebih (2004).

³ Pod pojmom **germanizam** podrazumijevamo leksičke posuđenice iz njemačkoga jezika i to njemačke indigene riječi kao i riječi pri čijem je posuđivanju njemački bio posljednji jezik posrednik. O germanizmima u kajkavskome književnom jeziku v. Štebih (2004; 2006).

⁴ Zbog gospodarstvenosti pretpostavljeni model donosi se uz germanizam samo pri prvom spominjanju, osim kada nam se ponavljanje čini nužnim. Ukoliko je germanizam dijelom standardnohrvatskoga leksika i ne postoji indigeni ekvivalent, ne donosi se njegova značenjska odrednica. Pretpostavlja se da većina modela kajkavskih germanizama nisu standardnonjemački leksemi već da potječu iz bavarsko-austrijskih govora pa se uz

Austrougarskoj» < austr. *Konzeptpraktikant*, *landrihtar* «seoski sudac» < nvnjem. *Landrichter*, *štibra* «porez» < srvnj. *stiuwer*), crkva i religija (*altar* «oltar» < nvnjem. *Altar*, *farof* «župni dvor» < nvnjem. *Pfarhof*, *kelih* «kalež» < stvnjem. *chelich*), hrana i piće (*ajngmohc* «gusta juha s mesom» < bavaustr. *Eingemachtes*, *fruštuk* «doručak» < bavaustr. *Frustuck*, *guglof* «vrsta kolača» < bavaustr. *Gugelhupf*), kuća i stanovanje (*gang* «hodnik; trijem» < bavaustr. *Gang*, *kaštrola* «posuda za kuhanje i pečenje» < bavaustr. *Kassereolle*, *tremfus* «tronožac» < bavaustr. *Dreifuß*) itd.

Za ovo istraživanje iz *Rječnika hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika*¹ i kartoteke Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje ekscerpirana je 2361 tvorenicu motivirana germanizmom. Od rječotvornih načina zastupljene su derivacija (1152 sufiksne izvedenice i 145 prefiksne izvedenice), kompozicija (117 kompozita) i konverzija (31 slučaj).

U dodirnojezikoslovnoj literaturi koja se bavi germanizmima u hrvatskome, nalazimo podatak da se njima motivirana tvorba uglavnom svodi na sufiksaciju². U kajkavskome je korpusu ovo također najzastupljeniji tvorbeni način – njime je nastalo 70% imenica, 80% pridjeva i 26% glagola.

Registriano je šezdesetak imeničkih, desetak pridjevskih i glagolskih sufiksâ (*bermanec* «1. onaj koji prikuplja ljude za služenje u vojsci; 2. onaj koji se dao upisati za služenje u vojsci» < *bermati* < bavaustr. *werben*, *friškati se* «I. 1. obnavljati, osvježavati; 2. jačati, krijepiti; II. ~ se 1. osvježavati se, hladiti se; 2. oporavljati se, jačati» < *frišak* < nvnjem. *frisch*, *penezit* «1. novčani; 2. bogat» < *penez* < stvnjem. *pfennig*).

Kako ne bismo prešli okvire ovoga rada, pri opisu kajkavskih sufiksne izvedenice motiviranih germanizmom osvrnut ćemo se samo na tri aspekta:

1. sufikse koji su registrirani u kajkavskome korpusu, ali se ne javljaju u standardnome hrvatskom jeziku³,
2. dometke čija se frekventnost razlikuje u analiziranim korpusima,
3. sufikse koji se javljaju u oba idioma, no čije se izvedenice u njima razlikuju značenjski ili svojom stilskom vrijednošću.

U kajkavskome korpusu ovjerena su tri dometka koja S. Babić (1991) ne spominje u svojoj *Tvorbi rječi u suvremenom hrvatskom jeziku*: -avec, -čec i -ček.

Sufiksom -avec u književnoj se kajkavštini od glagolskih osnova izvode nomina agentis, npr. *copravec* «čarobnjak, vidovnjak» (< *coprati* < stvnj. bavaustr. **zoparōn*), *šparavec* «štedljiva osoba; štediša; škrtac» (< *šparati* <

posuđenice, ukoliko na to ukazuje njihov fonološki ili morfološki lik, donosi odrednica bavaustr. Isto vrijedi i za značenje germanizma, tj. donosi se samo pri prvome spominjanju replike.

¹ Iz dosada objavljenih deset svezaka (A – PENEZOMOLBEN).

² Grotzky (1978: 114).

³ Pri iznošenju podataka o pojedinim sufiksima hrvatskoga standardnoga jezika oslanjamo se na Babić (1991).

nvnjem. *sparen*), *vandravec* «lutalica, skitnica» (< *vandrati* < nvnjem. *wandern*).

Dometcima -čec i -ček izvode se deminutivi (*frtalčec* < *frtal* < nvnjem. *Viertel*, *peharčec*, *peharček* < *pehar* < stvnjem. **pehhāri*).

Zanimljivo je da dva od triju u hrvatskome standardu neovjerenih, a u kajkavskome književnom jeziku plodnih dometaka (-avec i -ček) nalazimo u slovenskome jeziku¹ što upućuje na tvorbene sličnosti dvaju sustava koje bi trebalo dodatno istražiti.

Naša je analiza pokazala da se u kajkavskome korpusu javljaju sufiksi -ak, -alka, -arija, -ic, -instvo i -ta, koji su aktivni i u hrvatskome standardu, no njihova se frekventnost razlikuje u dvama sustavima.

Dok se u hrvatskome standardnom jeziku dometkom -ak izvode imenice od imeničkih (*jezičak*, *grobak*, *trunak*), glagolskih (*boravak*, *izrezak*, *postanak*), pridjevnih (*svetak*, *šiljak*), brojevnih (*devetak*, *desetak*, *jedanaestak*), priložnih (*višak*, *manjak*) i prijedložnih (*predak*, *zadak*) osnova², u kajkavskome korpusu on je ovjeren samo primjerima *krumpak* «šepavac; krivonog čovjek» (< **krump* < bavaustr. *krump*) i *cinjak* «cinena posuda» (< *cinj* < ksrvnjem. *zinn*).

Sufiksom -alka u našem su korpusu izvedene odglagolske imenice *špekalka* «igla za nadijevanje» (< *špekati* < nvnjem. *specken*) i *špricalka* «štrcaljka»³ (< *špricati* < nvnjem. *spritzen*). Prema S. Babiću (1991: 264) u standardnome hrvatskom jeziku dometak je ovjeren samo u riječi *vestalka*, dok se imenice koje znače kakvu jednostavnu spravu često izvode dometkom -aljka (*brizgaljka*, *pisaljka*, *štupaljka*).

Zabilježili smo jednu izvednicu sa sufiksom -arija, *hucutarija* «vragolanstvo, obješenjaštvo» (< *huncut* < bavaustr. *Hundsfutt*), dok je u standardnome jeziku dometak bitno plodniji. S. Babić (1991: 207) bilježi da se njime izvode imenice od imeničkih (*cirkusarija*, *gadarija*, *manguparija*), pridjevnih (*bedarija*, *djetinjarija*, *sitnarija*), glagolskih (*brbljarija*, *lagarija*, *mješarija*) i zamjениčkih (*ništarija*, *koještarija*) osnova. U oba idioma negativno su stilski obojene. Naime, često depreciozno značenje motivirajuće riječi dodatno se intenzivira odabirom sufiksa.

U književnoj kajkavštini dometak -ic aktivan je i prilično frekventan u tvorbi deminutiva, npr. *frtalic* (< *frtal*), *peharic* (< *pehar*), *žaklic* (< *žakel* < bavaustr. *Sackl*). U hrvatskome standardnom jeziku ovjeren je samo u primjerima *konjic* i *vjetric*.

Prema S. Babiću (1991: 288) sufiks -instvo nalazimo jedino u riječi *bratinstvo*, nastaloj u analogiji prema *materinstvo*, *očinstvo*, *sestrinstvo*. U

¹ Usp. Toporišič (2000: 162).

² V. Babić (1991: 96).

³ U slovenskome se također javlja sufiks -alka kojim se tvore odglagolske izvedenice koje označavaju predmet kojim se obavlja kakva radnja, npr. *črpalka*, *vezalka*, *tipalka* (v. Toporišič, 2000: 164).

kajkavskome je korpusu njime je izvedena i odglagolska imenica *erbinstvo* «nasljedstvo» (< *erbati* < nvnjem. *erben*).

U standardnome hrvatskome dometak -ta zabilježen je samo u riječi *svojta*, dok ga u kajkavskome nalazimo i u izvedenci *kuhta* «kuhar u vojnom taboru» (< *kuhati* < < stvnjem. *kochōn*).

Slijedi opis izvedenica s trima sufiksima koji se javljaju i u kajavskome književnom i u hrvatskome standardnom jeziku, no koji se razlikuju ili značenjski ili svojom stilskom vrijednošću.

U književnoj kajkavštini sufiks -aš vrlo je čest. Njime se izvode imenice od glagolskih (*farbaš* «bojitelj» < *farbati* < bavaustr. *farben*, *fektaš* «mačevalac» < *fektati se* < nvnjem. *fechten*) i imenskih osnova (*loterijaš* «ubirač novaca za lutriju» < *loterija* < nvnjem. *Lotterie*, *štibraš* «ubirač poreza» < *štibra* < srvnj. *stiuwer*). Najčešće je riječ o nomina agentis. Samo se imenicom *lageraš* (< *lager* < nvnjem. *Lager*) označava osoba koja gdje boravi, a leksemom *gruntšaš* «zemljoposljednik» (< *grunt* < srvnjem. *grund*) osoba koja posjeduje ono što označava motivirajuća riječ.

Opisujući derivate s ovim dometkom, S. Babić (1991: 129) tvrdi da ih je većina¹ osjećajno obojena te da označava «što negativno, manje vrijedno, što je na nižem stupnju društvene ljestvice». Prema njemu već je osnovna riječ takvih izvedenica obično osjećajno obilježena jer pripada «određenom semantičkom, vrijednosnom ili društvenom krugu nižega ranga» i zato što je ograničena na određeno područje (npr. šport) ili je došla iz govornog jezika. U kajkavskome se korpusu javlja samo jedan leksem pogrdnoga značenja na -aš, *kuferaš* (< *kufer* < nvnjem. *Kuffer*) «činovnik pretjerano lojalan vlasti, obično nehrvat» («Za hintovu srebreninu z šesnaestemi vraci regtali su «eljen» z gulašom i žganci dijetenklasni bogci, potplaćeni pijanci, *kuferasi*, stranci.»²).

Dok se u suvremenom jeziku dometkom -ba od prezentskih osnova izvode imenice koje prvenstveno znače glagolsku radnju (*berba*, *borba*, *uknjižba*) te konkretnu ili apstraktnu posljedicu glagolske radnje (*družba*, *priredba*, *žalba*)³, u kajkavskome je korpusu ovjeren u nomen loci *hižba* «kupelj; sauna» (< *hiža* < stvnjem. *hus*).

U hrvatskome standardnom jeziku sufiks -ura dolazi na domaće i strane osnove. Izvedenice od egzogenih osnova uglavnom znače posao ili svojstvo osobe označene motivirajućom imenicom (*advokatura*, *docentura*, *lektura*). Kao primjere za derivate od indigenih osnova S. Babić (1991: 336) donosi *gadura*, *ženura* i *sovura*. Ne spominje da leksemi imaju pejorativno značenje. U kajkavskom korpusu dometak je registriran samo u riječi *hižura* «priprosta, trošna kućica» (< *hiža*) također deprecioznoga značenja.

¹ Uz stilski neutralne izvedenice kao što su *glagoljaš*, *kočijaš*, *kulgaš*.

² Krleža, Miroslav, *Balade Petrice Kerempuha*. Ljubljana: 1936, str. 162.

³ V. Babić (1991: 129).

Jedno od izraženih obilježja kajkavštine jest sklonost umanjenicama. Zabilježili smo osam deminutivnih sufiksa: -ac (*peharac* < *pehar*, *žakljac* < *žakelj*), -čec (*peharčec* < *pehar*, *frtalčec* < *frtal*), -ček (*jopček* < **jop* < rrvnjem. *Joppe*, *peharček* < *pehar*), -čić (*petljaričić* < *petljari* < bavaustr. *Bettler*), -ec (*fertušec* < *fertuh* < bavaustr. *Fürtuch*, *modrečec* «grudnjačić» < *modrec* < srvnjem. *muoder*, *špiglec* «ogledalce» < *špigel* < nvnjem. *Spiegel*), -ek (*cofek* < *cof* < nvnjem. *Zopf*, *kloštrek* < *klošter* < srvnjem. *kloster*, *pinzlek* «kistić» < *pinzel* < nvnjem. *Pinsel*), -ic (*frtalic* < *frtral*, *peharic* < *pehar*, *žaklic* < *žakel*) i -ka (*flaška* < *flaša* < nvnjem. *Flasche*, *ladička* < *ladica* < srvnjem. *lade*, *šalička* < *šalica* < bavaustr. *Schale*).

Znatan broj deminutiva, osobito onih motiviranih riječima kod kojih se značenje umanjenosti ne može ostvariti, odnosno nema smisla, osjećajno je obojen. Najčešće je riječ o hipokoristicima («Cela celehna ostaje vekivečnost kuliko da bi ni *fertalic* za vure od nje ne odkinul.»¹; «Sladki je *moštek* odkipel.»², «*Norček* si ti, kumek moj!»³, «Prosim te, o grešnik, da bi jednomu *petljaričiću* nekuliko novčicev dal da bi se za nje kruha kupil.»⁴), no u nekih se umanjenica javlja i depreciozno značenje («Kada ja jen *grošek* na posudbu potrebujem, kaže mi se put čez vrata.»⁵, «Zacopral nam je orsag copernjak seh *copernjaček*.»⁶, «Moj je stan nekakva smerduča *hižurka* na jedni oštarije zvan varaša.»⁷, «Niti se to međ gospodičnami ne najajaju i *purgarčići* i mužačići.»⁸).

Drugi po zastupljenosti tvorbeni način u kajkavskome korpusu je prefiksacija. Najveći broj prefiksálnih izvedenica čine glagoli (98%). Slijede pridjevi (2%).

Registrirano je desetak predmetakaproduktivnih u prefiksaciji glagola koji se u istim značenjima⁹ javljaju i u standardnome hrvatskom jeziku. Jedini tipično kajkavski predmetak jest v-. Prefiksálne izvedenice s v- znače: kretanje radnje u unutrašnjost čega (*vmešati*), obuhvaćanje radnjom (*vsrećiti*), postizanje cilja (*vgasiti*), udaljavanje, odlazak (*vmreti*). U kajkavskome korpusu registriran je glagol *vtrefiti* «pogoditi» (< *trefiti* < nvnjem. *treffen*). U spomenutom slučaju riječ je o tautološkoj prefiksaciji, odnosno dodavanjem predmetka ne mijenja se ni značenje ni vid glagola.

U prefiksálnoj tvorbi pridjeva ovjereni su predmetci ne- i pri-. Kao i u hrvatskome standardnom jeziku, prefiksom ne- negira se značenje osnovnoga

¹ Habelić, Juraj, *Prvi otca našega Adama greh*. Graz: 1674, str. 241.

² Kirin, Joža, *V tihem lugu*. Oguln: Tiskara Hibler. 1941: 121.

³ Lovrenčić, Jakob *Kratka dobreh deržanjih pripovedanja po Jakobu Lovrenčiću skupložena*. Varaždin: 1824, str. 259.

⁴ Habelić (1674: 172).

⁵ Lovrenčić, Jakob (1833) *Adolf iliti kakvi su ljudi*. Varaždin: 1833, str. 133.

⁶ Krleža (1936: 66).

⁷ Mikloušič, Tomaž *Izbor dugovanj vsakoverstneh za hasen i raveselenje služeh*. Zagreb: 1839, str. 25

⁸ Habelić, Juraj (1674: 614)

⁹ Detaljnije v. Babić (1991) i Budja (2001).

pridjeva (*nešacljiv* «neprocjenjiv» < *šacljiv* < *šacati* < bavaustr. *schatzn*, *neškodljiv* «koji nije štetan» < *škodljiv* < *škoditi* < **škoda* < stvnjem. *scado*). U književnoj kajkavštini u tvorbi pridjeva vrlo je aktivan i predmetak pri-, a značenje adjektiva izvedenih njime moglo bi se opisati kao «koji u manjoj mjeri ima svojstvo što ga znači osnovna riječ» (*prilep* «koji je prilično lijep», *primesnat* «koji je pomalo mesnat, tust, ugojen, debeo», *primlak* i *primlačen* «koji je neznatno topao»). U našem korpusu zabilježen je leksem *prišpičast* «pomalo šiljat» (< *špičast* < *špica* < nvnjem. *Spitze*).

U korpusu nalazimo svega nekoliko primjera prefiksarno-sufiksarne tvorbe. Ovim se tvorbenim načinom oblikovao manji broj imenica (*nahižje* «potkrovlje» < *hiža*, *namoština* «namet, daća u moštu, moštarina < *mošt* < bavaustr. *Most*, *zaškrinjek* «mali prostor, rupa iza škrinje» < *škrinja* < stvnjem. *scrini*), jedan pridjev (*podcigleni* «potkrovni» < *cigla* < srvnjem. *ziegel*) i jedan prilog (*nešparoma* «neštedimice» < *šparati*).

U dosadašnjim kontaktološkim istraživanjima čijim su predmetom germanizmi u hrvatskom jeziku¹, isticano je da se njima motivirana tvorba svodi na derivaciju, odnosno prefiksarno i sufiksarno izvođenje. U prikupljenim korpusima složenice čija je jedna od tvorbenih osnova germanizam, nisu bile zastupljene ili se njihova prisutnost svodila na izuzetno rijetke, pojedinačne slučajeve pa se u analizi nisu ni spominjale.

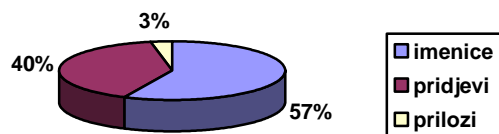
U kajkavskome književnom jeziku registrirano je 117 složenica čija je jedna od dviju tvorbenih osnova germanizam. Takve ćemo tvorenice nazivati **hibridni kompoziti (mješovite složenice)**².

Germanizmi se u kajkavskim hibridnim kompozitima javljaju ili u kombinaciji s indigenim, kajkavskim elementom (*dretvosmolec* «postolar, obućar» < *dretva* (< srvnjem. *drāt*) + *smoliti*, *farbeguben* «koji mijenja boju» < *farba* < nvnjem. *Farbe* + *gubiti*, *galgonos* «onaj koji nosi vješala, križ (kao kaznu)» < *galge* < srvnj. *galge* + *nositi*) ili drugu tvorbenu osnovu čini hungarizam (*kuhmešter* «glavni kuhar» < *kuhati* + *mešter* < mađ. *mester*, *vagmešter* «mjeritelj» < *vagati* < stvnj. *wāga* + *mešter*, *trančmešter* «sluga koji reže meso za vrijeme gozbe» < *trančerati* < bavaustr. *transchieren* + *mešter*).

Od 117 ovjerenih mješovitih složenica 57% čine imenice, 40 % pridjevi, a 3 % prilozima.

¹ U hrvatskome standardnom jeziku i u dijalektima. V. Strieder-Temps (1958), Schneeweis (1963), Grotzky (1978), Piškorec (2001, 2005).

² O problematici hibrida usp. Babić (1991), Barić et al. (1991), Fleischer i Barz (1995).

Odnos hibridnih složenica prema vrstama riječi

Posebnu skupinu hibridnih kompozita čine složenice u kojima se egzogeni element spaja s indigenim, semantički više ili manje ekvivalentnim elementom (npr. nvnjem. *Fachexperte*, *Testversuch*, *Einzelindividuum*¹ ili hrv. *alsodakle*, *cirka oko*). Takve su tvorenice najčešće rezultat govornikova nedostatnog poznavanja značenja motivirajuće posuđenice.

Za označavanje ove skupine hibrida u literaturi nalazimo nazive **vedeutlichende Bildungen (eksplikativne tvorenice)**² i **reduplicirani hibridi**³. Termin **eksplikativne tvorenice** ne smatramo dovoljno jasnim i obavijesnim. Naziv **reduplicirani hibrid** također nam se ne čini prihvatljivim jer bi se moglo pogrešno shvatiti da je udvostručen izraz jezičnoga znaka. Budući da je zapravo reduplicirana semantička komponenta, koristit ćemo naziv **pleonastička hibridna složenica**⁴. U našem su korpusu ovjerene dvije ovakve tvorenice, adverb *furtinavek* «neprestano, stalno» (< *furt* < bavaustr. *furt* + *navek*) i adjektiv *cargkarljiv* «svadljiv» (< *cargati se* < bavaustr. *zergen* + *karati*).

Kajkavske hibridne složenice oblikovane su trima načinima slaganja: složenom sufiksalsnom tvorbom (*galgonos* < *galge* + *nositi*, *lagvodel* «bačvar» < *lagev* < stvnjem. *lagel(l)a* + *delati*, *štrihomer* «drvena pločica za ravnanje mjere žita» < *štrihati* < bavaustr. *strichen* + *meriti*), čistim slaganjem (*duhanžačka* «vrećica za duhan» < *duhan* + *žačka*, *finkoljubitelj* «ljubitelj zeba» < *fink* < nvnjem. *Fink* + *ljubitelj*, *penezolakom* «pohlepan na novac» < *penez* + *lakom*) i srastanjem (*furtinavek*, *noroljuto* «jako ljuto, mahnito» < *noro* < *nor* < bavaustr. *Narr* + *ljut*, *norogovoreći* «onaj koji govori gluposti» < *noro* < *nor* + *govoreći*).

S obzirom na u dodirnojezikoslovnoj literaturi⁵ nezabilježenu brojnost hibridnih kompozita, odlučili smo provjeriti njihovu frekventnost i ovjerenost. Za tridesetak leksema našli smo brojne potvrđnice u starijim kajkavskim tekstovima raznih žanrova: djelima religiozno-poučnoga karaktera («Preglej odičene cirkve i zmožna zdanja koja z vsem nakinčena jesu, kaj goder budi

¹ V. Fleischer, Barz (1995: 63).

² V. Fleischer, Barz (1995: 63).

³ Piškorec (2004: 72).

⁴ Pleonazam, prema B. Tošoviću (1995: 330), definiramo kao uporabu riječi koje su smisaono nepotrebne.

⁵ Mislimo na literaturu koja se bavi njemačko-hrvatskim jezičnim dodirom.

stanjo budi *farboznanost* Najzvišenešeg ... skazati more.»¹), znanstveno-popularnim tekstovima («Knjižica van dana po jednom *finkoljubitelju*»², «Od *hižoskerbnosti*»³), lijepoj književnosti («Videl je ... vnožinu papig kotere nezgovorno *lepofarbno* perje su imale.»⁴). Za neke od složenica se s priličnom sigurnošću može tvrditi da su bile dijelom razgovorne kajkavštine⁵ (*duhanžačka*, *dvojgrošnjak*, *frtaljletni*, *furtinavek*).

Za nekolicinu hibridnih kompozita nalazimo samo po jednu potvrdu – npr. *penezolovec* «lakom čovjek» («*Penezolovec*, škudolizec ... v Kronike kak dični muž ostal bu taj grešni guž»⁶) i *dretvosmolec* «postolar, obuçar» («Se po nami bluje, slini... Jezuiti, *dretvosmolci* i biškupi, čarnoškolci...»⁷) u Krležinim *Baladama Petrice Kerempuha* i *trifrtaljka* «žena koja nije samo bolja polovica već bolje tri četvrtine» u Novoselovom opisu narodnih običaja u Prigorju («Znate, kak se veli da je žena bolša polovica, ali vam je žena bolša *trifrtaljka*.»⁸) – pa ih se može okvalificirati kao **individualne neologizme**. Dok Krležine novotvorenice imaju izrazito negativno, depreciozno značenje, leksem, vjerojatno *ad hoc* tvorba, koji je zabilježio Novosel predstavlja odmilicu čija je funkcija postizanje komičnog efekta.

Najveći broj mješovitih složenica ovjeren je samo u rječnicima – u Belostenčevu rječniku⁹ nalazimo ih 36 (*hižobog* «u starom Rimu kućni bog, lar, penat» < *hiža* + *bog*, *hižolada* «kućegazda, domaćin» < *hiža* + *ladati*, *noroskok* «akrobat» < *noro* + *skok*), kod Jambrešića¹⁰ 31 (*hižobez* «beskućnik» < *hiža* + *bez*, *lagvodiel*, *lotroželno* «pohotno» < *lotroželen* < srvnjem. *lotter* + *želno*), kod Patačića¹¹ četiri (*farbeguben*, *kuhnjudeh* «čovjek koji dosađuje u kuhinji zavirujući u lonce» < *kuhnja* < stvnjem. *kochōn* + *dehati*, *kuhtamešter* «glavni kuhar» < *kuhta* + *mešter*), a u Habelićevu rječniku¹² samo jedan (*tancovodec* «glavni plesač» < *tanc* < srvnjem. *tanz* + *voditi*). Ovakve novotvorenice koje su, po našem mišljenju, kajkavski leksikografi skovali u nedostatku adekvatnog ekvivalenta latinskih i njemačkih leksema, načelno nisu ušle u širu jezičnu

¹ Verhovac, Maksimilian, *Podvučanja vu najpoglavitešeh vere istinah*. Zagreb: 1822, str. 490.

² Nepoznati autor, *Knjižica od baratanja z finki*. Zagreb: 1798, str. 1

³ Nepoznati autor, *Čtenja kniga od pravotvornosti za potrebnost narodnih škol vurgerskoga i horvatskoga kaljevstva*. Budim: 1780, 49.

⁴ Vranič, Anton, *Mlajši Robinzon*. Zagreb: 1796, str. 1.

⁵ Na temelju tekstova kajkavskih dramskih autora (npr. Brezovački) za koje se smatra da su vjerno reproducirali govorni jezik onoga doba.

⁶ Krleža (1937: 17).

⁷ Krleža (1937: 28).

⁸ Novosel, Stjepan (1926) *Prigorska svatba*. Zagreb, str. 25.

⁹ Belostenec, Ivan (1740) *Gazophylacium*.

¹⁰ Jambrešić, Andrea (1742) *Lexicon latinum interpretatione Illyrica, Germanica et Hungarica locuples*.

¹¹ Patačić, Adam (1771/9) *Dictionarium latino-illyricum et germanicum*.

¹² Habelić, Juraj (1670) *Dictonar*.

uporabu¹ pa ih se može smatrati **leksikografskim efemerizmima**. Smatramo da je pri njihovu nastanku znatnu ulogu, koju još treba detaljno istražiti, odigralo kalkiranje (*hižonos* < lat. *domiporta*, *mlečnofarben* < lat. *lacticolor*, *lotročelen* < njem. *geilbegierig*, *opiconosast* < njem. *affennäßig*, *penzohlepen* < njem. *geldgierig*).

Konverzija je najslabije zastupljen tvorbeni način u kajkavskom korpusu. Zabilježeno je tridesetak slučajeva adverbijalizacije adjektiva što je u skladu s razvojnim tendencijama kako u književnoj kajkavštini tako i u većini europskih jezika (*hakljivo* «razmaženo» < *hakljiv* < nvnjem. *heiklig*, *kunšno* «vješto, spretno» < *kunšten* < *kunst* < srvnjem. bavaustr. *kunst*, *lumpasto* «nerazumno, glupo, nespretno» < *lumpast* < *lump* < bavaustr. *Lump*).

2. Korpus na kojem je provedeno istraživanje tvorbene plodnosti germanizama u hrvatskome standardnom jeziku temelji se na *Rječniku hrvatskoga jezika* (1998) V. Anića. Frekventnost i stilska obojenost ekcerpirane građe provjerene su na dvama hrvatskima internetskim korpusima, *Hrvatskome nacionalnom korpusu* (HNK) i *Hrvatskoj mrežnoj riznici* (HMR).

S obzirom na puristička strujanja, u hrvatskome jeziku prisutna od početka standardizacijskih procesa i stvaranja književnog jezika štokavske osnovice pa sve do danas, početna je pretpostavka bila da će ovaj korpus biti znatno manji od onoga kajkavskoga. Iz Anićeva rječnika ispisano je 748 posuđenica njemačkoga (austrijskoga) podrijetla od kojih 230 tvorenica – 18 prefikslnih i 205 sufikslnih izvedenica te 5 složenica. Provjerom na internetskim stranicama nađene su potvrđnice za samo stotinjak od Anićevih 748 germanizama, što ukazuje na njihovu slabu frekventnost.

U skladu s očekivanjima, sufiksacija je najplodniji tvorbeni način u standardnohrvatskome korpusu (*cuga* «piće» < *cugati* < nvnjem. *Zug*, *knedlast* «okruglica» < *knedl(a)* < bavaustr. *Knödel*, *fušeriti* «površno raditi» < *fušer* < nvnjem. *Pfuscher*).

Osobitu vrstu složenica čine pseudoizmi, riječi sastavljene egzogene osnove i egzogenog sufiksa koje, međutim, nemaju modela u pretpostavljenom jeziku davatelju, već predstavljaju unutarjezične tvorbe jezika primatelja. U standardnohrvatskom korpusu zabilježili smo pseudogermanizme *cuger* «pijanac» (*cugati* + -er) i *bagerirati* (*bager* < nvnjem. *Bager* + -irati).

Budući da sufikslna tvorba motivirana germanizmima ne odstupa od zakonitosti opisanih u *Tvorbi rječi u hrvatskom književnome jeziku* S. Babića (1991), nećemo se detaljnije baviti njome.

¹ Jedino Belostenčevu novotvorenicu *hižonos* «puž» nalazimo još i u Krležinim *Baladama Petrice Kerempuha* («S frklevački mužikaši z trumbetaši, zagerkači, zestal je pajdaša puža, muža, purgara, slinaša, *hižonosca*, postpanog birtaša...»), str. 98). Budući da je Krleža stvarajući specifičan jezik svojih *Balada*, kao jedan od izvora koristio i *Gazofilacij*, smatramo da je leksem preuzet od Belostenca te da vjerojatno nije proširen izvan dvaju navedenih izvora.

Prefiksacija se u ovome korpusu uglavnom svodi na perfektivizaciju glagola (*izštekati* «isključiti» < *štekati* < nvnjem. *stecken*, *našminkati se* < *šminkati se* < nvnjem. *sich schminken*, *sfušati* «loše što učiniti» < *fušati* < nvnjem. *pfuschen*).

U standardnohrvatskome korpusu zabilježeno je svega nekoliko kompozita motiviranih germanizmom: *boflroba* «nekvalitetna roba» (< *bofl* < nvnjem. *Bovel* + *roba*), *paradajzturist* «turist koji malo troši u ugostiteljskim objektima i hrani se na odmoru onim što sam priredi, uglavnom rajčicom i suhom hranom; slab potrošač u turističkoj sezoni» (< *paradajz* < bavaustr. *Paradeis(er)* + *turist*), *tračbaba* «osoba koja mnogo i rado ogovara» (< *trač* < nvnjem. *Tratsch* + *baba*), *paradekumek* «osoba u narodnoj nošnji iz sjeverozapadnih krajeva postavljena za dekoraciju na raznim svečanim ili političkim priredbama i u sličnim prigodama» (*parada* < nvnjem. *Parade* + *kumek*) i *triperideja* «suluda ideja» (< *triper* < nvnjem. *Tripper* + *ideja*). Svi navedeni leksemi pripadaju razgovornom jeziku i imaju pejorativno, često ironično značenje¹.

S obzirom na različitu otvorenost i stav prema posuđenicama iz njemačkoga u kajkavskome književnom jeziku i standardnome hrvatskom jeziku, u navedenim se idiomima germanizmi i njima motivirane tvorenice razlikuju i svojim položajem unutar cjelokupnoga rječničkog fonda. Dok su u kajkavskome književnom jeziku (uz izuzetak navedenih individualnih neologizama i leksičkih efemerizama), oni uglavnom dijelom općeg leksika, prema Anićevu rječniku 63% germanizama i njima motiviranih tvorenica pripada razgovornom jeziku, 15% su žargonizmi, a čak ih 12% ima pejorativno značenje.

Unutar izvedenica deprecioznog značenja iz standardnohrvatskoga korpusa, mogu se razlikovati tri skupine. Prvu čine one čije pogrдно značenje dolazi od motivirajuće riječi i nije dodatno pospješeno izborom dometka, npr. *hohštapler* (< nvnjem. *Hochstapler*) «osoba koja živi iznad svojih mogućnosti» > *hohštaplerski* «koji se odnosi na *hohštaplera*», *hohštaplerstvo*, *hohštapleraj* «postupci *hohštaplera*», *hohštaplirati* «ponašati se kao *hohštapler*» («Neću trpjeti nikakav *hohštapleraj* u kulturi.»²). U drugoj su grupi tvorenice kod kojih je negativno emocionalno značenje osnove dodatno potencirano odabirom sufiksa (*triperuš* «onaj koji boluje od *triperu*»). Trećoj pripadaju izvedenice čija je motivirajuća riječ osjećajno neutralna, a same su pogrđnice, npr. nvnjem. *Zwicker* > *cviker* > *cvikeraš* «onaj koji nosi naočale» («Pitao mene onaj *cvikeraš*, žgoljo ko moljče.»³), bavaustr. *Larm* > *larma* > *lamadžija* «galamdžija», nvnjem. *Plattfuß* > *plattfus* > *plattfusaš* «onaj koji ima spuštenu

¹ Na mrežnim korpusima ovjerena je jedino složenica *triperideja* («Dođe mu ko ona tvoja *triperideja* s vjetrokazom.» (Kušan, Ivan *Toranj*. Večernji list: Zagreb. 2004: 15; prema HMR)

² Vjesnik, 2000. (prema HNK).

³ Kušan, Ivan *Toranj*. Večernji list: Zagreb. 2004: 56. (prema HMR)

stopala», nvnjem. *sicher* > *ziher* > *ziheraš* «onaj koji ne voli izazov, koji je pretjerano oprezan» («On je preveliki *ziheraš*, a i kukavica da bi poduzeo takvo što.»¹). Analiza je pokazala da su pri tvorbi pogrdnica aktivni sufiksi -aš i -džija.

3. Istraživanje tvorenicu motiviranih germanizmom u kajkavskome književnom i standardnome hrvatskom jeziku ukazala je na postojanje znatnih razlika između istraživanih korpusa.

Dok su zbog intenzivnih političkih, gospodarskih i kulturnih veza te proširene dvojezičnosti posuđenice iz njemačkih (austrijskih) govora u književnoj kajkavštini vrlo brojne, radi purističkih strujanja, prisutnih od početka procesa normiranja do danas, u suvremenome hrvatskom standardu znatno su rjeđi.

Tvorbena analiza ukazala je na postojanje različitih tendencija u istraživanim idiomima. Dok se u hrvatskome standardu tvorba motivirana posuđenicama, uz vrlo rijetke iznimke, ograničava na izvedenice, sufiksane i prefiksane, u kajkavskome književnom jeziku registriran je i znatan broj hibridnih složenica. Njihova struktura ukazuje na postojanje tvorbenih obrazaca u književnoj kajkavštini koji nisu prisutni u suvremenome standardu.

Istraživanje uporabe germanizama i njima motiviranih riječi u tekstovima pisanim književnom kajkavštinom pokazalo je da su zastupljeni u različitim funkcionalnim stilovima – administrativnom, publicističkom, znanstvenom, književnoumjetničkom i razgovornom. Mnoge od tvorenicu imaju deminutivno i hipokoristično značenje što je u skladu s razvojnim tendencijama kajkavskoga.

Na temelju potvrđenosti derivata motiviranih germanizmom u *Hrvatskom nacionalnom korpusu* i *Hrvatskoj mrežnoj riznici* došli smo do zaključka da su u suvremenom hrvatskom najfrekventniji u razgovornom stilu. Obično je riječ o regionalizmima ili žargonizmima, često pejorativnoga značenja.

Literatura:

Anić, Vladimir (1998) Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi liber.

Babić, Stjepan (1986) Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku (Djela JAZU, Razred za filologiju, knjiga 62). Zagreb: JAZU, Globus.

Babić, Stjepan (1996) Sufiksana tvorba uvećanica u hrvatskome književnom jeziku, *Suvremena lingvistika* 41–42, 11–20.

Barić, Eugenija i dr. (1990) Gramatika hrvatskoga književnog jezika (2. izdanje). Zagreb: Školska knjiga.

Budja, Jurica (2001) Dopune značenjima glagolnih predmeta u hrvatskom jeziku, *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje* 27, 49 – 93.

Duličenko, A. D. (1982) Кайкабский литературный язык и его место среди других славянских литературных языков. *HDZ* 6, 135 – 152.

¹ Vjesnik, 2003. (prema HNK)

Finka, Božidar ur. (1984 – 2000) Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika (A – OKOBOLA). Zagreb HAZU i Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Fleischer, Wolfgang; Barz, Irmhild (1995) Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.

Grotzky, Johannes (1978) Morphologische Adaptationen deutscher Lehnwörter im Serbokroatischen (Beiträge zur Kenntnis Südeuropas und des Nahen Orients Bd. 26). München: Dr. Rudolf Trofenik.

Katičić, Radovan ur. (2000 – 2005) Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika (OKOBOLA – POPNIZNOMOLBEN). Zagreb HAZU i Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Klajn, Ivan (2003) Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Beograd: Pantenon.

Jembrih, Alojz (1997) Na izvorima hrvatske kajkavske književne riječi. Čakovec: Zrinski.

Lewis, Kristian; Štebih, Barbara (2004) Nazivi za vrste riječi u hrvatskome kajkavskome književnom jeziku, Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje 29, 63 – 75.

Lopina, Vjera (1990) Imeničke složenice – prevedenice s grčkoga u crkvenoslavenskom jeziku hrvatske redakcija. Suvremena lingvistika 29 / 30, 75 – 87.

Stolac, Dijana (1995) Standardizacijski procesi u kajkavskome književnom jeziku. Filologija 24/25, 331–337.

1. Šojat, Antun (1969) Kratki navuk jezičnice horvatske. KAJ II/5, 65–81.

2. Šojat, Antun (1969) Kratki navuk jezičnice horvatske. KAJ II/7, 7–8; 49–65.

3. Šojat, Antun (1969) Kratki navuk jezičnice horvatske. KAJ II/10, 65–81.

4. Šojat, Antun (1969) Kratki navuk jezičnice horvatske. KAJ II/3/4, 65–81.

5. Šojat, Antun (1969) Kratki navuk jezičnice horvatske. KAJ III/10, 49–65.

Šojat, Antun (1979) O zagrebačkom kajkavskom govoru. Rasprave zavoda za jezik, 4–5, 125–134.

Šojat, Antun (1993) Hrvatski jezik u Sušnik-Jambrešićevu rječniku (1742). Croatica 23/24, 359–365.

Šojat, Antun; Barac-Grum, Vida; Kalinski Ivan ... (1998) Zagrebački kaj. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Šonje, Jure (2000) Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža i Školska knjiga.

Štebih, Barbara (2004) Glagolski germanizmi u Rječniku hrvatskoga književnog jezika. Magistarski rad.

Štebih, Barbara (2006) Germanizmi u Rječniku hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. Disertacija.

Tesch, Gerd (1978) *Linguale Interferenz*. Tübingen: TBL.

Toporišić, Jože (2000) *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba obzorja Maribor.

Tošović, Branko (1995) *Stilistika glagola*. Wuppertal: Lindenblatt.

Zett, Robert (1970) *Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen*. Köln – Wien: Böhlau Verlag.

Zett, Robert (1986) O problematici složenica tipa «nogomet», *Jezik* 8, 103 – 111.

Навуковае выданне

ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫЯ АСПЕКТЫ СЛОВАЎТВАРЭННЯ

Даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму
словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў

Мінск / Беларусь 9 – 14 кастрычніка 2006 г.

Тэхнічны рэдактар *Гаўрыленка В.Р.*

Подписано в печать 13.11.2006. Формат 60x84_{1/16} Бумага офсетная. Гарнитура Roman.
Печать цифровая. Усл.печ.л. 22,4. Уч.изд.л. 22,7. Тираж 250 экз. Заказ № 278
ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0056831 от 01.04.2004.
220072 Минск Сурганова 1, корп. 2. Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66.
Отпечатано на настольно-издательской системе XEROX в ИООО «Право и экономика».

ISBN 985-442-352-2

9 7 8 9 8 5 4 | 4 2 3 5 2 4